

Американская революция в женских дневниках

Книга, которую вы держите в руках, — собрание уникальных свидетельств о переломных поворотах мировой истории конца XVIII столетия, когда на картах мира появилось новое государство, известное сегодня как Соединенные Штаты Америки...

...Женщина, одетая по моде XVIII века, сидит у чердачного окна и внимательно наблюдает через подзорную трубу за боем на реке Делавэр... Затем спускается вниз, садится к столу и аккуратно описывает не только увиденное, но и фиксирует свои мысли о происходящем... И не она одна...

Нет, эти дамы — не шпионки. Они добродетельные домохозяйки, которые ведут дневники в период Войны за независимость США (1775–1783 гг.). Из-под их пера выходят не героические рассказы, а житейские наблюдения военной поры, иногда страшнее по своей сути, чем описание баталлий.

В данной книге читателю представлены несколько женских дневников, которые публикуются в России впервые.

Переводчик, составитель, автор введения и заключения, сопроводительных статей и комментариев — к.и.н., доцент факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Светлана Александровна Короткова.

*ДАННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СТАЛИ ДОСТУПНЫ
БЛАГОДАРЯ ПОЛУЧЕННОМУ ГРАНТУ
ФОНДА ФУЛБРАЙТА В 2009 г.*

*ХОТЕЛОСЬ БЫ ВЫРАЗИТЬ БОЛЬШУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ
СОТРУДНИКАМ МАССАЧУСЕТСКОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА,
ОСОБЕННО КОНРАДУ РАЙТУ —
ДИРЕКТОРУ НАУЧНОГО ОТДЕЛА
И ПИТЕРУ ДРАММИ —
ГЛАВНОМУ БИБЛИОТЕКАРЮ,
ЗА ИХ ПОМОЩЬ И ЦЕННЫЕ КОНСУЛЬТАЦИИ.*

*Американская революция
в женских дневниках*

♡ PRINCIPIMUM ♡

Москва 2014

УДК 94(73)"1775/1789"

ББК 63.3(7)

К66

К66 Американская революция в женских дневниках / Составление и перевод с английского языка С.А. Коротковой — М.: Принципиум, 2014. 384 с.
ISBN 978-5-906557-02-5

Составитель
и переводчик с английского языка
С.А. Короткова

Книга, которую вы держите в руках — собрание уникальных свидетельств о непростых поворотах мировой истории конца XVIII столетия, когда на картах мира появилось новое государство, известное сегодня как Соединенные Штаты Америки..

... Женщина, одетая по моде XVIII века, сидит у чердачного окна и внимательно наблюдает через подзорную трубу за боем на реке Делавер... Затем спускается вниз, садится к столу и аккуратно описывает не только увиденное, но и фиксирует свои мысли о происходящем... И не она одна...

Нет, эти дамы — не шпионки. Они добропорядочные домохозяйки, которые ведут дневники в период Войны за независимость США (1775–1783 гг.). Из-под их пера выходят не героические рассказы, а житейские наблюдения военной поры, иногда страшнее по своей сути, чем описание баталей.

В данной книге читателю представлены несколько женских дневников, которые публикуются в России впервые.

Переводчик, составитель, автор введения и заключения, сопроводительных статей и комментариев — к.и.н., доцент факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) Светлана Александровна Короткова.

УДК 94(73)"1775/1789"
ББК63.3(7)

© Короткова С.А. (перевод, введение,
сопроводительные статьи, комментарии)

ISBN 978-5-906557-02-5

© Оформление. ООО «Принципиум» 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

— 7 —

Часть I

25

Дневник Сары Уинслоу Деминг

— 28 —

Дневник Маргарет Хилл Моррис

— 45 —

Извлечения из дневника Элизабет Дринкер

— 95 —

Дневник Мэри Гоулд Олми

— 150 —

Часть II

170

Выдержки из дневника Грейс Гроуден Галловэй

— 176 —

Выдержки из писем Анны Роул Клиффорд

— 281 —

Выдержки из дневника мисс Анны Роул

— 284 —

Часть III

288

Дневник и письма баронессы Ридзель

— 295 —

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— 372 —

Именной указатель

— 375 —

ВВЕДЕНИЕ

В социальной истории в середине 1970 — начале 1980-х гг. под влиянием культурной антропологии произошел сдвиг исследовательских интересов к рассмотрению содержания обыденного сознания людей прошлых эпох, систем символов, обычаев и ценностей, моделей поведения. Одними из примеров этой тенденции стали описания повседневности, история семьи, обращавшиеся к тем, кто для историков остался преимущественно «безымянным» и «молчаливым» свидетелем. Был наконец услышан брошенный более полувека назад призыв Вирджинии Вулф написать историю женщин. При общем проявившемся интересе к женской теме в советской, российской историографии практически нет работ, освещающих жизнь американок во время Войны за независимость.

Так уж случилось, что наиболее распространенная память и изложение о любой войне — мужские. У каждого из них свое представление о ней. Для одних война — это сражения, подвиги, герои; для других — разрушения, холод, голод, обстрелы. Известный американский историк Горден Вуд как-то заметил, что долгое время исследователи знали Революционную войну в США только со слов лидеров. Но есть еще война, увиденная глазами простых солдат, фермеров, женщин.

Женщины видят войну иначе, чем мужчины. Женская память охватывает тот материк человеческих чувств, который обычно ускользает от мужского внимания. Если мужчину война интересовала как действие, то женщина переносила и воспринимала ее в силу своей женской психологии иначе, что находило свое выражение на страницах дневников и писем. Ряд таких исторических памятников, вышедших из-под

пера женщин, сохранил для нас их видение и понимание событий, происходивших во время Американской революции.

Эти дневники очень разные по объему, форме, характеру, настроению. Одни написаны в виде писем (С. Деминг, А. Клиффорд), другие в виде — повседневных записей (Э. Дринкер, М. Моррис, Г. Галловэй, М. Олми), третьи — в виде рассказа (Ф. Ридзель). Часть дневников, небольших по объему, приведена в книге полностью, другая представлена выдержками, имеющими отношение к Американской революции.

Все дневники написаны состоятельными и не очень представительницами протестантской церкви (большая часть документов создана квакерами), т.к. именно в этой среде у женщин была возможность получить образование, что собственно и создало условия для появления записей. Дневники объединяет не только это. Все авторы разделяют мнение о том, что война — это зло, которое приносит много горя, слез и крови. Нередки молитвы и пожелания скорейшего установления мира и спокойствия. Так, Маргарет Моррис мечтала о «благословенном периоде, когда соперничающие стороны пожмут друг другу руки, и все снова станут друзьями». Это для нее — «вершина политики и главное сердечное желание».

Большая часть записей посвящена бытописанию во время войны, и только попутно даются сведения, которые женщины получали о сражениях, столкновениях и их жертвах. Почти во всех дневниках отражены растерянность, непонимание и ужас от того, что война разделила вчерашних соседей, друзей и родственников, фактически превратилась в гражданскую войну.

Различия касаются политических взглядов их авторов. Часть записей сделана теми, кто в силу принадлежности к Обществу Друзей (квакерам)¹ занимал пацифистские по-

¹ Квакеры — (от англ. «quakers» — «трясущиеся», самоназвание — «Society of Friends» — Общество Друзей) получило в просторечии название «квакеры» 1) из-за того, что основатель Джон Фокс сказал судье: «Трепещите (Quake) во имя Господа Бога»; 2) другие считают потому, что квакеры сами «трепетали». Религиозная христианская община квакеров была основана в середине XVII в. ремесленником Георгом Фоксом, «горячо служившим одной мысли — привести людей от самодельных хра-

зиции, среди них (С. Деминг, М. Моррис, Э. Дринкер). Другая часть — отражает взгляды лоялистов (при этом, женщины часто занимали такие позиции в силу верности отцу или мужу). К таковым относятся А. Клиффорд, М. Олми, Г. Галловэй. Дневник баронессы Ридзель дает уникальную возможность посмотреть на войну глазами женщины, находящейся по другую сторону фронта. Ее муж командовал одним из полков немецких наемников в британской армии.

В целом, из записей всех дневников складывается некая общая картина женского восприятия событий Войны за независимость и места женщин в ней.

САРА УИНСЛОУ ДЕМИНГ (1722–1788) принадлежала к одной из главенствующих семей Бостона. Основатели большого рода — пятеро братьев Уинслоу переехали из Англии в Америку в начале XVII в. и поселились в Плимутской колонии. Этот многочисленный клан был вовлечен во все стороны жизни колонии, дав в XVII в. нескольких губернаторов и оставив очень заметный след в истории поселения.

Сара была старшим ребенком в семье Джона Уинслоу и Сары Пирс. Первый раз она вышла замуж за Джона Уэста, а после его смерти в 1752 г. за капитана Джона Деминга — почтенного, способного, но не очень богатого бостонского жителя: Детей у них не было. В 1769 г. Джон был дьяконом в Старой Южной церкви, а в 1771 г. стал лейтенантом в артиллерийском полку. Оба этих поста были очень почетны в Бостоне. Их дом находился в центре города. Анна зарабатывала тем, что брала к себе жить девушек на время их уче-

мов к небесному духовному храму». Квакеры, одна из сект индепендентов, отвергали кальвинистскую идею о предопределении и спасении узкого круга избранных и утверждали, что Христос пожертвовал своей жизнью во имя спасения всех людей. Поэтому в каждом человеке «присутствует внутренний, божий свет, который Господь даровал людям для спасения. Выражением его служит совесть». Этот «свет научает нас отличать вражду от любви». Божественный закон и «свет Христа» предписывают людям добрые дела, прямоту и простоту, чистоту сердца и поведения, любовь к братьям. На этом квакеры основывают свои духовные, религиозные принципы, служащие отличительным признаком их секты. Они не признают сана проповедников, они отрицают таинство крещения и причащения и всякое духовное устройство, а также всякую внешнюю церковь. Отрицая всякие религиозные формы для себя, они не отрицают их у других. Они считают свободу одним из основных прав человеческой природы и требуют ее для всех исповеданий.

бы в школе. Одной из них стала ее племянница Анна Грин Уинслоу, дочь ее брата Джошуа². «Тетя Деминг», как называла ее Анна в своем дневнике, дала ей «навыки, необходимые для хорошо воспитанной леди того времени: почерк, манеры, умение шить, вышивать, плести кружево и танцевать». Девочка описывает также «ежедневное чтение Библии ей вслух тетей Деминг», посещение «проповедей пуританских проповедников, которые выступали в Старой Южной церкви, в том числе пламенного преподобного Джона Бейкона. А также многочисленные общественные встречи»³.

Для другой своей племянницы Салли (Сары) Коверли⁴ Сара Деминг делала записи о событиях апреля 1775 г. в Бостоне⁵.

МАРГАРЕТ ХИЛЛ МОРРИС (1737–1816) вела дневник о военных событиях в Нью-Джерси для своей младшей сестры. Маргарет была десятым ребенком в квакерской семье Ричарда и Деборы Хилл. Оба родителя происходили из семей первых переселенцев Нового Света, устремившихся туда вслед за своим лидером Уильямом Пенном. Ричард был врачом и одновременно был связан с морской торговлей. Финансовые трудности вынудили его, взяв жену и новорожденного сына, уехать на Мадейру в надежде поправить дела. Всех остальных детей они оставили на попечение своей старшей дочери Ханны, вышедшей к тому времени замуж за доктора Самюэля Мура. В 1758 г., после смерти жены, Ричард вернулся в Филадельфию, где смог расплатиться с долгами. Выросшая за это время Маргарет, в этом же году вышла замуж за Уильяма Морриса, торговца бакалеей средней руки. Скуповатый муж строго контролировал все расходы жены, что приучило ее к экономии, так выручившей ее в военные годы. За восемь лет супружества в семье родилось семеро детей, из которых выжили четверо.

² Ее брат — Джошуа Уинслоу (1726–1801) — ярый лоялист был военным, судьей и политическим деятелем в Новой Шотландии (Канада).

³ Winslow A.G. Diary of Anna Green Winslow, a Boston school girl of 1771. Ed. by A. M. Earle. Boston: Houghton, 1899.

⁴ Сара (Салли) Уинслоу Коверли (1755–1804) — дочь брата Джона Уинслоу.

⁵ Deming. S.W. Journal of Sarah Winslow Deming. 1775 // The American Monthly Magazine. Washington, D.C. 1894. (January — July). Vol. IV. P. 45–49.

После смерти мужа в 1766 г., оставшись беременной с тремя маленькими детьми, Маргарет решила переехать из Филадельфии в Берлингтон, маленький городок на берегу реки Делавер (Нью-Джерси). На выбор места серьезно повлияло то обстоятельство, что там уже жили со своими семьями две ее сестры — Сара Дилвин и Милка Марта Мур. Дом Дилвинов, в котором поселилась Маргарет с детьми, раньше принадлежал Уильяму Франклину (сыну Б. Франклина), последнему королевскому губернатору Нью-Джерси. Этот большой дом стоял на высоком «Зеленом берегу» (так называлась местность), откуда была хорошо видна река. Именно здесь, в этом доме, сидя на втором этаже у окна и делала свои записи Маргарет⁶. Они относятся к периоду между 6 декабря 1776 и 14 июля 1777 гг.

Среди записей о событиях в Филадельфии во время войны есть дневник, принадлежащий перу ЭЛИЗАБЕТ СЕНДВИТ ДРИНКЕР (1735–1807)⁷. Она родилась 27 февраля 1735 г. в Филадельфии в семье квакеров Сары Джарвис и Уильяма Сэндвита, крупного купца и судовладельца. Ее предки по линии матери были выходцами из Ирландии⁸, которые покинули страну в 1688 г. Уильям Сэндвит переехал в Америку в начале 1700-х гг. Кроме Элизабет в семье была еще одна дочь — Мэри. Обе девочки посещали квакерскую школу Энтони Бенезета⁹ в Филадельфии и получили хоро-

⁶ Morris M.H. Margaret Morris, her journal. Ed. by J. W. Jackson. Philadelphia: G.S. MacManus Co., 1949.

⁷ Drinker E.S. Extracts from the journal of Elizabeth Drinker, from 1759 to 1807, A.D. Ed. by H. D. Biddle. Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1889.

⁸ Ее двоюродным дедом был Чарльз Джарвис (ок. 1675–1739) — ирландский художник-портретист, переводчик и коллекционер произведений искусства в начале XVIII в. Он писал портреты городской интеллигенции, среди которых были его друзья — Джонатан Свифт и поэт Александр Поуп (сегодня они в Национальной портретной галерее в Лондоне). Чарльз Джарвис стал модным художником, который часто упоминался в литературных произведениях того периода. На пике популярности ему удалось потеснить Готфрида Кнеллера с позиции главного художника-портретиста у короля Георга I в 1723 г.

⁹ Энтони Бенезет (1713–1784) родился в Сен-Кантене (Франция) в семье гугенотов. Из-за преследования протестантов после отмены Нантского эдикта в 1685 г. его семья переехала сначала в Роттердам, затем ненадолго в Гринвич, потом в Лондон. В 1727 г. Бенезет присоединился к религиозному Обществу Друзей. В 1731 г. семья эмигрировала в Филадельфию. Энтони Бенезет и Джон Вулман стали одними из первых американских аболиционистов. Оба были сторонниками сопротивления налоговому давлению

шее по меркам того времени образование для женщин. После смерти родителей в 1756 г. девушки жили в семье друзей, пока 13 января 1761 г. Элизабет не вышла замуж за вдовца Генри Дринкера. Ее муж, один из владельцев экспортно-импортной компании «Джеймс и Дринкер», был состоятельным человеком¹⁰. За двадцать лет, 1761–1781 гг., в семье родилось девять детей, пятеро из которых выжили. В 1771 г. семья купила просторный трехэтажный дом на Франт-стрит с видом на реку Делавэр. Во дворе размещались большой сад, конюшня и баня. Сюда переехала и незамужняя сестра — Мэри. Во второй половине жизни Элизабет была инвалидом, крайне редко покидавшим свой дом.

Практически в течение всей взрослой жизни (1758–1807 гг.), начиная с 15-летнего возраста, Элизабет вела дневник. За это время статус автора поменялся от молодой девушки до бабушки, окруженной внуками. Но эти годы — еще и очень насыщенный важными историческими событиями период жизни Америки. Поэтому несмотря на частный характер записей, дневник, по сути, стал хроникой влияния Американской революции на жизнь квакерской общины, занимавшей нейтральную позицию.

МЭРИ ГОУЛД ОЛМИ (1735–1808) внимательно следила за сражением за Род-Айленд в июле — августе

Англии. В Филадельфии Бенезет убеждал своих братьев-квакеров, что рабовладение не согласуется с христианским учением, считал, что британский запрет на рабство должен быть расширен на колонии (а затем и независимое государство) в Северной Америке. В 1739 г., после нескольких лет неудачного торгового бизнеса, Бенезет начал преподавать в школе г. Джермантауна. В 1742 г. он перешел в Английскую школу Друзей в Филадельфии (ныне школа Устава Уильяма Пенна). В 1750 г. он начал вести вечерние занятия для рабов. В 1754 г. Бенезет создал собственную школу — первую среднюю школу для девочек на американском континенте, среди учениц которой были Дебора Норрис и Салли Уистер. В 1770 г. он основал школу для негров в Филадельфии, а также первую антирабовладельческую организацию — «Общество по оказанию бесплатной помощи неграм, незаконно содержащимся в неволе». После смерти Бенезета Б. Франклин и Б. Раш восстановили его как «Общество штата Пенсильвания по содействию отмене рабства». Э. Бенезет был похоронен на кладбище Друзей в Филадельфии.

¹⁰ Генри Дринкер (1734–1809) — один из совладельцев филадельфийской фирмы по доставке товаров «Джеймс и Дринкер». Кроме того, он был владельцем железоделательного предприятия в Атшене (Нью-Джерси) и одно время владел 500 акрами земли. Он был активным помощником Школы в Весттауне и членом Попечительского совета Общественной школы в Филадельфии. В квакерской общине Филадельфии был секретарем, который вел протоколы собраний.

1778 г. и делала записи¹¹ о нем только для своей сестры Вейт Карр. Автор дневника родилась в 1735 г. и была четвертой из восьми детей в квакерской учительской семье в Ньюпорте (Род-Айленд). Ее отец Джеймс унаследовал значительное состояние. Вместе с женой Мэри Ретбан Гоулд они вели столь расточительный образ жизни, что к завещанию, после его смерти были приложены немалые счета по долгам. Трое из братьев Мэри погибли в море, один поселился на Багамских островах. Сестра Кэтрин замуж не вышла, прожив до 90 лет. Другая — Пейшенс вышла замуж за ярого представителя тори Августа Кларка, получившего в 1760-х гг. известность, как сторонник Гербового Акта. Мужем третьей сестры Вейт был мистер Карр, о котором упомянуто в дневнике. В 1762 г. Мэри Гоулд в возрасте двадцати семи лет вышла замуж за приверженца англиканской церкви Бенджамина Олми.

До 1775 г. жители Ньюпорта были в основном равнодушны к противостоянию, разделившему другие колонии. События в Массачусетсе возбудили страх и беспокойство среди лоялистов, вынудив некоторых из них бежать. Как и в других колониях, вопрос об отношении к британской власти раскалывал семьи. Мэри Олми, в силу принадлежности к квакерской общине, была противницей войны и революции, а ее муж сражался в рядах ополченцев Род-Айленда в составе армии Салливана. Но антивоенные настроения Мэри не мешали поддерживать хорошие отношения с родственниками-патриотами. Когда французская эскадра Ш. д'Эстена обстреливала город, Мэри с детьми пряталась у своего кузена Джеймса Коггешелла. В 1775 г. он получил благодаря прессе скандальную известность своим выражением патриотических чувств. «Мистер Коггешелл, придя на Длинную пристань, повернулся голой задницей к британскому пушечному бригу в порту, выкрикивая при этом бранные слова...»¹².

В 1776 г. семья Олми приобрела большой дом на Тейлиз-стрит, конфискованный у лоялиста, морского капитана Джелла Брентона. Чтобы покрыть расходы, Мэри сдавала часть комнат приезжим. В августе 1790 г. в этом доме остановился

¹¹ *Almy M.G. Mrs. Almy's Journal. Siege of Newport, R.I., August. 1778 // Newport Historical Magazine. July 1880. Vol. 1. № 1. P 17-36.*

¹² *The Newport Mercury. June 26, 1775.*

на ночь Дж. Вашингтон. Мэри Олми прожила 73 года и умерла в марте 1808 года.

Откровенно лоялистские позиции занимает на страницах своего дневника¹³ *АННА РОУЛ КЛИФФОРД (1757–1836)*. Она родилась 30 октября 1757 г. и принадлежала к семье, которая дала несколько выдающихся умов ранней истории колонии Пенсильвания в области юриспруденции. Ее прадед и дед, оба Фрэнсисы, жители Корнуолла в Англии, стали последователями учения Джорджа Фокса. За приверженность квакерским идеям в 1683 г. оба были посажены в тюрьму. Через три года, после освобождения, они решили отправиться в Америку в поисках религиозной свободы. Перед отъездом Роул-младший купил участок земли в колонии Плимут, где по приезду построил дом.

Добравшись в 1688 г. до Пенсильвании, Фрэнсис Роул-младший (1663–1727) сразу включился в религиозную и правовую жизнь колонии, начав свою карьеру с должности мирового судьи в графстве. Через год он укрепил свои позиции в этих сферах, женившись на дочери Роберта Тернера — Марте, представительнице одной из самых знаменитых семей в колонии. В 1691 г. его назначили одним из шести членов Совета графства Филадельфии, позже он перешел в Ассамблею провинции, а затем в Совет провинции.

В семье Фрэнсиса-младшего и Марты родилось десять детей. Второй сын, Фрэнсис-внук, став взрослым, купил участок земли с особняком Лаурелл-Хилл¹⁴, где поселился со своей женой Ребеккой Уорнер, на которой женился в 1756 г. За пять лет в семье родилось трое детей, старшей из которых была Анна Роул — автор дневника. Ее брат — Уильям (1759–1836) стал первым из Роулов, кто добился видного места в юридической сфере. Джордж Вашингтон, хорошо знавший У. Роула, предложил его кандидатуру на пост Генерального прокурора США и судьи Федерального суда в Пен-

¹³ *Clifford A.R.* A Loyalist's Account of Certain Occurrences in Philadelphia after Cornwallis's Surrender at Yorktown. Extracted from the Diary of Miss Anna Rawle // *The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1892. Vol. XVI. P. 103–107.

¹⁴ Больше известный как особняк Рендолфа в Фермаунт-парке.

сильвании. Но Уильям отказался, решив сосредоточиться на семейном бизнесе. Он стал первым адвокатом Пенсильвании в США и создал престижную адвокатскую контору, ныне известную как «Роул и Хендерсон» и признанную старейшей в стране. В дополнение к своей юридической деятельности Роулы были основателями и активными членами ряда учреждений Филадельфии, в том числе Исторического общества штата Пенсильвания, Американского философского общества, Университета Пенсильвании, Библиотечной Компании Филадельфии и Академии изящных искусств штата Пенсильвании. Семья тесно общалась с Бенджамином Франклином. За два года до основания своей типографии он опубликовал брошюру Ф. Роула-мл. «Пути и средства для жителей штата Делавэр, чтобы стать богатыми». Роул подсказал Франклину идею бумажных денег, которую последний отстаивал позже как средство для стабилизации экономической системы нового государства. В 1783 г. Анна Роул вышла замуж за Джона Клиффорда. В семье родилось четверо детей, из которых вышла самая младшая дочь — Ребекка.

В июне 1761 г. Фрэнсис-внук (отец Анны и Уильяма) случайно погиб на охоте. Через два года его вдова вышла замуж за друга своего мужа Самюэля Шумейкера¹⁵, тоже вдовца с несколькими детьми, из которых только сын Бенджамин переживет революцию. Во время британской оккупации города генерал У. Хоу уговорил его и Джозефа Галловэя взять на себя функции гражданского управления Филадельфией, что сделало их обоих ненавистными для патриотов. В июне 1778 г. за несколько дней до эвакуации британских войск из города, С. Шумейкер отправился вместе с королевским флотом в Нью-Йорк, взяв с собой пасынка Уильяма Роула. Миссис Шумейкер, женщина с очень сильным характером, ярая лоялистка, несколько раз обращалась к американским властям за разрешением на выезд в Нью-Йорк, пока не получила его весной 1780 г.

¹⁵ Самюэль Шумейкер — квакер, происходил из очень состоятельной семьи одного из членов Совета при губернаторе, получил прекрасное образование. Успешный торговец. С 1755 по 1776 гг. был членом Совета, членом Законодательной Ассамблеи, казначеем города, мэром Филадельфии в 1769–1771 гг., окружным и мировым судьей. Яркий лоялист, отправился вместе с армией генерала Клинтон в Нью-Йорк. Был обвинен в предательстве, его имущество было конфисковано.

После разделения семьи между миссис Шумейкер и ее дочерьми — Анной и Маргарет — шла переписка, хотя и с большими трудностями. В ней, как было распространено в то время, использовались вымышленные имена: Уильям Роул — Горацио, Анна Роул — Фанни, Маргарет или Пегги Роул — Аделаида, Салли Бердж — будущая жена Уильяма — Джульетта. Большая часть корреспонденции была перехвачена и уничтожена. Сохранившиеся письма дают представление о жизни лоялистов в Филадельфии и Нью-Йорке. Выдержки из дневника Анны Роул, который она вела для своей матери, находившейся в Нью-Йорке, описывают реакцию в обществе на появление в Филадельфии новости о капитуляции в Йорктауне генерала Корнуоллиса и великий страх среди нейтралов и лоялистов, между которыми революционные массы не видели никакой разницы, т. к. считали, что все, кто не с ними — против них, и действовали соответственно.

Дневник *ГРЕЙС ГРОУДЕН ГАЛЛОВЭЙ*¹⁶ (1727–1782) иллюстрирует вызовы, с которыми столкнулись лоялисты во время Американской революции. Ее дневник, который она вела в Филадельфии с июня 1778 г. по сентябрь 1779 г., показывает, как отсутствие мужчин в семье и тяготы военного времени изменяли повседневную жизнь женщин.

Грейс была дочерью внучкой судьи Джозефа Гроудена, который эмигрировал из Корнуолла в Пенсильванию около 1681 г., где он приобрел десять тысяч акров земли. Его сын, Лоуренс Гроуден (1694–1770), был крупным бизнесменом, землевладельцем и политиком, чье влияние было очень заметно в Пенсильвании. Он был членом Ассамблеи, Совета провинции и Верховного суда. Семья контролировала знаменитые Даремские железоплавильные печи, имела много земли и была тесно связана с большими предприятиями в Филадельфии. Гроудены были одним из восьми семейств в городе, которые в 1760 г. могли позволить себе приобрести карету.

Грейс Гроуден получила хорошее образование. Ее записная книжка и альбом со стихами свидетельствуют, что она

¹⁶ Galloway G.G., Werner R.C. Diary of Grace Growden Galloway // The Pennsylvania Magazine of History and Biography: 1931. Vol. 55. № 1. P. 32–94; 1934. Vol. 58. № 2. P. 152–189.

была сентиментальной, но склонной к темпераментным поступкам. В 1747 г., живя у старшей замужней сестры в Пуле (графство Дорсет), она влюбилась в сына начальника таможи — молодого Мильнера. Ее отец, узнав об этом, весной 1751 г. вернул ее домой и в 1753 г. выдал ее замуж за Джозефа Галловэя, блестящего молодого человека из богатой мэрилендской семьи. Оба — Грейс и Джозеф — обладали властными характерами, поэтому семейная жизнь не была безмятежной. В браке родилось четверо детей, из которых выжила одна дочь — Элизабет, или Бетси.

Джозеф Галловэй (1731–1803) родился в Мэриленде в семье Питера Галловэя — крупного землевладельца и торговца. В 1749 г. отец привез его на учебу в Пенсильванию. Юриспруденцию Джозеф изучал вместе с Уильямом Франклином¹⁷, после чего был принят в коллегию адвокатов и начал практику в Филадельфии¹⁸. С 1756 г. занимал видные позиции в правовой и общественной жизни Пенсильвании. В 1757–1776 гг. был членом Ассамблеи (за исключением 1764 г.), с 1766 по 1775 гг. занимал место спикера. Со смертью Исаака Норриса¹⁹ в течение последующих десяти лет, Джозеф Галловэй вместе с Бенджамином Франклином были самыми влиятельными людьми в политической жизни колонии. Он был активным членом фракции, которые выступали против того, чтобы Пенсильвания была собственностью семьи Пеннов, и призывал к превращению ее в королевскую колонию. Галловэй и Франклин посвятили много усилий для лоббирования в Лондоне, чтобы перевести колонию под прямой контроль короны. На протяжении всей своей карьеры он был сторонником англо-американского государства, считая, что Британская империя предложила гражданину больше свободы, чем любое другое государство на Земле.

¹⁷ Уильям Франклин (1730–1814) — внебрачный сын Бенджамина Франклина, занимал жесткие лоялистские позиции во время Американской революции.

¹⁸ *Ferling J.E. The Loyalist mind: Joseph Galloway and the American Revolution.* Philadelphia: Pennsylvania State University Press, 1977. P. 39.

¹⁹ Исаак Норрис (1701–1766) — торговец и государственный деятель в колонии Пенсильвания. Его отец, тоже Исаак Норрис, был среди тех, кто вместе с Уильямом Пенном основывал эту квакерскую колонию. В 1751–1766 гг. — спикер Ассамблеи. Его дочь Мэри была замужем за Джоном Дикинсоном (1732–1808) — автором знаменитых «Писем фермера из Пенсильвании», известным юристом и политическим деятелем периода Революции и становления США.

28 сентября 1774 г. он представил Конгрессу «План союза», который гарантировал бы колонистам «привилегии англичан» — право на представительство в парламенте и право на одобрение законов, по которым они должны жить. По проекту Галловэя, должна была быть создана американская законодательная власть, избираемая колониальными Ассамблеями на трехлетний срок. Король будет назначать президента для управления колониями и исполнения законов. Ни один закон не вступит в силу в колониях без одобрения как парламента, так и американского законодательного органа. Так колонисты смогут защищать свои права, а парламент продолжит управлять Британской империей. Хотя Галловэй считал, что эта система сохранит и свободу, и Британскую империю, она не получила широкой поддержки. Путем голосования шестью голосами против пяти Конгресс отложил рассмотрение плана Галловэя, одобрив вместо него более воинственное Постановление Суффолка²⁰, которое отрицало право парламента облагать колонии налогами и призывало к бойкоту английских товаров.

Галловэй отказался от избрания в Конгресс. В октябре в Ассамблею колонии был избран Дикинсон, который стал представителем Пенсильвании в Конгрессе. Когда Конгресс отказался напечатать проект Галловэя, он издал его самостоятельно, порицая своих читателей и Конгресс за игнорирование его правильного анализа полномочий депутатов и колониального права. В 1775 г. противостояние возросло, Галловэй был смещен с поста спикера. В 1776 г. он порвал с Конгрессом и уехал из Филадельфии с надеждой сохранить нейтралитет в конфликте.

Но зимой 1777 г. он отправился в Нью-Йорк, чтобы предложить свои услуги британской армии. 26 сентября 1777 г. он вместе с армией генерала У. Хоу вернулся в Филадельфию. Генерал назначил его гражданским комиссаром и начальником полиции. Главными задачами Галловэя были не допустить снабжения армии Вашингтона и подавить революционную активность в городе и его окрестностях. Он нанял

²⁰ Постановление, принятое лидерами графства Суффолк (Бостон был его центром) 9 сентября 1774 г., в котором был отклонен закон правительства Массачусетса и объявлен бойкот импортным товарам из Великобритании.

шпионов и полицейских для искоренения нелояльности и сумел создать эффективное управление в Филадельфии. Д. Галловэй считал, что четверо из пяти американцев предпочли бы остаться верным короне, если бы они получили действительное правительство, поэтому хотел сделать Филадельфию моделью для недовольных американцев, показав, чем они рискуют, отвергая британское правление. При его администрации наладилась торговля и снабжение города. Отряды под его командой не допускали снабжения лагеря американцев в Вэлли-Фордж²¹. При этом генерал У. Хоу отказался предоставить ему полную свободу действий — он отверг план Галловэя похитить губернатора и Совет из Нью-Джерси и идею пойти на прямые переговоры с Д. Вашингтоном, когда британцы решили оставить Филадельфию. У. Хоу понимал, что большую его часть сил в Нью-Йорке составляют американцы, и если он заключит сепаратный мир с повстанцами по Филадельфии, он потеряет Нью-Йорк.

В июне 1778 г. королевские силы покинули столицу Пенсильвании, Д. Галловэй, взяв с собой дочь Элизабет, ушел вместе с ними. В октябре отец и дочь отплыли в Англию. Как и другие богатые лоялисты, Джозеф оставил жену в городе, надеясь, что ее присутствие будет сдерживать новое правительство от конфискации его имущества. У Галловэя были основания думать так, поскольку, большую часть имущества он получил как приданое своей жены.

Надменная и гордая Грейс Галловэй не ожидала, что революция сможет изменить ее статус. Ни поведение мужа, ни его бегство не казались серьезной угрозой для нее, потому что она была Гроуден, прежде чем стала Галловэй. Политическая известность Джозефа Галловэя, бывшая когда-то источником уверенности в жизни, теперь оказалась непреодолимым недостатком. Вскоре после отъезда Джозефа правительство штата Пенсильвания начало конфискацию обширных владений предателя. Забрали имение Галловэя, а на ее собственное наследство от отца был наложен арест на время жизни ее мужа, который пережил ее на четырнадцать лет. Ее выселили из их

²¹ Место зимовки армии Вашингтона в 20 милях от Филадельфии зимой 1777–1778 гг.

особняка, и остаток жизни она прожила в съемных квартирах и во все возрастающей изоляции.

Но Грейс Галловэй не сдалась. На протяжении 1778 г. записи в дневнике показывают ее решительные попытки отделить и извлечь свое приданое из остального имущества мужа. Она консультировалась с несколькими влиятельными юристами, надеясь, что они смогут найти лазейки в законодательстве, которые позволят сохранить ее значительное богатство для дочери Бетси. Но увы! С 1778 г. и до смерти в 1782 г. миссис Галловэй очень бедствовала. Когда бывшие друзья отвернулись от нее, а люди из ее круга обобрали ее, Г. Галловэй обнаружила, как ее судьба связана с политикой мужа. В дневнике она описала свою растерянность и горечь от вторжения политики в ее частную жизнь. Джозеф не вернулся в США, Грейс больше никогда не видела свою семью. В своем завещании она оставила права на их родовое имение²² своей дочери. Американское правительство вернуло Элизабет Галловэй эти земли после смерти ее отца, но она продала их в 1848 г.

Одним из подразделений немецких наемников в британской армии Бергойна был полк брауншвейгцев под командованием барона Фридриха Адольфа Ридзеля. Его жена вместе с детьми последовала за своим мужем в Америку и сопровождала его во время всей кампании и плена. Весь свой путь с 1776 г. по 1783 г., который она назвала «дорогой долга», баронесса описала в дневнике. Она единственная из жен немецких офицеров²³ вела записи, поэтому ее дневник²⁴ является

²² Сегодня это имение (около 20 кв. км) находится в историческом парке на Ручье Нешемини рядом с г. Бесалемом (Пенсильвания). Оно называется «Особняк Гроуден» или «имение Тревоз».

²³ Из примерно 2000 женщин, которые в тот или иной момент следовали за армией Бергойна, известны всего 300 (См.: *Blumenthal W.H. Women camp followers of the American Revolution*. N. Y.: Arno Press, 1974. P. 24–25). Джон Бергойн (1722–1792) — британский генерал-лейтенант, один из командиров британских войск в ходе Войны за независимость США, писатель и остроумный драматург, дамский угодник, известный в армии как «джентльмен Джонни».

²⁴ *Riedesel F.C.L. Freifrau von, Riedesel F.A., Freiherr von, Brown M.L., Huth M. Baroness von Riedesel and the American Revolution journal and correspondence of a tour of duty, 1776–1783*. Chapel Hill, 1965.

бесценным свидетельством той войны, увиденной представительницей Европы.

Помимо военного аспекта дневник проливает свет на социальные, денежные, повседневные вопросы армейской жизни. Длительно пребывание вдали от родины заставило автора забыть о различиях между немецкими государствами, часто ее замечания носят общегерманский характер, выражают гордость за всю нацию.

Баронесса *ФРЕДЕРИКА ШАРЛОТТА ЛУИЗА ФОН МАССОУ* (1746–1808) родилась 11 июля 1746 г. в Бранденбурге-на-Хафеле²⁵ в семье генерал-лейтенанта прусской армии и главного комиссара Фридриха Великого — Ганса Юргена фон Дедофф Массоу. Ее отец, который когда-то был капитаном в полку потсдамских великанов, был особенно дорог Фридриху Великому за свои экономические способности (их унаследовала дочь). Генерал фон Массоу командовал в битве при Миндене²⁶, когда англичане со своими немецкими союзниками под руководством герцога Фердинанда Брауншвейгского, разбили французов в 1759 г. Именно в эти дни баронесса познакомилась со своим будущим мужем, офицером из кавалерии герцога. Их свадьба состоялась в 1762 г.

Фридрих Адольф Ридзель, барон Эйзенбахский, родился в родовом замке своего отца в Лаутербахе в Рейн-Гессене в 1738 г. Его мать была дочерью прусского генерала, военного губернатора Штеттина. Она хотела, чтобы сын получил религиозное образование, а отец настаивал на юридическом и дипломатическом. В 15-летнем возрасте его отправили в Марбург изучать право. Но Фридрих был равнодушен к этой науке, почти все дни наблюдая за упражнениями полка ландграфа Гессенского. Офицер, заметив его интерес, заманил его в новобранцы. Узнав об этом, отец отказался ему помогать, поэтому Фридрих всего достигал сам. Во время

²⁵ Бранденбург-на-Хафеле — город на р. Хафель, самый древний город в земле Бранденбург.

²⁶ Минденское сражение произошло во время Семилетней войны 1 августа 1759 г. на левом берегу р. Везер между британо-прусской и франко-саксонской армиями. Оно покончило с французскими планами вторжения в Ганновер.

Семилетней войны в возрасте двадцати одного года получил чин капитана. В 1765 г. он купил дом в Вольфенбюттеле²⁷, где поселился со своей семьей. За несколько лет в семье родилось четверо детей, из которых выжили две девочки²⁸.

В 1775 г. британский король Георг III начал вести переговоры о найме войск против непокорных колонистов. Брауншвейг предоставил четыре пехотных полка, один драгунский, гренадерский батальон и батальон легкой пехоты²⁹. К 1776 г. Фридрих Ридзель дослужился до чина полковника. 10 января 1776 г. он был назначен командиром первого контингента брауншвейгских войск, отправлявшихся в Америку. Тридцативосьмилетний полковник посчитал это отличной возможностью для продвижения по службе и улучшения материального положения семьи³⁰.

Брауншвейгские войска ушли из Вольфенбюттеля в феврале, некоторое время спустя Ф. Ридзель был повышен в чине до генерал-майора, и стал называть жену «миссис генерал». В начале апреля войска отплыли из Портсмута в Канаду, 1 июня высадившись в Квебеке.

У баронессы к тому времени было двое маленьких детей и ожидался еще один, но она уговорила мужа разрешить ей следовать за ним. В марте 1776 г. родилась третья дочь, а в мае баронесса с детьми в сопровождении слуги Рокеля отправились в путь. Они проехали через Брюссель, Турнеу и Сент-Омер, достигнув Кале в начале июня. Переправившись через пролив, они остановились в Лондоне по дороге в Бристоль. Однако в силу целого ряда обстоятельств семье пришлось провести в Англии зиму. Здесь их приютила в своем имении семья Расселов, которая учила детей английскому языку. Баронесса была представлена королевской семье через миссис Джермейн³¹.

²⁷ Вольфенбюттель — город в земле Нижняя Саксония.

²⁸ Всего в семье родилось девять детей.

²⁹ *Elking M. von. The German allied troops in the North American War of Independence, 1776–1783. Baltimore: Genealogical Pub. Co., 1969. P. 15–20.*

³⁰ Наемник получал первоначальную сумму денег плюс регулярные британские выплаты. Кроме того, командир получал так называемые «кормовые деньги» на провизию для своего полка. Ридзель, как говорили, сэкономил 15 000 талеров по этой статье. (*Elking M. von. Op. cit. P. 19.*)

³¹ Жена Джорджа Джермейна. Джермейн Джордж (1716–1785) — британский военный и политик, госсекретарь по делам колоний в кабинете лорда Фредерика Норта

16 апреля 1777 г. мадам Ридзель отплыла из Портсмута на торговом судне и прибыла в залив Св. Лаврентия 3 июня. Через неделю она добралась до Квебека, но ее муж был далеко в канадских лесах, готовясь к новой атаке на повстанцев. 14 июня через Труа-Ривьер, Бертье и Монреаль они добрались до Шамбли. На следующий день они наконец встретились с мужем. Через два дня генерал отправился на юг вместе с войсками. «Миссис генерал» и дети вернулись в Труа-Ривьер, чтобы присоединиться к армии, как только это станет безопасно.

В течение июня Брауншвейгцы прошли от Шамбли и Илленуа в Камберленд Хед, к реке Букет и Гроуин-Пойнт³². В июле британские и немецкие войска заняли форт Тикондерога. Затем, достигли форта Энн и форт Эдвард.

После захвата форта Тикондероги генерал Ридзель написал жене, что она может присоединиться к нему на пути к Олбани. Его адъютант, капитан Сеин Уиллоу водным путем довез семью до озера Шамплейн, через него в озеро Лейк-Джордж. 14 августа баронесса и ее семья достигли форта Эдвард на восточном берегу Гудзона. Когда армия выступила к Олбани, баронесса убедила генерала, что она и девочки могут следовать за армией. В сентябре они оказались недалеко от Саратоги.

После пленения армии Бергойна баронесса последовала за своим мужем в Бостон. После года, проведенного в штате Массачусетс³³, Ридзели уехали оттуда в ноябре 1778 г. и через Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию и Мэриленд вместе с немецкими отрядами добрались до Виргинии, где поселились недалеко от Шарлоттсвилля³⁴. Затем генерала Ридзеля было решено обменять на Бенджамина Линкольна. Ридзели не без трудностей вернулись в Нью-Йорк. Барону поручили командовать войсками на Лонг-Айленде. В 1781 г. он попросил перевести его в Канаду, где был на службе до возвращения в Европу (через Англию)

(12-й премьер-министр Великобритании в 1770–1782 гг.) во время Войны за независимость (с ноября 1775 г. по февраль 1782 г.).

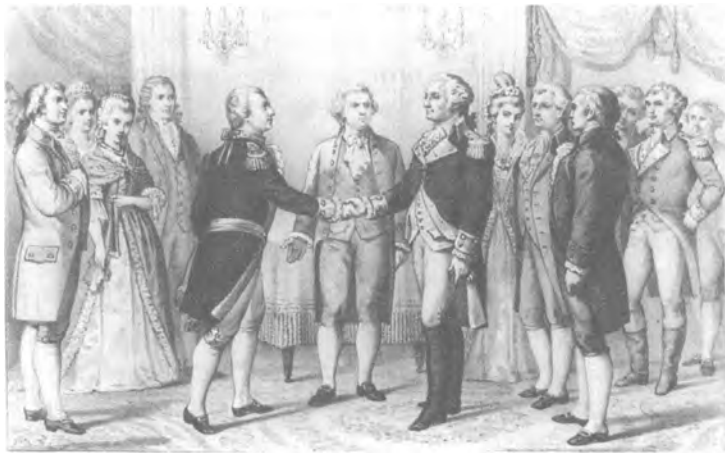
³² *Elking M. von. Op. cit. P. 16.*

³³ Ридзели жили в Кембридже в доме на Уотертаун-роуд (сегодня это Бретел-стрит).

³⁴ Там было имение Томаса Джефферсона, с которым у Ридзелей сложились дружественные отношения.

в конце 1783 г. вместе с остатками брауншвейгского войска. В 1787 г. барон получил чин генерал-лейтенанта и командовал войсками Брауншвейга в южной Голландии. Баронесса осталась дома, т. к. генерал мог часто навещать их. В 1793 г. он оставил службу, вернулся в Брауншвейг, где был назначен комендантом города. После его смерти в 1800 г. баронесса продала их дом в Брауншвейге, переехала в родовой замок в Лаутербахе, где жила до своей смерти в 1808 г.

Часть I

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА Д.ВАШИНГТОНА И Ж.ЛАФАЙЕТА
3 АВГУСТА 1777 Г. В ФИЛАДЕЛЬФИИ

В середине XVIII века, воспользовавшись тем, что англичане были заняты военными действиями против других западноевропейских стран, американские колонисты стали пренебрегать жестким контролем Лондона над жизнью колоний. Они все чаще нарушали английские законы о торговле и расширяли собственную промышленность и торговлю. После окончания Семилетней войны правительство короля Георга III издало ряд законов, направленных на ограничение развития производства в американских колониях. Опасаясь выступлений против этих актов, Англия увеличила количество своих войск в Америке (к 1775 г. их было уже около 35 тысяч).

Напряжение нарастало в течение 1760-х — середины 1770-х гг. Американцы начали объединяться в организации для борьбы с метрополией. Центром сопротивления

стал Бостон. Начиная с зимы 1775 г., конгресс Массачусетса в жарких дебатах обсуждал вопрос о создании конституционной армии, в то время как части добровольцев уже начали самостоятельную подготовку к войне. При поддержке Комитетов безопасности они создавали склады вооружения и обучали отряды милиционеров.

Генерал Гейдж, являвшийся в 1763–1775 гг. главнокомандующим британскими войсками в Северной Америке, в 1774 г. был назначен военным губернатором провинции Массачусетского залива. Из Лондона он получил приказ о проведении в жизнь «невыносимых законов» и наказании колонии за Бостонское чаепитие³⁵. Генерал знал о военных приготовлениях патриотов, приказал войскам разоружить добровольческие отряды в Конкорде и Лексингтоне и арестовать С. Адамса и Дж. Хэнкока³⁶, находившихся там.

18 апреля поздно ночью британцы выступили в поход. Но добровольцы были предупреждены несколькими людьми из Бостона и переправили вооружение в другие селения. В Конкорде и Лексингтоне по тревожному набату колокола были подняты отряды милиции. 19 апреля 1775 г. в Лексингтоне английские войска начали стрелять по американцам, убив и ранив несколько человек. Вооруженное столкновение произошло и в Конкорде, где английским солдатам пришлось отступить. Мгновенно разнесшаяся весть об этих событиях привела к мобилизации новых милицейских отрядов, которые обстреливали англичан на всем обратном пути в Бостон, нанеся англичанам немалый урон.

После этого ополченцы не разошлись, а окружили Бостон и блокировали наземный путь в город. Конгресс признал ополчение, решив включить его в начавшую формироваться Континентальную армию. В январе 1776 г. Генри Нокс по приказу главнокомандующего Дж. Вашингтона привез

³⁵ Бостонское чаепитие (Boston Tea Party, 16 декабря 1773 г.) — акция протеста колонистов против экономической политики Англии, послужившая катализатором Американской революции. Группа активистов проникла на корабли, груженные чаем Ост-Индской компании, и выбросила груз в море.

³⁶ Самюэль Адамс (1722–1803) — политический деятель, один из лидеров Американской революции; Джон Хэнкок (1737–1793) — государственный деятель, президент Второго Континентального Конгресса, первый губернатор штата Массачусетс.

на Дорчестерские высоты, господствующие над городом и гаванью, артиллерийские орудия, захваченные в форте Тикондерога. Новый британский главнокомандующий генерал Уильям Хоу, осознав, что не сможет удержать город, решил эвакуировать войска. Британцы оставили Бостон 17 марта 1776 г.

ДНЕВНИК САРЫ УИНСЛОУ ДЕМИНГ

1775 год

К ПЛЕМЯННИЦЕ САЛЛИ КОВЕРЛИ

Настоящий журнал был написан миссис Джон Деминг из Бостона,
дочерью Джона Уинслоу и Сары Пирс.

Миссис Деминг родилась 22 августа 1722 года
и скончалась 10 марта 1788 года.

Дорогая племянница!

Я обещала предоставить тебе и через тебя твоим папе и маме рассказ о моих странствиях и основаниях для них. *Причина* же их известна слишком хорошо, чтобы о ней упоминать.

Я была очень беспокойна с того момента, как мне сообщили, что в Бостон направляются *еще войска*. То, что зимовавшие здесь *не слишком досаждали* нам, правда; но я боялась *дополнительной силы* и решила, если будет возможно, выбраться за пределы их досягаемости и взять с собой из моего небольшого имущества столько, сколько смогу. Твой дядя Деминг³⁷ был совершенно со мной не согласен, отчего и произошли те трудности, которые имели ко мне непосредственное отношение, — но теперь я ни слова не говорю ему об этом; мы страдаем вместе, несомненно, такова Божья воля.

Много раз я думала, что если бы могла выбраться из Бостона вместе с моей семьей и друзьями, то удовольствовалась бы самой скудной едой и самым убогим жильем. Прочь из Бостона, прочь из Бостона почти любой ценой — как можно дальше от инфекции оспы и роката барабанов и военной

³⁷ Муж автора дневника — Джон Деминг (1721–1797).

музыки, как это называется, и ужасов войны; но ни к чему описывать мои горести — постараюсь не говорить о них.

В субботу 15 АПРЕЛЯ, после полудня мне нанес визит мистер Барроу. Я никогда не видела у него такого выражения лица.

Входя, он изобразил на лице улыбку. Я была как всегда рада его видеть — указала ему на стул, села сама, он поднялся и сел на соседний с моим стул со словами: «Позвольте мне сесть рядом с вами». Я постаралась изобразить непринужденность, которой не испытывала, и думаю, что и он тоже. Однако вскоре лицо его помрачнело; после короткого молчания он сказал мне (как я сейчас вспоминаю, несколько бесцеремонно), что «из всех реестров отобрали всю легкую пехоту и все гренадерские части и приказали им быть в минутной готовности для того, чтобы исполнить любой долг, который только прикажут; и вы знаете, что я один из них». «И вы готовы? — Да». Помолчав еще немного, он начал, без вопроса, рассказывать мне многое, хотя с тех пор я думала, что он бы прямо ответил на любые вопросы, которые бы я задала, в той мере, в которой он был посвящен в их секреты, — но я не задавала никаких важных вопросов. Несколько раз я видела, что он подхватывает платком слезы, текущие из его глаз. По временам молчание длилось несколько минут, и до, и после того, как вошел мистер Деминг. Было очевидно, что душу его тяготит какое-то тяжелое бремя. После очень короткого вступления он сказал: «Я как друг советую вам остаться в Бостоне — я думаю, он будет самым безопасным местом». «Но оспа, я боюсь оспы...» — на это он ответил что-то, что я не расслышала, как я вспоминаю сейчас — он оставался у нас до темноты, а потом вскочил и поспешно ушел. Если вам любопытно, спрашивайте меня о других подробностях его визита и о моих размышлениях после того. В общем, я решила и все еще думаю, что он оказался втянутым в службу; или вернее, в дело, которое душа его ненавидела.

В понедельник, 17 АПРЕЛЯ, мне рассказали, что все лодки, принадлежащие военным, были спущены на воду ночью в субботу, пока жители города, кроме нескольких верных караульных, которые и сообщили эти сведения, спали. Вече-

ром мистер Деминг написал мистеру Уитингтону из Дорчестера, с тем чтобы тот приехал сюда со своими экипажами в первый же ясный день (вечер *того* дня обещал на следующий день дождь — и на завтра он действительно обильно пролился), чтобы забрать наши лучшие вещи.

Во вторник вечером, 18 АПРЕЛЯ, передали, что упомянутые войска пришли в движение, экипаж военных судов на веслах подошел прямо к Чарлстонской бухте³⁸, Бартонс Пойнт и краю нашего поселения, что солдаты прошли по улицам на цыпочках (луна еще не взошла) в вечерней темноте, что в одной из лодок было множество наручников, взятых на Длинном причале, и что на борту одного из транспортных судов, стоящих в гавани, для них (военных) была приготовлена еда на два дня. Сообщили что, каких бы других дел у них не было, основная цель их состояла в том, чтобы забрать господ Адамса и Хэнкока, место размещения которых знали и они, и мы. Мы не сомневались в истинности всего этого и в том, что через перешеек и Чарлстонскую бухту отправлены сообщения, с тем, чтобы своевременно уведомить наших друзей, что они могут спастись.

N.B. В ту ночь я легла в постель только за полночь, и спала недолго, да и то сон мой был очень беспокойен, как и во многие предшествующие ночи.

Ранним утром в среду, рокового 19 АПРЕЛЯ, раньше чем я вышла из своей комнаты, ко мне стали один за другим прибегать люди, чтобы сообщить, что королевские войска открыли огонь и убили 8 из наших соседей в Лексингтоне, когда те направлялись к Конкорду³⁹.

Все новости того дня были ужасны. Почти каждое лицо выражало тревогу и горе: но это невозможно описать словами. В тот вечер я легла спать около полуночи, почти ничего не съев в течение дня, с решением покинуть город до следующего захода солнца, если только не лишусь жизни и ног.

³⁸ Одна из бухт в заливе Массачусетс, на ее берегах находился город Чарлстон — самый старый сосед Бостона.

³⁹ Сражения при Лексингтоне и Конкорде — первые вооруженные столкновения в ходе Войны за независимость, которые произошли 19 апреля 1775 г. близ г. Бостона.

К утру я погрузилась в крепкий сон, от которого мистер Деминг пробудил меня между 6 и 7 часами утра, сообщив, что теперь я узница генерала Гейджа, и что все движение в город и из него перерезано. Здесь вновь описание бессильно. Никакими словами не выразить мое горе — в эту самую минуту (всего восемь недель спустя) я чувствую его так сильно, что вынуждена остановиться, прежде чем продолжать рассказ.

Это было в четверг 20 АПРЕЛЯ. Около 9 часов утра мне передали, что путь через перешеек открыт для пеших путников, но любым экипажам запрещено пересекать рубеж. Я решила испытать свои ноги, хотя дрожала так сильно, что едва могла стоять, ничего не ела целый день, и у меня сильно болел желудок. Я увязала некоторые вещи в платок, надела плащ и уже собиралась отправиться в путь с Салли и Люсиндой (Салли — моя племянница, Люсинда — моя служанка-рабыня), когда мне сказали, что экипажам разрешили проезжать. К этому времени я настолько ослабла, что была вынуждена сесть. Мистер Сколлей, миссис Суитсер⁴⁰ и еще не помню кто, советовали мне остаться, считая Бостон самым надежным для меня местом, но я не верила их мнению. Мне говорили, что Бостон станет Акелдамой⁴¹, как только сюда придут свежие войска, чего, как сказал мне мистер Барроу, ожидали с минуты на минуту. Поэтому я заклинала мистера Деминга достать мне экипаж. Я тогда узнала, что экипажам проезжать разрешено, и они могли бы увезти меня вместе с моими напуганными девочками и высадить где угодно за пределами Бостона. Он некоторое время ходил туда-сюда и, вернувшись, сообщил, что экипаж невозможно найти ни за что на свете. О, может ли кто-то, не переживший этого, понять мои чувства! Конечно же, нет. Мистер Д. уселся в мягкое кресло и сказал, что не в силах больше сделать ни единого шага. Я ожидала, что с Салли вот-вот случится истерический припадок. Люсинда держалась, цепляясь за все, что могла. Тем не менее, я попросила ее принести нам капли эликсира, и когда мы выпили их вместе с небольшим коли-

⁴⁰ Соседи семьи Деминг.

⁴¹ Акелдама, «земля крови» — поле близ Иерусалима, купленное на деньги, полученные Иудой за предательство.

чеством вина, смешанного с водой, которая как раз закипела, я снова взмолилась, чтобы мистер Д. разрешил нам попробовать выбраться из города пешком. Он сказал, что теперь он согласен и проводит меня, но сам вернется обратно. Не буду описывать мои чувства. *В этот момент* я подумала, что этот кризис дошел до своей самой критической точки; я не выходила за пределы города с прошлого октября; я спустилась вниз и вышла на угол улицы, где встретила и поговорила с несколькими Друзьями, примерно столь же несчастными, как я; и через несколько минут я увидела свет дилижанса, который и наняла, чтобы он увез меня на его обратном пути из Роксбери, куда он направлялся с женщинами и детьми, и это несколько ободрило меня. До возвращения дилижанса мистер Деминг нанял другой, и пока мы ждали, я могла бы собрать множество необходимых вещей — но никто в этот день не занимался делом, все постоянно приходили и уходили; все мешали друг другу; один за другим принесли рассказ о каком-то новом случае солдатского варварства, имевшем место накануне; я очень плохо себя чувствовала; но, коротко говоря, около трех часов пополудни дилижансы вернулись (поскольку оба они направлялись в Ямайка-Плейн⁴² с женой, детьми и служанкой мистера Уотерса, который нанял их первым; а один из дилижансов принадлежал его брату Томсону, и этот мистер Томсон предложил его мистеру Д., пока дилижанса не было, и пообещал, что когда дилижанс вернется, то достанется нам). Мы немедленно отправились: мистер Д. и я в одном, и Салли, Люсинда и Джемми Черч в другом. На первой и второй заставе нас остановили и допросили, имеем ли мы с собой оружие и т.п., но они обошлись с нами вежливо и не обыскивали нас. На третьей и последней заставе нас не расспрашивали, так что мы благополучно преодолели рубеж. Мы не решили, куда отправиться. *В этом* мы напоминали Авраама, и я страстно желала бы иметь часть его веры.

Мы покинули город разрушения; таким мне виделся Бостон, и все же я не могла не молить Бога о том, чтобы он сжалился и пощадил многие тысячи несчастных созданий, ко-

⁴² Ямайка-Плейн — поселение, основанное пуританами, которые искали землю для сельскохозяйственных занятий к югу от Бостона. Сначала был частью города Роксбери. В 1874 г. после присоединения Роксбери к Бостону стал его частью.

торые остались позади. Однако я не оглянулась по подобию Лотовой жены. Я вовсе не ликовала от побега. Я помню свои чувства, но не могу описать их.

«Какой дорогой вы поедете?» — спросил мистер Деминг. — «Пусть решит конь», — отвечала я. Конь отправился по Роксбери-стрит, дорогой, которой он недавно ходил. Когда мы достигли Грей-хауна, мальчишка, который выехал с нами из Бостона и который в основном держался нас, хотя и опережал иногда, подбежал к нашему экипажу с самым радостным выражением и вскричал: «Сэр, сэр! Мэм! Пушки!» — «Наши пушки подходят — прямо сюда, по дороге», — рассказал мне человек, видевший их. То, что было причиной его радости, напугало меня, и я только сказала Льюису: иди домой к отцу и отпусти нашего коня, — так что мы расстались. На холме Роксбери мы встретили маленькие отряды людей, старых, молодых, а также средних лет, некоторые были с дудками и барабанами, в целом, наверное, до сотни, и все с выражением некоторой приятной успокоенности на лицах. Мы встречали такие отряды на всем пути, и это навело на меня на мысль об овцах, идущих на убой. Прежде чем мы выбрались из города, начал моросить дождь, а теперь он стал сильным; я была очень чувствительна к сырости, это добавилось к моим страданиям, и мне стало трудно дышать. На Ямайка-Плейн мы встретили мистера Бейкона, он остановился лишь на мгновение, чтобы сказать, что миссис Бейкон в Дедхеме — «И я советую вам не останавливаться, пока не будете вблизи этих мест». Но по многим причинам мы не могли и думать о том, чтобы уехать так далеко в этот день. Мистер Деминг решил высадить меня на Ямайка-Плейн, вернуться в Бостон и на следующий день вывезти все, что можно, из наших вещей и продолжить заботиться обо мне, но он твердо хотел отправиться обратно в город, как только он высадит меня где-нибудь. Сейчас я думаю, что мне очень повезло.

Когда мы проезжали почти мимо дома мистера Гордена, он увидел нас, узнал и бросился к нам. «Куда вы направляетесь, друзья мои? — Не знаю, сэр», — как мне кажется, отвечала я. Мистер Д-г сказал в то же время: поместить эту испуганную женщину (я помню, что он сказал так) в какой-нибудь дом, думаю, к мистеру Уэлду. «Входите, входите, — сказал он, — теперь все дела общие. Я отправил миссис Горден в Дедхем,

перевожу вещи так быстро, как только могу, но у нас достаточно кроватей, чтобы переночевать. Дети, выходите», — обратился он ко второму экипажу. «Выходите, миссис Д-г, я сам помогу вам — входите, не мокните. Я рад видеть вас выбравшимися благополучно. Господь, сохрани тех многих дорогих людей, что остались позади! Входите, да поможет нам Господь!» Мистер Д-г сказал: «Я должен немедленно вернуться — я одолжил экипажи, которые нужны владельцам, я обещал вернуть их — сегодня вечером они должны снова отправиться в путь». «Что ж, езжайте, я буду изо всех сил заботиться о моей подопечной». Наши мелкие вопросы были разрешены, мистер Д-г вскочил в один экипаж, Джемми Черч в другой, и мне хотелось остановить одного из них и зарыдать ему вслед: я никогда больше не увижу тебя, — но они уехали и скрылись из виду, я твердо убеждена, всего лишь через пять или шесть минут после того, как мы вошли в дом. Мистер Горден, с которым я до того встречалась лишь однажды (недолго в гостях у полковника Джексона), обращался со мной как любезный и давний друг, успокаивающе говорил со мной, но буря в моей душе превосходит всякое описание — я села, потому что не могла стоять, — пришла миссис Уотерс с просьбой от ее матери, чтобы я зашла к ним (она жила по соседству, а между ними был молитвенный дом). Дождь к тому моменту кончился; мистер Горден был занят тем, что собирал и нагружал повозки мебелью и прочим. Я отправилась к миссис Уитвелл. Бедная дама! Она только что осталась безутешной вдовой. Я ожидала вскоре оказаться в том же положении, с той только разницей, что у меня не было ни сына, который бы мог утешить или оплакать меня, ни даже самого пустячного количества богатств этого мира. Мое маленькое блюдо, немногочисленные драгоценности и чуть-чуть денег, да немного одежды — вот и все имущество, что я могла назвать своим, — но мне кажется, в то время я об этом не думала — мистер Деминг попросил меня нанять дилижанс-повозку из Провиденса, если я увижу ее. Таковую я не видела вовсе. Когда я шла от дома миссис Горден к дому миссис Уитвелл, мимо проезжал экипаж, я остановила его и наняла целиком для себя, девочек, миссис Горден и мисс Сары Мэйсон, которая в эту минуту приехала к нам с братом в легком экипаже и вышла на Ямайка-Плейн (священник Мэйсон должен

был ехать в Дедхем за своими дочерьми, которые находились в доме доктора Спрейгса, одна из них с миссис Филлипс, не имея никакой одежды помимо той, что была на ней).

Экипаж направлялся в Бостон, человек пообещал заехать к мистеру Д. за дорожными сундуками, каковое обещание он не смог исполнить, поскольку три часа спустя въезд и выезд из города были перекрыты, и он вместе со своим экипажем остался внутри. Так что больше я их не видела. Вечером мистер Горден рассказал мне, что он ожидает того, что генерал Гейдж пошлет несколько отрядов своих войск, чтобы прогнать наших, большое число которых собралось к тому моменту в Роксбери. Что была вероятность, что они будут грабить и жечь на своем пути. Что ему угрожали смертью (о чем я знала) за его службу на День Благодарения — так что они, конечно, в поисках его придут в его дом и уничтожат все, что найдут. Что он считает своим долгом изо всех сил заботиться о безопасности всех нас и намеревается по первой тревоге взять мой маленький сундук — ценный, как сказал ему мистер Д., и несколько других ценных предметов, принадлежащих ему и некоторым из нас, в свой экипаж, поскольку колясок было не достать. Он нашел осмотрительного человека, чтобы он сопровождал нас, женщин, под своей охраной через поля и по некоторым известным ему дорогам и довез до Дедхема; где мы все могли бы встретиться и дальше совещаться о нашей общей безопасности. Двое мужчин должны оставаться в его доме, а двое других должны отправиться верхом ночью, чтобы посмотреть за движением врага и привезти сведения. Он сказал, что нам следует предать себя и наше дело в руки Господа и отдохнуть первую часть ночи, потому что мы, возможно, зависим от нее — генерал не вышлет солдат, прежде чем взойдет луна. Не испытываю уверенности в том, что я нуждалась в этой части предсказания для того, чтобы мы всю ночь то и дело просыпались. Я видела, как луна появилась и пошла своим путем. Как только показался свет-дня, начали бить барабаны; ибо более пятидесяти человек лежали со своим оружием в молитвенном доме и школе всю ночь.

Я встала вместе с солнцем в пятницу, 21 АПРЕЛЯ. Всего лишь через пару минут после того, как я спустилась, вошел мистер Горден и рассказал нам, что Бостон наглухо заперт

и что мистер Уотерс, который должен был выехать из города прошлой ночью, заперт внутри. Итак, мы, женщины и дети двух несчастных семей, остались предоставлены самим себе. Мы посчитали, что сидеть на равнине никак не безопасно. Каждая семья, о которой мы хоть что-то знали, уехала или уезжала. Мисс Сара Мэйсон и я стояли по очереди и иногда вместе на дежурстве у двери или перед дверью, пытаясь заполучить любую повозку до Дедхема, который был на шесть миль дальше от Бостона. В конце концов мы случайно встретили повозку, запряженную одной лошастью, и возница согласился посадить нас всех и отвезти к Эймсам. Мы побросали внутрь наши узлы, и одна из нас уже забралась внутрь повозки, когда пришел капитан Чайлд из Пикокка и рассказал нам, что экипаж Пэддока не пропустили в Бостон и что он наймет его для нас, чтобы отвезти нас туда, куда мы только захотим, — что он находится всего в четверти мили от нас и что там нам будет удобнее, чем в повозке. — Из нее наши вещи были вынуты, и мы начали видеть и осознавать благое Провидение. Мистера Гордена не было дома, мы не знали где, — но он пришел за нами. Он знал, что мы, в нашем плачевном положении, ничего не желали так сильно, как покинуть его гостеприимный дом.

Он ходил навестить и в меру своих сил утешить миссис Уотерс и ее детей. Он обнаружил, что экипаж Пэддока тянул только две лошади, и договорился с его кучером взять нас всех, вместе с миссис Горден, которую он должен был забрать от миссис Хевенс, и отвезти нас в Провиденс за 12 долларов. Это соглашение было заключено до того, как капитан Чайлд подошел к вознице. Но дело было улажено, как раз когда он появился, только мистер Горден прибавил к нашей компании миссис Уотерс и ее семью. Итак, теперь он пришел домой и рассказал мне, что сделал, сказал, что мы должны остаться пообедать, а потом мы поедem. Я не хотела обедать, но не желала лишать обеда остальных; поэтому, поскольку к тому времени уже было больше 12, мы решили помедлить. Прежде чем мы отправились, нам рассказали, что дом Еноха Брауна на Бостонском перешейке был разграблен солдатами, и что они его сносили (что, однако, было закончено только несколько дней спустя). Мистер Уотерс бежал из Бостона и прибыл к нам за несколько минут до нашего отправления, и он рассказал мне, что ночевал прошлой ночью с мистером Демин-

гом у миссис Солейс, что мистер Деминг в добром здравии и, как он думает, постарается выбраться. Это все, что я смогла узнать о нем или от него в течение нескольких недель. Мистер Уотерс был очень благодарен мистеру Гордену за заботу, оказанную им его семье, дал миссис Уотерс письмо к другу в Провиденсе, умоляя позаботиться о ней и ее домашних до того момента, как он сможет последовать за ними, — поскольку он должен был сначала отправляться в Уоберн присмотреть за своими отцом и матерью, которые бежали туда днем раньше. У меня же не было никого, кто мог бы написать для меня письмо. Не было у меня и мысли о том, чтобы положить на кого-либо знакомого там. Я поистине не знала, что делать. Я бежала от смерти — и все, что лежало предо мной, была, как говорится, мрачная неопределенность.

Когда мы остановились в Дедхеме, чтобы освежить коней, один человека сказал нам, что был с другими на высоком холме и различил в направлении Маршфилда дым, который, как они заключили, означал, что этот город горит. Прежде чем покинуть долину, я слышала, что наши захватили людей генерала Гейджа, которые располагались там зимой, и поэтому боялась, что эта догадка может быть правдива. Никто не пошел смотреть или спрашивать. И мы продолжили наше путешествие, забрав миссис Горден, и теперь нас было 12 человек; везли нас две лошади; 9 сидело внутри экипажа, а именно: миссис Горден, мисс Мэйсон, миссис Уотерс, два месяца назад лежавшая в родах (она родила дочь), трое ее детей и толстая служанка, Салли и я, — не считая человека на козлах рядом с кучером и Люсинды сзади. Все мы благополучно добрались до Уолпола примерно на закате и устроились там на ночь. Весь вечер можно было наблюдать свет, который, как говорили, шел от горящего Маршфилда, что по очевидным причинам, как я знала, не могло быть правдой, хотя домочадцы дома, где мы разместились, тоже говорили, что свет был со стороны Маршфилда. Однако я боялась, что дома могут обстрелять, а также леса, из-за которых, возможно, свет и продолжался так долго. Мой брат⁴³ жил в доме генерала Уинслоу⁴⁴ — сыновья генерала Уин-

⁴³ Джошуа Уинслоу.

⁴⁴ Джон Уинслоу (1703–1774) — был офицером во время Семилетней войны.

слоу отвратительно обходились с людьми — храни Господь моего брата и всех домашних его, — это была моя постоянная, пусть и произносимая только в душе, молитва.

Этой ночью я спала очень мало, и проснулась вскоре после рассвета, субботним утром 22 АПРЕЛЯ. Начался очень сильный дождь, и было сочтено бесчеловечным пускаться в путь с моей девушкой снаружи экипажа, так что мы договорились, что часть нашей компании отправится вперед в Рентхем и будет оставаться там, пока экипаж вернется и привезет вторую часть из нас. Я и мои девушки с миссис Уотерс принадлежали ко второй части. Когда экипаж вернулся, кучер сказал нам, что пока он привязывал лошадей в Рентхеме, пришел человек и сообщил, что генерал Гейдж и Адмирал, в отместку, как полагали, за свое поражение у Конкорда, и прихватив солдат в Маршфилде, отправили военные корабли в Плимут, пока жители города отсутствовали, и сожгли весь город в пепел, — это и был свет, который мы видели на протяжении столь многих часов прошлой ночью. Это показалось мне вероятным, мое воображение взяло верх над рассудком — я немедленно заключила, что повсеместная резня также имела место и в Бостоне — о, это было чересчур! Если бы я могла умереть от страха и тоски, без чудесной поддержки с небес, конечно, я бы умерла тогда. Я заключила, что на всем белом свете у меня нет ни мужа, ни брата, ни сестры, ни племянника, ни племянницы, кроме Салли. О, это был ужасный день — но меня ожидали еще более ужасающие неправды, которые я должна была услышать и от которых страдать. Не знаю ни того, как я попала в экипаж, ни по большей части того, что происходило на дороге, — когда экипаж остановился в Рентхеме, наши два священника Мэйсон и Филиппс вышли из дома и помогли нам выбраться. Они сказали мне, что надеются, что история про Плимут была ложной, и привели свои резоны. Это несколько ободрило меня; так что я позавтракала около 4 часов пополудни небольшим количеством мелко порубленной телятины, прежде чем мы тронулись. Прибыли миссис Уитвелл (вдова) и вскоре после нее миссис Горден, никто из них не слышал ни слова о Плимуте, а они обе покинули равнину в тот день — это была передышка в моих страданиях, если я могу так сказать — священник Мэйсон отвел

меня в сторону, прежде чем мы расстались, и рассказал, что на следующей неделе он собирается в Норидж, и что в данных обстоятельствах мне тоже было бы лучше отправиться туда. Он сказал, что предлагает встретиться со мной в Провиденсе вечером в понедельник или во вторник, и тогда мы посоветуемся. В дальнейшем я видела его в Провиденсе, но только когда для меня был придуман другой план, в устройстве которого я, как мне кажется, принимала мало участия, если вообще сколько-нибудь. Мы отправились в Эттлборо почти в сумерках, и там мы расстались с мистером и миссис Горден, он должен был на следующий день проповедовать там с кафедры. *[ЭТОТ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ РАСПОЛОЖЕН В ЛЕВОМ НИЖНЕМ КРАЕ СТРАНИЦЕ И НАПИСАН ПЕРПЕНДИКУЛЯРНО НА ПОЛЯХ]*. В понедельник в Провиденсе он нанес мне визит; вместе с президентом Мэннингом и его женой.

Воскресение, 23 АПРЕЛЯ, стало 4-м днем моего паломничества; мы только встали после — для меня еще одной почти бессонной — ночи, когда вошли несколько человек и сказали нам, что наши убили (мне кажется, они сказали «прирезали») всех до единого солдат и тори в Маршфилде. Я выразила надежду, что это ошибочное донесение. «Вы надеетесь на это, мэм!» — вскричал один. «Да, именно так: ибо если это правда, я думаю, что это было очень грешно; потому что вы говорите, что они не сопротивлялись; и я боюсь, что если дело обстоит так, как вы говорите, то мы тяжко обидели Господа, так как не вижу, чтобы для него это могло бы быть лучше убийства». Говорили еще — но я ушла от них, и мы вновь сели в экипаж и достигли Провиденса под звон колоколов на утреннюю службу. Мои чувства при въезде в город — настолько отличные от тех, что я испытывала прошлым летом, в настолько других обстоятельствах, — теперь могут существовать только в памяти и воображении. В последнем никто не может меня превзойти, так как у меня было чрезвычайно острое осознание моего положения, когда экипаж остановился у трактира Ричарда Ани, и его окружила толпа. Среди прочих там был и хорошо одетый, приятного вида джентльмен, который весьма пристально посмотрел на меня и, протолкнувшись через толпу, положил руку на

дверцу экипажа и, продолжая смотреть на меня, сказал: «Позвольте мне помочь вам выйти, мадам». «Вы капитан Коллинз из Ньюпорта, сэр?» — «А вы моя тетя Деминг?» — спросил он в то же время. Увидеть его было для меня утешением. Я подала ему руки. «О, мадам, — сказал он, — я очень рад видеть вас здесь. Я провожу вас внутрь. Я бы отправил вас прямо к вашей племяннице (старшей дочери мистера Эвери) в Ньюпорт, но я намереваюсь вывезти ее с нашими детьми с Острова» — и он рассказал мне, почему. «Однако, — сказал он, — я сделаю для вас все, что в моих силах», — и я не сомневаюсь, что он сказал это искренне. Я недолго пробыла в трактире, когда пришел мистер Хауэлл, преподаватель колледжа, спросить, кто прибыл в экипаже. Он женился на молодой особе, которая была раньше моей пансионеркой. Что ж, они пригласили меня к ним в дом и не приняли бы отказа, если бы я была расположена отказать. Салли Хилл, моя старая соседка, в то же время убеждала меня пойти в дом ее брата, которого я встретила на дороге и от которого получила чрезвычайно любезное приглашение, — но мы расстались — Салли Уинслоу отправилась с Салли Хилл — я с Люсиндой приняла приглашение мистера и миссис Хауэлл. Я крайне устала, глаза мои так опухли, что я с трудом открывала их, левый глаз был совершенно налит кровью, как это говорится; я подхватила сильную простуду, все мои члены были как будто вывихнуты. Но до ночи новостям о Плимуте и Маршфилде пришло счастливое опровержение — так что, продолжая надеяться на Бога, в ту ночь я отправилась в постель с некоторым успокоением и действительно спала до следующего утра, которое было утром.

Понедельника, 24 АПРЕЛЯ, когда около 6 часов меня разбудили известием, что меня искал молодой эсквайр Грей из Уиндхема. Он был верхом и поэтому не мог подождать, пока я оденусь, но передавал мне поклон и сказал миссис Хауэлл, что снова заедет повидать меня через несколько дней. Он был в Бостоне и у нас дома в прошлый понедельник.

В этот день ничего существенного, касающегося меня, не происходило до самого вечера. Меня посетили и утешали множество Друзей. Несколько раз я видела капитана Коллинза, и он придумывал план для меня. Но Ассамблея засе-

дала, а он был членом Совета. Несколько семей готовились отправиться в южные провинции, и на следующий день четыре из них уехали. Кругом была суматоха — но в тот день не было никаких шокирующих новостей. — К вечеру в город приехали мистер и миссис Бейкон с дочерью. Мистер Бейкон пришел навестить меня. Расспрашивал о моих намерениях и проч. Я честно ответила ему, что не знаю, что делать. Что у меня была мысль отправиться глубже на континент. Попытаться устроить Салли в какую-нибудь семью, где бы она могла заработать себе на хлеб. И сделать что-нибудь подобное для Люсинды; или отдать ее на сторону за жалованье. Что, когда я покидала равнину, у меня оставалась некоторая надежда, что я могу получить весточку от мистера Деминга, пока буду оставаться в Провиденсе; но что от этой надежды осталось мало. Что я решила оставить это место неразберихи как можно скорее, но что мысли мои были сломлены и я не могу решиться. Коротко говоря, что я чувствовала себя странницей и не знала, что делать. Капитан Коллинз действительно думал обо мне, но, зная что у него много других дел в голове, сердце и руках, я не хотела увеличивать его заботы; и хотела бы уехать как можно скорее. Мистер Бейкон посоветовал мне отправиться в Коннектикут — как раз то, чего я желала, и я упомянула предложение священника Мэйсона, но он еще не приехал в город.

Мистер Бейкон сказал, что посоветовал бы мне на некоторое время отправиться в Кентербери, его родное поселение. Что он даст мне письмо к своей сестре, которая тепло меня примет и будет ласково заботиться обо мне, и что он последует за мной туда через несколько дней. Что все мое имущество отправится со мной, и если Господу будет угодно собрать всех нас там, то тогда мы посоветуемся, что делать дальше. Но что он знает, что там я могу найти убежище на более или менее долгое время. Я уступила. И правда, это было лучшее, на что я только могла надеяться. И теперь нам нужно было только придумать способ нашего путешествия. И в этот момент вошел сосед Уотерс и, услышав, о чем мы разговариваем, захотел составить нам компанию, сказал, что он направляется в город в глубь страны и проч., и мы договорились на следующий день нанять экипаж в Провиденсе и поехать.

Во вторник, 25 *АПРЕЛЯ*, мы отправились в путь, миссис Уотерс с детьми и служанкой, Салли с Полли Бейкон (дочь мистера Бейкона от предыдущего брака) и я в экипаже и, как обычно, Люсинда позади. Вечером того дня мы прибыли в Воллинтаун в Коннектикуте. Я могла бы сказать, что мы покинули Провиденс в 10,5 часов утра. На следующее утро около 11 часов все мы благополучно прибыли в Кентербери, и это была среда, 26 апреля, 7-й день моего путешествия.

Молодая армия колонистов в марте 1776 года одержала свою первую крупную победу — был взят Бостон, столица Новой Англии. После эвакуации оттуда главные британские силы сконцентрировались в Нью-Йорке, куда в июле подошла огромная эскадра — около пятисот кораблей с 35 тысячами солдат на борту. У генерала Вашингтона было лишь около восемнадцати плохо обученных волонтеров. Неудивительно, что летом и осенью американская армия потерпела серию тяжелых поражений в Нью-Йорке, и ей пришлось отступить на юг, в штат Нью-Джерси.

После захвата Нью-Йорка в сентябре 1776 года британские войска под командованием генерал-майора графа Чарльза Корнуоллиса начали преследовать Континентальную армию на территории Нью-Джерси. 6 декабря 1776 г. в Нью-Брансуике к отрядам графа присоединился отряд под командованием генерала Уильяма Хоу. Подразделения американцев вынуждены были уйти за реку Делавэр в Пенсильванию, забрав с собой все плавучие средства на несколько миль вверх и вниз по реке.

Генерал У. Хоу, оставив гарнизоны от Берлингтона до Нью-Йорка, отвел основное войско на зимние квартиры в район Манхеттена. Распыленные силы англичан дали возможность Дж. Вашингтону бить их по частям.

Победа отряда (около двух с половиной тысяч человек) патриотов, переправившихся в рождественскую ночь через реку, над гессенцами в Трентоне под командованием полковника Ролла, подняла моральный дух американской армии. Эта победа заставила генерала У. Хоу выслать 6 тыс. солдат на помощь немецким наемникам. Оставив две тысячи

в Принстоне, генерал Корнуоллис трижды без особого успеха атаковал 2 января 1777 года позиции противника. Ночью Дж. Вашингтон отвел основные силы к ручью Ассанпинк, отправив отряд бригадного генерала Хью Мерсера на Принстон. Джон Кадваладер, возглавивший американский отряд после гибели Мерсера, 3–4 января занял Принстон. Основные силы англичан ушли в Нью-Йорк, оставив сторожевые отряды в Нью-Джерси. После этого Дж. Вашингтон отвел свои отряды на зимние квартиры в Морристаун. Всю зиму шла так называемая «фуражная война», с многочисленными стычками отрядов противников, ищущих пополнения запасов для своих армий. Самым значительным среди них было сражение у Каменной мельницы 20 января 1777 г.

Летняя кампания 1777 года началась с нападения четырех тысяч англичан и гессенцев на отряд в Баундбруке, который прикрывал мосты через реку Раритан, ведущие к Морристауну. Американцы отвоевали позиции, но их главнокомандующий понимал всю их уязвимость. Поэтому 28 мая 1777 г. большую часть своей армии он отправил на север в Миддлбрук, хорошо защищенный двумя цепями гор Ватчунг (или Голубыми холмами), а часть оставил в Принстоне. Весь июнь У. Хоу пытался сбросить американцев с гор или выманить их на равнину, чтобы провести генеральное сражение. 12 июня генерал двинул восемнадцатитысячное войско из Нью-Брансуика через Баунд Брук на Сомерсет, 19 июня внезапно отошел к Питскатевею, 26 июня попытался напасть на американцев у Шорт-хиллз. Потерпев везде неудачи, британский главнокомандующий посадил свои войска на суда и отправился в Чесапикскую бухту, чтобы взять Филадельфию с юга. 2 июля Дж. Вашингтон повел свою армию в Пенсильванию.

ДНЕВНИК МАРГАРЕТ ХИЛЛ МОРРИС

6 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Будучи в гостях у моего друга М.С. в Хаддонфилде, я собиралась вернуться к своей семье, когда один незнакомец из Филадельфии сообщил нам, что тамошние жители пребывают в великом беспокойстве; что английский флот появился на реке Делавэр всего лишь в часе ходьбы от города; что жители в срочном порядке покидают Филадельфию и что, как оказалось, некоторые отцы города склоняются к мысли поджечь его, но Конгресс не позволил осуществить им это ужасное намерение. Когда я услышала это известие, мое сердце едва не остановилось, я молила Господа, чтобы он не наказывал невинных вместе с виновными; я бы хотела, чтобы среди нашего народа появились заступники наподобие Лота и Авраама. Когда я отправилась домой, до меня дошли слухи, что обитатели нашего маленького городка спешат оставить его; и что мои ближайшие соседи уже покинули свои жилища. Когда мне это сказали, я почувствовала слабость и была близка к обмороку. Я думала о моей Саре Диллвин⁴⁵, возлюбленной подруге моих вдовьих дней — ее муж находился на расстоянии в несколько сотен миль от нее. Также я размышляла и о своем одиночестве: нет мужа, чтобы подбодрить ласковым словом мой слабый дух. Одним словом, маленькое стадо без Пастыря, готового подсказать, как поступить. Все эти мысли теснились в голове, и я чувствовала себя покинутой всеми. Я заплакала и это помогло. Я ощутила робкую

⁴⁵ Сестра Маргарет, которая в 1759 г. вышла замуж за Джорджа Диллвина, видного миссионера и проповедника Общества Друзей (квакеров).

надежду, что Господь, который и прежде поддерживал меня в горестях, не оставит меня и в этот раз. Пока я лелеяла эту надежду, уверенность вернулась ко мне. Я не чувствовала ничего, кроме смиренной покорности перед Божественной волей. Господь сделал так, что к моему прибытию родные были в полном здравии и не очень напуганы. За что я была Ему по-настоящему благодарна.

7 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Соседке пришло письмо от мужа, находившегося в то время в лагере филадельфийского ополчения, в котором он просит ее как можно скорее покинуть дом. В город прибыло много людей, которые рассказали, что британские войска выступили против нас⁴⁶.

8 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Каждый день начинается и заканчивается одними и теми же известиями: мы узнали сегодня, что британские соединения заняли Трентон, некоторые наши соседи покинули город, другие собираются это сделать, отчего побережье⁴⁷, на котором мы живем, выглядит пустынным. Однако наша вера в Провидение все еще непоколебима, и мы даже не заикаемся о том, чтобы уехать с семьей из города.

⁴⁶ Британские войска под командованием генерал-майора лорда Корнуоллиса находились в Нью-Брансуике (Нью-Джерси), где ждали прибытия главнокомандующего генерала Уильяма Хоу с дополнительным контингентом войск. 7 декабря объединенные силы пошли двумя колоннами на Принстон, одна — под командованием полковника Карла Эмиля Курта фон Донопа из корпуса стрелков, вторая — лорда Корваллиса. В восточной Пенсильвании господствовал страх, Конгресс готовился к переезду в Балтимор. Вице-президент Совета безопасности Филадельфии, Дэвид Риттен Хоуз, будучи уверенным в том, что англичане движутся на столицу Пенсильвании, 8 декабря распространил призыв к командирам пенсильванских батальонов идти на помощь городу. (См.: *Stryker W.S. The battles of Trenton and Princeton. New Jersey heritage series, № 3. Spartanburg: S.C., Reprint Co., 1967. P 15–16.*)

⁴⁷ «Зеленый берег» на реке Делавэр (г. Берлингтон, Нью-Джерси), где находился дом, в котором жила Маргарет (бывшая резиденция последнего королевского губернатора колонии Уильяма Франклина).

9 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Этот вечер мы провели в компании нашего верного друга и брата Ричарда Уэллса⁴⁸. Его любовь к нам поистине велика.

10 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Сегодня наша любезная подруга Э. К.⁴⁹ пригласила нас к себе, чтобы попрощаться. Мой брат Ричард Уэллс также покинул нас, но вернулся менее чем через час, рассказав, что не смог уехать, потому что гессенские наемники вошли в город. Но, как оказалось, никаких войск в городе не было, и мы уговорили его уехать на следующее утро, что он и согласился сделать, после того как предупредил нас о том, что гессенцев следует ожидать уже через несколько часов. Последние два дня несколько вельботов несли вахту на реке⁵⁰ перед городом.

11 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

После нескольких сообщений о приближении легкой кавалерии люди в городе получили известие, что большое количество гессенских наемников вошли в Бордентаун⁵¹, и через

⁴⁸ Муж Рашель (1735–1796 гг.) — старшей сестры Маргарет Моррис.

⁴⁹ Эстер (Хетти) Кокс.

⁵⁰ На Делавэре находился пенсильванский флот, которому было поручено предотвратить форсирование реки британскими войсками. Флот состоял из бесчисленных баркасов (самоходное судно небольших размеров, предназначенное для различных перевозок в гаванях и на рейдах), галер (гребной военный корабль с одним рядом весел и двумя-тремя мачтами с треугольными и прямыми парусами, основным способом ведения боя у галеры был таран с последующим abordage), полугалер (деревянное гребное судно одно- и двухмачтовое, с косыми парусами, могло вместить до 200 человек, вооружение составляли три-шесть 12-фунтовых пушек и 16–20 басов (1–2-фунтовые фальконеты), шлюпов (боевой парусный корабль, который мог иметь до 24 пушек), бригов (двухмачтовое судно с прямым и косым парусами). Они использовались и как торговые суда, и как регулярный Континентальный флот. Преобладали в этот период на реке вельботы с одним орудием на борту (быстроходная, относительно узкая, 4–8 весельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы; первоначально использовался в китобойном промысле, за что и получил свое название). 26 сентября 1776 г. командором флота был назначен Томас Сеймур, 6 сентября его заменил Джон Хезелвуд. (См.: *Paullin C.O. The navy of the American Revolution; its administration, its policy, and its achievements*. N. Y.: Haskell House Publishers, 1971. P. 373–395.).

⁵¹ На рассвете 11 декабря полковник фон Доноп с отрядом в 400–500 человек вышел из Трентона в Бордентаун, где командующий намеревался создать гарнизон в 1500 человек.

несколько часов мы сможем увидеть их и в своем городе. Около 10 часов утра отряд из 60 человек промаршировал вниз по нашей главной улице. Когда они проходили мимо, то сказали доктору Джонатану Одеалу⁵² и некоторым другим в городе, что приближается большое количество гессенских наемников, и они будут в городе менее чем через час. Это был отряд стрелков, который переплавился через Делавер неподалеку от Бордентауна в разведывательных целях, на обратном пути они собирались соединиться с большим отрядом гессенских наемников. Заняв Берлингтон, они направились к Бристолу. В то время когда стрелки грузились в лодки, наемники в количестве 400–500 человек прошли Йоркский мост⁵³. При первых признаках приближения солдат Джон Лоуренс⁵⁴ и два-три других джентльмена решили, что ради безопасности города будет лучше выйти к ним навстречу. Он сообщил о своем намерении одному из капитанов американских вельботов⁵⁵, который согласился

⁵² Джонатан Одеал (1737–1818) — врач, поэт, священник. Выпускник Принстона (Нью-Джерси), внук первого президента колледжа. Во время войны занимал лоялистские позиции, за что патриоты конфисковали его имущество в Нью-Джерси. Бежав из Берлингтона в 1777 г., влачил жалкое существование в Нью-Йорке, был капелланом в разных отрядах лоялистов, получил определенную известность как политический сатирик-поэт. Сотрудничал в Нью-Йорке с Джозефом Стенсбери в организации предательской переписки между Бенедиктом Арнольдом и Джоном Андре, занимался расшифровкой писем, написанных невидимыми чернилами. Эвакуировался из Нью-Йорка в ноябре 1783 г. вместе с войсками генерал-лейтенанта сэра Гая Карлетона, командующего британскими силами в конце войны. Последние 28 лет жил в Нью-Брансуике (Канада), населенном в основном беженцами-лоялистами, где успешно служил на разных административных постах. (См.: *Van Doren C.C., Clinton H., Andre J. Secret history of the American revolution*. N. Y.: The Viking Press, 1941. P. 197–198, 272, 435.).

⁵³ Йоркширский мост находится в Берлингтоне на Истроудсрит через речку (ручей) Ассисканк — приток Делавэра. Продвижение гессенцев изначально было задержано милицией графства Берлингтон, разрушившей мост через Кроссуик — приток Делавэра, впадающий в него в районе г. Бордентаун. Но немцы преодолели его и преследовали американцев, пока те не ушли за реку Делавэр.

⁵⁴ Очень уважаемый в городе судья Джон Лоуренс вместе с Уильямом Дилвином и Томом Хьюлингом отправились к полковнику фон Донопу ходатайствовать о безопасности Берлингтона и его жителей. Судья был очень воинственным тори и после войны уехал в Канаду, где прожил до конца жизни. (См.: *Schermerhorn W.E. The history of Burlington, New Jersey, from the early European arrivals in the Delaware to the quarter millennial anniversary, in 1927, of the settlement by English Quakers in 1677*. Burlington, N.J.: Press of Enterprise Pub. Co., 1927. P. 263–265.).

⁵⁵ Делегация известила полковника, что если он оккупирует Берлингтон, то с американских галер город будет обстрелян. Фон Доноп посоветовал судье и его спутникам переговорить с командором Томасом Сеймуром и капитаном судна «Хенкок» Томасом Моором, который был на берегу. Последний решил проводить переговорщиков на флаг-

с доводами переговорщиков и высказал пожелание, чтобы ему рассказали, как прошла встреча. Джентльмены вышли навстречу войску, и хотя полковник гессенских наемников не очень хорошо владел английским, они узнали от него, что после столь миролюбивого отношения со стороны жителей, он готов обещать им охрану и безопасность и согласился вступить в переговоры с командованием американской флотилии. Тем временем полковник приказал своим войскам остановиться. Они оставались между мостом и углом главной улицы, ожидая ответа с кораблей. Джон Лоуренс и Том Хьюлинг пришли сообщить, что произошло, и рассказали капитану Моору о том, что у полковника есть приказ расквартировать войска на ночь в Берлингтоне. Также полковник пообещал, что если жители города будут вести себя тихо и мирно и предоставят им пищу и кров, то он возьмет на себя обязательство не допустить беспорядков и не тревожить жителей города. Капитан Моор ответил, что, по его мнению, будет большой ошибкой в такой ситуации стрелять по городу, но об этом он переговорит с командующим американской флотилии и вернется с ответом как можно скорее. Пока ждали ответ, доктору Джонатану Оделлу было сказано, что его кандидатура в качестве переводчика между сторонами устроит как командира гессенских наемников, так и наших людей, поскольку языком перего-

манский корабль. В это время городской комитет согласился с требованиями гессенцев принять и разместить фон Донопа со штабом и небольшой охраной до получения ответа от Т. Сеймура. Однако моряки с американских галер, увидев гессенских солдат на улицах города, немедленно открыли огонь. Судья Лоуренс и еще ряд уважаемых горожан поспешили на пристань и стали махать шляпами, прося прекратить обстрел. Но это оказалось бесполезно, кроме того делегация тоже чуть не попала под огонь. Появление штабных офицеров на берегу привело только к более интенсивному обстрелу, который продолжался и после полудня. Когда делегация горожан прибыла на флагманский корабль, то узнала, что именно Т. Сеймур отдал приказ четырем галерам стрелять по городу в случае появления гессенцев на улицах. Командор заявил переговорщикам, что если они разместят у себя наемников, то городу не будет пощады, он прикажет разрушить его огнем из всех орудий флота. Эта информация была сразу доведена до фон Донопа, который без серьезного вооружения не смог бы ответить на обстрел американцев. Поэтому гессенцы решили оставить город. На это решение, несомненно, повлиял тот факт, что в городе было много лоялистов и безразличных к политике граждан. После ухода немцев, город заняли люди с галер, которые угрожали поджечь его, если им не покажут места, где могли спрятаться наемники. Патриоты, под командованием капитана Шиппена, оставались в городе до 17 декабря, после чего вернулись на свои суда. Капитан Шиппен позже был убит в сражение при Принстоне. (*Stryker W.S. Op. cit. P. 44-46.*)

воров был французский. Доктор отправился к полковнику, признавшись, что ему приятно оказать услугу горожанам. Командир гессенских наемников был рад, что нашелся человек, с кем он мог бы легко общаться. Он попросил доктора передать джентльменам в городе ранее обозначенные условия и также то, что он надеется, что в городе не будет вооруженных людей, какого бы то ни было вида оружия, боеприпасов или любых средств, припрятанных горожанами, которые могут быть направлены против короля. Если такие средства будут обнаружены, то дом, в котором найдут оружие, будет отдан на разграбление. Чтобы избежать подобного, следует поставить его в известность о наличии вооружения, а он уже отчитается за это перед генералом. Если все будут действовать честно и откровенно и соблюдать эти договоренности, он еще раз заверяет и клянется честью офицера, что будет пресекать любые беспорядки со стороны своих солдат. Гессенские наемники оставались в покое, пока их командир с несколькими офицерами ужинали в городе в гостях у Джона Лоуренса, ожидая ответа от командующего флотилией. Доктор Джонатан Оделл рассказал, что так как он видит в командире гессенских солдат черты настоящего джентльмена, по крайней мере, на первый взгляд, а именно благородство и гуманность, то пользуясь случаем, хочет сообщить ему, что у доктора имеется старый друг, который, будучи полковником, по некоторым сведениям, сейчас с генералом Вашингтоном. Супруга полковника — милая женщина — уехала из города с большей частью имущества. Доктор не знает о том, куда она уехала. Перед тем как уехать, дама попросила его на правах старого друга, если конечно он разрешит, взять на сохранение несколько вещей, которые она не может увезти. Доктор добавил, что готов сообщить командиру гессенских солдат точное количество имущества, которое он принял под свою ответственность. В то же время, принимая его, он боялся, что в какой-то степени пострадает из-за того, что будет хранить имущество своего друга. Командир гессенских солдат ответил не раздумывая: «Сэр, вам не нужно более тревожиться по поводу дальнейшего отчета по тому имуществу, которое было доверено вам таким образом. Я буду считать это вашим имуществом, и к нему не притронутся». Такой ответ

обнадежил доктора и позволил надеяться, что его услуги пригодятся Друзьям, которые были в полной уверенности, что ничто не сможет расстроить мирного течения дел. Но получилось так, что командующий американской флотилией получил сообщение о том, что отряд гессенских наемников вступил в Берлингтон. И перед тем, как капитан Моор успел встретиться с ним, отдал приказ четырем вельботам стрелять туда, где заметят в городе двух или трех человек вместе. Капитан Моор пытался остановить их, но ветер был настолько сильный, что его было трудно услышать или разобрать, что он кричит. К берегу подплыли четыре большие канонерские лодки, первая из них расположилась напротив главной улицы. Джон Лоуренс, Том Хьюлинг и Уильям Дилвин спустились к пристани и замахали шапкой — сигнал, обговоренный капитаном Моором, чтобы лодка подошла к берегу. К удивлению этих джентльменов, в ответ раздался выстрел. Не веря, что это было сделано специально, они остановились, и Джон Лоуренс снова замахал шляпой, на что ему ответили 18-ти фунтовым пушечным ядром. Оба этих выстрела были сделаны, как будто бы в джентльменов целились, потому что приняли их за гессенских наемников (позднее так и говорили люди из этих лодок). Тем не менее, было трудно предположить, что такое могло произойти по ошибке. Не удивительно, что в городе все чрезвычайно встревожились, находя в таком поведении ничем не вызванное вероломство. Услышав эту новость, командир гессенцев спокойно встал со стола и удалился со своими офицерами. У дверей его ожидало 8—10 человек охраны. Повернувшись к доктору Джонатану Одеалу (тот тоже вышел на улицу), полковник сказал, что может с легкостью так расположить своих людей, чтобы избежать всякого риска для них, но городу может быть нанесен урон. Он пойдет взглянет на вельботы, чтобы определить какие меры будут необходимы с его стороны, но ему не хочется быть причиной любых разрушений или страданий жителей города. Он спустился по улице и послал тремя разными путями трех часовых одного за другим, как это делали индейцы, чтобы они посмотрели и доложили об увиденном. Разведчики мелькали в разных районах города, что заставляло людей на борту думать, что в городе много гессенских наемников. Канонада продол-

жалась до наступления темноты, стреляли как вдоль улиц, так и поперек. Несколько зданий было повреждено, но ни одно живое существо — человек или животное — не было убито или ранено. С наступлением темноты вельботы ушли вниз по течению. Ночью воцарилась тишина. В то время как в городе были шум, крики и грохот, мы на своем мирном побережье не знали причин стрельбы и задавались вопросом — что бы это все значило? Не подозревая об опасности, спокойно занимались своими делами дома до тех пор, пока сосед не сообщил нам о причине стрельбы и посоветовал нам спрятаться для безопасности в погребе. Он попросил нас оставаться там до тех пор, пока все не прекратится.

12 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Подозревая, что часть наемников спряталась в городе и в окрестностях, люди с вельботов с подозрением смотрели на горожан. Ходили слухи, что и город⁵⁶ могут поджечь. Многие в спешке и великой печали уезжали в сельскую местность. Но мы все еще надеялись, что никто не собирается причинять нам вред. Сегодня утром несколько человек высадились на нашем берегу и сказали нам, что им приказали поджечь город. Я умоляла их не поджигать мой дом. Они попросили указать его и сказали, что не знают, что помешало им поджечь его прошлой ночью. Когда они видели свет в комнатах, они думали, что внутри гессенские наемники, и они несколько раз нацеливали свои пушки на дом. Я сказала им, что мои дети болеют, и поэтому пришлось жечь свечи всю ночь. Они не знали, что им помешало стрелять в нас, но зато я знала. Им помешал Господь, защитник вдов и сирот, который взял нас под свою опеку и избавил от опасности. Я, оставаясь покорной его воле, могу лишь быть благодарна ему и всем покровителям, спасшим мое маленькое стадо⁵⁷.

⁵⁶ Берлингтон всегда указывается как «town», поэтому «city» в тексте, видимо, относится к Филадельфии (прим. переводчика).

⁵⁷ Маргарет Моррис написала в этот день в письме своей сестре Милке Марте Мур, для которой в частности велся данный дневник, следующее: «В это утро галеры с большим количеством людей, и значительное количество вельботов подошли к пристани. Я приказала детям сидеть дома, пошла на берег и спросила, что эти люди хотят делать. Они ответили, что собираются поджечь город, если в нем появятся регулярные части.

13 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

В этот день мы стали снова похожи на самих себя. Как мы узнали, отряды гессенских солдат отошли от города на несколько миль, и мои друзья начали выходить на улицу, чтобы проведать нас. Но люди с вельботов, опасаясь предательства со стороны горожан, искали в городе и его окрестностях людей, поддерживающих тори. Около полудня мой дорогой Ричард Уэллс заглянул к нам. Он слышал вчерашнюю стрельбу и беспокоился о нашей безопасности. Он рискнул появиться у нас, чтобы узнать, как наши дела. Конечно же, такое доказательство его любви никогда не будет мной забыто. Ричард оставил нас после обеда. На другой день мы снова чувствовали себя спокойно. Не было видно грозных гессенских солдат. Некоторые из наших друзей заходили к нам: Среди них был Джонатан Оделл, уважаемый всей семьей и близкий всем нам, но дьявольский дух продолжал бродить по городу в обличье охотников за тори. Нашему близкому другу сообщили, что отряд вооруженных людей ищет его. Джонатан сел на коня и ускакал в более безопасное место. На некоторых джентльменов, которые встречали иностранцев, обратили свое внимание люди с галер. Двоих уважаемых граждан⁵⁸ схватили

Я сказала им, что надеюсь, что они не подожгут мой дом. Они спросили, который дом мой, и кто я такая. Я ответила, что я вдова, а со мной в доме только дети. Они подозвали других и велели им пометить мой дом, в котором нет мужчин. «Но, — сказали они, — вчера ночью мы не подожгли его только из жалости, видя в нем свет, и думая, что в нем находятся тори или гессенцы. Но с Вашей головы по нашей вине не упадет и волос». Видишь, как Проведение охраняет нас! После этого они предложили перевезти за реку мое ценное имущество. Но я показала на детей в дверях и сказала, что это и есть главная моя ценность. Один из них, выглядевший очень важным, сказал: «Добрая женщина, не волнуйся, мы защитим тебя». (См.: *Hill R., Smith J.J. Letters of Doctor Richard Hill and his children; or, The history of a family, as told by themselves. Phil., Priv. Print. for the descendants, 1854. P. 402–403.*)

⁵⁸ Один из них был Ричард Смит (1735–1803). Он изучал право под руководством Дзозефа Галловей и достиг профессионального успеха. После работы на многих достойных постах в различных судах Р. Смит был назначен архивариусом в Берлингтон. В 1769 г. он совершил увлекательное путешествие по восточному Нью-Йорку и северо-восточной Пенсильвании (дневник был опубликован в 1906 г.). Его избрали делегатом в Первый и Второй Континентальный конгрессы, но был вынужден уйти в отставку из-за слабого здоровья. (См.: *Smith R.A. tour of four great rivers: the Hudson, Mohawk, Susquehanna and Delaware in 1769; being the journal of Richard Smith of Burlington, New Jersey. Ed. by F. W. Halsey. Empire State historical publications series, 30. Port Washington, N.Y.: I. J. Friedman, 1964.*)

и отвезли на борт. С 13 по 16 декабря мы получали разные сведения то о приближении, то об отступлении врага. Отряды вооруженных людей грубо врываются в дома и усердно ищут тори. Двух арестованных джентльменов позднее освободили и отослали на берег. Несколько джентри с вельботов вломились и разграбили дом Ричарда Смита. Около полудня 16-го числа ужасное известие пришло в город — тысячи гессенских солдат зашли в город, их действительно можно было увидеть на Галлоус Хилл. Мой неосторожный сын⁵⁹ взял подзорную трубу и побежал к мельнице посмотреть на них. Я сказала, что это могут неверно истолковать, но он уговорил меня позволить ему удовлетворить свое любопытство. Он ушел, но вернулся сильно расстроенный, потому как никаких войск увидеть не удалось. После этого бедный Дик⁶⁰ взял подзорную трубу, забрался на дерево и начал смотреть на флот. Их обоих заметили с корабля и подумали, что враг наблюдает за их перемещениями. Они снарядили лодку и послали ее на берег. В мою дверь громко постучали. Я немного волновалась и то открывала, то закрывала ключом дверь, чтобы у меня было немного времени убрать волнение с лица. Наконец я открыла, и дюжина мужчин, все с оружием, потребовали ключ от пустого дома. Я спросила их, что они хотят там обнаружить? Они ответили, что ищут тори, который шпионил за ними с мельницы. Имя «Тори», произнесенное так близко у моей двери, сильно встревожило меня из-за Джонатана Оделла — бедного беглеца, которого можно было бы так назвать. Он нашел прибежище под моей крышей, и в тот момент скрывался как вор в потайной комнате⁶¹. Я резко позвонила в колокольчик (условный сигнал, обговоренный заранее, в случае, если его придут искать). Решив, что он успел спрятаться в свою нору, я напустила на себя простодушный вид и заплакала: «Боже, надеюсь, что вы не гессенские наем-

⁵⁹ Джон Хилл Моррис (1759–1793) — старший сын Маргарет. Умер от желтой лихорадки.

⁶⁰ Ричард Хилл Моррис (1762–1841) — второй сын Маргарет.

⁶¹ Потайная комната находилась в конце длинного коридора за клозетом, доски в задней стенке которого раздвигались. Света в камерке не было, кроме того, что просачивался через щели. В комнате рядом с клозетом был повешен звонок, связанный тайным образом со звонком у входной двери. Об этой комнате стало известно в 1872 г., когда дом разбирали перед реконструкцией. До этого существовала лишь популярная легенда о ней.

ники». — «А разве мы на них похожи?» — грубо спросил один из них. — «На самом деле, я не знаю». — «Вы когда-нибудь видели гессенцев?». — «Нет, никогда, но они мужчины, и вы мужчины и можете быть гессенцами, вот и все, что я знаю. Но я пойду с вами домой к полковнику Коксу, хотя конечно, человек, которого вы видели с подозрительной трубой на мельнице, был моим сыном, а он всего лишь мальчик и не принесет никакого вреда. Он просто хотел увидеть военных». Я пошла вперед, открыла дверь и мы везде обыскали, но не нашли ни одного тори (странно, где он мог бы там быть?). Мы вернулись обратно в дом. Они были страшно разочарованны. Мне было приятно осознавать, что мой дом вне подозрения. Командир, умный парень по имени Шиппен⁶² сказал, что хотел бы взглянуть на подозрительную трубу. Сара Дилвин вытащила ее и вежливо попросила принять ее в подарок. Было жалко расставаться с трубой — я часто развлекалась тем, что смотрела в нее. Люди с вельботов покинули нас и стали искать Джеймса Верри⁶³ в двух соседних домах, но ни одного тори найти там не удалось. Новость об этой операции достигла города, и полковник Кокс⁶⁴ очень рассердился и отправил людей на борт. Вечером я отправилась в город с моим беглецом — Джонатаном Оделлом и нашла ему другое убежище. Мне рассказали о плане поимки одного молодого человека, которого принимали за тори. Я подумала, что дружеское предупреждение ему не помешает, и как только вернулась домой, зашла к другу молодого человека и поведала о готовящемся плане. На следующее утро молодой человек уже был вне досягаемости для людей с вельботов.

17 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Много новостей! Хороших новостей! Отличных новостей! От Джеймса Вери. Британские войска действительно уже в Маунт Холли. Охрана из ополчения расположились на Лон-

⁶² Уильям Шиппен — командир экипажа на судне «Хенкок», который присоединился к войскам генерал-майора Томаса Миффлина, когда они пересекали Делавэр, чтобы помочь Вашингтону.

⁶³ Квакер, в 1779 г. был назначен директором школы Общества Друзей.

⁶⁴ Джон Кокс — полковник из первого батальона военной охраны филадельфийского порта, участвовавшего в кампании 1776–1777 гг.

донском и Йоркском мостах. Люди с вельботов с оружием патрулируют улицы и тщательно ищут тех, кто стрелял и тори. Вечером была еще одна попытка вломиться в дом Ричарда Смита. Ранним утром Джеймс Верри попросил отпустить своего сына, чтобы отправиться за несколько миль от города с его некоторыми поручениями. Я дала согласие, не зная, какие страшные вещи творятся в городе. Когда я услышала о них, то испытала резкую душевную боль матери за сына, которая терзала меня весь день. Когда пришла ночь, а сын не вернулся домой, то я уже не сомневалась, что его забрали наемники. Джеймс Верри успокоил меня, сказав, что тот прошел через город, где, как предполагалось, ужасные гессенские солдаты творили всякие бесчинства. Совершенно очевидно, что многие из них были в Маунт Холли⁶⁵, но вели себя очень вежливо по отношению ко всем людям, кроме нескольких участников восстания (как они называли себя). Этим вечером всем людям с вельботов приказали отправиться на борт и не больше на берег Джерси ни ногой. Пока дела идут неплохо.

18 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Сегодняшнее утро дает надежду на спокойный день. Но я все еще беспокоюсь о своем сыне, который не вернулся. Наш беглец теперь вне досягаемости для людей с вельботов и охотников за тори. Много разговоров о враге. Два гессенских наемника имели наглость явиться в город, спрашивая, есть ли там восставшие? Хотели изобразить из себя вояк!.. Какая пародия на воинов! Сын вернулся ночью. К своему огорчению он не увидел ни одного гессенского наемника, кавалериста и чего-то, на что стоило посмотреть. Но в утешение он получил маленькое путешествие к Йоркскому мосту; подозрения, потому что выехал из города вечером; арест его и его лошади; приказ вернуться обратно в город, получить пропуск у генерала Рида⁶⁶, на что он охотно согласился. Вместо пропуска

⁶⁵ В 7 милях к юго-востоку от Берлингтона.

⁶⁶ Джозеф Рид (1741–1785) — юрист, закончил Принстон, затем Миддл-Темпл (Лондон), адвокат из Пенсильвании. Был секретарем Д. Вашингтона в начале войны, в 1777 г. покинул армию, т. к. был избран делегатом Второго Континентального Конгресса, на котором поставил свою подпись под Статьями Конфедерации. В 1778–1781 гг.

полковник Кокс сам сопровождал его к мосту, и Дон Кихот-младший — мой сын, уселся на лошадь и с ликованием проехал через ряды солдат. Пришло известие о том, что в Бристоле установили два полевых орудия.

19 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Встретили мужчину на дороге с белой тряпкой, прикрепленной к палке (предполагалось, что это флаг). Но о том, откуда он пришел и куда собирался идти, самая умная голова на побережье — Джеймс Вери, не смог даже предположить. Преобладают сообщения о том, что генерал Патнэм⁶⁷ с тысячей человек находится на марше. Это привело в движение всех в Маунт Холли. Гессенские наемники отошли к Блэк Хорсу⁶⁸. Ни один из людей с вельботов не появлялся на берегу в этот день. Вечером можно будет жечь свечи, да и спать будем в безопасности. Вечером получили письмо от доктора Ч. М.⁶⁹ с приглашением переехать к нему. Но мне спокойней всего, когда я решаю подчиниться Провидению. В минуты огромной опасности Он хранил нас, и я не осмелюсь подвергнуть сомнению Его заботу о нас в будущем. Письмо от брата и друга⁷⁰ моего сердца дает надежду на его возвращение, его совет должен определить мои дальнейшие шаги. А если я перееду... Друг познается в беде.

был президентом Высшего Исполнительного совета Пенсильвании (пост аналогичный губернатору).

⁶⁷ Патнэм Израиль (1718–1790) — американский генерал, во время англо-французской колониальной войны служил в милиции Коннектикута, участвовал в подавлении восстания Понтиака. Будучи ярким патриотом, вступил в Континентальную армию в первые же дни войны. Участвовал в Банкерхиллском сражении. Вашингтон назначил его командующим обороной Филадельфии. Стал национальным героем благодаря личной храбрости, горячему патриотизму и доброму отношению к людям. В середине декабря 1776 г. полковник фон Доноп получил много донесений, что Патнэм с войском от 500 до 4000 человек движется к Маунт Холли. Битва при Банкер-Хилле считается самой успешной операцией Патнэма, затем в его карьере наступил спад.

⁶⁸ Black Horse (ныне Columbus) — маленькая деревня в 8 милях к востоку от Берлингтона.

⁶⁹ Доктор Чарльз Мур — муж (свадьба была в 1767 г.) младшей сестры Маргарет Моррис. В этот период они жили на Монтгомери-сквер (Филадельфия, Пенсильвания).

⁷⁰ Джордж Дилвин, муж сестры Сары, в это время был в Англии.

20 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Метель прошлой ночью практически сделала невозможным судоходство и убрала нашего «телохранителя» с глаз долой вниз по реке. Несомненно, это был спокойный день. Я попрошу свою корзинку для рукоделия, сяду и займусь шитьем, Но нет, стук в дверь, появился человек, знающий обо всем — как Джеймс Верри. «Что нового в округе?» — «О Боже, такие новости, ты ничего не знаешь?» — «Сегодня мы никого не видели, чтобы узнать, что происходит». «Гессенцы практически уже в городе. Уильям Дилвин и другие собрались, чтобы решить, что можно сделать. Придут ли все гессенцы в город? Сейчас многое зависит от Джеймса Верри. Думаю, что у тебя их будет полный дом. Я видел человека из Маунт Холли вчера, который говорит, что видел 50 легких кавалеристов, всех на отличных английских лошадях. Это было внушающее страх зрелище, взмыленные и гарцующие лошади и 50 гессенских всадников, которые все остановились в Маунт Холли. Но Патнэм наверняка приведет с собой еще 1500 человек. Да, следует сказать, что это было очень впечатляюще — видеть столько лошадей, встающих на дыбы, в одном месте. О нет, благослови меня Боже, это было пугающе... Мы еще услышим, что успели сделать переговорщики».

Надеюсь, что они не приедут в ночь с гессенцами — я совсем не готова развлекать всю компанию (как заметила Петти, я очень взволнована и совсем не в настроении принимать гостей). В первую беспокойную ночь я уже готовила ужин на двадцать персон и решила, что больше не буду брать на себя столько забот до тех пор, пока не увижу в них хоть какую-то пользу. Сегодня в городе 17 наемников. Нам сказали, что архивариус выразил желание приготовить обед на 500 человек — друг из города сказал, что всех приглашают на 4 часа. Сказано было, что они скоро приедут. Мы спросили, видели ли их? Нет, но он слышал, что они уже рядом. Мы спросили, как мы сможем узнать об их появлении, находясь далеко от города. Они могут появиться внезапно, и от страха мы покинем наши жилища, так как у нас нет ни одного мужчины в доме. Он говорит, что мы узнаем достаточно скоро, он ручается. А пока шум повозок и грохот пушек слышен еще

издалека, он советует как можно лучше распорядится тем временем, что осталось до их прихода, и убрать все золотые, серебряные и полотняные вещи, в противном случае нам придется расстаться со всем этим. Я сказала, что они никого не грабят кроме мятежников — а мы ведь ими не являемся, мы не выступали против них. Но это ничего не значит, мы можем потерять все после того, как его (мужа) больше нет. Моя Сара Диллвин и я спрашивали всех, почему все эти истории не ввергли нас в страх, мы даже не были встревожены. Несомненно — такое нельзя было забыть. Мы решили посидеть немного дольше обычного, но канонады так и не услышали. Переговорщики вернулись с сообщением о том, что доллары Конгресса будут находиться в обращении несколько лет. Договорились о том, чтобы поднять батарею на уровень острова⁷¹. Нам сказали, что два полевых орудия, предназначавшихся для Бристоля, пропали.

21 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Прошлой ночью выпало много снега, теперь нет опасности от людей с вельботов. Несколько переговорщиков отправились на встречу с гессенцами, но ни от одного из них (переговорщиков) многого не ждут. Масса разговоров в округе по поводу нейтралитета острова. Со всей искренностью хочу, чтобы так и было. Интересно, найдется ли кто-нибудь в городе, кто не думал о том, что сейчас стоит отступить и спросить, что будет дальше. Чтобы узнать новости, надо послать Дика за ними в город. Но возвращается он обычно без новостей — хороший повод отправить его обратно. Наконец приходит Уильям Диллвин⁷² и рассказывает нам все, что мы хотели услышать — советует слабым и беззащитным найти убежище и защиту. Нам, особенно тем, у кого нет мужчин в доме, решать — пускать солдат или нет. Так как похолодало, продукты не будут портиться несколько дней. Нам жалко тех бедняг, которым прошлой ночью пришлось заночевать на

⁷¹ Остров Матиниканк или Берлингтон находится на реке Делавэр между городами Берлингтоном (Нью-Джерси) и Бристолем (Пенсильвания).

⁷² Брат Джорджа Диллвина.

улице в снегу. Повторяю наше пожелание быть нейтральным островом. Хочется спать — ложитесь спать, жгите лампу всю ночь, говорите так же громко как обычно, не обращайтесь внимания на стук в двери, никто из людей с вельботов не услышит этих разговоров с берега. Перед тем, как отправиться в постель, я попыталась научить детей говорить «Vicates»⁷³ («Wie geht's?», «Как поживаете?»), как голландцы. Наш добрый сосед немного переживает из-за того, что нет никого поблизости, кто сможет перевести нам разговоры наемников, если они останутся у нас. В конце концов, чуть больше используя свои «чары», я узнала, что его горничная — голландка. Мы решили, что Неми Кон возьмет на себя обязанность быть переводчиком на побережье — ее хозяин думает, что было бы хорошо, если бы кто-то переводил для нас.

22 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Пришла весть, что генерал Патнэм с тысячей человек уже в Маунт Холли. Всех женщин отослали из города, кроме одной вдовы из наших знакомых. Этим вечером мы слышали звук ударов, доносившийся из Бристоля⁷⁴. Предположительно, что там возводились укрепления, т.к. на острове планировалось установить больше пушек. В полдень мы слышали новости от джентльменов, которые отправились к графу де Нопу (фон Донопу — командиру гессенцев) просить позволения оставить наш город нейтральной территорией. Они вернулись и сообщили, что у него слишком много важных дел, чтобы принять

⁷³ Сестры пытались научить детей приветствовать гессенцев, которых по слухам собирались разместить в городе.

⁷⁴ Бристоль (Пенсильвания) находился через реку прямо напротив Берлингтона. Американские войска были разделены на три дивизии, чтобы защищать реку Делавэр. Южная дивизия (штаб-квартира в Бристолье) находилась между переправой Бордентаун и переправой Данкс, ниже Бристоля, под командой полковника Джона Кадваллера (1742–1786), командир пенсильванских войск во время Войны за независимость). У переправы Трентон, нынешний Моррисвилль (Пенсильвания), была штаб-квартира центральной дивизии во главе с генералом Джеймсом Эвингом (1736–1806), государственный деятель и политик в колонии Пенсильвания, был членом Генеральной Ассамблеи и вице-президентом Пенсильвании, должность, сопоставимая с вице-губернатором). Основные силы под командованием Дж. Вашингтона располагались к северу от переправы Ярдли до того места, которое сегодня известно как переправа Вашингтона. Последняя дивизия была остатками Континентальной армии, две первые состояли из милиции Пенсильвании и Нью-Джерси.

их или дать ответ. Думаю, что сегодня мы уже не так хорошо относимся к графу, как вчера. Мы слышали, что вчера генерал Ли⁷⁵ был взят в плен отрядом легкой кавалерии, которые окружили и забрали его в Нью-Йорк (надеюсь про себя, что он не убежит). Сегодня мы узнали, что генерал Хоу⁷⁶ в Трентоне. Ожидалось, что там скоро состоится сражение. Человек, который ранее побывал в Маунт Холли, рассказал, что видел большое количество британских солдат. Несколько зашли на склад (небольшое помещение за зданием суда) и вынесли 100 деревянных ящиков, такое же количество поломанных ружей, позвали для охраны 100 человек, свалили все это в кучу на улице и в насмешку приказали людям охранять ее.

Сегодня днем мы слышали о нашем беглеце (Джонатан Оделл), что он обрел «покровительство», как он это назвал. Яростные поиски тори слегка утихли. Теперь мы слышали только о гессенских охотниках, но от них было мало толку. Сегодня мы узнали, что наши офицеры опасаются, что их люди не станут сражаться и снова разбегутся по домам. Один миролюбец сегодня высказал предположение, что если война продолжится зимой, то британские войска испугаются вида наших людей, так как им никогда не приходилось сражаться с обнаженными противником. По его словам, для них это будет дикостью, вселит ужас и заставит разбежаться еще перед тем как они приблизятся к нашим солдатам в лохмотьях, у которых не будет одежды месяц или два, чтобы прикрыть наготу. Несколько семей, которые покинули свои жилища в день канонады, вернулись домой. Известия, появившиеся сегодня вечером, сильно тревожат. Отряд наших людей (около 200) выступил из Маунт Холли и встретился с гессенцами недалеко от моста Петтикоут⁷⁷. В результате произошло столкновение. Гессен-

⁷⁵ Генерал-майор Чарльз Ли (1732–1782) был взят в плен в таверне в Баскингридже (Нью-Джерси) 14 декабря 1776 г. полковником Уильямом Херкоуртом и отрядом драгун, который собирал информацию о местонахождении Ч. Ли. Позже, в апреле 1778 г., его обменяли на генерал-майора Ричарда Прескотта (1725–1788), захваченного американцами в Нью-Порте (Род-Айленд). Предыдущая служба Р. Ли в британской армии во время Семилетней войны принесла ему славу военного гения. Но из-за его нерешительности атака на британцев во время битвы при Монмуте потерпела неудачу. За это он попал под трибунал, и его военная карьера закончилась.

⁷⁶ Уильям Хоу — главнокомандующий британскими силами в Америке.

⁷⁷ 22 декабря милиция Пенсильвании (400–500 человек) под командованием полковника Самюэля Гриффина напала на дозор гессенцев на мосту через речку Ренкокас

ские солдаты скорее отходили, чем наступали. Было слышна сильная стрельба из мушкетов и нескольких пушек. Нам сказали что погиб 21 человек из наших, затем оставшиеся вернулись к своему штабу в Маунт Холли, а гессенцы — в Блэк Хорс.

23 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

В этот день 12 вельботов снова поднялись по реке, но мы все еще не знаем причину их появления. Отряд из Маунт Холли вышел сегодня снова и встретились с гессенцами вблизи того же места, что и вчера. Сообщили, что мы потеряли 10 человек и наши войска полностью разбиты, гессенцы завладели Маунт Холли. Вечером небольшой переполох по соседству — пришло сообщение о том, что 3000 человек уже в Бристоле собираются переправиться (через реку Делавэр) ночью и высадиться на нашем берегу, чтобы присоединиться к разбитым вчера отрядам. Стойкость моей дорогой Сары Дивлин впервые покинула ее при этом известии, и мое сердце глубоко опечалилось при мысли, что я не могу ничего сделать, чтобы успокоить ее. Мы предположили, что лодки должны стоять здесь в готовности принять наших людей, когда им потребуется вступить в бой. Как бы то ни было, нам не нравится видеть их так близко от себя, и хотелось бы еще одной метели, которая отогнала бы их.

24 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Вельботы скрылись с глаз, но неизвестно куда ушли — вверх или вниз по реке. Утром слышали о страшной тревоге, которая распространилась по городу из-за слухов, что лодки получили приказ открыть по нему огонь. Прошел слух, что гессенцы могут зайти в город и захватить его, как они сделали с Маунт Холли. К счастью, это сообщение дошло до нас тогда, когда уже стало известно, что оно не соответствует действительности. Кажется, командор прислал на берег

(приток Делавэра). На следующий день опять случилась стычка с солдатами фон Дона. После этого американцы ушли в Мористаун, а затем за реку Делавэр в Пенсильванию. (См.: *Lundin L. Cockpit of the Revolution: The war for independence in New Jersey.* N. Y., 1972. P. 190.).

одного из Макнайтов, который уведомил жителей об этом. У. Смит и Б. Хельм приехали в Бристоль вечером и оповестили генерала Кадваладера о том, что слышали. Генерал сообщил командору о необходимости убрать флот, так как ледостав затруднит плавание уже через несколько дней. Когда сообщили командору о тревоге в городе, то он отрицал, что посылал такое сообщение, так напугавшее жителей. Сочли, что он был пьян в тот момент. Мы получили известие о том, что гессенцы все еще в Маунт Холли, наши войска удерживают находящийся выше Черч-Хилл. На сообщения о 21-м убитом в первый день перестрелки и о 10-ти во второй нельзя полагаться. Ведь гессенцы говорят, что наши люди бежали так быстро, что у них не было возможности убить ни одного из них. Несколько гессенцев пришли в город сегодня. Они зашли в магазин к Дэниэлу Смигу и попросили некоторые товары, за которые им было предложено заплатить. Двое из них позже были замечены на улице в пьяном виде; они зашли в таверну и, заказав рома, приказали записать его на счет короля. Мы получили сообщение, что на окраине города гессенцы вломились в два дома и разграбили их. Вельботы простояли возле паромной переправы Данкс весь день. С реки была слышна достаточно сильная стрельба, но пока нет известий о том, что и где там происходило.

25 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Офицеру было приказано отправиться в Бристоль с флагом и предложением от графа де Нопа (фон Донопа) о том, чтобы наш город оставался нейтральным портом. Мы узнали, что генерал Рид (полковник Джозеф Рид) в Филадельфии, а посыльный уже отправлен к нему и завтра должен встретиться с графом у Джона Антримса и провести предварительные переговоры.

26 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Погода была штормовая, мы боялись, что генерал Рид (полковник Джозеф Рид) не встретится с графом сегодня — большое число лодок поднималось вверх по реке, и мы никак не могли узнать, куда они направляются.

27 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Письмо генерала Рида к своему брату⁷⁸ с сообщением о том, что Вашингтон столкнулся в бою с регулярной армией 25-го рано утром. Напав неожиданно, они убили 50 человек и еще 900 взяли в плен. Потери с нашей стороны неизвестны, а если и известны, то не так значительны, чтобы о них знала общественность⁷⁹. Кажется, такие большие потери со стороны регулярной армии можно объяснить широко распространенной среди гессенских наемников традицией напиваться накануне такого великого дня, который принес мир на землю и добрую волю людям — но как же сильно отличается от христианской их манера праздновать. Можем ли мы называть себя христианами, противореча своими действиями Божьим заповедям. Он показал пример, которому, как мы утверждаем, мы следуем. А вот и новый пример, что мы действительно только утверждаем это, кажется, что вместо доброй воли зависть и ненависть управляют нашими сердцами. Этим вечером 27-го декабря около 3000 пенсильванских ополченцев⁸⁰ и другие отряды высадились в проливе и вошли в город с артиллерией

⁷⁸ Боус Рид, полковник Первого полка милиции Берлингтонского графства. После Революции в 1784 г. был избран первым мэром Берлингтона.

⁷⁹ Это был знаменитый рождественский сюрприз 1776 г. гессенцам под командованием Иоганна Готлиба Ролла, гарнизону в Трентоне. Вашингтон собрал все годные к действию силы Континентальной армии, пересек реку Делавэр у переправы Макконки (ныне переправа Вашингтона). Затем американцы разделились на 2 дивизии: первая — под командованием генерал-майора Джона Салливана пошла по Ривер-роуд, вторая — под командованием генерал-майора Натаниэля Грина — вниз по Пеннингтонской дороге. Вашингтон шел со второй дивизией. Джеймс Эвинг на переправе в Трентоне и Джон Кадвалдер в Бристоле тоже получили приказ пересечь реку и одновременно нанести удары по Трентону и Бордентауну. Однако Эвинг не покинул Пенсильвании из-за больших плавающих льдин и неправильно истолкованных приказов, а попытка Кадвалдера высадиться в Нью-Джерси была сорвана толстым припаем и быстрым течением. Главные же силы атаквали сторожевые посты гессенцев, преследовали их до Трентона, где сражение и завершилось полной победой американцев. Официально были объявлены следующие цифры: жертвы американцев — 4 человека (2 офицера и 2 штатских. Один из офицеров — капитан Уильям Вашингтон, родственник главнокомандующего, и Джеймс Монро, будущий президент США). Потери гессенцев — от 25 до 30 убитых, от 700 до 1000 человек попали в плен. (См.: *Lundin L. Op.cit. P. 194–202.*)

⁸⁰ Бригадный генерал Континентальной армии Томас Миффлин получил 10 декабря от Конгресса приказ набрать новобранцев из деревень, окружающих Филадельфию для защиты города. 27 декабря он отправил 500 человек через переправу Бристоля в Берлингтон. 28 декабря свидетели видели переправу еще 300 дополнительных человек, а на следующий день Миффлин прошел со всеми 800 солдатами в штаб-квартиру Бордентауне, получив команду над всеми силами. (См.: *Stryker W.S. Op. cit. P. 253–254.*)

и обозом, разместив их у местных жителей. Несколько человек остановились у Джеймса Верри, и между нашим и его домом поставили караульного. Нам повезло — к нам никого не отправили. Один из командиров провел вечер с нами, и кажется, был в хорошем настроении. Он говорил о победе над англичанами, как о пустяковом деле. «Нет ничего проще, чем прогнать их на север и пр.». Он не думал о том, что кроме бога Войны есть и бог Мира, который мог помочь им, но с целью наказать их в дальнейшем, как они того заслуживали.

28 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Рано утром этого дня отряды в приподнятом настроении вышли из города — снегопад этим утром снова заставил лодки плыть вниз по реке. Мое сердце замирает, когда я думаю о том множестве неподготовленных к смерти людей, которых, наверное, уже через несколько дней должны предстать перед Судом Божиим. После обеда погода прояснилась, мы наблюдали за несколькими лодками с солдатами и их багажом, подплывавших к нашей пристани. Посмотрев на них, я подумала, что одно лицо мне знакомо. Я пригляделась и поняла, что это было хорошо знакомое мне лицо моего дорогого Джорджа Дилвина. Когда я увидела его в компании, я вспомнила слова Соломона о своей любимой: «Она, как яблоня, между лесными деревьями». Когда он вошел в дом, мое сердце приветствовало его под этой гостеприимной крышей. Именно таким я считаю этот дом, который приютил меня и мое маленькое стадо. Тем не менее, наша радость от встречи с ним была омрачена тем, что было перед нами и вокруг нас. Человек, кажется, имевший некоторую власть над другими солдатами, сойдя на землю, вежливо попросил ключи от дома полковника Кокса, куда они сложили свой багаж и остановились там на ночь. Вели они себя очень тихо.

29 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Этим утром солдаты из соседнего дома готовились к отбытию. Проходя мимо моей двери, они остановились благосло-

вить меня и поблагодарить за еду, которую я посылала им. Я восприняла их благодарность не как что-то причитающееся мне⁸¹, а как благодарность Христу, который протянул им маленький кусочек моими руками. Сегодня в городе много солдат, следующая группа поселилась в соседнем доме, как только первая покинула его. Местные жители ограничивали себя в хлебе, чтобы обеспечить едой солдат и жгли дрова, чтобы обогреть их. Это, кажется, только одна из бед, которые несет с собой война.

30 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Нескольких бедных, больных и раненых солдат привезли сегодня в город и разместили их в здании суда⁸², некоторых отправили к местным жителям. Сегодня я слышала, что несколько горожан согласилось снабжать солдат лесом. Но скоро они поняли, что это связано со значительными трудностями, так как большинство повозок, на которых обычно возили лес, были заняты багажом солдат.

31 ДЕКАБРЯ 1776 ГОДА

Нам рассказали о столкновении между двумя армиями, в котором будто бы англичане взяли 400 пленных, убили и ранили 300 солдат. Но сообщение этого вечера противоречит ранее полученной информации — нет никаких точных данных об исходе битвы.

⁸¹ Вот что написано в «Дневнике сержанта Уильяма Янга»: «Суббота, 28 декабря, прожил. Багаж в повозке доехал до Бристоля, затем его перегрузили на плоскодонку. С большими трудностями из-за льда, но под защитой Божьего Провидения, я добрался в Берлингтоне до дома полковника до наступления темноты. Как только мы получили багаж, сразу начали искать дрова, чтобы развести огонь. Поужинал, пошел спать. Утром 29 декабря в воскресенье нас подняли очень рано, я пошел разузнать насчет завтрака, как обычно... Я ждал выступления в это утро, чтобы присоединиться к нашему отряду. Прошлым вечером добрая женщина из соседнего дома прислала нам два небольших пирога с фаршем, которые я взял с большой благодарностью. Пусть Господь благословит всех наших друзей и добродетелей». (См.: *Young W. Journal of Sergeant William Young // Pennsylvania Magazine of History and Biography*. Phil., 1884. Vol. 8. P. 259–260.)

⁸² До принятия «Акта о легислатуре» 18 ноября 1794 г. Берлингтон был центром графства Берлингтон. После принятия «Акта» центром был избран Маунт Холи.

1 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Эти новогодние дни не сопровождались обычными празднованиями и пр. Я думаю, это начало скорбного года для многих людей, хотя я и льщу себя надеждами и заставляю себя смотреть вперед с уверенностью и верой в Того, кто может навести порядок в этой неразберихе. Я не слышала, чтобы в город сегодня приезжали посыльные из лагеря.

3 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Этим утром между 8 и 9 часами мы отчетливо слышали тяжелую пальбу орудия, звук доносился со стороны Трентона. Около полудня большая группа солдат (свыше тысячи) с вещами и несколькими пушками вошла в город в глубоком смятении⁸³. По рассказам этих солдат вчера в Трентоне была крупная битва, и они оставили часть войска сражаться недалеко от Трентонской мельницы, но сказать, кто побеждает, они не могут. Их снова разместили у местных жителей, и нас вновь освободили от обязанности принять солдат у себя. Некоторые из тех, кто останавливался в доме полковника Кокса на прошлой неделе, вернулись этим вечером и попросили ключ, который я им дала. Перед сном я пошла в соседний дом, чтобы проверить насколько безопасен огонь в нем. Мое

⁸³ После битвы у Трентона Дж. Вашингтон забрал пленных гессенцев за Делавэр. Сам он вернулся с войском 30 и 31 декабря. Переправа заняла два дня из-за опасных условий на реке. Американцы заняли Трентон и возводили укрепления по берегу ручья Ассанпинк. Лорд Корнуоллис, получив известие о разгроме гессенцев, отказался от поездки в Англию и предпринял решительный бросок на Трентон. 2 января 1777 г. беспорядочное столкновение противников продолжалось всю вторую половину дня. На закате Корнуоллис принял решение отложить дальнейшие действия до рассвета, т.к. у американцев была гораздо более сильная позиция на южном берегу речки. Атака на нее принесла бы много жертв. Английский генерал был уверен, что загнал Вашингтона в угол, а потому заявил, что «положит старого лиса в мешок утром». Вашингтон понимал, что отступать на юг Нью-Джерси невозможно. Состоялся военный совет, на котором Вашингтон принял гениальное военное решение. Все тяжелые орудия, багаж и запасы под усиленной охраной отряда генерала Адама Стефена были отправлены в Берлингтон (тот отряд, о котором пишет Маргарет 3 января). Небольшая часть войска была оставлена продолжать земляные работы, чтобы заставить британцев думать, что американцы готовятся отражать атаку утром. Основная же часть армии ночью скрытно ушла со своих позиций, и огибая левый фланг противника, двинулась на Принстон (23 мили от Берлингтона, поэтому Маргарет могла слышать канонаду с северо-востока), атаковав вражеские отряды, которые там были. (См.: *Lundin L. Op.cit.* P. 202–208.).

сердце разрывалось от сострадания, когда я видела столько своих собратьев, лежащих и спящих, как скотина, на полу. У многих из них не было даже одеяла, чтобы накрыться. Мне казалось странным, что такому количеству солдат было разрешено покинуть лагерь в разгар битвы. У меня было сильное подозрение, что они просто убежали потому, что они не отдадут себе отчет ни в том, зачем они сюда пришли, ни куда им идти дальше⁸⁴.

4 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Поступающие сведения настолько противоречивы, настолько разнятся, что мы не знаем чему верить. Мы слышали, что наши люди одержали очередную победу⁸⁵, что англичане бегут от них, некоторые в Брансвик, некоторые в Принстон. Сегодня мы слышали, что Шарп Делани, Э. Моррис и другие люди из филадельфийской милиции убиты, в числе погибших числится и граф де Нопп⁸⁶. Если так, то гессенцы лишились отважного и человечного командира. Пленные, взятые нашими войсками, отправлены в тюрьму Ланкастера. Некоторые из них, больные и раненые, доставлены в город, и нас призывают проявить милосердие к ним. Несколько солдат, бывших у нас на постое, покинули соседний дом и вернулись туда, откуда они пришли. Часть из них в ответ на мой прямой вопрос, сознались, что бегут в страхе после тяжелого боя третьего числа. Было среди них и несколько невинных на вид юношей, я тепло подумала об их матерях, когда увидела их приготовления к возвращению в войска.

⁸⁴ После победы под Принстоном войска и снаряжение разместили в Берлингтоне. Им было приказано 8 января идти в Морристаун, где планировалось встать на зимние квартиры.

⁸⁵ Битва при Принстоне была более кровопролитная, чем у Трентона. Сведения о жертвах очень разные. Наиболее распространены следующие цифры — американцы потеряли около 40 человек убитыми и ранеными, включая несколько незаменимых офицеров. Англичане — около 400 человек, из 100 — убитыми.

⁸⁶ Ш. Делани и фон Доноп были ошибочно включены в число жертв. Гессенский полковник фон Доноп был смертельно ранен 22 октября 1777 г. при атаке на форт Мерсер. Убитый лейтенант Энтони Моррис был офицером из Первого Филадельфийского полка.

5 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Сегодня я услышала, что капитан Шиппен, который угрожал расстрелять моего сына за шпионаж за лодками, был убит. Я давно простила его за страх, который он вызвал во мне и почувствовала сожаление, когда узнала, что он мертв. Нам сказали сегодня, что генерал Мерсер убит, а Миффлин ранен⁸⁷. Какое ужасное и опустошение творится на нашей земле в эту страшную войну.

6 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Сегодня нам сообщили, что две тысячи людей из Новой Англии пали в недавних столкновениях.

7 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

В этот вечер все галеры, прибывавшие в последние дни перед Бристолем, спустились вниз по реке, за исключением одной, что размещена здесь на зиму, как я полагаю. Этим вечером около пяти пришел приказ на выступление оставшимся солдатам. Они немедленно отправились в путь, но вернулись менее чем через час. Офицер решил, что уже слишком поздно, чтобы достичь Бордентауна до ночи⁸⁸.

8 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Все солдаты ушли из соседнего дома — лишь один из уходящих остановился пожелать мне всего хорошего. Я не стала этим возмущаться, помня, что лишь один из десяти прокаженных, исцеленных Господом, возблагодарил его за это. Нечего и сравнивать мои незначительные услуги, что

⁸⁷ Хью Мерсер (1726–1777) — воин и врач. Во время Семилетней войны служил в Британской армии. Во Франко-индейской войне под началом генерала Джона Форбса он вместе с Дж. Вашингтоном участвовал в кампании по взятию форта Даквесн, где и сложилась их дружба. После начала Войны за независимость он занял пост бригадного генерала. Умер 12 января от ран, полученных в битве при Принстоне. (См.: *Goolrick J.T. The life of General Hugh Mercer: with brief sketches of General George Washington, John Paul Jones and others.* N.Y.: Gardners Books, 2007.).

⁸⁸ Это была часть багажного обоза, который двигался в Морристаун на зимние квартиры.

я оказала этим бедным созданиям, с тем великим Чудом. Но все-таки некоторое негодование у меня было, как и всякий раз, когда меня не замечают. Я вошла в дом, после того как они покинули его, и была опечалена видом множества провианта, попусту разбросанного по полу. Я отправила своего сына попросить офицера в городе, чтобы он приказал забрать его. Сын вернулся с выражением благодарности от офицера и его же просьбой «не дать провианту испортиться, что значило употребить его в дело». Но так как нас слишком мало, чтобы не дать ему испортиться, я отправила провизию другому человеку, который отдал его больным солдатам.

9 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Сегодня мы слышим, что наши войска оттеснили англичан к Брансвику. Некоторые полагают, что там будет еще битва. Все офицеры этим днем ушли из города. Сообщение о том, что бедный Аморрис убит, подтверждено офицером, который участвовал в бою. Я сожалею о любом, кто пал в бою. Мы слышим, что Вашингтон послал людей закупить печи, из чего можно сделать вывод, что он намерен встать на зимние квартиры. Погода очень холодная. Снега все больше. Льдом покрыло почти всю реку. Мы ждем, что лед окрепнет через день-два, что даст возможность побежденным располагать переправой, которая несколько недель была труднодоступна. Все лодки, принадлежавшие городу, были захвачены джентльменами с вельботов. И были либо увезены, либо разломаны на куски⁸⁹. Как объяснили, это было сделано для того, что бы гессенцы не смогли переправиться через реку. Под тем же предлогом была снята часть мостов, другие оказались так повреждены, что путникам было трудно перебраться отсю-

⁸⁹ 1 и 12 декабря генерал Джордж Вашингтон отправил приказы полковнику Ричарду Хамптону, командиру 11-го Пенсильванского полка Континентальной армии, и полковнику Джону Кадвалладеру собрать все плавсредства на реке Делавэр для нужд американской армии. Все суда, которые окажутся не нужны, должны были быть уничтожены, чтобы не попасть в руки британцев. (См.: *Writings of George Washington from the original manuscript sources: 1745–1799*. Ed. by John C. Fitzpatrick. Washington: United States Government Print, 1932. Vol. 6. September, 1776 — January, 1777. P. 318–320.).

да в Филадельфию. Некоторые из тех, кого повезли в город больными и ранеными, умерли. Страшно то, что причины, от которых они пострадали, распространяются дальше, как инфекция.

11 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Погода очень холодная, и река почти покрылась льдом. Я сочувствую тем бедным солдатам, которые сейчас в пути. Многие из них, наверное, останутся сегодня вечером на полях. Могу ли я не быть благодарной за то, что я и моя семья укрыты от бури, что мои дети могут учиться верить в Бога у матери — в Того, кто снизошел к нам, что бы сохранить нас, когда вокруг такая опасность, и уберег наши ноги от скитаний. Его доброта выделила нас своим вниманием.

13 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА⁹⁰

Сегодня нам сообщили об ограблении одного из местных складов, потери составили 10 000 фунтов. Я не знаю, кого подозревают в ограблении. «Граф Б-нский»⁹¹, покинувший город по первой же тревоге с приближением гессенцев, вернулся со своей семьей обратно. У нас была надежда, что нашему беженцу предоставят батистовые рукава (часть одеяния епископа), раз уж почести стали такими дешевыми. Возможно, что он потом посчитает себя слишком важной персоной, чтобы снова вернуться в свою дыру. Но я бы напомнила ему о его месте, если бы мне довелось увидеть, как стал первым «Е-м Б-нским»⁹².

13 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Некоторые тори, которые уехали из города, когда здесь появились галеры, вернулись, услышав, что в Филадельфии почти всех отправили в тюрьму. Одного мужчину, который счи-

⁹⁰ Оставлено как у М. Моррис. Должно быть — 12 января.

⁹¹ «Граф Берлингтонский» — скорее всего, речь идет о Джонатане Оделле.

⁹² «Епископ Берлингтонский» — о том же человеке.

тал, что его невозможно переубедить, вынудили либо дать клятву, либо подписаться в верности Соединенным Штатам.

14 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Ложь этого дня звучала так — солдаты Новой Англии захватили остров Лонг-Айленд, завладели королевским мостом, генерала Ли отбили его люди. Регулярные части в безнадежном положении сидят в окопах у города Брансвика, и полностью потеряли надежду добиться преимущества над американцами в этой кампании. Моя любезная подруга Эстер Кокс сообщила мне в письме, что батальон ее мужа был на передовой в сражении. Они в высшей степени хорошо держались, взяли в плен 200 человек, 80 человек осталось на поле боя. Он увидел спасительную руку Провидения в том, что вышел невредимым из этой кровавой бойни. Слышно также, что генерал Хоу послал прошение Вашингтону с просьбой объявить три дня перемирия, чтобы позаботиться о раненых и похоронить погибших. Но ему в этом отказали. Какое страшное воздействие на людей оказывает война, человеческие сердца черствеют, и чувства гуманности становятся им чужды. Это можно назвать страшным искусством войны — так изменять природу человека. Я думаю, что даже дикие народы воздавали определенные религиозные почести своим умершим. Друг из Трентона рассказал мне, что бедный Энтони Моррис умер через 3 часа после того, как был ранен, и был похоронен на его (Друга) кладбище у Стони Брука. Капитан Уильям Шиппен был похоронен рядом с ним⁹³. Этот же Друг рассказал нам о мужчине, которого убили в постели в доме Стейси Поттс в Трентоне во время военных действий. А дочь госпожи Поттс, молодая женщина примерно моего возраста, ушла из дома в сторожку, в ночь перед битвой и вернулась только утром. Как только она появилась у дома, в нее выстрелили. Но пуля, направленная рукой Провидения, выбила гребень из ее волос, слегка поцарапала кожу на голове и не нанесла ка-

⁹³ Э. Морри и У. Шиппен были похоронены на кладбище Общества Друзей в Стони-Бруксе. Позднее останки были перезахоронены в Филадельфии.

ких-либо серьезных повреждений. Кто посмеет сказать, что это произошло случайно...

15 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Я была очень расстроена этим вечером, увидев похоронные дроги, на которых везли тело генерала Мерсера по льду реки, чтобы похоронить в Филадельфии. В это же время перевозили и бедного капитана Шиппена для перезахоронения в Филадельфии. П. Рид рассказал то, что они слышали от мужчины, которого сестра послала в Берлингтон за некоторыми необходимыми вещами (в эту ночь последние солдаты вошли в город). Жена Рида взяла напрокат повозку, чтобы добраться сюда. Она позвала одного из своих соседей, чтобы он пришел и купил некоторые ее вещи. Как только мужчина начал грузить повозку, в город ворвались солдаты. Он ударил хлыстом своих лошадей и ускакал прочь, не взяв ничего. Когда он добрался до дома Ридов за городом, то рассказал им, что в Берлингтоне было 10 000 повозок, что генералы Вашингтон, Ли, Хоу и все американцы участвовали в сражении у Берлингтона, что Вашингтон был смертельно ранен, а на улицах лежали кучи мертвых тел, так что у него в ушах до сих пор по-прежнему слышны стоны. Испытывая страх, они открыли в спешке письма, не нашли ничего, соответствующего тому, что рассказал этот человек. Но они не смогли убедить его в том, что из-за страха он все преувеличил, пока не послали человека, чтобы разузнать все... * [СТРАНИЦА РУКОПИСИ ОТСУТСТВУЕТ] ... части было разрешено вернуться, чтобы сменить одежду, но они должны были прийти обратно в Бордентаун, соблюдая тот же порядок, что был до этого при генерале Патнэме, для получения приказов и др.

31 ЯНВАРЯ 1777 ГОДА

Мои угрызения совести успокоились тем, что я удержала здесь своего сына до тех пор, пока не закончились поиски. Я чувствовала себя спокойной, потому что была возможность послать его к моему дорогому доктору Чарльзу Моору. И теперь, когда он покинул меня, я чувствую себя торговцем, который рискнул отправить половину своего состояния

по морю и беспокоится теперь о том, доплывет ли корабль удачно до места. Ох, хоть бы мой дорогой мальчик хорошо добрался — тогда я буду счастлива.

3 ФЕВРАЛЯ 1777 ГОДА

Сегодня появилось следующее отпечатанное распоряжение генерала Вашингтона, приказывающее всем, кто был под защитой королевских уполномоченных, явиться в течение 30 дней и поклясться в верности Соединенным Штатам Америки, или же отправиться со своими семьями в расположение британских войск⁹⁴. Что же случится с нашим беглецом⁹⁵ теперь?

4 ФЕВРАЛЯ 1777 ГОДА

Сегодня прибыли 8 лодок, полные солдат, чтобы примкнуть к континентальной армии. Они оказались очень веселыми ребятами. Флаги развеваются, барабаны бьют! Говорят, что это день предназначен для наших плененных друзей. Мы хотели узнать новости, пока Патнэм, который вовсе не миролюбец, не сказал нам, что можно предполагать, что по случаю прибытия солдат ожидается кровавая работа.

⁹⁴ Это распоряжение вышло из американской штаб-квартиры в Морристауне 25 января 1777 г. Оно было напечатано Уильямом и Томасом Бредфордами в Филадельфии и Джоном Данлепом в Балтиморе, чтобы довести его до сведения жителей нескольких штатов. 12 декабря 1776 г., когда британцы стремительно продвигались через Нью-Джерси, Конгресс в панике перебрался в Балтимор, передав генералу Вашингтону диктаторские полномочия по ведению войны на неопределенное время. Это распоряжение главнокомандующего было первым, попавшим под публичную критику члена Конгресса. Абрахам Кларк, подписавший Декларацию независимости от Нью-Джерси, обвинил Дж. Вашингтона в нарушении гражданских прав американцев и убедил Ассамблею своего штата предпринять ряд действий против этого распоряжения, предполагая, что могут быть фатальные последствия. (См.: Writings of George Washington. Vol. 7. January 13, 1777 — April 30, 1777. P. 61–62.).

⁹⁵ Джонатаном Оделлом.

6 ФЕВРАЛЯ 1777 ГОДА

Несколько сотен солдат, вернувшихся из лагеря, были расквартированы у местных жителей и, в общем, я слышала, ведут себя хорошо.

7 ФЕВРАЛЯ 1777 ГОДА

Все солдаты, расквартированные в прошлую ночь в городе, ушли сегодня. Люди, которых взяли в плен у нас в городе и в Маунт Холли, отпущены и вернулись домой — некоторые из них истощены, другие больны.

11 ФЕВРАЛЯ 1777 ГОДА

Этим вечером в город привезли двух докторов и заключили их в тюрьму, из-за того, что они сделали прививки членам своих семей, что противоречит приказам генерала Патнэма, который запретил прививаться. Их отпустили через несколько дней⁹⁶.

10 АПРЕЛЯ 1777 ГОДА⁹⁷

Джона Лоуренса, Томаса Уотсона и некоторых других личностей, опасных для Соединенных Штатов, посадили в тюрьму. С разных других взяли обязательство вести себя хорошо, они должны предстать перед судом в следующее заседание, но когда оно будет — никто не знает.

⁹⁶ Оспа была одним из заболеваний, принесших серьезные проблемы во время войны. Врачи в армии добились некоторых успехов через прививки, т.к. выяснили, что после введения вакцины вируса умирает лишь один из 300 человек. В XVIII в. не все военные врачи одобряли эту практику, некоторые штаты запретили прививки. После того как осенью 1776 г. при отступлении из Канады болезнь унесла жизни с многих солдат, зимой 1776–1777 гг. Конгресс принял решение о том, чтобы все войска были привиты. В американской армии оспе прививали в основном летом в изолированных госпиталях для рекрутов, в полевых лагерях делать это было запрещено. (См.: *Duncan L.C., Stanton A. Friedberg, M.D. Medical men in the American revolution, 1775–1783. Carlisle barracks, Pa., Medical field service school, 1931. P. 15–17.*)

⁹⁷ В дневнике никак не объясняется столь длинный временной пропуск.

17 АПРЕЛЯ 1777 ГОДА

Несколько лодок отправились вверх по реке. Войска причалили у Бристоля, говорят около 1500 человек, всех расквартировали у местных жителей.

19 АПРЕЛЯ 1777 ГОДА

Пришло сообщение о том, что был бой между британскими и американскими войсками, последние победили⁹⁸. Б. Хельм был вызван к губернатору, где его обязали предстать перед следующим заседанием суда за то, что предпочитал бумажным долларам серебряные. Говорят, что англичане уже в пути, и что (их) флот уже на реке.

7 МАЯ 1777 ГОДА

Капитан Вебб и его семья прибыли сюда с намерением на следующий день отправиться в Нью-Йорк, имея распоряжение от губернатора оставить штат. Когда они собирались ложиться спать, приехал капитан кавалерии и несколько солдат и потребовали ключи от их дорожных сундуков. Некоторые из них они открыли, искали письма, взяли все, что смогли найти, под конвоем отвели его в его временное жилье у Смитов и караулили там всю ночь. Они послали людей охранять и его вещи, вернулись утром, и снова проверили все его сундуки. Затем они пришли к нему и в Филадельфии, где приказали явиться к генералу и ответить на различные обвинения. Одно из них — подозрения в его шпионаже, но он смело оправдался, другое — то, что в своей проповеди около двух лет назад он сказал людям, что если они поднимут оружие против короля, то будут мертвы. Но он также отверг обвинения по этому вопросу. По полученным ими данным они не смогли доказать вину и отправили его к губернатору. Тот сделал ему выговор за неиспользование разрешения,

⁹⁸ Возможно речь идет о попытке лорда Корнуоллиса, генерал-майоров Гранта и Скиннера заставить врасплох аванпосты американцев в Баунд-Бруке (Нью-Джерси) 13 апреля. У британцев был временный успех, но затем они отступили. Потери с обеих сторон были незначительными.

которое он ему дал две или три недели назад, запретил ему ехать в Йорк. Приказал отправиться к семье в Бетлехем — и там остаться к их удовольствию, ограничив его [ПЕРЕМЕЩЕНИЯ] магическим кругом в шесть миль⁹⁹.

13 МАЯ 1777 ГОДА

Здесь собрался суд, который допросил несколько тори, заключенных в городской тюрьме. Джон Лоуренс после допроса был освобожден и отправлен домой, Дэн Элис¹⁰⁰ взят под стражу, Джон Карти оштрафован на шесть пенсов за неуважение к суду. Некоторых отослали обратно. На допрос были вызваны Р. Смит, Б. Хельм, Т. Хьюлингс и Колин Кэмпбелл¹⁰¹. Р. Смита поставили перед выбором: выплата 100 фунтов или заключение. Он выбрал последнее и занял камеру, освободившуюся после Джона Лоуренса. Трех других допрошенных оштрафовали за отказ принести присягу.

26 МАЯ 1777 ГОДА

Капитан Вэбб с семьей покинули нас и направились в Бетлехем.

⁹⁹ Томас Вэбб (1724—1796) — служил офицером в британской армии, был ранен. В 1765 г. стал проповедником методистской церкви в Англии, получил лицензию на организацию подобных церквей в американских колониях. Сначала отправился в Олбани (Нью-Йорк), где проводил религиозные службы в своем доме. Когда Барбара Хек создала методистскую общину в Нью-Йорке, он отправился туда в феврале 1767 г. Пожертвовал много своих денег и лично принимал участие в строительстве Молитвенного дома. Выйдя в отставку в ранге капитана, он много путешествовал как миссионер, проповедовал в Трентоне, Берлингтоне и других городах Нью-Джерси, где создал методистские общества. В 1767 г. впервые побывал в Филадельфии, где основал Старую методистскую церковь Св. Георга. В 1769 г. он проповедовал в Делавэре, Нью-касле и Уилмингтоне, позже он побывал в Балтиморе (Мэриленд). Вернулся в Англию в 1778 г. и он провел остаток своей жизни в Бристоле, проповедуя в его окрестностях.

¹⁰⁰ Даниэль Элис был сначала фригольдером, затем стал чиновником налоговой службы, старшим шерифом, судьей в суде общей юрисдикции.

¹⁰¹ Колин Кэмпбелл — в 1773 г. был адвокатом, в 1774 г. — старшим судьей в королевском суде в Берлингтоне. Его отец служил пастором в церкви Св. Марии там же. В декабре 1776 г. К. Кэмпбелл присоединился к британским войскам. Сначала получил чин прапорщика, затем стал квартирмейстером, позже лейтенантом. Занимая лоялистские позиции, он пережил все превратности судьбы вместе с подобными ему — был арестован за отказ подписать присягу верности США, его имущество было конфисковано. В конце концов, он бежал в Филадельфию, затем в Нью-Йорк, где был назначен прокурором и секретарем в Комиссии по долгам. После войны уехал в Канаду и поселился в Нью-Брансуике, где был избран секретарем Верховного суда. Умер в 1801 г.

28 МАЯ 1777 ГОДА

Уильям Дилвин, который несколько дней назад получил паспорт от генерала Вашингтона, отправился в Нью-Йорк в сопровождении вдовы Аллен.

7 ИЮЛЯ 1777 ГОДА

Описания событий, часто поступающих от посыльных, дают основание думать, что войска англичан находятся на марше, и полагать, что они намерены повернуть в сторону Филадельфии¹⁰².

10 ИЮЛЯ 1777 ГОДА

В городе появился человек из лагеря наших войск с целью набрать проводников (и забрать их с собой), хорошо знающих разные пути в Филадельфию, так чтобы в случае отступления у наших войск не возникло сложностей¹⁰³.

11 ИЮЛЯ 1777 ГОДА

Были доставлены сведения о том, что англичане сейчас находятся у Баунд-Брука, а американцы в Морристауне.

¹⁰² В начале весенней кампании 1777 г. Дж. Вашингтон находился в неведении относительно планов генерала Уильяма Хоу. Генерал Джон Бергойн с сильной армией двигался в район озера Шамплейн (на границе штатов Нью-Йорк, Вермонт и канадской провинции Квебек; В 1755 году французы построили на берегу озера форт Тикондерогу. 11 октября 1776 года на озере произошло первое столкновение американского и британского флотов), где против него было плохо вооруженное, слабое войско под командованием генерала Филиппа Шуйлера (1733–1804) и генерал-майора Артура Сент-Клера (1737–1818). Вашингтон предполагал, что Хоу пойдет навстречу войску Бергойна в направлении реки Гудзон, возможно в район Олбани (город в 136 милях к северу от Нью-Йорка, на западном берегу реки Гудзон). Дж. Вашингтон маневрировал своим войском с целью выяснить планы У. Хоу, избегая любой попытки британцев втянуть его в генеральное сражение. Спорадические движения соперников порождали только мелкие стычки.

¹⁰³ Следствием таких спорадических передвижений войск было множество слухов, которые и попали в дневник Маргарет Моррис летом 1777 г.

13 ИЮЛЯ 1777 ГОДА

Ранним утром войска маршем отбыли из Бристоля, в течение дня несколько лодок, полных солдат пенсильванской милиции двигались вверх по реке.

14 ИЮЛЯ 1777 ГОДА

Еще до рассвета залпы сигнальных пушек прогремели в Принстоне, Трентоне, Бордентауне и Бристоле. Вслед за этим около девяти утра на реке появились вельботы и лодки. С этого момента и до девяти вечера вверх по течению прошли пять или шесть лодок — плоскодонок по направлению к Бристолу. Вот рассказ человека из Бордентауна, куда прибыли 12 посыльных из лагеря, о сегодняшнем сражении, которое определенно случилось, т.к. мы слышали постоянную стрельбу.

Женщина, жившая там же, где нашли приют генерал Рид и полковник Кокс после битвы под Трентоном, когда американские войска оказались рассеяны в разные стороны, поведала нам о том, что оба полковника не спали всю ночь, рассуждая о том, как спастись. Они решили, как только рассветет, перейти в лагерь британцев со всеми людьми под их командованием. Но утром прибыл курьер с известием о великой победе — потрепанное американское воинство обратило англичан в бегство. Это настолько воодушевило мятежных Рида и Кокса, что они остались на стороне Америки.

Когда они нанесли мне визит, я приняла их как должн, хотя и презирала обоих в глубине души. Я уже была готова сказать, что содержание их ночного разговора долетело до меня с быстротой ветра, но, подумав, сдержалась; возможно придет время, когда они сами услышат об этом гораздо больше. Несколько мужчин из вельботов и их жены были больны, а в городе не было ни одного доктора. Но им сказали, что миссис Моррис¹⁰⁴ — опытная женщина, и у нее есть лекарства для бедняков. Поэтому, несмотря на то, что еще недавно они намеревались застрелить моего бедного мальчика, эти

¹⁰⁴ МАРГАРЕТ ХИЛЛ МОРРИС — автор этого дневника.

двое отважились явиться ко мне и в самой смиренной форме просить о том, чтобы пойти и помочь им. Сначала я подумала, что со мной хотят сыграть злую шутку и, заманив меня на лодки, ограбить мой дом, как уже было с несколькими, но, спросив, где находятся больные, я узнала, что они сейчас в доме губернатора, так что я направилась напрямик туда. У нескольких мужчин и женщин был жар, какой бывает при лихорадке или «гнилостной» лихорадке. Тела их были покрыты нарывами, и при более детальном осмотре оказалось, что это чесотка. После моего лечения им всем стало лучше.

Я и не надеялась получить большую награду, чем обычную благодарность за проявленную доброту, но подумать только — вскоре после этого у нашей входной двери появился очень суровый болезненного вида человек и спросил меня. Когда я вышла, он отвел меня в сторону и задал вопрос о моих друзьях в Филадельфии. Его вопрос насторожил меня — возможно, над городом нависла очередная угроза, — однако я спокойно ответила, что там живет пожилой отец¹⁰⁵, сестры и некоторые близкие. Тогда он спросил, не хочу ли я передать им письмо или что-нибудь из еды и питья — если так, он готов позаботиться об этом, более того — привезти оттуда любую нужную мне вещь. Меня это сильно удивило, я даже подумала, что он так собирает провизию для людей из вельботов, но когда он сказал, что его жена была одной из тех, кому я дала лекарство, и это единственное, чем он может отплатить мне за доброе дело, мое сердце подпрыгнуло от радости. Я тотчас же начала собирать посылку с продуктами для моих дорогих друзей — четверть говядины, немного телятины, курятины и муки, — и около полуночи он погрузил все это на борт своей лодки. Все отправленное он доставил к Роберту Гопкинсу, откуда мои друзья забрали все это.

Спустя две ночи в нашу парадную дверь громко постучали, немало напугав нас. Открыв окно спальни, мы услышали мужской голос, который попросил нас тихо спуститься, открыть дверь, но огня не зажигать — в этой просьбе было что-то таинственное, но мы все же решили спуститься и зажечь свечу на кухне. Подойдя к двери, мы спросили, кто там,

¹⁰⁵ Джон Моррис, свекор.

голос ответил, что друг, открывайте скорей. За дверью, кто бы мог подумать, стоял наш честный лодочник с письмом, бушелем соли, кувшином патоки, мешком риса, чаем, кофе и сахаром, а также тканью на куртки для моих мальчиков. Все это послали мои добрые сестры. Наши сердца и глаза наполнились любовью к ним и благодарностью к нашему небесному Отцу за столь своевременный дар — мы никогда не забудем о Нем.

Теперь, разбогатев, первое, что мы посчитали своим долгом сделать — поделиться с теми, кто нуждался. Вокруг нас было немало изнывавших от недостатка соли, так что мы поделили бушель и раздали по пинте каждому, кто пришел за ней, и самим осталось предостаточно. В самом деле, казалось, будто наш скромный запас чудесным образом увеличился в несколько раз, стоило нам его разделить, подобно благословенному хлебу, которым спаситель оделил множество людей. Однажды утром, выйдя из спальни раньше обычного и посмотрев через окно на реку, я с удивлением обнаружила сотни лодок с британскими солдатами. Я добежала до комнаты моего дорогого Джорджа Дилвина и упростила его подняться и взглянуть на это зрелище. Он подошел к окну. Я ждала, что он скажет, но он стоял и смотрел молча, так что пришлось его окликнуть. «Брат, что же нам теперь делать?» На это он, открыв дверь своей комнаты, тихо и спокойно ответил, что нам не стоит волноваться, и ничего дурного не произойдет. И действительно, в городе в это время было необыкновенно тихо. Даже дети, казалось, прониклись этой тишиной.

Лодки были отправлены для того, чтобы сжечь все вельботы вверх по течению. Бедняга Роберт Саттон с сыном проходили мимо моей двери. Я остановила их и спросила, куда они направляются. Они собирались присоединиться к солдатам, идущим в Бордентаун. Англичане собирались поджечь его, а на обратном пути сделать то же самое с Берлингтоном. Я умоляла его не ходить туда, ведь его могут убить, но он был непреклонен. На следующий день мы получили известие о его

гибели¹⁰⁶. Кто-то из народного ополчения стрелял по лодкам англичан, идущим вверх по реке — британцы ответили — и несчастный Саттон стал первой, если не единственной, жертвой. В последней маленькой лодке, которую мы видели, было всего трое гребцов и ни одного солдата. Поравнявшись с городским причалом, гребцы в лодке оставили весла, сняли шляпы и поклонились стоявшим на пристани людям. Позже мы узнали, что это были наши несчастные беглецы — доктор Джонатан Оделл, доктор С. Берлинг и Джозеф Стенсбери¹⁰⁷, которые хотели бы сойти на берег и навестить нас, но из-за большого скопления людей на причале и улицах вынуждены были грести дальше. Во всей флотилии было одно большое судно, оснащенное пушкой, и по возвращении отдан был приказ палить из нее при виде солдат на пристанях или улицах — кажется, солдаты знали время его (судна) возвращения и рас-

¹⁰⁶ Уильям Хоу весной 1777 г. послал несколько фуражных экспедиций в Нью-Джерси. Эти набеги имели еще одну цель — отвлечь внимание и уничтожить суда патриотов и морские склады в разных городах штата. 7 мая 1777 г. маленькая флотилия, состоящая из брига, шхуны и нескольких галер, поднялись вверх по реке Делавэр, чтобы атаковать американские суда, стоявшие на якоре в Бордентауне. Внезапность сыграла свою роль, и несколько фрегатов, много небольших вельботов, часть запасов на складах и дом Джона Бордена, выдающегося патриота, были уничтожены. После этого англичане расширили зону разрушения вверх и вниз по реке. Для организации отпора врагу были призваны все отряды милиции из окрестностей Бордентауна и Берлингтона, в том числе отряд капитана Ленгстона Карлиеля из Первого полка графства Берлингтон. Роберт Саттон, сосед Маргарет, был членом этого отряда и погиб 10 мая.

¹⁰⁷ Джозеф Стенсбери (1750—1809) — родился в Лондоне, за несколько лет до начала Революции переехал в Филадельфию, где стал крупным торговцем и держал магазин на Франт-стрит (в самом центре города). В 1776 г. в его доме организовался хор, который пел «Боже, храни короля». В конце этого года патриоты посадили его в тюрьму в Берлингтоне. В 1777 г. он был назначен Уильямом Хоу комиссаром городской стражи. В 1778 г. провел по инициативе У. Хоу лотерею для облегчения положения бедных, управлял библиотекой. Одновременно писал стихи для поднятия духа лоялистов. Когда в июне 1778 г. британцы эвакуировались в Нью-Йорк, он остался в Филадельфии и стал главным посредником между Бенедиктом Арнольдом и Джоном Андре. В 1780 г. виги вновь арестовали его, и Совет Филадельфии по имуществу лоялистов отправил агента составить опись того, чем владел Дж. Стенсбери. В ответ на просьбу разрешить ему переехать в британскую зону, он получил согласие в обмен на то, что обеспечит освобождение и безопасное возвращение с Лонг-Айленда двух пленников, и не будет предпринимать никаких шагов во вред патриотам. Он получил свободу, ему вернули имущество, и весь остаток войны он прожил с семьей в Нью-Йорке. После ее окончания уехал в Новую Шотландию (Канада). В 1785 г. вернулся в Филадельфию и попытался восстановить свой бизнес. Но столкнувшись с угрозой насилия, он переехал в Нью-Йорк, где стал секретарем страховой компании. Его стихи в поддержку короны были изданы Уинтропом Сарджентом под названием «Лоялистские стихи». (См.: *The loyal verses of Joseph Stansbury and Doctor Jonathan Odell relating to the American Revolution*. Ed. by W. Sargent. Munsell's historical series. № 6. Albany: J. Munsell, 1860.).

положились вдоль берега до самой переправы. В тот день после обеда в доме кроме меня никого не было — я лежала в постели, но, услышав выстрелы, поднялась, выглянула в окно и увидела большой корабль так близко от берега, что казалось, будто он собирается пристать. Затем раздались два или три залпа, от них содрогнулись стены нашего дома и обрушились стены соседнего, где жил капитан армии повстанцев. Я все еще стояла у окна, не осознавая опасности, и видела двух человек на палубе, они разговаривали и показывали на мой дом. Один из них говорил, что в этом доме живет женщина, перед которой он в неоплатном долгу, приютившая его, когда его выгнали из собственного дома. Все это мне позже рассказал его собеседник — стоит ли говорить, что это признание принадлежало нашему несчастному беглецу Джонатану Оде́ллу. Уверена, им все же удалось покончить с вельботами, потому что больше ни одного из них мы не видели и, надеюсь, уже не увидим. Квартирмейстер армии повстанцев, который помнил некоторые любезности, оказанные Сарой Диллави́н и мною, спросил меня однажды, не желаю ли я навестить кого-нибудь в Филадельфии. Я сказала, что желаю этого больше всего на свете. Он отозвался о своей готовности сопровождать меня до Франкфор́та¹⁰⁸ и обратно при условии, что я не возьму с собой никакой провизии. Таким предложением нельзя было пренебречь, и я отправилась к моей подруге А.О., спросить, не составит ли она мне компанию, на что она с радостью согласилась. Мы одолжили коня и повозку и выехали на следующий день ранним утром вместе с квартирмейстером и нашим добрым соседом Джеймсом Верре, сопровождавшим нас до переправы. После полудня мы добрались до дома А. Джеймса и отправили извещение о своем прибытии в город друзьям, и на следующее утро мой отец¹⁰⁹, брат М.¹¹⁰, Ричард Уэллс, две мои сестры¹¹¹, доктор Джонатан Оде́лл, Джо Стенсбе́ри и С. Берлинг встретили нас в Кенсингто́не¹¹². Дальше они пойти не решились, потому что это была территория британцев. Более сердечной

¹⁰⁸ Франкфорд, ныне северо-восточный район Филадельфии.

¹⁰⁹ Свекор.

¹¹⁰ Зять (муж сестры) доктор Самюэль Престон Мур.

¹¹¹ Ханна, жена доктора Самюэля Престона Мура, и Рашель, жена, Ричарда Уэллса.

¹¹² Сегодня промышленная и жилая зона вдоль реки Делавэр, около 2,5 миль от центра Филадельфии.

встречи на моей памяти не было. Я не видела отца и сестер много месяцев, все это время нас окружали опасности, так что эта встреча вообще могла быть последней в нашей жизни, вдобавок постоянные извещения о недостатке провизии в городе и тысячи других вещей — из-за всего этого мы приветствовали друг друга теплее, чем когда-либо. Мы с сестрами пообедали у А. Джеймса, А.О. осталась с мужем до вечера, когда мои любимые сестры должны были расстаться со мной и вернуться в город. Расставание с ними было для меня невыносимым — мне казалось, что больше мы никогда не увидимся, — но неизбежным. Они уехали в город, а мы с А.О. (Нэнси) пошли спать, ожидая, что квартирмейстер вернется за нами на рассвете. Но утром вместо этого мы услышали шквальный огонь из орудий. Это заставило нас опасаться, что безопасного возвращения домой не предвидится. Около девяти утра к нашему жилищу подошли несколько отставших солдат, рассказавших, что поблизости столкнулись отряды англичан и американцев¹¹³, но самое ужасное заключалось в том, что обеим сторонам дан был приказ арестовывать всех встреченных — после таких сведений мы вынуждены были немедленно отправиться обратно без сопровождения. Мы забрались в повозку и чуть не засекали коня, заставляя его бежать быстрее. На пути нам встретились несколько групп солдат, нас спросили, кто мы и куда направляемся. Они рассказали, что если мы едем в Берлингтон, на переправе нас остановят и отправят в штаб армии Вашингтона — было получено известие о том, что женщины отправились в город за продовольствием. Мы успокоились, надеясь, что нам стоит всего лишь без приключений добраться до переправы, а после нам уже точно ничего не будет грозить, раз уж о нас всем известно. Все шло довольно неплохо, пока мы не подъехали к холму возле гостиницы «Красный Лев»¹¹⁴, все

¹¹³ В это время британцы готовились к эвакуации из Филадельфии и в пригородах шли постоянные столкновения противников. Генерал Дж. Вашингтон пытался определить путь отступления генерала Генри Клинтона (британского главнокомандующего, назначенного вместо Уильяма Хоу, которого отозвали в Лондон), поэтому всех, кого было можно, он отправил на поиск информации.

¹¹⁴ Сегодня гостиница «Красный лев» находится в Торресдейле, малонаселенном северо-восточном районе Филадельфии. В прошлом она стояла на главной дороге (сегодня — это Фрэнкфорд-авеню), но выпрямление ее оставило гостиницу в стороне. Гостиницу модернизировали, надстроили два дополнительных этажа, но многие старинные детали сохранили.

так же нещадно подгоняя коня. Животное сделало еще одно невероятное усилие, забираясь на вершину, когда, к нашему совершенному отчаянию, сломалась вага упряжки, и повозка покатилась в обратном направлении. Мы успели одновременно из нее выскочить. Нэнси взяла коня под уздцы, я подкатила тяжелый камень под колесо повозки, и мы стояли вдвоем, боясь лишний раз пошевелить лошадь, и думали, что придется оставить повозку и вести коня домой. Наконец, мы решились подойти к маленькому домику неподалеку и попросить о помощи. К нам вышел мужчина и починил нашу повозку при помощи лент Нэнси и моих подвязок. Мы снова сели в повозку и двигались шагом, пока не выехали к дороге на Бристоль, где слышали, что переправа охраняется, и никого на тот берег не пропускают. Однако мы продолжали ехать, и через некоторое время добрались до нее. Никакой охраны не было, и мы едва нашли человека, чтобы перебраться. И вот, уже находясь на своем берегу, мы, как люди, выжившие после кораблекрушения, начали наперебой вспоминать обо всех минувших напастях и поздравлять друг друга с успешным возвращением. Я искренне полагаю, что дело не обошлось без Провидения, которое помогло нам проделать такой долгий путь к нашим покинутым жилищам. Когда мы прибыли к моему крыльцу, нас встретила моя милая Сара Диллвин в окружении всех соседей и детей. Эта чуткая душа места себе не находила от беспокойства за нас, потому что мы вернулись на день позже, чем планировали. Это заставило нашего мудрого соседа Джеймса Верре глубокомысленно предположить, что произошло нечто действительно ужасное — по меньшей мере, коня, одолженного у него, похитили, а мы вдвоем остались в Филадельфии. Р. Смит, хозяин повозки, был столь же обеспокоен судьбой своего имущества, а Сара Хелм, которая с самого начала громко отговаривала нас от поездки, считала, что нас увели в штаб, поскольку муж моей подруги был на службе у британцев, и из-за него ее бы не пощадили. Благо, все их предположения оказались всего лишь карканьем ворона, зловедей птицы, никому не предвещающей добра, потому что, несмотря ни на что, мы предстали перед ними в целости и сохранности, пусть даже не сообщив о прибытии. Раздавались вопросы — где конь, где повозка, где вы были и т.д., а мы весело отвечали, что все в полном порядке, а затем выпили по хорошей чашке чая и рас-

сказали обо всем, что видели, слышали и пережили. Нас потом долго и со всей серьезностью убеждали никогда больше не ввязываться в такие рискованные предприятия, а мы столь же серьезно заверяли их, что если и ввяжемся, то возьмем и коня посильнее и повозку покрепче. Да и не спросим никого, потому что для нас эта поездка, со всей ее увлекательностью, была как глоток спиртного для голодного перед ужином, только разожгла аппетит.

Военные действия в 1775–1777 гг. проходили с переменным успехом. В кампании 1777 г. британцы собирались взять под контроль долину реки Гудзон, чтобы расколоть колонии пополам. Отрезав Новую Англию, они существенно облегчили бы себе задачу дальнейшего разгрома американцев. В середине января главнокомандующий британскими силами Уильям Хоу предложил госсекретарю по делам колоний лорду Д. Джермейну операцию (совместная сухопутная экспедиция и морская атака) по захвату места повстанческого Континентального конгресса — Филадельфии, «поскольку там же находятся главные силы противника, против которых надо активно действовать»¹¹⁵. Но все попытки генерала выманить армию патриотов на генеральное сражение в северном Нью-Джерси потерпели неудачу. Тогда У. Хоу отправил пятнадцатитысячное войско на судах в Чесапикскую бухту, чтобы высадившись за девяносто километров к юго-западу от Филадельфии, захватить город.

Дж. Вашингтон 2 июля 1777 г. повел свою армию (около одиннадцати тысяч) из лагеря Миддл Брук (рядом с Бриджуотер) на юг, чтобы подготовить оборону города, но был обойден британцами с флангов и 11 сентября 1777 г. проиграл битву при Брендивайне, потеряв более тысячи человек¹¹⁶. После этого обе армии маневрировали на западе от Филадельфии, сталкиваясь в незначительных сражениях, таких

¹¹⁵ *Ketchum R.M.* Saratoga: turning point of America's revolutionary war. London: Pimlico, 1999. P. 81.

¹¹⁶ *Higginbotham D.* The war of American independence; military attitudes, policies, and practice, 1763–1789. N. Y.: Macmillan, 1971. P. 181–186.

как «Облачная битва» и битва Паоли¹¹⁷. Континентальный конгресс переехал сначала в Ланкастер, а затем в Йорк.

26 сентября У. Хоу переиграл Вашингтона и вошел в Филадельфию, не встречая сопротивления. Как записал в своем дневнике капитан Джон Монтресор, главный инженер армии, «среди приветствовавших нескольких тысяч жителей были в основном женщины и дети»¹¹⁸. Захват повстанческой столицы не принес конец войне, как думали британцы¹¹⁹. После взятия города, главнокомандующий разделил свою армию, отправив гарнизон в девять тысяч человек в Джермантаун в 8 километрах к северу от Филадельфии, оставив в ней около трех тысяч солдат. Узнав о разделе армии противника, Д. Вашингтон 4 октября атаковал Джермантаун, но безуспешно. Эта неудача положила конец надеждам патриотов отбить столицу. Последним крупным столкновением в филадельфийской кампании была безрезультатная попытка У. Хоу втянуть Д. Вашингтона в сражение при Уайтмарше и Эдж Хилле в начале декабря¹²⁰.

После этого королевская армия встала на зимние квартиры в Филадельфии. Американское войско вынуждено была отойти в местечко Вэлли-Фордж в двадцати милях к севе-

¹¹⁷ «Битва в облаках» (также известная как битва Уоррена, битва у таверны «Белая лошадь» или битва Гоппена) произошла 16 сентября 1777 г. в окрестностях современного города Малверна (Пенсильвания). Командующий британской армией У. Хоу с превосходящими силами намеревался нанести решающее поражение ослабленному противнику. Но столкновению помешал проливной дождь. Значительно уступая в численности и с промокшими боеприпасами, Вашингтон выбрал тактическое отступление. Британцы увязли в грязи, что позволило американцам уйти.

Битва Паоли — произошла в окрестностях Малверна у таверны Паоли. Отступая с армией, Д. Вашингтон оставил позади себя часть своих сил для контроля и преследования противника, если он пойдет на Филадельфию. Вечером 20 сентября 1777 г. британские войска напали на лагерь возле таверны. Британцы не брали пленных и не щадили раненых, поэтому в американской истории событие известно как «резня Паоли».

¹¹⁸ *Montresor J., Scull G.D. Journal of Captain John Montresor, July 1, 1777, to July 1, 1778, Chief Engineer of the British Army: Including Accounts of the Expedition of Lord and Sir Wm. Howe up the Chesapeake, the Battle of Brandywine, and from the Occupation to the Evacuation of Philadelphia, with the Reduction of Mud Fort or Fort Mifflin // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1882. Vol. 6. № 1. P. 41.*

¹¹⁹ В XVIII в., как правило, сторона, захватившая столицу другой стороны, выигрывала войну. Но Война за независимость продолжалась еще шесть лет, став в то время нетрадиционной войной.

¹²⁰ Сражение при Уайтмарше и Эдж Хилле состоялось в виде целой серии перестрелок 5–8 декабря 1777 г. (См.: *Higginbotham D. Op. cit. P. 186–188.*).

ро-западу от Филадельфии, где провело зиму в страшных лишениях¹²¹. Однако они не помешали улучшению военной подготовки патриотов под руководством немецкого барона Фридриха фон Штойбена¹²², и к весне в распоряжении Вашингтона оказалось боеспособное войско.

Заняв Филадельфию, британцы сразу столкнулись со многими проблемами. Город принадлежал им, а область вокруг города и река Делавэр были под контролем Дж. Вашингтона и Континентальной армии. Форты вдоль реки были в руках патриотов, что отрезало британцев от военных кораблей в Чесапикском заливе и создало серьезные препятствия для снабжения города продовольствием и топливом. Американская армия, уходя, забрала с собой из города практически все запасы, увезла даже Колокол Свободы, чтобы англичане не перелили его на пули¹²³.

В XVIII в. южнее Филадельфии река была разделена островом на два рукава. В 1776 г. Комитет по подготовке обороны города во главе с Б. Франклином организовал строительство двух крепостей — форта Мерсер на восточном берегу на вершине скалы Ред-Бенк в Нью-Джерси (ныне там Национальный парк) и форта на острове Миффлин¹²⁴. Между фортами реку перекрыли «рогатками»¹²⁵. В сплошной линии были оставлены проходы, о которых знали только несколько человек, чтобы проводить нужные патриотам суда. Солдаты в фортах имели приказ стрелять в любого, кто попытается ликвидировать эти препятствия. Второй рукав между остро-

¹²¹ За зиму из 10 тыс. солдат от болезней и переохлаждения умерло около 2,5 тыс. (См.: *Freeman D.S., Harwell R.B.* Washington. N. Y.: Scribner, 1968. P. 381–382.).

¹²² Фридрих Вильгельм Августин Людольф Герхард фон Штойбен (1730–1794) — американский генерал прусского происхождения.

¹²³ *Drinker E.S.* Extracts from the journal. P. 50.

¹²⁴ Еще первые поселенцы Филадельфии понимали стратегическое значение этого острова недалеко от слияния рек Делавэр и Шуйкилл для обороны города. Форт Миффлин, также известный как форт Мад-Айленд — был в основном построен в 1771 г. и достроен в 1776 г. Форт Мерсер был достроен в 1777 г. под руководством Дж. Вашингтона и назван в честь бригадного генерала Хью Мерсера, погибшего в битве при Принстоне.

¹²⁵ «Рогатки» (*cheval de frise*) — препятствия в виде кубических деревянных каркасов (площадью около 2,8 кв.м) из толстых бревен с дном из сосновых досок, положенных на дно реки и заполненных камнями. Сверху на них укреплялись два или три больших бревна с вбитыми в них железными шипами, спрятанными под водой и наклоненными вниз по течению. Рогатки скреплялись между собой для создания непрерывной линии. Деревянное судно, идя вверх по реке, пропарывало днище.

вом Миффлин и болотистым берегом штата Пенсильвания был мелким¹²⁶. Американцы на плоскодонных баржах и лодках спускались вниз по реке, атаковали британские суда, а затем опять уходили вверх по течению под защиту фортов.

В начале октября 1777 г. британские войска осадили форты и подвергли их интенсивному обстрелу. Во время осады около четырехсот американских солдат¹²⁷ в форте Миффлин сдерживали более двух тысяч британских солдат и двести пятьдесят судов. 10 ноября британцы активизировали свои действия, осыпая форт непрерывным градом пушечных ядер. 15 ноября отряд патриотов оставил крепость. Их героическое сопротивление отвлекло часть сил англичан и позволило Дж. Вашингтону занять удачную позицию в битве при Уайтмарше, а затем спокойно вывести войско в Велли-Фордж.

Генерал У. Хоу отправил к форту Мерсер гессенцев — три охранных гренадерских батальона и пехотный полк — под командованием полковника Карла фон Донопа, чтобы напасть на крепость с тыла. Они переправились через реку в районе Кэмдена к вечеру добрались до Хаддонфилда¹²⁸. 22 октября состоялась битва при Ред-Бенк. Более 1200 солдат атаковали форт. С реки нападавших поддерживал огнем корабль «Августа». Хуже вооруженные, голодные и замерзшие шестьсот американцев под командованием полковника Кристофера Грина сумели отбить атаку, нанеся противнику большой урон¹²⁹. Форт Мерсер был оставлен без боя 18 ноября 1777 г., после того как лорд Корнуоллис высадился недалеко от крепости с двухтысячным войском. Уходя, американцы подожгли крепость.

Почти два месяца понадобилось британцам, чтобы взять форты, освободить реку в районе Ред-Бенка и начать снабже-

¹²⁶ Сегодня этот рукав засыпан, там находится международный аэропорт.

¹²⁷ Во время осады 250 из более, чем 400 человек гарнизона были убиты или ранены. (См.: *Boatner M.M. Cassell's biographical dictionary of the American War of Independence, 1763–1783. London: Cassell, 1973. P. 384.*)

¹²⁸ В этом городе отряд остановился на ночь. Известный в Хаддонфилде бегун Джонас Кеттел случайно услышал о планах немцев, выскользнул из города и помчался короткой дорогой к форту Мерсер, чтобы предупредить его защитников, пока квакеры развлекали гессенцев в дружеской обстановке.

¹²⁹ Погибло около половины гессенцев, среди них и полковник фон Доноп.

ние Филадельфии. К этому времени их стычки с Континентальной армией и милицией, разрушения, нехватка продовольствия и топлива разозлили население города.

Для одних филадельфийцев приход британской армии означал разлуку с семьей, друзьями и бизнесом¹³⁰, для других — освобождение от утомительных поборов и ограничений, накладываемых Континентальным конгрессом, чей авторитет отнюдь не был общепризнанным. Издатель одной из газет Джон Данлэп написал в своей газете, что «пунш по одному шиллингу шесть пенсов за порцию и вино по пять шиллингов за кварту — это то обстоятельство, которое примирило ряд жителей с передачей своего имущества, свободы и жизни под волю деспотического хозяина»¹³¹. Издатель другой, Джеймс Хэмфри-мл., был полон энтузиазма: «С величайшим удовлетворением издатель поздравляет своих сограждан со счастливым исполнением их надежд, с тем, что вскоре мы должны увидеть флот перед городом и получить возобновление торговли и бизнеса. Ничто не может принести большей радости каждому желающему процветания этой провинции, чем нынешний приятный вид нашей пристани, заполненной судами и торговцами всякого рода»¹³².

С января 1777 г. жители столицы почувствовали влияние войны через рост цен на кофе, сахар, соль и муку в шесть раз. К лету соль поднялась до двенадцати долларов за баррель, удвоившись в два раза по сравнению с началом года, а в июле стала почти недоступна. Сахарная голова, стоившая десять шиллингов за фунт в начале июля, выросла до двадцати пяти к сентябрю. Неудобства, вызванные сокращением торговли с Вест-Индией, усугубились устойчивым обесцениванием бумажных денег¹³³. Летом Конгресс заказывал через частные компании разные товары, особенно муку и железо, которые вывозил за пределы города. В домах и магазинах были про-

¹³⁰ Многие купцы-виги ушли вместе с Континентальным конгрессом. (См.: *Mishoff W.O. Business in Philadelphia during the British Occupation, 1777–1778 // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1937. Vol. 61. № 2. P. 167.*)

¹³¹ *Pennsylvania Packet and General Advertiser. 1778, August 4.*

¹³² *Pennsylvania Ledger and Weekly Advertiser. 1777, November 26.*

¹³³ *Allen J. Diary of James Allen, Esq., of Philadelphia, Counsellor-at-Law, 1770–1778. // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1885. Vol. 9. № 2. P. 196; Vol. 9. № 3. P. 282, 286, 289.*

ведены обыски и реквизиции с обещанием будущей компенсации. Частые мелкие кражи, совершаемые континентальными солдатами, изъятие лошадей, повозок и одеял низшими офицерскими чинами¹³⁴ вызвали у населения сомнения в том, являются ли «жизнь, свобода и стремление к счастью» действительно самоочевидными истинами.

Приход большого количества иностранных войск оказал глубокое влияние на жизнь города. Его жители, за исключением тех, кто обслуживал нужды армии¹³⁵, продолжали страдать от нехватки товаров и высоких цен. Несколько факторов влияли на снабжение запасами: первый — Континентальный Конгресс и Ассамблея Пенсильвании заявили, что любой, доставивший топливо или продовольствие в Филадельфию будет приговорен к смерти, для обеспечения этого указа летучие отряды контролировали подходы к городу; второй — в начале декабря У. Хоу определил список товаров¹³⁶, которые могли продаваться населению только в строго определенных количествах и при наличии лицензии на торговлю, полученную у британцев; третий — были строго определены районы на север и запад от города, где гражданское население могло рубить дрова; четвертый — возросшее население, вместе с британцами в город прибыло множество купцов и ремесленников, которые заняли пустующие дома, лавки и мастерские ушедших вигов.

Виги, которые остались в городе, чтобы охранять свою собственность, встретились с дискриминацией и вымогательством со стороны тори¹³⁷. Даже к квакерам было мало уважения, их купцам были очень трудно обеспечивать това-

¹³⁴ Allen J. Op.cit. Vol. 9. № 3. P. 282.

¹³⁵ Вскоре после прихода британцев в газетах появились объявления о закупке фуража, скота, продовольствия, повозок, лошадей, пиломатериалов, железа и др., о найме специалистов, жилья, слуг по специальным ценам. (См.: *Pennsylvania Ledger and Weekly Advertiser*. 1777. October 25, 29; November 5, 26; December 17, 31; 1778. January 21; April 15. *Balch Th.W. Thomas Willing of Philadelphia (1731–1821) // The Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1922. Vol. 46. № 1. P. 9–10.).

¹³⁶ Список расширялся в течение зимы. Прежде всего в него попали почти все продовольственные товары, алкоголь, лекарства, фураж.

¹³⁷ Тори — приверженцы Англии (лоялисты), в дальнейшем — консерваторы.

Виги — партия, выступавшая против британской метрополии. Поддерживали протестантские конфессии. В дальнейшем именовалась либералами.

Тори и виги всегда находились в противостоянии друг другу.

рами свою торговлю. Ситуация для многих была настолько серьезная, что некоторые обратились к Обществу Друзей в Ирландии с просьбой об особых условиях перевозок при продлении срока кредита. Совершенно обесценились бумажные деньги, к весне 1778 г. имели хождение только монеты¹³⁸. Солдаты занимались кражами, весной стали делать набеги на поля фермеров¹³⁹.

В то время как простые люди страдали, войска жили весело и предавались дорогим развлечениям¹⁴⁰. В Филадельфии работал театр, многочисленные таверны, питейные заведения, клубы для азартных игр¹⁴¹. К началу 1778 г. возникло изобилие импортных товаров, многие из которых британцы брали в кредит. (После ухода войска оставили задолженности перед деловыми людьми Филадельфии на сумму около десяти тысяч фунтов стерлингов¹⁴²).

К весне 1778 г. серьезные просчеты в плане У. Хоу по крупномасштабному наступлению по трем направлениям стали очевидны и для Лондона. Армия Барри Сен Леджера, будучи западным флангом в кампании под Саратогой, застряла у форта Стэнвикс¹⁴³, что повлияло на ход всей операции и помогло отряду американцев под командованием Горацио Гейтса¹⁴⁴ 17 октября 1777 г. одержать победу над генералом Дж. Бергойном. Сам У. Хоу тоже опоздал, т.к. операция по захвату Филадельфии заняла весь конец лета и начало осени. Стратегия британского главнокомандующего затянула ход войны, что оказалось серьезной ошибкой. В мае 1778 г.

¹³⁸ Morton R. The Diary of Robert Morton // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1877. Vol. 1. № 1. P. 32–33.

¹³⁹ Watson J.F. Annals of Philadelphia and Pennsylvania, in the olden time: being a collection of memoirs, anecdotes, and incidents of the city and its inhabitants, and of the earliest settlements of the inland part of Pennsylvania, from the days of the founders ... Philadelphia: Carey and Hart, 1845. Vol. 2. P. 284–285.

¹⁴⁰ Allen J. Op.cit. Vol. 9. № 4. P. 432, 436.

¹⁴¹ Booth S.S. The women of '76. N. Y.: Hastings House, 1973. P. 157.

¹⁴² Pennsylvania Packet and General Advertiser. 1778, July 18.

¹⁴³ Lowenthal L., Colbrath W. Days of siege: a journal of the siege of Fort Stanwix in 1777. N. Y.: Eastern Acorn Press, 1983.

¹⁴⁴ Горацио Гейтс (1728–1806) — американский генерал, который 19 августа 1777 г. заменил генерал-майора Филиппа Шуйлера, после сдачи им форта Тикондероги (недалеко от южной оконечности озера Шамплейн в штате Нью-Йорк), считавшегося почти неприступным, британцам под командованием Дж. Бергойна. При Г. Гейтсе армия немного увеличилась благодаря дополнительному набору по штатам.

Уильям Хоу вернулся в Англию, его заменил генерал-лейтенант сэр Генри Клинтон, который получил приказ оставить Филадельфию в связи с серьезным изменением международной обстановки. В феврале 1778 года французские и американские дипломаты заключили договор о союзе, а уже в июне Франция и Британия официально находились в состоянии войны.

Генерал Клинтон отправил уходивших с ним лоялистов по реке Делавэр, тяжелое вооружение в Нью-Йорк морским путем, а сам с армией 18 июня 1778 г. вышел из Филадельфии. Вашингтон следовал за ним по пятам и 28 июня нанес поражение при Монмуте (Нью-Джерси), последней большой битве на севере.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ДНЕВНИКА ЭЛИЗАБЕТ ДРИНКЕР

О СОБЫТИЯХ В ФИЛАДЕЛЬФИИ

(1776–1778)¹⁴⁵

1776 год

30 ЯНВАРЯ. Джона Дринкера вызвал Комитет.

9 ФЕВРАЛЯ. Джон Дринкер и Т. Фишер разместили рекламу на купюрах¹⁴⁶.

15 ФЕВРАЛЯ. Магазин Джона Дринкера закрыт Комитетом.

8 МАЯ. Город был в смятении после обеда в связи со стычкой между Роубаком, солдатом и Гонделоуз. 9-го снова была схватка, но без опасных последствий.

16 ИЮЛЯ. Дом собраний Друзей на углу Маркет-стрит был razорен американскими солдатами во время их постоя в нем.

10 АВГУСТА. 104 судна сегодня после обеда присоединились к лорду Хоу.

¹⁴⁵ «American Historical Review» назвал этот дневник — «одним из самых значительных женских описаний жизни в Америке восемнадцатого века. Он стоит в одном ряду с дневниками Самюэля Сьюэлла, Уильяма Берда, Лендона Картера, Джона Адамса, Уильяма Бентли по богатству материала, как источник для понимания социальной и культурной истории того периода, который в нем описан».

¹⁴⁶ Джон Дринкер — старший брат ее мужа — Генри Дринкера. Томас Фишер — один из совладельцев фирмы «Джошуа Фишер и сыновья». Речь идет о том, что они отказывались принимать континентальные деньги.

1777 год

25 ЯНВАРЯ. У нас на постое 5 американских солдат по приказу Совета Безопасности. Солдаты — Адам Вайз и Генри Фитинг — пробыли у нас 2–3 дня, остальные — час или два.

2 ФЕВРАЛЯ. Генри Дринкер, Дэвид Бейкон и другие поехала в Глочестер навестить Марка Миллера и Томаса Редмена, которые были посажены в тюрьму за чтение заявления с Собрания в защиту страждущих, и за отказ пройти предложенную проверку¹⁴⁷.

5 МАРТА. Томас Вартон¹⁴⁸ — эсквайр был провозглашен Президентом высшего Исполнительного Совета Пенсильва-

¹⁴⁷ В 1776 г. виги убеждали Ассамблею Пенсильвании принять новую Конституцию. Вскоре после провозглашения Декларации Независимости был собран Конвент для этой цели, но который принял законы о введении налога в штате и об аресте подозрительных лиц. Были приняты акты, требующие от граждан отвергнуть связь с британской короной и заявить о своей лояльности новому правительству. Ассамблея, среди членов которой были квакеры, приняла резолюцию, осуждающую эти законы, подчеркнув, что Конвент собирался только для выработки Конституции. Ежегодное собрание Общества Друзей Филадельфии приняло решение, в котором было сказано: «Мы едины в убеждении, согласуемся с нашими религиозными принципами, в том, что мы не можем выполнить требования этих законов... И так как налоги и сборы возлагают на тех, кто из добросовестных соображений отвергает эти акты, то мы заявляем, что по нашему общему решению никто из Друзей не будет платить таких налогов и сборов».

В августе 1777 г., Конгресс, настроенный резко против Друзей, докладывал Комитету безопасности Пенсильвании: «С начала нынешней борьбы между Великобританией и Америкой было опубликовано несколько доказательств того, что поведение и разговоры целого ряда состоятельных людей, называемых квакерами, точно и печально показывают их большую злобу и горечь по отношению к американской идее. Поскольку это в их силах, то никаких сомнений в их склонности сообщать данные врагу и разными путями наносить вред планам и армиям Америки. Когда в декабре 1776 г. враг продвигался к Филадельфии, были опубликованы мятежные обращения к «Друзьям и Братьям по вере в дальних и ближних провинциях», подписанные Джоном Пембертоном от имени Собрания за страждущих, проведенного в Филадельфии 20 декабря 1776 г. Они, по достоверной информации, циркулировали среди многих членов Общества Друзей в разных штатах. Так как эта вышеупомянутая мятежная бумага родилась в Филадельфии, и так как лица, чьи имена будут ниже упомянуты, постоянно демонстрируют враждебность к делу Америки, мы настоятельно рекомендуем Высшему Исполнительному Совету Пенсильвании арестовать и обезопасить себя от этих лиц».

¹⁴⁸ Джон Моулсворт был арестован и осужден военным судом по приказу генерала Гейтса. Генерал отправил дело на рассмотрение Континентального Конгресса, который утвердил смертный приговор. Молодой человек был казнен в марте 1777 г. как шпион. Он был клерком при трех или четырех мэрах Филадельфии. Почему его тело было выкопано и перезахоронено на квакерском кладбище, неизвестно.

нии, и одновременно капитан-генералом и главнокомандующим. Некоторые называют его губернатором.

8 МАРТА. Бринт Дебади, американский солдат, был застрелен у Городской ратуши — до этого в городе такого не было.

... МАРТА¹⁴⁹. Молодой человек по имени Моулсворт¹⁵⁰ был схвачен у ратуши по приказу нынешних правящих господ.

5 ИЮНЯ. Офицер с двумя констеблями просили у нас одеяла — ушли ни с чем, как и другие, три или четыре раза до этого.

4 ИЮЛЯ. Город иллюминирован, и огромное количество окон разбито — Празднование годовщины Независимости и Свободы.

31 ИЮЛЯ. Разговоры об огромном флоте рядом с нашими мысами, они исчезли на следующий день.

2 СЕНТЯБРЯ. Ближе к полудню Генри Дринкер отправился в кабинет, чтобы переписать протоколы месячного собрания — в тетрадь на столе. Стол был не закрыт, когда Уильям Бредфорд, один из Блюеров и Эрвин вошли, предлагая ему подписать обещания, которые им были отвергнуты. Тогда они схватили тетрадь, несколько бумаг со стола и унесли их, известив о своем намерении прийти на следующее утро, в 9 часов и наказав Генри Дринкеру быть дома в это время. Они заявили в 4 утра и забрали моего Генри в масонскую ложу¹⁵¹ не-

¹⁴⁹ Дата пропущена в дневнике Э. Дринкер.

¹⁵⁰ Джон Моулсворт был арестован и осужден военным судом по приказу генерала Гейтса. Генерал отправил дело на рассмотрение Континентального Конгресса, который утвердил смертный приговор. Молодой человек был казнен в марте 1777 г. как шпион. Он был клерком при трех или четырех мэрах Филадельфии. Почему его тело было выкопано и перезахоронено на квакерском кладбище, неизвестно.

¹⁵¹ В здание масонской ложи.

законным, беспримерным образом, где он и несколько других Друзей, с такими же убеждениями, были арестованы¹⁵².

9 СЕНТЯБРЯ. Я с маленькой Салли пошла в Ложу после обеда. Во время моего визита пришла весть из Совета, что завтра решено их выслать — уже готовы повозки для них. Я вернулась в Ложу в 10 вечера, нашла узников, заканчивающих писать Протест против тиранического правления нынешних бесчестных руководителей. Сейчас около 11 часов — я только что слышала выстрел из пушки.

11 СЕНТЯБРЯ. Отправка Друзей назначена на три часа пополудни, они обнаружили, что тяжело найти повозки и людей. Город сейчас в большом смятении, сильная стрельба слышится снизу. Предположили, что в конфликт втянуты военные. Также говорили, что несколько военных ушли вверх по реке. Повозки уехала около 6 часов, я пришла домой в сумерках.

12 СЕНТЯБРЯ. Я получила письмо от Генри Дринкера этим утром, которое принесло мне успокоение.

Части армии Вашингтона были рассеяны, и большая их часть вошла в город; участники битвы, которой я не уделила внимания; говорят — очень много убитых. Сотни мушкетеров лежат на дороге — тех людей, кто бросил их, удирая. Я слегка задрожала, услышав, как у нашей двери остановился барабаник, затем последовал тяжелый удар в дверь; это был человек с приказами для Г. Д. явиться или прислать вместо себя замену. Сегодня после обеда будет собрание в ратуше,

¹⁵² В «Обращении к жителям Пенсильвании», вышедшим из места их заточения, говорится: «Лица, которые не являются общественными офицерами правосудия, призывали нас поставить свои подписи под бумагой с обещанием не покидать нашего места жительства, быть готовыми явиться по призыву президента и Совета штата Пенсильвания, воздержаться от нанесения вреда Соединенным Свободным Штатам Северной Америки письменно или устно, или каким-либо другим образом, от передачи данных как-либо касающихся общественных дел командирам британских сил, или другим лицам. Осознавая свою невиновность по обвинениям, выдвинутым против нас, и не желая ограничивать свое право дышать свободным воздухом и продолжать свой законный бизнес только в узких рамках своего дома; пренебрегая тем, что нас рассматривают в таком гнусном свете, как людей, которые заплатили за свои преступления своими неотъемлемыми правами, мы отказываемся становиться добровольными заключенными и отказываемся от предложения. Мы требуем с мужеством, которое неотделимо от невиновности, знать от имени какой власти они действуют».

но по какому поводу, я не знаю. Предполагают, что этим вечером в городе будет Д. Вашингтон. Будут принесены раненые после обеда, но в каком количестве, я не знаю.

13 СЕНТЯБРЯ. Они изменили место заключения наших Друзей на Винчестер, как я поняла.

Многие горожане уезжают из города.

14 СЕНТЯБРЯ. Говорят, что генерал Хоу в Честере, что генерал Вашингтон покинул город, и пересек реку Шуйлкилл сегодня. М. Стори сообщил мне, что наши Друзья останавливались в последнюю ночь в Поттс-Гров.

15 СЕНТЯБРЯ. Не слышала этим утром никаких новостей, но повозки все время едут мимо, горожане уезжают. Вчера вечером прошел слух, что некоторые лишились своих лошадей — их увели из конюшен — по этой причине я велена наших лошадей и корову спрятать в прачечной, где они сейчас и находятся. Много разговоров о предписании представления арестованных в суд¹⁵³, и о слушании по делу наших Друзей. Я слышала от 2 или 3 человек сегодня, что сняты колокола с церквей, мост через Шуйлкилл разобран, канаты для паромы перерезаны.

16 СЕНТЯБРЯ. Наш прочный подвал прошлой ночью взломали, и несколько бочонков с мукой украли.

¹⁵³ После неэффективных попыток Совета и Конгресса, установить преступления, в которых они обвиняли квакеров, и требований Друзей о слушаниях по делу, 6 сентября Конгресс принял к рассмотрению их протест и вскоре вынес решение: «Рекомендуется Высшему Исполнительному Комитету штата Пенсильвания выслушать доводы, которыми протестующие могут рассеять обвинения их в предательстве и опасности для Соединенных Штатов». Это решение Конгресса было рассмотрено в Совете в тот же день, и было вынесено следующее поразительное решение: «Решено, что у Совета нет времени уделить внимание этому делу из-за нынешнего кризиса. В согласии с рекомендациями Конгресса, Совет не может в нынешний момент вынести решения в отсутствие заключенных». Сразу после этого 11 сентября девять арестантов послали заявление судьям Верховного Суда штата о вынесении ими предписания приведения квакеров в суд в Поттс-Гров. Но 15 сентября в Палату Ассамблеи был внесен билль, прошедший сразу два чтения и принятый 16-го о приостановке действия (Habeas Corpus Act). Таким образом, единственная сила, которая могла повлиять на их судьбу, главный судья штата, был бессилён действовать по закону «после свершившегося факта» (ex post facto).

18 СЕНТЯБРЯ. Сэм Шатт обедал здесь. Я заплатила ему полтора доллара за 21 вязанку дубовых дров.

19 СЕНТЯБРЯ. Дженни разбудила меня в 7 утра с новостью о том, что англичане близко, мы обнаружили, что большинство наших соседей и почти все в городе на ногах с часу ночи. Дело в том, что британская армия пересекла дорогу Свидс-Форт вчера вечером, и сейчас она идет сюда. Конгресс, Совет удрали; лодки, повозки и груженные путники шли отсюда всю ночь. Город в сильном беспокойстве. Но прямо сейчас (около полудня) мне сообщили, что два или три английских всадника вели разведку дороги.

20 СЕНТЯБРЯ. В городе было очень тихо весь день. Говорят, что Вашингтон пересек дорогу, и сейчас по-прежнему находится на этой стороне, некоторые ежечасно ожидают, что будет битва, т.к. британцы на другой стороне дороги. Все лодки, исключая лодки парома, уведены, и кораблям приказано уйти вверх по реке во время следующего прилива, из опасения, что они будут сожжены, когда приблизятся корабли У. Хоу. Жители продолжают уходить, хотя некоторые возвращаются.

22 СЕНТЯБРЯ. Они весь день собирают одеяла и покрывала у жителей.

23 СЕНТЯБРЯ. Те люди, что собирали одеяла в нашем районе, пришли этим вечером ко всем нашим соседям, но не вызывали нас. Сообщают, и это верные сведения, что англичане действительно перешли реку Шуйлкилл и сейчас на пути к нам. У многих сегодня после обеда забрали лошадей, одних отправили одним путем, других — другим. Судя по ситуации, у нас будет шумная ночь, но сейчас в 9 часов я еще не слышу ничего такого; но мы, живя в удалении, избежали большой суматохи, которой подверглись многие.

Все колокола в городе действительно сняты, речь идет о том, что заберут ручные помпы и пожарные ведра — но это могут быть только предположения. Ситуация в целом складывается к большому беспокойству. Может быть, мы будем поддержаны и получим помощь в дни испытаний.

24 СЕНТЯБРЯ. Товары были взяты у Джошуа Фишера по приказу генерала Вашингтона. Товары, а взятые у Уильяма Липпинкотта и других взамен штрафа, вернули владельцам. Они продолжают забирать лошадей. Сестра и Генри Дринкер-младший поднялись в 2 часа ночи, как и многие другие в городе, на некоторых улицах поставили орудия вдоль причала, последние суда ушли днем, говорят с товарами Фишера. Продолжают приходить известия о приближающихся британцах, а я не знаю чему верить. Есть приметы того, что Вашингтон ушел после полудня. Ходит слух, что город подождут.

25 СЕНТЯБРЯ. Это был такой длинный день всеобщего беспокойства в городе, который, что касается нас, не принес нам вреда, но только небольшой испуг (не учитывая положения того, кого мы любим). Сегодня утром Енох Стори (которому я, по указанию моего дорогого Генри, заплатила три полу-иоганнеса¹⁵⁴) первым принес нам известие, что англичане находятся в 4–5 милях от нас. Позднее мы слышали, что они у дома Джона Дикинсона; некоторые ожидают их в городе сегодня вечером. Большинство наших богачей уехали, хотя остались многие, от кого я никак этого не ожидала.

Кажется, что все очень тихо и спокойно. Если кто-нибудь окажется столь злонамеренным, чтобы попытаться поджечь город, Провидение может того не допустить, потому что собирается дождь. Много низких людей ушло к ним¹⁵⁵. Ушел Дж. Нэппер, и я слышала, как он рассказывал, что говорил с Галловэем¹⁵⁶, который сказал ему, что жители должны сегодня поза-

¹⁵⁴ Иоганнес — название португальской золотой монеты, имевшей хождение в Вест-Индии в 1722–1835 гг.

¹⁵⁵ На сторону английской армии.

¹⁵⁶ Джозеф Галловэй (1731–1803) — американский политик, член Ассамблеи Пенсильвании и спикер в ней в 1766 г., долгое время был сторонником Б. Франклина. Делегат Первого Континентального конгресса от Пенсильвании, занял очень умеренную позицию по предотвращению разрыва с метрополией. После того, как его позиция не была поддержана, перешел на сторону лоялистов. Зимой 1777 г. присоединился к армии генерал У. Хоу и вместе с ней вошел в Филадельфию. Во время британской оккупации был назначен начальником полиции и главой гражданского правительства. Заслужил репутацию высокоэффективного администратора, но при этом часто вмешивался в военные дела. Он активно занимался организацией лоялистских сил в городе, и был потрясен, когда британская армия решила покинуть Филадельфию. Дж. Галловэй ушел вместе с британцами в Нью-Йорк. В 1779 г. уехал в Англию, где умер 22 января 1803 г.

ботиться о городе, и что они войдут в город утром. Поскольку шел дождь, они остановились на ночь в двух милях от города. Сейчас около 11 часов, и дождь идет уже несколько часов, что кажется мне замечательным благоволением, потому что говорят, будто в нескольких сараях в разных частях города со злым умыслом разложены просмоленные вязанки.

В доме правительства с девяти часов собирается множество людей, чтобы распределиться в разные команды и сторожить город; сейчас кажется, что все мирно, сторожа беспрепятственно выкрикивают часы. Число войск англичан пока не установлено; некоторые называют 20 тысяч, что кажется мне не очень вероятным.

26 СЕНТЯБРЯ. Что ж! Вот и в самом деле англичане: около 2 или 3 тысяч вошли через Секонд-стрит, без сопротивления или вмешательства — никакого грабежа в какой-либо части города. Наша часть города встречала большую часть этого дня как воскресенье. Жителям рекомендуют продолжать пока помогать сторожить город каждую ночь. Сегодня с этими войсками пришел Корнуоллис, а генерала Хоу пока нет.

27 СЕНТЯБРЯ. Сегодня утром около девяти часов фрегаты «Провинс» и «Делавэр» и несколько канонерских лодок пришли снизу по реке с намерением обстрелять город. Их атаковала батарея, которую англичане соорудили на нижней окраине города. Бой продолжался полчаса, и с обеих сторон раздалось много выстрелов. Я не слышала, чтобы кто-то был ранен на берегу, но в целом люди, особенно ниже по реке, были чрезвычайно взволнованы. Говорят, повар с «Делавэра» прострелил себе голову и ранил еще одного человека. «Делавэр» сел на мель и каким-то образом загорелся, что и вынудило его спустить флаг. Англичане немедленно захватили его, а остальные ускользнули. Они взяли в плен адмирала Александра и его людей. По-видимому, он заявил, что они хотели разрушить город. Мы наблюдали часть этой сцены через маленькое окошко на чердаке.

Сегодня мы узнали о смерти бедного Мириама Ламера, погибшего за Шуйлкиллом вместе со многими другими участниками бригады генерала Уэйна.

28 СЕНТЯБРЯ. Воскресенье. Сестра с детьми пошла на собрание. Это наше ежегодное собрание, и там было гораздо больше Друзей из города, чем можно было бы ожидать, учитывая нынешнее положение дел; никого из Джерси. Сегодня вечером я услышала, что на джерсийском берегу, напротив Арч-стрит и Маркет-стрит, строят батареи — я имею в виду, американцы.

29 СЕНТЯБРЯ. Сегодня утром я с тремя детьми ходила на собрание. Безмолвное собрание. Пока я была там, заходил Финеас Бонд¹⁵⁷. Несколько офицеров сегодня ходят по городу, номеруя дома мелом на дверях. Многие горожане арестованы и заключены в тюрьму. Нам вернули нашего коня и корову.

30 СЕНТЯБРЯ. Эйбл Джеймс и его семья приехали в город, считая, что находиться здесь безопаснее, потому что в окрестностях Франкфорда скрывается множество американцев. Старика Джошуа Гибсона, сын которого живет на Эшбриджской мельнице, на прошлой недели арестовал там какой-то всадник, но его быстро освободили один или два солдата английской легкой кавалерии.

1 ОКТЯБРЯ. Американцы скрываются под Франкфордом: несколько человек сегодня приходили в город, сбившись с пути. Говорят, что в Берлингтоне и около него арестовано много Друзей. Несколько плотов-брандеров, спущенных сверху по реке, чтобы нанести урон флоту, пристали к берегу и были сожжены.

2 ОКТЯБРЯ. Заходили Алекс Аллер и Джоэль Зейн справиться о нашей семье, потому что есть план пересчитать жителей, чтобы в случае недостатка продовольствия каждый мог получить свою часть вместе с армией — как я это понимаю. Говорят, что англичане взяли Биллингспорт; думаю, это не подтверждено.

3 ОКТЯБРЯ. Сегодня сообщили, что Гейтс разгромил Бергойна, а также, что Бергойн разгромил Гейтса; что из этого правда, мы не знаем — возможно, ничего.

¹⁵⁷ Финеас Бонд (1749–1815) — сын Финеаса Бонда (1717–1773), известного врача, одного из основателей Пенсильванского госпиталя.

4 ОКТЯБРЯ. Сегодня утром я написала моему Генри. Пока писала, слышала пушечные выстрелы, и еще я слышала их, прежде чем встала с постели. Спросив, я поняла, что часть армии Вашингтона атаковала сторожевой отряд англичан у Чеснут-Хилла. Я спустилась к соседу Джеймсу; Нэнни Ив и жена Гиббона с мельницы были там. Они пришли в город из страха: бой, видимо, шел совсем рядом с ними, и несколько представителей провинциальных властей были под Франкфордом.

Это был печальный день в Филадельфии; и еще более печальный в Джермантауне и окрестностях. Утром говорили, что убиты 1000 англичан, но Чокли Джеймс, который сегодня ночует у нас, сказал, что он дошел до дома Б. Чью и не слышал, чтобы убили более 30 англичан, хотя многие были ранены, и их принесли в город. Он насчитал 18 американцев, лежащих мертвыми в переулке от дороги до дома Чью. Дом очень сильно поврежден, потому что там останавливалось множество английских солдат, и очень многие стреляли по ним с дороги. Последнее сообщение к вечеру было такое, что англичане преследуют многочисленные силы Вашингтона, и что те бегут от англичан. Американцы разделены на три дивизии: одна за Шуйлkillом, другая — возле Джермантауна и третья я не знаю где; так что армию, которая стояла у нас, в основном отзывают, и считают, что сегодня ночью необходима двойная стража. Говорят, что план был в том, что одна дивизия войдет в город, пока войска будут заняты другими. Опасения, что они войдут, и страх перед канонерскими лодками и другими судами на реке сделают эту ночь мучительной для многих. Говорят, что Вашингтон ранен в бедро. Друзья и другие люди в Джерси, да и почти все в стране, сильно страдают.

5 ОКТЯБРЯ. Воскресенье. Сегодня, кажется, тихо. Приходил Джозеф Брингхерст. Принес известие о благополучии моего мужа, которого вместе с другими Друзьями видели во вторник на прошлой неделе утром, около 9 часов, в двадцати милях от Винчестера.

6 ОКТЯБРЯ. Слышала сегодня утром стрельбу. После завтрака ходила к Джошуа Фишеру за полотном и проч., потому что они открыли свой магазин. Чокли пришел домой со мной; он говорит, что наш луг в Пойнте испортили 300 голов скота, которых американцы держали там некоторое время. Сегодня вечером я слышала самую сильную стрельбу в жизни, больше двух часов. Думаю, что это английские войска сражаются с батареей на Мад-Айленде¹⁵⁸.

Сегодня днем приходил офицер спросить, можем ли мы взять к себе больного или раненого капитана. Я отделалась от него, сказав, что, поскольку моего мужа нет дома, я была бы признательна, если бы он смог найти какое-то другое удобное место. Он выразил надежду, что не нанес мне обиды, и удалился. Сегодня нам привезли два стога сена. Два из домов пресвитерианских собраний превратили в больницы для раненых солдат, число которых огромно.

7 ОКТЯБРЯ. Точных сведений о причине вчерашней сильной стрельбы нет, разве что это были канонерские лодки.

8 ОКТЯБРЯ. Сестра с Билли отправились в Плей-Хаус, Дом правительства и в один из домов пресвитерианских собраний проведать раненых солдат.

9 ОКТЯБРЯ. Прошлой ночью стреляли, и сегодня утром тоже была сильная стрельба, с 5 до 7 часов утра. Это фрегат и канонерские лодки стреляли по англичанам, которые строили батарею на или около берегов Шуйлкилла: один англичанин убит, двое ранены, и убиты 2 лошади.

Дженни и Гарри ушли сегодня после обеда под дождем к Плей-Хаусу и т.д. с кувшином винной сыворотки¹⁵⁹ и чайником кофе для раненых. Весь день было облачно, и по большей части шел дождь, но сейчас, около 10 часов, кажется, проясняется из-за северо-западного ветра.

¹⁵⁸ Глинистый (Грязный) остров, там располагался стратегически важный форт. См. прим. 124.

¹⁵⁹ Wine whey — это напиток из молочной сыворотки и белого вина.

10 ОКТЯБРЯ. Дженни и Гарри отправились в Дом правительства с кофе и сывороткой для раненых американцев, Билли пошел с ними. В большой зале Дома правительства содержатся заключенные, среди них Самюэль Хоуэл, торговец. Джоржд Джеймс принес 30,6 фунтов джерсийскими деньгами, которые он оставил у меня. Я заплатила ему половину иоганнеса за серебро, которое мой Генри получил от него за день или два до того, как Генри забрали. Сегодня вышла газета Хэмфри¹⁶⁰.

11 ОКТЯБРЯ. Дженни и Гарри снова навещали раненых с двойной порцией. Сегодня утром батарею на острове Провинс отбили у англичан, но через полчаса они взяли ее обратно. Мы слышим пушечные выстрелы почти каждый день. Эйбл Джеймс прислал нам сегодня утром 3/4 корда¹⁶¹ дров.

С. Эмлен передал нам известие, что он и другие Друзья возвратились после своего визита к Дж. Вашингтону. Подозреваю, что у них нет хороших новостей, иначе я бы наверное узнала о них.

12 ОКТЯБРЯ. Самюэль Эмлен и Самюэль Смит пришли после ужина. С. Э. рассказал о некоторых подробностях того, как их приняли в лагере Вашингтона; поскольку я не ожидала многого от их обращения, то была не слишком разочарована из-за того, что из этого вышло мало проку. Во время нашего ежегодного собрания брата жены С. Смита увели американцы, привозившие продовольствие в город, и его доставили в лагерь Вашингтона, где, как говорят, будет решаться вопрос о его жизни.

13 ОКТЯБРЯ. Стреляли почти всю ночь, и очень сильно к утру, с галер в людей, занятых на батарее на острове Провинс — говорят, убиты 2 или 3 человека.

¹⁶⁰ Джеймс Хэмфри-мл. (1748–1810). В 1775 г. начал издание газеты «The Pennsylvania Ledger: or the Virginia, Maryland, Pennsylvania, & New Jersey Weekly Advertiser», лояльной британскому правительству. В ноябре 1776 г. он получил анонимное предупреждение о необходимости немедленно покинуть город, что он и сделал. Вернулся в Филадельфию после начала оккупации. В 1778 г. ушел вместе с англичанами в Нью-Йорк.

¹⁶¹ Корд — мера дров, равная 128 куб. футов (3,6 м³).

14 ОКТЯБРЯ. Много разговоров о стремлении Вашингтона войти в город; многие чрезвычайно встревожены из-за этого.

16 ОКТЯБРЯ. Вчера ночью в одного из гессенских часовых, стоявших на пристани Рейс-стрит, стреляли из заднего склада, принадлежащего Э. Джеймсу, или из его окрестностей. Сегодня и вчера жители встречались, чтобы согласовать ночные дежурства, которые на некоторое время забросили, но снова сочли необходимыми.

17 ОКТЯБРЯ. Сегодня говорят, будто английские войска покинули Вилмингтон, но я не знаю правда ли это.

18 ОКТЯБРЯ. Войска из Джермантауна подошли на расстояние 2 или 3 миль от города, чтобы разбить там лагерь. Провизии у нас настолько мало, что Дженни сегодня покупала говядину по 2/6 за фунт. Люди из деревни не осмеливаются приближаться к нам с чем-либо; то небольшое количество масла, которое привозят, стоит 7/6 за фунт. Флот еще не поднялся по реке и, я боюсь, вряд ли сделает это скоро. Дженни и Билли ходили сегодня с кофе и сывороткой к солдатам.

19 ОКТЯБРЯ. Вокресенье. Сегодня после полудня войска подошли к нам на расстояние в одну милю. Говорят, что семья Дж. Ханта переехала к нам в город, как и многие из Джермантауна. Американцы задержали нескольких людей, кто уезжал и возвращался домой, и отправили их обратно. Сегодня сильно стреляли внизу на реке.

20 ОКТЯБРЯ. Столкнулась с С. Плизенс; Полли лишилась их повозки, двух лошадей и мальчика-негра; также взрослого негра, которого наняли для поездки с ними в Джермантаун, чтобы забрать некоторые вещи из дома Израэля; всех их захватили провинциалы¹⁶². Повозку, которую нагрузили у дома Дж. Ханта его вещами, остановили и заставили разгрузить и забрали их лошадей — сами они выбрались с трудностями.

¹⁶² Милиция (ополчение) провинции.

Сегодня утром была небольшая перестрелка где-то между Джермантауном и Филадельфией, подробностей которой я не знаю, и большую часть дня после полудня ниже по реке раздавалась очень сильная стрельба, еще не знаю, по какому случаю. Вчера ночью 16 или 18 лодок-плоскодонок пришли снизу вверх по реке и благополучно подобрались к канонерским лодкам и батарее, но были обстреляны англичанами, один человек был убит.

Если состояние дел вскоре не изменится, мы окажемся в бедственном положении; всего мало и все дорого, и ничего из разрешенного нам не привозят. Сегодня арестовали Тома Прайора, по подозрению, как говорят, в передаче сведений армии Вашингтона.

21 ОКТЯБРЯ. Джон Грейси, которому угрожали, покинул из-за этого свой дом. 2000 гессенцев сегодня высадились в Джерси. Предполагают, что их цель — батарея Мад-Айленда. Из нашего чердачного окна мы видели, как множество их переправлялось в плоскодонных лодках. Англичане обратились с просьбой об одеялах, потому что флот далеко, а они много потеряли в сражении при Джермантауне. Поскольку меня не было дома, сестра отделалась извинениями.

22 ОКТЯБРЯ. Амос Тейлор сообщил нам, что Ричарда Уолна арестовали и отправили в Нью-Йорк. У него был выбор из трех возможностей: отправиться в тюрьму, пройти испытание или перейти на английскую сторону. Он выбрал третье.

23 ОКТЯБРЯ. Сегодняшний день будет памятен для многих. 2500 гессенцев, позавчера перешедших реку, вчера ночью перебрасывали обратно два или три раза, в попытке штурмовать форт на Ред-Бэнке; 200 человек убиты и многие ранены. Сегодняшняя стрельба утром с батареи, канонерских лодок и из 64 пушек военного корабля «Августа», казалась бесконечной. «Августа» загорелась и через два часа взорвалась. Причину потери этого отличного судна объясняют по-разному. Некоторые говорят, что она загорелась случайно; другие, что из-за раскаленных пуль с батареи Мад-Айленда. Говорят, что сгорело еще одно английское судно — помень-

ше. Многие жители города очень обеспокоены нынешнем положением и состоянием дел — тогда как те, кто занимает другую сторону, воодушевлены и в хорошем расположении духа. Говорят, что в числе убитых — граф Доноп. «Августа» взорвалась между 11 и 12 часами, около полудня — многие не почувствовали никакого сотрясения; но некоторым показалось, что это землетрясение. Освальд Ив и Чокли Джеймс залезли на крышу нашего дома с подозрительной трубой сегодня утром, но не увидели ничего кроме дыма.

Гессенцы и другие солдаты британских войск встали лагерем в Джерси на сегодняшнюю ночь; мы можем видеть их костры вдоль берега на достаточно большом расстоянии.

24 ОКТЯБРЯ. Сегодня мы слышали несколько пушечных выстрелов, но причины не знаем.

25 ОКТЯБРЯ. Сегодня приходил офицер узнать, не может ли генерал Грант остановиться у нас. Я сказала ему, что мой муж отсутствует, а при мне много маленьких детей; я просила бы меня извинить. Он ответил, как мне и хотелось, что так и будет. Том Кайт сообщил нам, что американцы взломали дом соседей Стайлсов под Франкфордом позавчерашней ночью и сильно разграбили его.

1 НОЯБРЯ. Сегодня в городе поговаривают, что генерал Бергойн с пятью тысячами человек сдался. Этому известию, кажется, верят. Сегодня после полудня одного бедного солдата повесили на общем выгоне города за то, что он ударил своего офицера. Гессенцы продолжают сильно грабить; такие вещи как дрова, картофель, репу и т.п. У нас мало провизии.

2 НОЯБРЯ. Воскресенье. Гессенский граф не умер, но ранен.

5 НОЯБРЯ. Приходил солдат требовать одеяла, я ни за что не согласилась; несмотря на мой отказ, он поднялся наверх и взял одно и с кажущимся добродушием просил меня извинить этот поступок, потому что это был приказ генерала Хоу. За последние 3 или 4 недели мы не купили ни фунта масла. Все, что у нас есть, это от нашей коровы, около 2 фунтов в неделю, и мало у кого из горожан вообще есть масло.

6 НОЯБРЯ. Джон Пэриш и Джон Джеймс пришли сегодня проститься с нами; они намереваются отправиться завтра к нашим дорогим Друзьям.

7 НОЯБРЯ. К. Кармолт приходил передать известие, что страховку нашего дома нужно продлить до 17 числа сего месяца. Салли и Нэнси вместе с Ханной Дринкер и Нэнси Уолн отправились сегодня к Филлипс Роуп-Уок посмотреть на редуты, которые построены неподалеку.

8 НОЯБРЯ. С егодня утром мы затопили печь в задней гостиной. Дров так мало, что если дела не улучшатся, то пополнения запасов не ожидается; у нас в подвале не больше 3—5 кордов. Г.Д.-младший сообщил нам сегодня вечером, что брат Джона Болдерстона, ушедший из дома некоторое время назад, чтобы не попасться американской армии, вступил, в силу некоторой необходимости, в ряды английской кавалерии и теперь в беде из-за этого. Д. Дринкер вчера одалживал нашего коня; Дж. Дринкер одалживал его позавчера; С. Сэнсом берет его сегодня — перевезти дрова из своего дома.

12 НОЯБРЯ. Большую часть минувшей ночи и почти весь сегодняшний день мы время от времени слышали стрельбу из пушек ниже по реке; батарея Мад-Айленда еще не взята. В деревне говорят, что здесь дают 5 — за крысу; у нас тут действительно плохо, но не настолько; я надеюсь, что до такого не дойдет. Заходили Роберт Уолн, К. Уэст и вдова Эдварда Дринкера. За последней я послала, потому что слышала, что она нуждается; дала ей говядины, печенья и проч.

Плохонькую говядину теперь продают по 3 — за фунт; телятину за 4, масло — за 7/6, шоколад за 4/6, коричневый сахар за 6, свечи — за 2/6. Та немногая мука, какая здесь есть, по 3 фунта. Дубовые дрова теперь стоят от 17 до 20 за корд, и едва ли возможно, чтобы их нарубили или перевезли.

Рассказывают, что наших друзей Дж. Пэриша и Дж. Джеймса остановили на той стороне Шуйлкилла и забрали в главный штаб, но вскоре отпустили, сказав им, что они не должны возвращаться в город.

13 НОЯБРЯ. По пути домой зашла к Кэлебу Кармолту, заплатила ему четыре доллара, чтобы продлить страховку нашего дома. Дж. Дринкер сегодня был здесь и рассказал, что компания солдат захватила наш дом на Уотер-стрит, около Вайн-стрит. Джонни сходил к ним; они пообещали позаботиться о том, чтобы ничего не испортили. Никаких новостей с батареи. Хорошая, ясная, прохладная погода.

15 НОЯБРЯ. Сегодняшняя стрельба, похожая на гром, образно говоря, была с военных кораблей «Виджилент»¹⁶³ и «Соммерсет» по грозной батарее Мад-Айленда, которая еще не взята, хотя и серьезно повреждена.

Сегодня вечером я с огромной радостью получила два письма от моего ненаглядного Генри. Он пребывает в добром здравии, и эта мысль меня радует.

16 НОЯБРЯ. Воскресенье. Батарея Мад-Айленда, наконец, взята. Американцы оставили ее вчера ночью около 12 часов, когда, вероятно, англичане собирались штурмовать ее; я не слышала никаких других подробностей.

17 НОЯБРЯ. Британские войска заняты ликвидацией рогаток на реке. Холодно и промозгло.

18 НОЯБРЯ. Погода холодная и ясная. Английские войска очень заняты, но передвижения их секретны.

19 НОЯБРЯ. Утром заходил Айзек Зейн. Я заплатила ему 30 фунтов за 4 стога сена, по 8 фунтов за стог; 40 шиллингов были списаны из-за недостатка в одном стоге. Заходили Джон и Дэниэл Дринкеры; они пытаются купить немного дров для себя и для нас.

Генерал Корнуоллис, как говорят, вышел из города позавчера в 2 часа утра с 3000 солдат. В него выстрелили из дома около Дарби, и несколько его человек вломились внутрь, зарубили двух человек и арестовали нескольких других. Он направляется в Джерси. Сегодня после полудня в Джерси видели много американцев, напротив города и в других частях.

¹⁶³ «Vigilant» (англ.) — бдительный, неусыпный.

20 НОЯБРЯ. То, что вчера зарубили двух человек, оказалось ошибкой, но действительно застрелили одного англичанина — тот, кто сделал это, сбежал.

Говорят, и этому верят, что батарея Ред-Бэнк взята. Американцы оставили ее, и говорят, ее взорвали. Они также уничтожили один или два своих корабля. Я видела много дыма из нашего маленького окошка. У нас есть немного говьяжьей вырезки, полученной сегодня — ею поделился с нами сосед Стайлс.

21 НОЯБРЯ. Сегодня утром я проснулась раньше 5 часов из-за громкого звука пушечного выстрела — голова болит ужасно. Вся наша семья была на ногах, кроме маленькой Молли, и в гостиную зажгли огонь раньше, чем за час до наступления рассвета. Все наши соседи тоже проснулись, я думаю, что и большинство людей в городе. Американцы подожгли весь свой флот, кроме одного маленького судна и нескольких канонерских лодок, которые прошли через город ночью. Стрельба была с «Делавэра», который стоял у Куперс Пойнт, по канонерским лодкам; они не отвечали. Билли насчитал восемь разных судов, горевших одновременно, в пределах видимости; одно стояло около берега со стороны Джерси напротив нашего дома; мы слышали, как взорвались 4 из них, когда они взлетели на воздух, так что наши окна сильно затряслись. Нам было хорошо видно горящий флот из верхних окон. Сегодня утром мы слышали о небольших перестрелках в разных местах; у Блэк Хорс на Франкфордской дороге и в разных частях Джерси.

Младший гессенский офицер; немолодой человек, квартирующий у булочника в соседнем доме, настаивал на том, чтобы поставить свою лошадь в наше стойло; я отказала. Сегодня утром он приходил и спрашивал Гарри. Я пригласила его в гостиную; он либо не понимал, либо притворялся, что не понимает английского, но сказал Гарри по-голландски, что должен поставить свою лошадь в наше стойло и сделает это. А. Джеймс, пришедший некоторое время спустя, любезно сходил к Джозефу Галловэю и принес от него несколько строчек, затем отнес их в соседний дом и поговорил с ними; я надеюсь он уладит дело.

Ребекка Уолн пришла поздно вечером; она боится ложиться спать, потому что поговаривают, что Вашингтон предпри-

мет атаку на город до утра. Это был день, насыщенный событиями. Очень туманно. Голова болит.

22 НОЯБРЯ. Сегодня утром снова стреляли из пушки и ружей. Утром на реке горела американская шхуна, подожженная англичанами, почти напротив нашего дома. Сегодня утром многие горожане почувствовали землетрясение, между 7 и 8 часами. Никто из нашей семьи его не ощутил. Поистине ужасные времена!

Сегодня были несколько небольших перестрелок между американцами и дозором, и, говорят, было убито 7 или 8 человек. Пять судов обогнули Пойнт после полудня. Утром около 11 часов тысяча человек напала на дозор. Те их отбили, но некоторые укрылись в доме Дж. Дикинсона и других окрестных домах. Англичане немедленно подожгли эти дома и сожгли их дотла. Говорят, что поджог этих домов был заранее продуман, потому что их использовали, чтобы прятаться, и этим они сильно досаждали дозору. Поговаривают о том, чтобы сжечь все дома на четыре мили от города за линией фронта: дом Дж. Дикинсона; дом, в котором жил К. Томсон, дом Джонатана Миффлина; дома вдовы Кроустон и многие другие были сожжены сегодня днем. Р. Уолн с женой, Джошуа Хоуэлл и некоторые другие пришли сегодня на крышу нашего дома, откуда они смотрели на горящие дома и подходящие вверх по реке корабли. Минувшие два дня были полны событиями и тревогой; до этого времени с момента прихода англичан было очень тихо; с тех пор как они пришли, я только дважды слышала бой барабана.

Сегодня или вчера с Р. Уолна запросили на рынке 30 — за очень маленькую индюшку; 12 — за масло. Я отдала сегодня 3 полу-иоганнеса за 60 фунтов континентальных денег.

23 НОЯБРЯ. Воскресенье. Уильям Джексон пришел с нами домой после собрания. Он предполагает посетить Винчестер в следующем месяце. Он покидает город завтра утром. Я дала ему сегодня днем 61 фунт 11 шиллингов и 3 пенса континентальными деньгами и 2 пары шерстяных чулок для моего дорогого Генри.

Слухи о сожжении дома вдовы Кроустон оказались ошибочными. Г. Кэтерел как раз сейчас сообщил мне, что сожжены дома вдовы Тейлор, Джона Байардса и А.Ходжса, с много-

численными маленькими постройками, сараями и проч. Также я только что узнала, что в тюрьме Карлайла недавно умер бедный доктор Кирсли.

24 НОЯБРЯ. Уильям Джексон зашел сегодня утром сообщить мне, что ему не разрешили взять с собой континентальные деньги; так что я должна искать другой способ передать их. Я дошла пешком до дома Мэри Пембертон с Билли, чтобы изменить ту часть моего письма, которая касалась денег. Приятно видеть пристань, заполненную судами; многие прибыли сегодня. Некоторое время назад беднякам разрешили ходить на мельницу Франкфорда и другие мельницы в этом направлении за мукой. У дома Авраама Карлисла, выдающего им пропуска, каждое утро собирается толпа.

Говорят, что генерал Корнуоллис в Джерси; одни говорят, что он произвел много арестов; другие говорят, что сегодня утром его самого взяли в плен; мы не знаем, чему верить.

Я видела сегодня общее письмо из Винчестера, подписанное Томасом Фишером, со строчкой, написанной рукой моего дорогого Генри, в которой говорится о его добром здравии.

25 НОЯБРЯ. Утром приходил С. Хартшор, чтобы забраться на крышу нашего дома и посмотреть, как вверх по реке идет флот; два или три 20-пушечных корабля и много судов поменьше пришли сегодня снизу по реке. Сегодня мы видели огонь и дым в некоторых частях Джерси; говорят, Глостер и несколько домов в Вудбери сгорели.

Мы были очень напуганы вечером, около 9 часов. Дженни пошла во двор и увидела рядом с Энн¹⁶⁴ мужчину. Она пришла и шепотом рассказала об этом сестре, которая немедленно вышла и обнаружила с Энн молодого офицера. Сестра поднесла свечу к его лицу и спросила его, кто он такой. Он ответил: «А вам что за дело?» Калитка была заперта, и он прошел вслед за Энн и сестрой на кухню, где он поклялся, что ошибся домом, но мы никак не могли его выставить. Чокли Джеймс, который оказался у нас, пришел на кухню и спросил его, что ему нужно. Тот его обругал и сказал: «А вам что за

¹⁶⁴ Служанка.

дело?», взмахнул саблей, которую он держал в руке, и, кажется, угрожал, когда Чокли с большой твердостью выбил саблю из его рук и схватил его. Сестра забрала саблю у Чокли и заперла ее в комод в гостиной; тот кричал только о сабле. Он поклялся, что не сдвинется с места, пока не получит ее. Тогда я послала за Джошуа Хоуэллом, и тогда он объявил, что знает, что мы мирные люди и что он поэтому отдал саблю, исключительно из миролюбия, о чем он нам говорил и раньше. На кухне он сказал Чокли, что завтра тот умрет. Джошуа проводил его до двери и потом отдал ему его саблю, ожидая, что тот уйдет, но он продолжал там браниться. Джошуа оставил его и пошел позвать Эйбла Джеймса; в это время бесстыдник снова вошел в дом, ругаясь в холле и держа саблю в руках. Сестра закрыла Чокли в средней комнате, и мы закрылись в гостиной, куда он постучал, желая войти. Наши бедные, милые дети никогда не были так напуганы: видеть разъяренного, пьяного — а я думаю, это было так — человека, с саблей в руке, бродящего по дому с ругательствами. Пройдя два или три раза по холлу, требуя, чтобы мы впустили его выпить с нами стаканчик вина, он двинулся в конец прохода — и Гарри закрыл за ним входную дверь. Он постучал и хотел войти, когда к нему подошли Дж. Хоуэлл и А. Джеймс, за которым ходил Джошуа. Они поговорили с ним, и он ушел, как я полагала. Я заперла на засовы все задние двери; закрыла калитку и переднюю дверь; но через 10 минут Гарри вышел из кухни и сказал нам, что он там. Тогда я закрыла дверь гостиной и не выпускала Чокли. Гарри побежал к Хоуэллам за Джошуа, который пришел только спустя некоторое время после того, как тот ушел, и Энн вместе с ним. Он перебрался к нам через забор, и обратно они ушли тем же путем. Сейчас около часа ночи, и я все еще не оправилась от ужаса. Энн назвала его капитаном Тейпом или Джоном Тейпом.

26 НОЯБРЯ. Никаких новостей от Энн и ее ухажера сегодня не было. Я еще не оправилась от страха, пережитого минувшей ночью, была в волнении весь день. В порту примерно 100–200 судов, и говорят, что подойдет еще несколько сотен.

27 НОЯБРЯ. Говорят, лорд Хоу сегодня в городе.

28 НОЯБРЯ. Сегодня пришли военный корабль «Виджилент» и много других судов.

29 НОЯБРЯ. На месте рынка были какие-то признаки ярмарки, хотя это была не более чем видимость. Мало того, что можно продать.

1 ДЕКАБРЯ. Сегодня говорят, будто большая часть английской армии готовится уйти в какую-то секретную экспедицию. Энн Келли¹⁶⁵ имела нахальство прийти вчера утром в нашу конюшню и попросить Гарри отдать ей ее пожитки и проч. Старую ветряную мельницу на острове снесли на прошлой неделе.

2 ДЕКАБРЯ. Сегодня утром приходил некий молодой человек по имени МакМайкл. Он приходил, чтобы забрать лошадей, но, поняв, кому они принадлежат¹⁶⁶, сказал, что если даже у нас их будет много, нельзя трогать ни одну из них.

Наша дерзкая Энн приходила, пока я была на собрании, и спрашивала, сколько стоит ее работа, если она прямо сейчас вернется к нам. Сестра сказала ей, что не знает, но что она слышала, как я говорила о том, чтобы отдать ее в рабочий дом. Энн ответила: «Если так говорите, то не видать вам меня». Сестра велела ей прийти снова в полдень, но с тех пор она так и не появилась.

М. Стори пришел одолжить для Джозефа Галловэя, который собирается обустроить дом, некоторое постельное белье, утюги, столы и проч.; мы договорились, что он возьмет некоторые вещи. Друзья хотят съездить в Винчестер, и теперь они навещают каждую из нас, бедных женщин, мужей которых они надеются вскоре увидеть.

4 ДЕКАБРЯ. Энн Келли приходила сегодня утром спросить, за сколько бы я взяла ее на работу. Сестра сказала ей, что за 20 фунтов. Я отправила мужу 61 фунт 11 шиллингов 3 пенса в континентальной валюте, спрятав их в рубашках Г. Д.

¹⁶⁵ Она же.

¹⁶⁶ Семье из женщин и детей.

5 ДЕКАБРЯ. Много войск покинуло город, и говорят, что сегодня днем они были в Чеснут-Хилле. Хорошая зимняя погода.

6 ДЕКАБРЯ. Наша соседка Стайлс прислала сегодня утром попросить взаймы нашего хорошего коня Томсона, но поскольку он не был подкован, мы отказали; но она посылала снова и снова, так что мы дали его ей, чтобы съездить во Франкфорд вместе с ее сыном Сэмом. Она вернулась вечером пешком, лишившись своей коляски и нашего коня; их забрали солдаты английской легкой кавалерии ровно тогда, когда она садилась там у себя в коляску. Недавно их деревенский дом разграбили, унеся всю ценную мебель, продовольствие, экипаж, коляску, лошадей, 8 или 10 негров и многое, многое другое.

7 ДЕКАБРЯ. Пила чай у соседа Хоуэлла, у которого прошлой ночью украли постель из одной из двух верхних комнат. В последнее время в городе происходит много грабежей.

Этой зимой в нашей семье всего 9 человек; вот уже много лет не бывало меньше 13 или 14.

8 ДЕКАБРЯ. Сегодня днем Джон Мортон привез мне письмо от моего Генри; оно пришло из Вилмингтона. Нам сообщили, что сегодня с десяти часов вечера часть армии, если не вся армия, вернулась, что не слишком хороший признак.

9 ДЕКАБРЯ. Сейчас положение дел кажется не слишком обнадеживающим, но отсутствие моего дорогого супруга для меня хуже, чем все остальное вместе. Теперь (кроме некоторых людей) не будут принимать ничего, кроме золота и серебра, что тяжело для тех, у кого много старых бумажных денег.

Дощатый забор вокруг нашего дома на Уотер-стрит снесли и, подозреваю, сожгли. Сосед Уолн отправил к нам сегодня днем лошадь и экипаж, на которых приехали из Бристоля две сестры Паттерсона, чтобы поставить в наше стойло.

11 ДЕКАБРЯ. Кэтти Хоуэлл пришла показать нам кое-что, купленное ею. Под воздействием этого сестра пошла и купила кусок льна; мы давно уже не совершали ничего по-

добного. По всей вероятности, товаров скоро станет много; но не будут принимать ничего, кроме звонкой монеты. Ниже по реке стоят 40 или 50 судов с товарами. Недавно корабль с грузом стоимостью в 40 000 фунтов наскочил на рогатку, которая пробила дыру в его днище, и затонул.

Я, Салли и Нэнси провели вторую половину дня сегодня в доме Джошуа Фишера. Хэтти читала письмо своего брата Сэмми, описывающего недостаток соли там [*В ВИНЧЕСТЕРЕ*]: за один бушель соли дают 36 бушелей¹⁶⁷ зерна, и 300 пеннивейтов¹⁶⁸ свинины за такое же количество соли. Около 10 часов вечера пришел — кто бы мог подумать — Ричард Уолн. Он прибыл из Нью-Йорка на корабле вместе со многими другими. Он весел и здоров.

Теперь грустные времена из-за воровства и грабежей; опасно оставить дверь открытой даже на минутку. Недавно в провинции британские войска ограбили и грубо обошлись с несколькими Друзьями; положение дел кажется сейчас весьма удручающим.

13 ДЕКАБРЯ. Слышала намеки на то, что наших друзей Джона Пэриша и Джона Джеймса держат в тюрьме Ланкастера.

14 ДЕКАБРЯ. Воскресенье. Заходил Томас Эдди; он принес известие, что Древет Смит вернулся из Винчестера, что сначала очень меня удивило и взволновало.

Мы немного испугались около 11 часов, увидев, как двое мужчин заглядывают во двор к Бекки Джонс и лезут на ее ворота. Сторожевая собака залаяла, и Гарри вышел во двор. Они ушли. По этой причине я вспомнила прошлую ночь, когда около часа я услышала шум у нашего забора; пес яростно лаял. Я разбудила Дженни, которая посмотрела в окно и увидела двух мужчин в переулке, которые скрылись из виду. Часто я боюсь лечь спать.

15 ДЕКАБРЯ. Прошлой ночью около 11 часов, когда мы ложились спать, мы увидели, что в переулке у забора стоят

¹⁶⁷ 1 американский бушель равен 35,24 литра.

¹⁶⁸ 1 пеннивейт равен 1,56 грамма.

двое солдат. Мы снова спустились вниз во двор. Мы громко спросили Гарри, спят ли уже Том и Джон. Гарри ответил, что да. Сестра велела ему отвязать собаку и зайти в дом. Пока мы внизу придумывали все это, Дженни увидела из окна моей комнаты, как они уходят с каким-то большим узлом, который она приняла за постель. Примерно через час после того, как мы легли спать, мы слышали в переулке страшный шум. Дженни, сестра и дети подбежали к окну и увидели, как булочник из соседнего дома бежит по переулку в сорочке, накинув только маленькую красную куртку; с ним была вся его семья. Причину этого шума мы узнали только утром, когда выяснили, что у булочника украли часть одежды его жены: полагаем, что это и был тот узел, который унесли мужчины.

Сегодня утром заходила Пегги Йорк с письмом, полученным ею от своего мужа из Лондона. На ней была самая высокая и нелепая прическа, которую я когда-либо видела.

В последнее время у Друзей было несколько собраний, где договорились послать заказы разным торговцам в Лондон на груз продовольствия и угля, потому что сейчас понятно, что жители будут нуждаться в таком подкреплении. Офицеры и солдаты в основном квартируют у семей. Один со своей семьей должен будет жить у Дж. Хоуэллов. Я каждый день жду, что они придут к нам. Прошлой ночью в доме Айзека Кэтерелла хозяев сильно напугал солдат, который проник в дом, направил свой штык на Айзека и вел себя весьма буйно. Говорят, что Энтони Моррис, сын Самюэля, опасно ранен.

18 ДЕКАБРЯ. Иезекииль Эдвардс вернулся из Винчестера. Я не видела его, но говорят, что он принес очень неприятные известия — слышал намеки на то, будто есть намерение отправить наших дорогих Друзей в Стаунтон; будет поистине горестно, если это произойдет, но может и не произойти.

Сегодня днем приходил офицер, назвавшийся майором Крэммондом, в поисках жилья для какого-то важного офицера. Я отговаривалась; он хотел убедить меня в том, что в такое время иметь мужчину в доме — необходимая защита. Он сказал, что мне нужно об этом подумать и что он зайдет через день-другой. Я просила извинить меня и, поговорив еще немного, мы расстались. Он был очень вежлив, чего не бывало во многих других домах. В некоторых домах они были очень

грубы и дерзки. Только бы у меня получилось так отделаться; но в то же время нам здесь нужен кто-нибудь, так как, видимо, это общее положение дел. Это был трудный день для меня.

19 ДЕКАБРЯ. Сестра пошла справиться о том, как Полли Плизенс удалось решить вопрос с размещением у себя офицеров, потому что на их дверях был знак. Они ходили к Дж. Галловэю; но похоже, что Е. Стори уладил дело с главным квартирмейстером — неким Роберсоном. Пока сестры не было, приходил майор Крэммонд узнать, не советовалась ли я с кем-либо из наших Друзей об этом деле. Я сказала ему, что моя сестра ушла как раз поэтому вопросу; и что я ожидаю, что нас, в настоящее время двух одиноких женщин, освободят от этого. Он сказал, что он другого мнения, хотя я могу отказать ему (поскольку он просил за себя); но, поскольку в этих окрестностях должно будет разместиться много иностранных войск, он считает, что они могут доставить беспокойство. Мы немало поговорили о бесчинствах британских офицеров, которые он нисколько не оправдывал. Я рассказала ему, как была напугана офицером, который, как вор, увел мою служанку через забор, и о многих других случаях их дурного поведения, которые мне были известны. Он сказал, что вчера я поведала ему, какой мужчина подошел бы для моей семьи; если уж мне придется взять кого-то, то он осознает, что обладает некоторыми из этих свойств (а именно рано встает и не имеет большой компании); что он может порекомендовать крайне мало кого из офицеров; и что он снова зайдет завтра узнать еще мое мнение. И он ушел. Теперь я в затруднении, как поступить, и все же непреклонна. Может быть, другие будут докучать мне гораздо больше, потому что этот человек кажется во многом джентльменом; но пока я могу избегать их, я намерена это делать. Они отметили двери домов против согласия хозяев, и некоторые жители ищут офицеров с хорошей репутацией (если таковые существуют), чтобы принять их в семью, для защиты и чтобы они отваживали других.

Вечером приходил Е. Стори; он сказал, что думает, что сможет оградить нас, находящихся в разлуке с мужьями, от военных. Он говорит, что они изрядно раздосадованы тем, как трудно им найти жилье, и холодным приемом, оказанным им, или чем-то подобным; что несколько молодых дворян

сейчас вынуждены спать в тавернах, на борту или в редутах, за что они, по моему мнению, должны благодарить самих себя; хотя в то же время мне кажется, что в начале по отношению к ним, возможно, было проявлено слишком много неуверенности. Сегодня вечером нам рассказали, что с семьей Оуэна Джонса действительно очень грубо обошелся офицер, желавший квартировать у них вместе со многими другими. Он вынул саблю; говорил крайне оскорбительные слова и разнес в щепки их парадную дверь. У Мэри Эдди квартирует кто-то, кто, по рассказам, не позволяет ей пользоваться ее собственной парадной дверью, а заставляет ее и ее семью ходить через переулок. Пока что мы удивительно легко отделались. Моя решимость и стойкость в последнее время часто меня покидали; отсутствие моего дорогого Генри, и снова страх за него, и мысли о наших милых детях и моем здоровье, едва сносном, — все это вместе — иногда очень трудно держаться.

Лорд Корнуоллис отплыл в Англию, что порождает различные догадки. Лорд Хоу отправляется в Нью-Йорк. Говорят, генерал Хоу собирается провести зиму здесь. Я надеюсь, что он лучше, чем думают о нем некоторые люди.

20 ДЕКАБРЯ. Крэммонд заходил третий раз с теми же разговорами. Я так же отделалась от него; он сказал, что придет завтра опять. После его ухода сестра отправилась к Эйблу Джеймсу за советом. Эйбл пошел к Еноху Стори и пришел к нам вечером. Он считает, что мы не сможем избавиться от них. Дж. Дринкер вечером пошел к Мэри Пембертон, чтобы узнать для нас, как она отделалась от визитеров. Ее пообещали освободить от этого, потому что она пожилая женщина, ее мужа нет дома, и в ее доме проводятся собрания, потому что дом для собраний на Форт-стрит забрали бедняки, которых выгнали из работного дома из-за солдат. По вышеуказанным причинам ее следовало освободить, если только можно добиться этого от самого генерала Хоу; так что в целом я боюсь, что нашей семье придется неприятно потесниться. Мы должны верить в Провидение в этом и во всех других делах.

В городе поговаривают, что в Конгрессе постановили отправить наших дорогих Друзей в Стаунтон.

21 ДЕКАБРЯ. Воскресенье. Сегодня днем заходила очень опечаленная Мэри Эдди. Она хотела, чтобы сестра или я пошли с ней к Э. Джеймсу просить его пойти вместе с ней к какому-то главному офицеру пожаловаться на дерзость человека, который квартирует у нее вместе с женщиной, которую он называет своей женой — но многие придерживаются по этому вопросу совсем иного мнения. Он оскорбил Мэри и вел себя чрезвычайно грубо. Эйбл посоветовал ей пойти к Галловэю. Говорят, что сегодня ночью из города уйдет много войск.

22 ДЕКАБРЯ. Сегодня утром заходил Джозеф Уорнер из Уилмингтона попросить нас, если представится возможность, послать за мукой, которую купил Б. Уилсон. Утром приходили Томас Плизенс и Иезекииль Эдвардс. Они пробыли около часа и подтвердили печальное известие, что моего дорогого супруга посылают еще дальше от меня.

Вчера тело Джона Моулсворта, казненного весной, подняли из могилы и похоронили останки на кладбище Друзей при большом скоплении народа — мне кажется, что это — глупость. 10 000 лучших войск отправлены за Шуйлкилл во главе с офицерами; но их намерения неизвестны.

23 ДЕКАБРЯ. Жена солдата, живущего в нашем доме на Уотер-стрит, пришла ко мне сегодня утром рассказать, что кто-то разбирает сарай и проч. Сестра отправилась туда после собрания и попросила их перестать. Они сказали, что не остановятся, потому что это дом мятежника. Сестра разуверила их, и после разговора они пообещали, что перестанут, если она разрешит им забрать большие ворота; она согласилась на это и ушла. Мы послали Уильяма Уэллса и Гарри с повозкой Уэллса за досками. Они привезли одну связку и сказали, что солдаты и дети из окрестностей разбирают остальное так быстро, как только могут. Дж. Джеймс принес мне 12 фунтов 5 шиллингов за нашу долю решеток для печей, которые они продали за золото.

24 ДЕКАБРЯ. Канун Рождества, и боюсь, что те немногочисленные войска, что остались в городе, веселятся.

25 ДЕКАБРЯ. Показалось, что ночью я слышала пушку. Вчера вечером на границу напали, но безуспешно. Пушеч-

ное ядро упало около самых казарм. Говорят, что американцы очень оптимистично настроены и рассуждают о том, что скоро придут в город.

26 ДЕКАБРЯ. Ежемесячное Филадельфийское собрание было проведено в Банке, потому что дом на Форт-стрит забрали для бедных. Я думаю, что эта затея с выкапыванием тела Моулсворта и погребением его на кладбище Друзей сильно смутила многих, в том числе и меня. Этот вопрос был вынесен на собрание, о чем я очень сожалею.

27 ДЕКАБРЯ. Друзья обсуждают Моулсворта. Хоронить его в нашей земле было нелепостью, глупостью; но создавать из-за этого суматоху теперь, когда все уже сделано, под видом заботы о наших дорогих усопших Друзьях, делает все это еще хуже. Странно, что разумные люди занимают либо ту, либо другую позицию. Шум, устроенный по поводу погребения этого человека [*МОУЛСВОРТА*] причиняет мне больше боли, чем сам этот глупый поступок.

В нашей реке обнаружилось нечто — часть часового механизма, бочонок с порохом и проч., — оно взорвалось около военного корабля «Роубак»¹⁶⁹ и разрушило лодку, находящуюся рядом; говорят, нашли еще несколько таких штук и полагают, что это изобретение какого-то хитроумного, злобного человека или людей, направленное против судоходства.

29 ДЕКАБРЯ. Очень ясно и холодно. Утром приходил Крэммонд. В конце концов мы договорились о том, что он будет жить с нами; надеюсь, это не причинит большого неудобства. Он снова пришел вечером, со слугой, чтобы посмотреть на стойла, и остался на чай. Все войска вернулись с фуражировки.

30 ДЕКАБРЯ. Сегодня майор Крэммонд поселился у нас; один его слуга будет жить с ним здесь, двух других он устроил в переулке у нашего соседа Уэллса. У него 2 лошади и коровы, которых разместили в наших стойлах.

¹⁶⁹ «Roeback» (англ.) — олень.

31 ДЕКАБРЯ. Дж. Крэммонд, ставший теперь членом нашей семьи, производит впечатление рассудительного, воздержанного человека; его слуга тоже — умеренного и опрятного; что для нас большая удача. Много судов были вынуждены причалить, потому что идет ледостав. Их подожгли — не знаю, какая из сторон.

1778 ГОД

1 ЯНВАРЯ. Рано утром зашел Джош Хавелл. Он приобрел для меня бочонок ирландского масла. Следом явился Ричард Адамс, у которого я заказала некоторое количество свинины.

Поднятые сегодня днем по тревоге солдаты выглядели взволнованными. Многие из них были напуганы атакой с соседнего берега. Крэммонд разместил у нас в конюшне свою живность: трех лошадей, трех коров, двух овец и двух индеек, а также несколько куриц. С ним также было трое слуг — двое белых и один негр по имени Даймон. Слуги находились здесь весь день, а ночью удалились. Также с ним прибыли трое гессенских наемников, которые поочередно выполняли для Крэммонда функции курьера или, как они это называют, ординарца. Вот такого сорта компания нас окружала.

2 ЯНВАРЯ. Прибыли Исаак Вартон и Питер Бонд. Они привезли для нас многообещающие вести, о том, что наши Друзья были выпущены на свободу. Если это истинная правда, то, без сомнения, для нас это огромный повод для радости. Но тем не менее, я оставалась полна сомнений и опасений.

4 ЯНВАРЯ. Воскресенье. Вчера я забыла упомянуть о разговоре с офицером, который увез отсюда Энн. Я остановила его, когда он вышел из дверей, и после просьбы попридержать шумную повозку, которая собиралась тронуться с места (так как он сильно торопился), я обратилась к нему: «Если вам совсем незнакомо чувство религиозности и добродетели, то я склонна думать, что вы заставляете солдат называть вас благородным человеком, и как вы можете сохранять досто-

инство после совершенного в этом доме поступка». — «Кто, я?!» — «Да, я узнала вас слишком хорошо; впрочем, я буду осторожна в своих высказываниях и в своем мнении на ваш счет. Но если вы в скором времени мне не заплатите за то, что я осталась без служанки, все офицеры, расквартированные среди моих знакомых, узнают мои впечатления от встречи с вами». Запнувшись, он сказал: «Мне не нужна ваша служанка». — «Меня не волнует, у кого она окажется, но это вы украли ее». — «Что ж — произнес он с дерзким тоном, — если хотите, то можете посетить мою квартиру в городе». Я сказала ему, если он не принесет мне деньги или не пришлет их в скором времени, то он еще многое от меня услышит. «Хорошо, хорошо, хорошо», — произнес он, и отправился восвояси, по-видимому, немного сконфуженный.

После полудня я отправилась на встречу с С. Плизенс. У Полли квартировался офицер по имени Форд.

5 ЯНВАРЯ. Сегодня Дж. К. пригласил к себе на обед 11 или 12 офицеров. Они вели себя достаточно тихо и после обеда незамедлительно разошлись по своим делам. Большинство знакомых были очарованы нашим майором. Я надеюсь, что он и впредь будет заслуживать столь лестной оценки. Этим вечером он рассказал, что перемирие подходит к концу и генерал Ли собирается возобновить военные действия. Все, что я услышала (а это могло привести как к более длительному заключению, так и к освобождению моего дорогого Генри), сильно взволновало мою душу. Судна, нагруженные бочками с порохом, продолжали спускаться вниз по течению. В течение дня некоторые из них взлетели на воздух.

Погода значительно улучшилась. Большая часть реки освободилась от ледового панциря. Вдали показались корабли.

8 ЯНВАРЯ. Заходил Сэм Эмлен. Сестра одолжила ему шесть унций кофе.

Сегодня Дж. С. обедал с 8 офицерами. Мне удалось увидеться с ним лишь мимоходом. Он отсутствовал весь вечер и вернулся только к 11 часам. Водоворот событий меня страшно утомляет.

9 ЯНВАРЯ. Обнародовано предписание, которое запрещает кому бы то ни было выходить на улицу без фонаря после 8 часов вечера.

10 ЯНВАРЯ. Рано утром я отправилась к Ханне Пембертон и нашла ее за раскуриванием трубки вместе с двумя офицерами, один из которых квартировался здесь. Возвращаясь, я встретила Сьюзанну Джонс и Ричарда Уистера, который рассказал, что этим утром из Ланкастера прибыл Эндрю Робертсон, и что все наши Друзья действительно выпущены на свободу. Я никак не могу поверить в добрые вести. Лишь письмо от моего дорогого Генри может развеять мои сомнения и наполнить сердце радостью.

17 ЯНВАРЯ. Предыдущие сообщения о том, что они уже освобождены и направляются домой, не подтвердились.

18 ЯНВАРЯ. Сегодня праздновали день рождения королевы¹⁷⁰. В честь этого на кораблях были подняты флаги и дан залп из всех орудий.

19 ЯНВАРЯ. Этим утром наш офицер освободил голубую гостиную и переехал в небольшой кабинет напротив. Таким образом, сейчас он занимает два кабинета, в комнате наверху, куда ведет пара лестниц, размещается багаж, конюшня находится в полном его распоряжении, кроме того, под его нужды отведена и кухня. Там он поставил свою походную кровать.

Горестные известия о смерти нашего любимого друга Джона Пембертона, и о том, что наши друзья, Дж. Пэриш и Дж. Джеймс, находятся в заключении в тюрьме Ланкастера.

20 ЯНВАРЯ. Вчера вечером впервые за последнее время открылся игровой дом. Наш майор не преминул посетить его.

¹⁷⁰ День рождения королевы Шарлотты, жены Георга III на самом деле 19 мая. Но так как день рождения короля приходится на 4 июня, было принято отмечать день рождения королевы зимой, для удобства и народа и двора. См. об этом в дневнике баронессы Ридзель.

27 ЯНВАРЯ. Последние два дня войска запасались фуражом. Удивительно, какое огромное количество сена им удалось собрать — только у Эйбла Джеймса изъяли 70 с лишним лоудов¹⁷¹. Я спросила, на какой срок им хватит таких огромных запасов провианта? Мне ответили, что запасы рассчитаны на довольно короткий срок. Каждый день расходуется 24 тонны.

29 ЯНВАРЯ. Исаак Кетерэл после полудня намеревался пересечь реку, но ему не позволили отправиться на похороны отца. Наш майор вчера отсутствовал весь вечер, находясь на обсуждении планов в штабе, и вернулся лишь между полуночью и часом ночи. Я боюсь, что сегодня майор снова вернется поздно, так как его вызвали на Ассамблею.

4 ФЕВРАЛЯ. Сэм Смит принес письмо от моего Генри — первое с 27 декабря прошлого года. Он рассказал нам, что наши дорогие Друзья не могут покинуть Винчестер, так как им запретили возвращаться к нам. Майора Коутса, капитана Свифта и других сегодня взяли под стражу. Семья Парсона Оделла перебралась к нему сюда, семья Ричарда Уолна полная тревог и опасений, сделала то же самое.

5 ФЕВРАЛЯ. Из сообщения Джона Пэриша ясно, что наши друзья будут оставаться в Винчестере, пока не поступят дальнейшие распоряжения и, что Конгресс опять предложил им свободу в обмен на принятие Условий¹⁷², хотя и известно заведомо, что они никогда на это не пойдут.

7 ФЕВРАЛЯ. Сейчас где-то между 11 и 12 часами вечера. Наш офицер с большой компанией ужинает внизу. Посиделки в столь позднее время самое большое неудобство, которое наш офицер причиняет нам, с тех пор как он въехал в наш дом.

¹⁷¹ Лоуд — единица объема, равная 1,12 м³.

¹⁷² В начале сентября 1777 г. власти Пенсильвании арестовали 18 лидеров Общества Друзей и отправили их в ссылку в Винчестер (Вирджиния) за отказ подписать присягу верности новому правительству и чтобы предупредить их возможную помощь приближающимся англичанам.

17 ФЕВРАЛЯ. После полудня Н. В. прочитал нам 17 страниц или 8,5 листов петиции, составленной нашими друзьями в Винчестере и присланной сюда для дальнейшего обсуждения с Друзьями. Наш майор обедал с 8 или 10 офицерами, компания весело провела время и покинула дом вместе с майором. Теперь я не знаю, когда он вернется. Два-три дня назад я сделала ему пару замечаний, и теперь он ведет себя гораздо лучше. Прошлой ночью часть армии покинула город, они забрали с собой огромные запасы древесины и сена.

19 ФЕВРАЛЯ. Во дворе у супруги Джозефа Галловэя для нужд армии было собрано огромное количество фуража, товаров и прочего движимого имущества.

20 ФЕВРАЛЯ. Вчера к нам заходили Николас Хикс и Леонард с подписным листом для пожертвований в пользу бедных. Я дала им 2 доллара. Сегодня было арестовано 18 или 20 человек.

23 ФЕВРАЛЯ. До обеда Джон Джеймс принес мне письмо от моего дорогого Генри. Все наши надежды потерпели крах: нашим Друзьям снова предложили принять Условия.

24 ФЕВРАЛЯ. Арестовано несколько человек, направлявшихся с крупным рогатым скотом в количестве 130 голов в лагерь Джорджа Вашингтона.

25 ФЕВРАЛЯ. Один из британских офицеров арестован по подозрению в участии в заговоре, который позже был раскрыт. Целью заговора был поджог игорного дома и нескольких районов города. О последствиях произошедшего мне ничего неизвестно.

26 ФЕВРАЛЯ. Сегодня мы занимались чтением документа, составленного Александром Уайтом, который он представил Конгрессу. В документе были перечислены причины, почему наших Друзей следует выпустить на свободу, основанные на гуманизме, правосудии и здоровой политике, но все напрасно. Видимо, им такие понятия не знакомы.

27 ФЕВРАЛЯ. Направившись вечером на кухню, я наткнулась во тьме на Геритту, крепкого гессенского малого. В результате столкновения я ушибла глаз, а щека буквально распухла от боли. Майор сообщил мне о потрясающих новостях из Англии: к 1 марта 80-тысячная армия должна погрузиться на транспортные суда и отплыть в Америку. Кроме того, по просьбе Великобритании французы захватили все корабли повстанцев.

28 ФЕВРАЛЯ. Часть британских войск двинулась в Джерси. Говорят, что отступающие восставшие сжигают и разрушают все за собой.

5 МАРТА. Салли Мур пришла навестить нас этим утром. Она рассказала нам, что британская армия взяла у нее 50–60 тонн сена и 20 с небольшим голов скота, за которых не получила никакой компенсации. И. З. рассказал мне, что Конгресс и Совет передал дела наших Друзей Ассамблее, которая состоялась 24 февраля. Таким образом, мы надеемся, что скоро что-нибудь о них услышим.

11 МАРТА. Дела принимают мрачный оборот. Доктор Купер и Эбезенер Робинсон пришли с подписным листом в пользу бедных. Дала им 4 доллара.

13 МАРТА. Несколько дней назад два или три судна были захвачены возле Вилмингтона. Часть британских войск двинулась вниз по реке. Но цель этого маневра нам не известна. Несколько горожан слышали звуки стрельбы в районе полудня.

14 МАРТА. Наш майор в первый раз обедал с нами.

17 МАРТА. Большая толпа ирландских солдат кавалькадой прошла по улицам города, празднуя День Святого Патрика. Дозорные шумели всю ночь — пьяные слонялись взад-вперед.

19 МАРТА. Наш майор и еще 11 офицеров из его компании этим вечером устроили совет. В таких случаях они ведут себя тихо и благоразумно. Компания разошлась между 11 и 12 часами вечера.

20 МАРТА. Нашему майору взбрело в голову обедать сегодня со своими друзьями в летнем домике. Пока он там располагался, ему нанесли два или три визита. Я полагаю, что пока двери дома настежь распахнуты, мы будем постоянно сталкиваться с разными лицами, имеющими к нашему майору какое-либо дело. И хоть они и ведут себя дружелюбно и выказывают почтение, но я не верю в их искренность. Погода прекрасная.

25 МАРТА. Друзья из Джерси, находящиеся здесь, получили сообщение о том, что несколько человек ожидают в засаде, чтобы схватить их, когда они вернуться обратно. Наше сено подошло к концу, и видимо мне придется расстаться с нашей коровой.

26 МАРТА. Джэйн Шоу, моя ирландская подруга из верхней части города, пришла сегодня ко мне и рассказала, что у нее украли почти все платья. Я дала несколько вещей, чтобы помочь ей.

27 МАРТА. Томми Эдди принес и прочитал письмо от своего брата Чарльза, в котором упоминаются мой дорогой супруг и С. П. У них в Хопвелле нет ни лекарств, ни вина, ни сахара, ни уксуса, ни многих других необходимых вещей, и я опасаюсь, нет их и в Винчестере. Прошло уже 3 недели с момента написания этого письма, и мысль что, что-то могло случиться в этот промежуток времени, не дает мне покоя.

28 МАРТА. Я отправилась к М. Плизенс, где договорилась с ней об отправке предметов первой необходимости нашим дорогим мужьям.

31 МАРТА. Я отправилась к М. Плизенс. Она показала мне бумагу, которую она составила, чтобы отправить в Конгресс. Николас Уолн исправил те части документа, которые ему показались неправильно составленными. После полудня пришел О. Джонс и спросил, не могла бы я встретиться со всеми заинтересованными женщинами у М. Пембертон в 5 часов вечера. Я согласилась. Николас зачитал официальное обращение, и все женщины подписались под ним. Наш

посланец отправился к Джорджу Вашингтону, чтобы получить разрешение на проезд повозки с провизией для наших Друзей. Доктор Парк взял на себя обязанности по доставке медикаментов, за другие вопросы отвечал Е. Стори.

2 АПРЕЛЯ. Я отправилась к М. Плизенс, которая послала за мной, чтобы уладить дела, касающиеся нашей поездки. У меня были причины думать, что путешествие — совсем нелегкое предприятие, но я ничего не сказала вслух, а лишь решила в душе, что должна оставить моих дорогих детей и домочадцев на попечение Всевышнего и моей сестры. Я прекрасно понимала ту тяжесть забот, которая должна лечь на плечи моей сестры, особенно если учесть, что в доме квартирует офицер и его прислуга, но я была уверена, что она справится.

Несколько наших друзей нашли и пригнали для нас подходящих лошадей. Перед тем как возвратиться домой, я купила у Р. Уистерс бутылку уксуса, чтобы отправить ее в Винчестер, а также зашла к Т. Спикмэнс, чтобы приобрести хозяйственные мелочи. Вернулась домой после полудня.

3 АПРЕЛЯ. Оуэн Джонс зашел ко мне рассказать, что Израэль Моррис предложил свои услуги в качестве сопровождающего в нашей поездке. Я высказала неодобрение по этому поводу. Однако мы решили встретиться в 3 часа у Оуэна Джонса, чтобы все хорошенько обсудить. Мы согласились сотрудничать с Израэлем, если он примет наши условия. Мы сказали ему, что мы против его присоединения к нам в нашем деле. И если он готов сопровождать нас, он должен воспринимать это как одолжение со стороны нашего Общества, с чем он согласился. Я надеюсь, что поездка с ним в результате окажется более приятной, чем представляется сейчас.

4 АПРЕЛЯ. Зашел Джон Бекет и заплатил мне 17 гиней и 29,15 фунтов стерлингов. 60 долларов (или 160 континентальных долларов), взятых взаймы у Джоша Хавелла, мы с М. Плизенс и Салли Джонс собираемся использовать в качестве расчетных средств. Мне сказали, что доктор Мур с супругой были вызваны на допрос в штаб-квартиру армии по поводу отправленных ими писем.

Наше обращение в Конгресс было переписано в третий раз. Мы договорились отправиться в путь завтра. Да благословит Господь наше предприятие.

5 АПРЕЛЯ. Воскресенье. Около двух часов мы снарядили экипаж из четырех лошадей, Салли Джонс, Фиби Пембертон, М. Плизенс и я расположились в коляске, а два негра верхом управляли первой парой лошадей. Оуэн Джонс сопровождал нас до переправы, которую мы преодолели без особых трудностей и препятствий. Там нас встретил Джеймс Стивенс. Мы проехали не более 10 миль и оказались около дома мельника Джона Робертса. По пути нам навстречу попались лишь 2—3 человека. Супруга мельника с двумя дочерьми оказали нам душевный прием, сам же хозяин в это время находился как беженец в городе. Вечером сюда прибыл разведывательный отряд в количестве ста человек. Двое офицеров вошли в дом со словами, что слышали, будто здесь разместились леди из Филадельфии. Они спросили нас, сколько миль до города, так как были родом не из этих мест, прибыв недавно из Новой Англии. Офицеры вели себя учтиво и оставались с нами недолго. Отряд расположился возле дома и в амбаре, что вызывало у нас опасения за сохранность лошадей и экипажа.

6 АПРЕЛЯ. Мы доехали до поста американского дозора, который услышав, что мы направляемся в штаб, выделил нам 2—3 охранников, сопровождавших нас до следующего армейского пикета, где полковник Смит вручил нам пропуск для беспрепятственного посещения штаба, куда мы и прибыли во второй половине дня. Мы попросили аудиенции с генералом и, ожидая его прихода, коротали время с его супругой¹⁷³, приятной и общительной женщиной. Рядом с нами находились несколько офицеров, самым вежливым из которых был Тенч Тилман¹⁷⁴. Затем появился Джордж Вашингтон и вступил с нами беседу, которая, правда, длилась не столь долго, как

¹⁷³ Марта Вашингтон (1731—1802), будущая первая леди США.

¹⁷⁴ Тенч Тилман (1744-?) — капитан отряда волонтеров, присоединившегося к армии Вашингтона. В 1776 г. стал адъютантом Дж. Вашингтона и сопровождал его вплоть до осады Йорктауна в 1781 г. Именно он, Т. Тилман, принес радостную новость об этом в Филадельфию.

нам хотелось, а после того, как накрыли на стол, любезно пригласил нас на ужин. За столом вокруг Джорджа Вашингтона и его супруги расположились 15 офицеров, генералы Грин и Ли. Нас угостили вкусной едой, после окончания ужина мы поднялись в комнату супруги Вашингтона и больше генерала не видели. Вашингтон сказал нам, что ничем не может помочь в нашем предприятии, кроме того, как обеспечить пропуском до Ланкастера. Мы отправились к Джеймсу Воксу, который специально приехал, чтобы позвать нас в гости. Дорога была ужасной, поэтому М. Плизенс и Салли Джонс часто выходили из экипажа. Погода хорошая.

7 АПРЕЛЯ. Покинув Джеймса Вокса после завтрака, мы сменили одну из наших лошадей на коня Чарльза Логана. Мы нашли дорогу в исключительно жалком состоянии, и часто покидали и снова забирались в наш экипаж. Мы пообедали у доброго Друга по имени Рэндал Мэллон, и покинули его дом около 3 часов дня. Пробираясь через глубокую колею и непролазную грязь, мы отправились к Роберту Валентайну, который устроил нас на ночлег. Наши друзья были столь добры к нам, что сами развели огонь в нашей спальне, так как мы очень ослабли за время путешествия.

8 АПРЕЛЯ. Мы покинули Роберта Валентайна после завтрака. Джейкоб Парк сопровождал нас в течение 8—9 миль по скверной дороге, пока мы не встретили Томаса Трумана, в доме которого мы пообедали обычной едой — яйцами и беконом. Покинув Томаса после обеда, мы направились к Джеймсу Муру в Сэдсбэри, графство Ланкастер, где поужинали и легли спать.

9 АПРЕЛЯ. Мы продолжили путешествие, пока не достигли жилища Джеймса Гиббсона, где отобедали. Пока мы находились там, Джеймс Гиббсон и еще несколько Друзей вернулись с церковной службы. Среди них были Джеймс Вебб и его супруга, домой к которым мы отправились, где нашли пристанище на краткий срок. Здесь мы узнали, что наших Друзей по распоряжению Совета перевезли в Шиппенсбург, где они были выпущены на свободу. Сегодня мы пересекли вброд три больших водоема, в последнем из них, под названием Кон-

стога, в наш экипаж хлынула вода, и мы промочили ноги, так что многие из нас были напуганы. Около 5 часов мы прибыли на место. Как только мы высушили одежду и выкачали воду из экипажа, мы отправились в Ланкастер, который находился в полутора милях, и подъехали прямо к дверям Томаса Вартона. Томас принял нас, но вместе с ним находились еще несколько человек. Мы попросили его о разговоре с нами наедине. После беседы длиной в полчаса, которая не очень удовлетворила нас, Томас с остальными отправились пить кофе. Его супруга, оставшаяся дома, угостила нас едой. Уже при луне мы поехали к Джеймсу Веббу, где, выпив чаю, уснули. Т. Мэтлек¹⁷⁵ нанес этим вечером визит. Погода продолжает улучшаться.

10 АПРЕЛЯ. Этим утром мы встали очень рано. Одевшись и позавтракав, мы отправились в Ланкастер. Несколько Друзей и Израэль Моррис сопровождали нас. Тим Мэтлек весь день ждал, чтобы дать нам советы, возможно искренние. Мы нанесли визиты трем членам Совета, полковникам Харту, Эдгару, Хокью, и другим, которых не застали дома. Нас останавливали люди на улицах и в каждом месте, куда мы приезжали. После заседания Совета к нам приехал Т. Мэтлек, который взял наше обращение, подписанное всеми заинтересованными женщинами. Он сказал, что заедет за нами, когда придет время. Но после часа ожидания, он оповестил нас, что наше присутствие необязательно. Шиппенбург оказался местом, который изменил наше отношение к нему. Ближе к вечеру мы вернулись назад.

11 АПРЕЛЯ. Мы оставались здесь весь день — все, кроме Салли Джонс, которая отправилась в Ланкастер раздобыть пропуск для Билли Вебба. Салли вернулась обратно к обеду без пропуска. После совещания с нашими Друзьями мы слышали о некоем Джоне Мьюсере, менноните¹⁷⁶, принявшем присягу. Он согласился выполнить наше поручение —

¹⁷⁵ Тимоти Мэтлек (1730–1829) — купец, землемер, архитектор, государственный деятель, патриот во время Американской революции. Одна из наиболее влиятельных политических фигур Пенсильвании.

¹⁷⁶ Меннониты — одно из протестантских течений, получившее название от своего основателя, Менно Симонса (1496–1561), зародившееся в Голландии и Нидерландах.

это был самый приемлемый вариант, который мы могли бы найти. Мы уложили вещи в его подседельную сумку, и он отбыл еще до обеда с пропуском, на котором была поставлена печать графства, подкрепленная подписями Т. Вартона и Т. Мэтлека.

12 АПРЕЛЯ. Воскресенье. Пасмурная, дождливая погода. После обеда Парсон Бартон с женой, Оуэн Байда¹⁷⁷ с женой и некоторые другие пришли увидеться с нами.

13 АПРЕЛЯ. После обеда мы отправились в Ланкастер, чтобы там дождаться Дж. Брайана¹⁷⁸. Остановились у Тима Мэтлека, который сказал нам, что пока мы будем пить чай с его супругой, он постарается поторопить Совет с решением по нашему вопросу и привести с собой Дж. Брайана домой. По возвращении Тимоти сообщил нам, что Дж. Брайан не собирается встречаться с нами. Израэль Моррис вернулся с очень печальной вестью о смерти нашего уважаемого Друга Джона Ханта и об опасной болезни Эдварда Пеннингтона. День уныния, особенно его вторая половина.

Еще в воскресенье уехал молодой Джон Мьюсер, вот уже суббота — а его все нет.

14 АПРЕЛЯ. Перед завтраком мы отправились в город, чтобы встретиться с Джозефом Ридом. Мы увидели его вместе с одним из Этли¹⁷⁹, Томасом Маклином и еще с двумя мужчинами. Мы пообщались с ними еще некоторое время. Они изучали всяческое к нам расположение, но я боюсь, что это мнение у меня сложилось из-за показных улыбок. Томас Маклин отправился с нами на съемную квартиру к Г. Брайну, которого не оказалась дома. Мы встретили генерала Грина, Клемент Биддла и еще несколько человек.

¹⁷⁷ Оуэн Байда (1737–1799) — брат полковника Климента Байдла. В начале Революции занимался коммерцией в Филадельфии. Был среди тех, кто подписал решение о бойкоте импортных товаров в 1765 г., был делегатом Конференции Провинции в январе 1775 г., членом Комитета безопасности с 24 июля 1776 г. до 13 марта 1777 г., членом Военного совета 13 марта 1777 г., Конституционного Конвента 15 июля 1776 г., и депутатом комиссии по фуражу в июле 1777 г.

¹⁷⁸ Джордж Брайан — в это время вице-президент Высшего исполнительного совета.

¹⁷⁹ Речь идет о полковнике У. П. Этли, отце доктора Джона Л. Этли из Ланкастера.

20 АПРЕЛЯ. Джон Мьюсер вернулся из Винчестера с письмами от моего дорогого супруга, выразив надежду, что они смогут присоединиться к нам не позднее конца этой недели.

23 АПРЕЛЯ. Филипп Буш, возвращаясь в Филадельфию, заехал навестить нас этим утром. Мы передали ему наши письма и пакет для женщин в городе. Джеймс Вебб отправился в Ланкастер и вернулся домой с Актом парламента¹⁸⁰, существенно смягчавшим позиции по отношению к Америке.

Мы слышали, что британская легкая кавалерия захватила недавно Бристоль, где было взято множество пленников. Где же нынешним вечером наши мужья?

24 АПРЕЛЯ. Мы отправились в город сразу после завтрака, и подъехали непосредственно к зданию суда, где встретили Джорджа Брайна и Тима Мэтлека, направлявшихся в Совет. Мы представили им второе обращение с просьбой выдать пропуска для наших Друзей. Джордж Брайн сказал, что он постарается удовлетворить все наши запросы, но ничего не обещает, дабы не питать нас ложными надеждами. Пока мы обедали, из

¹⁸⁰ Война становилась все более непопулярной в Великобритании. Для выполнения военного бюджета, правительство увеличило земельный налог и гербовый сбор, ввело новые пошлины на повозки, вино и импортные товары. Радикально настроенные низы поддерживали американские требования о расширении прав и выступали за политические реформы дома, такие как расширение права голоса и устранение избирательной коррупции. Джентри и купцы протестовали против повышения налогов. Тем не менее, Георг III продолжал требовать, чтобы восстание было подавлено любой ценой. «Если Америка завоеует независимость», — предупредил он лорда Норта, — «Вест-Индия последует за ней. Ирландия может устремиться туда же и вскоре стать отдельным государством, наш остров будет сведен сам к себе, и вскоре станет действительно бедным островом». (См.: *Henretta J.A., Ware S., Brody D., Dumenil L. America's history. 3rd. ed. N. Y.: Worth, 1997. P. 180.*)

Лорд Норт занял более прагматическую позицию. Чтобы предотвратить франко-американский союз и удержать колонии, Ф. Норт объявил о своем намерении в феврале 1778 добиваться конституционного урегулирования путем переговоров. По его приказу, парламент отменил Чайный и Запрещающие акты и отказался от своего права облагать налогами американские колонии. Первый лорд Адмиралтейства Джон М. Сэндвич оправил рекомендации кабинету: нанести Франции первое поражение, после чего предложить переговоры. Для этого Адмиралтейство решило оставить в колониях сильные отряды прикрытия и сосредоточить основной флот в европейских водах. Адмирал Ричард Хоу и его брат получили разрешение вернуться в Англию. Одновременно делались попытки заключить перемирие в колониях. Премьер-министр назначил комиссию во главе с лордом Карлайлем для ведения таких переговоров с Континентальным конгрессом о предоставлении определенной формы самоуправления и представительства колоний в британском парламенте. Но было слишком поздно, уже был подписан договор с Францией, и большинство американцев приняли идею независимости и республиканизма.

совета вернулся Тим Мэтлек, сказав, что сожалеет, но ничего не может сделать, чтобы удовлетворить наше ходатайство.

25 АПРЕЛЯ. Около часа дня мой Генри приехал к Джеймсу Веббу, едва мы сели за обеденный стол. Все остальные наши Друзья прибыли сегодня в Ланкастер. Генри выглядел более энергичным, чем я ожидала. Он был упитан и здоров.

27 АПРЕЛЯ. Мы, женщины, целый день пробыли у Дж. Вебба, куда к нам пришли несколько меннонитов и прочих. Наши Друзья обратились в совет этим утром за бумагой о реабилитации, и хотя их просьба осталась без удовлетворения, им разрешили переехать в Поттс-Гроув в округе Филадельфия. Это было все, в чем они уступили.

28 АПРЕЛЯ. Около 8 часов мы покинули приютившее нас семейство и двинулись по дороге домой.

29 АПРЕЛЯ. После завтрака мы задержались у Роберта Валентайна, чтобы отремонтировать экипаж, который сломался еще вчера. Мы покинули Даунингтаун около 10 часов утра и направились к Роберту Джонсу, где к нам присоединился Израэль Моррис, прибывший из штаба армии Вашингтона. Он привез пропуски для всей нашей компании, лошадей и так далее. На протяжении всего пути нас часто останавливали сторожевые пикеты.

30 АПРЕЛЯ. Мы отправились в путь после 8 утра. Двигались без остановок. По дороге до самого въезда в город нас часто приветствовали люди. Мы прибыли домой около 11 часов утра и нашли членов нашего семейства живыми и здоровыми. Благодарю и славлю Бога за счастливое возвращение моего мужа¹⁸¹.

9 МАЯ. Вчера сюда прибыл генерал Клинтон.

¹⁸¹ Эти члены общины были освобождены после высылки из дома на восемь месяцев без провизии, без решения суда, без позволения узнать кто и в чем их обвиняет, или какое преступление вменяется им в вину. Они не принадлежали к тори, но твердо придерживались своих убеждений в отношении войны, как таковой, и принятия присяги, за что понесли лишения. Другие избежали высылки, приняв требуемую присягу.

10 МАЯ. Воскресенье. Часть армии, которая двинулась вверх по реке несколько дней назад, вернулась. Они сожгли несколько домов и кораблей, сколько именно, мне не известно.

13 МАЯ. Дж. Крэммонд устроил после полудня совет, на который явились 7–8 офицеров. Один из них, доктор Ноулс, вошел в гостиную и о чем-то побеседовал с моим Генри. Началось частичное передислоцирование армии, смысл которого я не поняла. Было приказано погрузить на борт кораблей тяжелую артиллерию. Еще ряд действий выглядели загадочно.

16 МАЯ. Некоторые офицеры получили приказ начать упаковывать свой багаж.

18 МАЯ. Этот день¹⁸² запомнился среди прочих сценами суматохи и суеты, которые были устроены армейскими офицерами под предлогом оказания знаков почета генералу Хоу, покидавшему город. Вереница повозок и экипажей проследовала по улицам города на север. Несметное количество офицеров, женщины погрузились на три вельбота и множество лодок и поплыли вниз по реке, поднимая флаги; большой оркестр исполнял музыкальные произведения. Корабли, находящиеся в гавани, были украшены флагами, некоторые из них салютовали из пушек. Мне сказали, что они высадились в Саутварке и с берега направились в дом Джозефа Вартона, который был украшен и отделан дорогими материалами специально для такого случая, чтобы вся компания могла там кутить, танцевать и веселиться. Фейерверк и салют взмывал над рекой до глубокой ночи.

Как эти люди могут демонстрировать безразличие, когда смерть и разрушения обрушились на нашу землю?

19 МАЯ. Этим вечером большая часть британских войск вместе с легкой кавалерией и артиллерией строем выдвинулась из города. Остается непонятным, или они ожидают ата-

¹⁸² День знаменитого праздника в честь отъезда У. Хоу в Лондон 18 мая 1778 г. в «Валнута Гроув» — поместье Джозефа Вартона. Он начался с парада украшенных барж на реке, продолжился имитацией рыцарского турнира и завершился обильным ужином, фейерверком и балом до рассвета. (См.: *Martin D.G. Philadelphia Campaign. Franklin Watts, 1993. P. 181.*)

ки Вашингтона, или они сами собираются напасть на него. Где-то вдалеке всю ночь звучали выстрелы. Я должна признаться, что меня охватывает мрачное предчувствие.

20 МАЯ. Большая часть войск, которая покинула прошлым вечером город, вернулась сегодня около двух часов, не достигнув никаких целей. Наш майор, который вышел из дома в 5 утра, вернулся к обеду.

22 МАЯ. Офицеры получили приказ погрузить свои вещи на борт вельботов; наш майор приготовил свои вещи в соответствии с этим приказом.

23 МАЯ. Все думают, что армия и в самом деле собирается оставить нас, эвакуировавшись из города. Конечно, есть надежда, что это не так, но факты говорят об обратном. Многие жители собираются покинуть город вместе с войсками.

24 МАЯ. Воскресенье. Весь день багаж офицеров грузили на вельботы. Люди говорят, что армия покидает нас. Сэмми Шумейкер, Дэниэл Кокс и другие собираются уйти вместе с британцами.

25 МАЯ. Огромное количество горожан пребывают в замешательстве от сообщений о передислокации войск. Наш майор этим утром отправил последние вещи. Он выглядит немного потерянным, впрочем, как и многие другие, пытающиеся осознать происходящее.

26 МАЯ. Многие жители города испытывают в это время горестные чувства, другие — напротив, в приподнятом настроении.

30 МАЯ. Появились сообщения, что британская армия раздает остатки запасов древесины и сена нуждающимся. Таким образом, можно быть уверенным, что они намереваются в скором времени оставить нас.

4 ИЮНЯ. Кристофер Кенат и Джек устроили фейерверк по случаю празднования дня рождения короля.

6 ИЮНЯ. Сегодня из Англии прибыл специальный уполномоченный¹⁸³, а также лорд Корнуоллис. Видимо, приход генерала Вашингтона ожидается не так скоро, как это казалось два-три дня назад. По крайней мере, создается видимость, что британские войска не скоро нас оставят. Вельботу с грузом продовольствия, который прислали наши друзья, было разрешено пришвартоваться.

8 ИЮНЯ. Сегодня двум полкам стрелков было приказано погрузиться на судна. Наш майор был среди них. Войска, находящиеся в городе, вновь пришли в движение. Снова возникли разговоры о том, что войска в полном составе покинут город. Майор занимался погрузкой вещей на борт, ему помогал Джек. Майор Уильямс и капитан Форд зашли к Дж. К. попрощаться.

Сегодня нас покинул Гарри Кэттер. Он взял на себя обязанности по управлению армейским фургоном. Я надеюсь, что бедному парню не причинят вреда.

Дж. Крэммонд ужинал с нами. Сейчас он спит, т.к. в час за ним заедет его компания, с которой он будет уходить. Кристофер и Ричард тоже здесь. Я намереваюсь сидеть здесь до их отъезда.

9 ИЮНЯ. Майор покинул нас рано, немногим после часа ночи. Он выглядел очень хмуро, когда прощался. Мы с сестрой стояли в дверях до тех пор, пока два полка, расквартированных в городе, не скрылись в дали. Дж. К. зашел попрощаться с нами, и мы больше его не видели. Прекрасная, лунная ночь. Генри последние два дня заседал в Комитете, пытаясь должным образом решить вопрос с грузом продовольствия.

14 ИЮНЯ. Воскресенье. Ричард Уолн обедал с нами. Он все время мучился сомнениями, оставаться здесь или нет.

16 ИЮНЯ. Енох Стори¹⁸⁴ оставил нас. Он со своей семьей последовал за флотилией.

¹⁸³ Граф Уильям Эден Карлайл, экс-губернатор Джонстона, последний формальный правитель Флориды, в это время — член Палаты общин.

¹⁸⁴ В период британской оккупации Филадельфии Е.С. стал инспектором по запрещенным товарам. В 1778 г. правительство Пенсильвании обвинило его в предательстве, и он отбыл в Англию.

17 ИЮНЯ. Войска все еще переправляются через реку. Огромное количество солдат уже покинуло город, но многие еще остались. Капитан Форд и Ричард Уолн сегодня покинули нас, как и Джон Бекет. Сэмми Шумейкер и Дэниэл Кокс уплыли на борту одного из вельботов, также как и многие другие жители города. Мы поручили негру Питеру присмотреть за коровами.

18 ИЮНЯ. Нам сказали, что прошлой ночью 9 000 британских солдат покинули город, 11 000 — Джерси. Этим утром, когда мы проснулись, в городе нельзя было увидеть ни одного красного мундира, а в Джерси свернули военный лагерь. Полковник Горден и многие другие успели уехать за четверть часа до того, как американская легкая кавалерия вступила в город, правда, их было не так много.

Этим вечером глашатай оповестил всех, что по приказу некоего полковника Моргана жителям запрещалось переступать пороги своих домов после полуночи. Если патруль застанет в это время кого-нибудь на улице, то послушавшийся приказа понесет наказание.

В город прибывают всадники с обнаженными саблями в руках. Они со страшной скоростью проносятся по улицам города. Многие жители были очень напуганы их появлением.

19 ИЮНЯ. Как только англичане оставили город, территорией завладел их противник. В город в течение дня прибывала кавалерия, артиллерия, ополченцы, солдаты и так далее. Вашингтон с его армией так и не появился. Говорили, что он двинулся другим путем.

22 ИЮНЯ. Торговцам было приказано закрыть все лавки и хранилища, а затем предоставить отчет о количестве товаров.

24 ИЮНЯ. Торговцам запрещено продавать свои товары, поэтому почти невозможно что-либо раздобыть. Этим утром мы посетили славившийся своим изобилием рынок, но так как сельские жители не могут получить товары в обмен на свою продукцию, было трудно что-либо купить.

30 ИЮНЯ. Нам рассказали, что вчера произошло грандиозное сражение. Множество британских солдат было уничтожено и захвачено в плен. После полудня какой-то молодой солдат, находясь в состоянии помешательства, вошел к нам в дом и поднялся вверх по лестнице. Мужчины в это время отсутствовали. Вдруг появился Исаак Кэтерэл и сходил за ним. Он нашел его на лестничном пролете, погруженным в молитву. Солдат спокойно спустился вниз вместе с Исааком.

2 ИЮЛЯ. Сегодня началось заседание конгресса. По этому случаю был дан залп из пушек.

4 ИЮЛЯ. Этим вечером царила страшная суматоха по поводу празднования годовщины Независимости. Всюду были слышны выстрелы из ружей и взрывы ракет. Пришлось зажечь столь дефицитные и дорогие свечи. Возможно, это спасло наши окна от расправы.

Несколько человек были взяты под стражу.

14 ИЮЛЯ. Вчера Уильям Фишер предстал перед советом за свои неблагонадежные высказывания, но позже был отпущен.

23 ИЮЛЯ. Получили сообщение, что вчера или позавчера было описано имущество Сэмми Шумейкера и Джозефа Галловэя, с намерением конфискации.

1 АВГУСТА. Вчера арестовали и поместили в тюрьму нашего соседа Абрахама Карлайла.

2 АВГУСТА. Двух сыновей Освальда Ива вчера поместили в тюрьму.

11 АВГУСТА. Генри, Израэль Пембертон и С. Хопкинс ожидали генерала Арнольда, чтобы попросить его отпустить на волю некоторых заключенных.

12 АВГУСТА. Они начали реквизировать повозки и тележки — для каких целей, я не знаю. Вот уже несколько дней как перестали гореть лампы, а дозорный не оповещает о начале нового часа, как это обычно было.

14 АВГУСТА. Некто Джордж Спенглер был казнен за то, что в свое время оказывал помощь британской армии. У него остались жена и несколько детей.

20 АВГУСТА. Еще до полудня из собственного дома выселили Грэйс Галловэй. И поселили туда испанского офицера.

21 АВГУСТА. Прошлой ночью снова выселили из дома Бекки Шумейкер. Запрещено совершать поездки в Нью-Йорк без специального пропуска от Конгресса.

24 АВГУСТА. М. Плизенс была у меня утром. Они вместе с Бекки Шумейкер ходили к Томасу Маккину¹⁸⁵. Сэмми Плизенс взяла у него 6 стульев красного дерева взамен лучших.

25 АВГУСТА. В этот день палили из пушек и устроили всеобщее празднество по случаю дня рождения французского короля. Джозеф Йеркс предстал вчера перед судьей за то, что содержал школу. Его школа была закрыта, и наш сын Билли вследствие этого лишился места обучения, как и многие другие. Печальные дела.

2 СЕНТЯБРЯ. Двое мужчин по имени Лайенс и Форд были застрелены на борту своей лодки при попытке дезертировать. Еще двое приговоренных к смерти были помилованы.

10 СЕНТЯБРЯ. Мы сократили число прислуги с 5 до одного, посчитав, что один человек не будет сильно загружен работой, если мы возьмем часть обязанностей на себя. И таким образом поступили уже многие семейства. Хорошую прислугу трудно найти, особенно сейчас, поэтому я верю, что они не останутся без дела.

¹⁸⁵ Томас Маккин (1734–1817) — американский юрист и политик. Был делегатом Конинентального конгресса, где подписал Декларацию независимости (1774–1776), затем президентом Конгресса (10 июля — 4 ноября 1781 г.), президентом штата Делавэр, председателем Верховного суда Пенсильвании (1777–1799), губернатором Пенсильвании (1799–1808).

11 СЕНТЯБРЯ. У нас появилась новая корова. Генри купил ее у Парсона Стрингера за 45 фунтов стерлингов. Сегодня мы отправили двух наших старых коров на убой.

3 ОКТЯБРЯ. Ходят слухи, что английские войска высадились в Эгг-Харборе и грабят соляные фабрики. Часть континентальной армии двинулась сегодня к ним навстречу.

18 ОКТЯБРЯ. Пришло сообщение, что Англия и Франция заключили перемирие, и таким образом, французы возвращаются домой. С Абрахама Карлайла сняли кандалы.

24 ОКТЯБРЯ. Этим вечером пришли вести, что англичане вывели войска из Нью-Йорка. Это сообщение слишком неожиданное, чтобы быть правдой.

28 ОКТЯБРЯ. Сообщение о том, что англичане вывели войска из Нью-Йорка, оказалось ошибкой, такой же, как и весть о перемирии между Англией и Францией. По крайней мере, мы в это не верили.

Торнтоны и мы с Генри отправились к нашей соседке, Энн Карлайл. Джеймс попытался приободрить изможденную женщину. Дата казни ее мужа была назначена на четвертое число следующего месяца. Чтобы предотвратить ужасный конец, страдающие жены встретились с одним высокопоставленным лицом, несколько петиций, подписанных разными людьми, были отправлены в Совет и Ассамблею. Все надеялись и верили, что им сохранят жизнь.

Главная новость этого дня: британские войска, которых недавно выбили из Эгг-Харбора, вернулись туда с подкреплением.

3 НОЯБРЯ. С. Плизенс сказала мне, что всюю идут приготовления к завтрашней казни наших бедных Друзей. Несмотря на то, что было отправлено множество петиций, что заплаканные жены вместе с детьми пытались разжалобить Совет, мне кажется, в глубине души, что они не смогут избежать такого ужасного конца.

4 НОЯБРЯ. Джон Робертс и Абрахам Карлайл¹⁸⁶ этим утром были преданы смерти через повешение возле Ратуши. Ужасный, мрачный день. Я отправилась вечером вместе с Генри к соседке Карлайл. Бедная страдающая вдова держалась с изумительной стойкостью. Пришло множество сочувствующих друзей.

5 НОЯБРЯ. Наша задняя гостиная была переполнена людьми, пришедшими на похороны нашего соседа Карлайла. Я с четырьмя детьми ходила на них. Это были необыкновенно пышные похороны, особенно в это мрачное время. Джордж Дилвин и С. Эмлен произнесли у могилы речь, остальные горячо молились.

28 НОЯБРЯ. Многие считают, что англичане действительно оставили Нью-Йорк.

1 ДЕКАБРЯ. Всеобщее ликование по поводу избрания президентом Джозефа Рида¹⁸⁷. В этот день звенели колокола и стреляли из пушек.

5 ДЕКАБРЯ. Целый день идет дым из трубы дома, через один от нас, где живет Маршал. Шхуна, прибывшая днем из Нанта, принесла вести, что, похоже, Англия и Франция сели за стол переговоров. Эйбл Райт был казнен сегодня в первой половине дня у Ратуши. За что, я не знаю.

¹⁸⁶ Абрахам Карлайл был плотник и строитель. Генерал У. Хоу во время британской оккупации Филадельфии назначил его начальником охраны выездов из города и ответственным за выдачу пропусков. За это преступление он был лишен жизни. Его собственность была конфискована, но в 1792 г. частично возвращена сыну.

Джон Робертс — мельник из окрестностей Филадельфии (недалеко от Мериона) также присоединился к королевским силам в это время. Исаак Огден, лоялист, написал в письме Галловэю в 1778 г. о том, что жена Д. Робертса с десятью детьми пошла в Конгресс и на коленях в слезах умоляла их о пощаде, но тщетно. На эшафоте он сказал присутствующим, что совесть его чиста, что он страдает из-за того, что выполнял свой долг перед королем, что они запачкают руки в его крови. Повернувшись к детям, он убеждал и заклинал их помнить принципы, за которые он умирает и следовать им всю их жизнь. Через год после смерти его имущество было конфисковано, но в 1792 г. возвращено его вдове Джейн.

¹⁸⁷ Президентом штата Пенсильвания.

14 ДЕКАБРЯ. Вчера в город прискакали около 130 всадников легкой кавалерии. Супруга Джорджа Вашингтона прибыла в город. У новой таверны устроили грандиозное представление.

16 ДЕКАБРЯ. Ходят слухи, что англичане захватили Монмут. И что их флот появился у берегов Каролины.

18 ДЕКАБРЯ. Генри получил письмо от Дж. Крэммонда. Наша новая горничная весь день принимала гостей, а потом предложила ей пожить вместе. Времена меняются — и горничные становятся хозяйками.

19 ДЕКАБРЯ. Фиби Пембертон и М. Плизенс послали рано утром Молли спросить у меня, не составлю ли я им компанию, чтобы повидать супругу Джорджа Вашингтона. Я вежливо отказалась.

6 ФЕВРАЛЯ 1779 ГОДА. Весь вечер на площади было шумно. Стреляли из оружия и так далее. Праздновали годовщину союза с Францией.

Через два дня после победы при Саратоге в ходе Войны за независимость США Людовик XVI заявил о готовности подписать союз с американцами, что и было сделано 6 февраля 1778 г. В марте Великобритания отозвала своего посла из Парижа. 13 апреля из Тулона на помощь восставшим колонистам вышел французский флот в составе двенадцати линейных кораблей и четырех фрегатов с несколькими тысячами солдат пехоты на борту под командованием графа Шарля д'Эстена. Первое столкновение двух флотов 17 июня 1778 г. было началом войны Франции и Великобритании.

В июле флотилия французского графа пришла к восточному побережью Америки. С 11 по 22 июля 1778 г. она блокировала флот лорда Ричарда Хоу у Сэнди-Хук (полуостров на востоке штата Нью-Джерси, у входа в Нижнюю Нью-Йоркскую бухту), но атаковать не решилась, хотя численно превосходила англичан. Французские корабли не смогли преодолеть бар¹⁸⁸ Нью-Йоркской гавани. В этой ситуации совместное американо-французское командование решило направить прибывшие силы в Род-Айленд и изгнать оттуда британцев. Стратегически это открывало Наррагансетский залив для союзников и закрывало для английского флота.

29 июля 1778 г. французская эскадра появилась у Ньюпорта¹⁸⁹, который защищали несколько кораблей и три тысячи

¹⁸⁸ Мель, лежащая поперек входа в бухту.

¹⁸⁹ Самый крупный город Род-Айленда с декабря 1776 по 1779 г. был оккупирован английскими войсками. За этот период в колонии произошло 60 сухопутных столкновений и 11 морских.

английских солдат во главе с генералом Робертом Пиготом¹⁹⁰. 8 августа граф Ш. д'Эстен, послав корабли к востоку и западу от острова, вошел в бухту и захватил один британский фрегат, остальные четыре фрегата и шлюп были сожжены командами, чтобы избежать плена. Уцелевшие моряки, артиллеристы и морские пехотинцы сошли на берег. Р. Пигот решил вырубить сады и снести дома вокруг Ньюпорта, чтобы иметь поля для свободного обстрела, и перегнать в город весь скот. Британские и гессенские пехотные полки генерал расположил вокруг города для обороны.

9 августа к Ньюпорту по суше для поддержки французских войск подошла десяти тысячная американская армия генерала-майора Джона Салливана¹⁹¹. В этот же день пришло известие, что неподалеку появился флот лорда Хоу. На следующий день французские корабли снялись с якоря, чтобы сразиться с англичанами. Британцы располагали меньшими силами, но Ричард Хоу переиграл Шарля д'Эстена искусным маневром.

В последующие два дня 11 и 12 августа разыгрался сильнейший шторм, который значительно потрепал оба флота и серьезно осложнил положение американских сухопутных сил. После бури между кораблями завязалось несколько дуэлей, самой серьезной из которых стал бой между британским «Ринауном»¹⁹² и французским флагманом «Лангедок». Французский корабль, лишившийся всех мачт, не мог свободно маневрировать, что позволило англичанам методично обстреливать его. Ш. д'Эстен, предвидя возможность плена, приказал выбросить за борт все секретные бумаги и карты. Его спасло только появление других кораблей флотилии. Собрав к 20 августа свои корабли, французский адмирал решил уйти в Бостон на ремонт, так и не высадив армию на берег.

¹⁹⁰ Пигот Роберт (1720–1796) — британский генерал, в битве на Род-Айленде командовал всеми британскими силами (3 тыс. человек против 5 тыс. американцев). В результате остров Акуиднек остался в британских руках.

¹⁹¹ Салливан Джон (1740–1795) — американский генерал в Войне за независимость, делегат Континентального конгресса, губернатор штата Нью-Гемпшир, федеральный судья США. По его приказу в 1779 г. была проведена кампания «выжженной земли» против ирокезов, которые воевали против армии патриотов.

¹⁹² «Renown» (англ.) — слава, известность.

Джон Салливан начал наступление на Ньюпорт 14 августа, но был остановлен обороняющимися англичанами. Осада города с суши осложнилась после ухода французских кораблей, т.к. британцы получили возможность снабжать гарнизон по морю. К концу августа в Ньюпорт прибыло подкрепление англичанам под командованием генерал-майора Чарльза Грея. 27 августа генерал Салливан снял осаду, а на следующий день отошел на север острова в район Батс-Хилл. 31 августа силы Континентальной армии были отведены в Бристоль и Тивертон, оставив остров в руках противника. Так и не добившись решительной победы на восточном побережье, Шарль д'Эстен 4 ноября 1778 г., уходя от зимних штормов, направился в Вест-Индию.

ДНЕВНИК

Мэри Гоулд Олми

Осада Ньюпорта, Род-Айленд,
август, 1778 г.

Нижеприведенный документ был создан миссис Мэри Олми (в девичестве — Гоулд), супругой Бенджамина Олми из Ньюпорта, который в то время примкнул к осаждающей Ньюпорт армии Салливана, пока его жена и дети находились в блокированном городе. Однако миссис Олми симпатизировала крайним тори, судя потому, как это ярко выражено в ее повествовании. Ее родителями были Джеймс и Мэри Гоулд (в девичестве — Ратбан), также она приходилась внучкой Джеймсу и Кэтрин Гоулд (в девичестве — Кларк) и правнучкой губернатору Уолтеру Кларку. Ее сестра Пэйшинс была женой Августа Джонстона, который в дни «Акта о гербовом сборе» прослыл как сторонник правительства, а после покровительствовал тори. Миссис Олми во время и после Революции была хорошо известна в качестве хозяйки знаменитой гостиницы в Ньюпорте — однажды ее гостем был сам генерал Вашингтон. Изящное шелковое покрывало, под которым спал генерал Вашингтон, по-прежнему охраняется как священная реликвия внуком миссис Олми господином Конрадом К. Эллери в Провиденсе. Покрывало в отличном состоянии, так как, надо полагать, никогда не использовалось, кроме вышеописанного случая. Оно было выткано мисс Энстис Эллери, которая впоследствии вышла замуж за Джона Олми и стала матерью Бенджамина. Датировки миссис Олми немного отличаются от других источников, но мы не вправе изменять их.

*РУКОПИСЬ ПЕРЕДАНА
МИССИС Е. ТРОУБРИДЖ ЭЛЛЕРИ*

«Рассказ моей благословенной матери, миссис Мэри Олми,
об артобстреле французским флотом под командованием графа д'Эстена
позиций британских войск в городе Ньюпорт¹⁹³, Род-Айленд, 29 июля 1778 г.»

НЬЮПОРТ, 2 СЕНТЯБРЯ 1778 г.

«Мой дорогой мистер Олми, я еще раз позволю себе написать вам. Как велико ваше разочарование, велико и мое сожаление, которое тяжело перенести, потому что оно передалось от моих друзей, но я умоляю вас не оспаривать мою позицию, настолько отличную от вашей. Благодаря вашему желанию и моему расположению, я предлагаю вам отчет о том, как проходила осада: но прежде позвольте мне сказать вам, собравшись с духом, что я недовольна той нацией, которую вы причисляете к своим друзьям. Вы знаете, что я придерживалась такого мнения и раньше, и даже сейчас это не секрет, хоть вы и находитесь вместе с ними. И я предвижу, что дело закончится так же, как закончилась операция по захвату нашего острова, то есть позором американцев. Вы не будете удивляться моей горячности, когда поймете, как я настрада-

¹⁹³ Ньюпорт основали в 1639 г. восемь жителей Портсмута, ушедших оттуда из-за религиозных преследований, и вскоре стал прибежищем для членов всех гонимых конфессий — баптисты, евреи, квакеры и пр. В конце XVII и начале XVIII вв. Ньюпорт был крупнейшим центром пиратства и центром работорговли в Новой Англии.

Во время Войны за независимость в Ньюпорте шла активная борьба патриотов и лоялистов. Зимой 1775 г. Законодательное собрание Род-Айленда поручило генералу Уильяму Уэсту пресечь деятельность лоялистов. На север штата были посланы несколько известных людей (в том числе Джозеф Вонтон — бывший губернатор штата и Томас Вернон — крупнейший землевладелец Род-Айленда). Осенью 1776 г. англичане, опасаясь что Ньюпорт может быть использован в качестве военно-морской базы мятежников при атаке Нью-Йорка, захватили город. Многие из сторонников независимости покинули его. В течение трех лет Ньюпорт был под контролем британцев. Летом 1778 г. американцы начали первую совместную операцию американских и французских сил после подписания договора по штурму Род-Айленда. Но разногласия ослабили позиции союзников, и британцы изгнали американцев с острова. В следующем году англичане, сосредотачивая силы в Нью-Йорке, оставили Ньюпорт. Город заняли французы и оставались в нем до конца войны. Война разрушила экономическое благосостояние города, т.к. в годы оккупации Ньюпорт был закрыт для внешней торговли, многие купцы покинули его.

лась, также не изумляйтесь моей искренности, когда откроете и внимательно прочитаете этот рассказ. Итак, вот мое изложение».

СРЕДА, 29 ИЮЛЯ

В девять утра был получен сигнал о приближении флота; в десять утра показались 11 больших кораблей, курсирующих при благоприятном попутном ветре, в ясную погоду. Все вокруг говорили с надеждой в голосе, что это должно быть лорд Хоу¹⁹⁴. Спустя полчаса мы были повергнуты в глубочайший ужас — по улицам разносились слова — это французский флот. В этот момент все пришли в замешательство, времени для приготовлений уже не осталось, вот вам живой пример бедных душ, внезапно призываемых в иной мир: большую работу, которую нужно было проделать, так и не начали. Начавшееся возведение береговых укреплений, способных защитить от нападения вражеских кораблей, должно было закончиться только на этой неделе. Торговец глядел на свой заполненный товарами склад, как будто там не было ничего ценного. Лавочник с бедственным выражением лица не нашел ничего лучшего как закрыть магазин на замок и засов. В одиннадцать часов флот бросил якорь у Brentonского перешейка, видимо, ожидая, пока люди с вашего берега не будут готовы атаковать долину острова. Небеса! С каким воодушевлением армия принялась укреплять прежние артиллерийские батареи, с какой ошеломительной скоростью они бросили строить новые укрепления, ночь не остановила их, так необходимо было оказать графу достойный прием. С тяжелым сердцем я попыталась успокоить своих бедных детей словами, что противник не придет до утра, и затем стала прятать деньги и столовое серебро в саду. Покончив с этим занятием к двум часам, и стала хорошенько обдумывать планы на завтрашний день.

¹⁹⁴ Хоу Ричард (1726–1799) — британский адмирал, воевал против американцев в Войне за независимость, участвовал во Французских революционных войнах.

ЧЕТВЕРГ, 30 ИЮЛЯ

Ничего примечательного в этот день не случилось; флот стоял на приколе, готовый внезапно начать атаку, практически все мостовые были разворочены отрядами легкой конницы; этот день был настоящим раем для сплетничающих бездельников. Когда наступила ночь, мое сердце ныло от неправдоподобных слухов, доходивших на меня весь день напролет; вообще главная ошибка всех женщин — сожалеть, когда уже слишком поздно.

ПЯТНИЦА, 31 ИЮЛЯ

С первыми рассветными лучами солнца плотный туман окутал наши дома, и пока он не рассеялся, все пребывали в ужасе; около восьми часов мы заметили в бухте Коддингтона две объятые огнем галеры; новое волнение охватило нас; страх, крики, бегство — вот истинное утешение в беде, когда не имеешь надежды на спасение. К десяти часам туман окончательно рассеялся. Как оказалось, два французских линейных корабля были обнаружены в проливе Сиконнет, и нам пришлось сжечь свои корабли, а людей высадить на берегу.

СУББОТА, 1 АВГУСТА

Флот начал движение; обыватели пришли в ужас, артиллеристы воодушевились, все вокруг было приведено в состояние боевой готовности, улицы быстро заполнились повозками и артиллерийскими боеприпасами: каждую из них деловито запрягали и загружали горючими веществами, необходимой провизией с такой поспешностью, которая была неизбежна в этих случаях. К вечеру все были настолько подготовлены, что наиболее безрассудная часть населения не желала ничего больше, чем появления французского флота в порту. Но я принялась глубоко молиться, чтобы этого никогда не случилось.

ВОСКРЕСЕНИЕ, 2 АВГУСТА

Утро выдалось ясным и безоблачным; когда взошло солнце, вниз по течению плыли фрегаты «Ларк», «Джунеу», «Офьюс»

и «Себерес»¹⁹⁵. Затем нашелся повод для новой растерянности, новые страхи глядели нам в лицо, пока нам не сообщили, что три французских линейных корабля вошли в Конаникутский пролив, и так как фрегаты не обладали достаточной мощностью, чтобы вступить с ними в бой, британцам пришлось, используя с выгодой рассветные часы и благоприятный ветер, скрыться от тех, кто, если бы имел половину своей численности, никогда бы не стал рассказывать заносчивые басни о том, как четыре британских фрегата ретировались с поля боя. Вскоре в поле зрения появилась флотилия, состоящая из 11 линейных кораблей. Мое сердце затрепетало от чувства страха, которое позже переросло в гнев и презрение — самое превосходное лекарство для женщины; более того, эти чувства, сменяя друг друга, сохраняли мои жизненные силы.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 3 АВГУСТА

С утра объявили радостные вести; небольшая шхуна срочно прибыла из Нью-Йорка; как только она было обнаружена, каждый корабль французского флота счел за честь встретить судно залпом. Командовал им один мужественный, бесстрашный англичанин. Он направил судно к Сэчест-бич; весь экипаж укрылся на дне шхуны и, таким образом, никто не пострадал, что позволило обрести нам бодрость духа. Лорд Хоу беспрестанно ожидал подкреплений. Фрегатам было предписано вернуться на свои позиции, и я испугалась, что нас могут принести, таким образом, в жертву. Весь город пришел в замешательство, не зная, что следует ожидать, кое-кто пытался вывезти свое имущество, офицеры же, наоборот, отправляли свой багаж в город. Люди, лошади, быки находились в постоянном напряжении, не зная отдыха ни днем, ни ночью, мучительное и тягостное бодрствование стало уделом разумных людей. Утомительный день уходил, чтобы смениться еще более утомительной ночью. Каждому мужчине приказали быть в состоянии боевой готовности, американские войска высадились у переправы Хауленд. О! Ка-

¹⁹⁵ «Lark» (англ.) — жаворонок, «Juno» — Юнона, «Orpheus» — Орфей, «Cerberus» — Цербер.

кой шум! Когда я внимательно изучила список моих друзей, принявших ту или иную противоборствующую сторону, мое сердце затрепетало от мысли: сколько же их погибнет, упрямых и полных решимости. Что ж, можно воскликнуть: сколько чрезмерных разрушений приносит тщеславие. Проклятые французы, они бы никогда здесь не появились, если бы вы их не позвали!

ВТОРНИК, 4 АВГУСТА

Утро выдалось совершенно безветренным, французские корабли появились перед портом, продвинулись вверх по течению и встали на якорь, развернув флаги. Неслыханная дерзость для тех, кто являлся истинным владыкой моря. Несмотря на то, что наш многочисленный гарнизон пришел в жуткое раздражение, все остались ждать появления Лорда Хоу. Также через доверенное лицо был передан приказ выстроить все транспортные корабли в порту и после разгрузки подготовить их к затоплению, как только начнется атака французского флота. С приходом ночи курьер, по приказу Командора воспользовавшись опустившейся темнотой, отправился в Нью-Йорк с донесением. Сильно утомившись и чтобы сбросить тяжкий груз с плеч, я пообещала, что если доживу до утра, то отправлюсь на богослужение в Нек¹⁹⁶ молиться за свою мать и детей.

СРЕДА, 5 АВГУСТА

Первые новости появились утром. Три французских линейных корабля поплыли вверх по течению, остальные, находясь у входа в порт, подали сигнал отдать швартовы, чтобы привести фрегаты в замешательство. Они подошли настолько близко, насколько это возможно к берегу и попытались атаковать наши судна, но были подожжены и тотчас взлетели на воздух без надежды на спасение. Вечером всем морякам, находившимся в городе, было предписано по возможности выполнить приказ. Никогда еще не приходилось наблю-

¹⁹⁶ Поселение на соседнем острове Пруденс.

дать столь курьезной картины. В своей озлобленности я, еще утром чувствовавшая себя совершенно растерянной от дурных предчувствий, в этот момент просто расхохоталась. Каждый моряк, кто мог найти мушкет, должен был вооружиться им, если огнестрельного оружия не находилось, то тогда следовало обзавестись дубинкой из старого ракитника или какой-нибудь другой деревянной болванкой. Бодрость духа моряки черпали в алкогольном напитке под названием «Убей печаль»: кто-то занимался пустяками, кто-то играл на варгане¹⁹⁷. Когда сгустилась тьма, бутылки были полностью опустошены, и мы были вынуждены приютить на ночь еле стоявших на ногах моряков.

ЧЕТВЕРГ, 6 АВГУСТА

Утро было довольно туманным; в воздухе витало мрачное предчувствие того, что как только туман рассеется, наша участь будет решена; все магазины и торговые лавки в городе по-прежнему закрыты, деловая жизнь замерла, осуществлялось лишь возведение укреплений да перевозка грузов; слышался звук пушечного выстрела, сильно напугавший женщин и детей, был отдан приказ о запрете вывоза припасов за пределы города. Несчастные жители, какие же страдания им приносят разворачивающиеся события! Мое сердце переживает за каждого достойного гражданина.

ПЯТНИЦА, 7 АВГУСТА

Царила мрачная тишина; никто не мог рассказать никаких новостей; туман был очень густой; все люди вымотались; муки тела и ума с тысячей предположений, которые сопутствовали такому общему беспокойству, вызывали покорность судьбе, будь это жизнь или смерть. Все адские переживания, случившиеся за эти последние дни, были оставлены до ночи субботы, так как мы начали думать, что завтрашняя ночь будет переломной, было решено рано лечь спать, чтобы как можно

¹⁹⁷ Язычковый музыкальный инструмент, при игре его прижимают к губам или зубам, а рот служит резонатором.

быстрее выйти из потрясения; но в восемь часов, по возвращению некоторых моих родственников в город, занятых вывозом имущества, стало известно, что был дан приказ сжечь все дома и каждое строение вблизи трех миль от города, как только вражеские силы высадутся на острове, чтобы таким образом противник не смог устроить из помещений казарм. Несчастные жертвы; они не знали, что делать: приехать в город, где они погибнут, или вернуться назад, где их хозяйство будет полностью уничтожено, если они останутся. Небеса! Что за жалкий вид приобрел этот прежде счастливый и цветущий остров. Будь проклят человек, кто принес все это горе и разорение хорошим людям. Ни сна в моих глазах, ни усталости на веках этой ночью; но посуди сам, какие меры я могла предпринять, даже сохранив присутствие духа, как ни одна из женщин; шесть детей висели на мне, маленькие девочки спрашивали: «Мама, они убьют нас?». Мальчики старались сохранить мужественный вид, и пытались хоть как-то помочь, но совершали ошибку, шепотом говоря девочкам: «Кто, по-вашему, причинит вам боль? Разве ваш папа не придет с ними?» Это разрывало мне сердце. После трех лет напрасных скитаний мы не можем встретить тебя гостеприимно. Но я вышла из оцепенения, услышав ожесточенную стрельбу. Я велела моим детям бежать, мы отправились на улицу, здесь было столпотворение, мужчины, женщины и дети, все очень испуганные, как и я, это зрелище привело меня в себя. Я немедленно приказала моим малышам, каждый из которых нес большую поклажу, продолжать путь дальше, пока я найду к матери спросить, что она собирается делать. Она попросила меня вернуться к детям, так как моя сестра Карр и Сьюки собрались ее сопровождать. Я побежала так быстро, как только можно себе представить, пока не догнала их. Корабельные орудия непрерывно палили, женщины визжали, дети падали на землю, плача. Милостивый Господь! Эта картина навсегда останется в моей памяти. Я рассказывала тебе прежде, что постоянно посещала проповеди и стараюсь вести праведную жизнь. Нам говорили, что мы совершаем ошибку, но я думала, что лучше отправится в то место, где нас ждет теплый кров и пища. Так как корабли уже обогнули мыс, каждое ядро пролетало над нашими головами, и после того, как миновали две заставы, стало еще опасней. Мальчики несли Библии на

руках; другие тащили большие узлы поклажи, я волновалась за детей. Иногда мне приходилось останавливаться только для того, чтобы похвалить или отчитать их, в зависимости от ситуации. Вдруг большой корабль, который плавал недалеко, дал такой залп, что я в самом деле подумала, что придется распрощаться с жизнью. Мы залегли на дно ямы, неподалеку от дома Джемми Коггешэлла, и когда корабль отплыл, выскочили и побежали снова. Кузен Коггешэлл, видя наши мытарства на долгом пути, рискнул прийти к нам на помощь, будучи крепко убежденным в том, что каждый выстрел зависит от воли Всевышнего. И я также разделяю его мнение, так как если бы дьявол управлял стрельбой, так же как он послал сюда французов, здесь бы не осталось ни одной души, чтобы рассказать эту историю.

СУББОТА, 8 АВГУСТА

Задолго до наступления дня, когда я была уже готова подняться, ничего особенного не произошло. Ночь я провела скверно: меня преследовали ночные кошмары, а как только я пыталась успокоиться и задремать, жужжание то ли мухи, то ли комара рядом со свечой прерывало мой сон. Утренняя канонада, которую так любит французский адмирал, испугала меня до смерти. Первые известия, которые дошли до меня, рассказывали о том, что двадцать тысяч человек высадились на суше без особых помех. Королевским войскам было приказано оставить низменную часть острова. Около 12 часов они подожгли 16 зданий, что мне показалось не только жестоким, но и бесполезным. Мы наскоро подкрепились обедом, зная, что горести переносятся гораздо легче на полный желудок. В час дня всему французскому флоту был дан сигнал сняться с якоря, дул сильный ветер. Целый час — огромное время, чтобы подумать о том, как не попасть в плен. Господи! Какое горе! Какой ужас сковал меня! Где теперь искать защиту! Мой выбор остановился на погребѣ. Но если они сожгут город — я не рискну спрятаться там. Пока я раздумывала, мой кузен приготовил нам славное местечко за большой скалой, где вся моя семья могла чувствовать себя в безопасности. Расположившись за стогом сена, я занялась любимым утешением женщин — бесшумный поток слез хлынул из моих глаз — я плакала о друзьях в городе,

которые еще никогда не подвергались и половине тех испытаний, которые выпали на мою долю. Кузен Коггешэлл принес вишневым ром, я во мне все больше росла уверенность, что я смогу справиться с навалившимися на меня испытаниями. Через несколько минут дилижанс привез мою мать, сестру и Сьюки. Они решили позаботиться о нашей семье и направились к месту, где я укрылась. Благодаря этой заботе я испытала прилив сил и снова стала самой собой. Корабли проплыли мимо батарей без единого выстрела и бросили якорь у северной оконечности острова Конаникут. Затем перед моими глазами предстало ужасное зрелище: суда, которые не затонули, были подожжены, и пламя, поднятое сильным ветром, грозило перекинуться на город. Я поехала к себе домой с таким же рвением, с каким его покинула, чтобы убедиться, что моему дому ничего не угрожает, уже уставшая от осознания всего случившегося. Очень тяжело описывать все ужасы этой ночи, можете называть меня глупой, но ни один язык не способен точно передать все оттенки происходящего. Пламя войны настигло нас, и голод был уже поблизости — запасы хлеба подходили к концу. Около 12 часов ночи стрельба стихла; воцарилась тишина, прерываемая лишь окликающими часовых, осматривающих брошенные суда, что «все в порядке». Что касается меня, из всех моих домашних только я не ослабла. Все джентльмены искали спасения под защитой войск. Бен — в Нью-Йорке, Якоб заготавливает древесину на Лонг-Айленде, мои дети — в Неке. Какие мучения я испытала, когда попыталась собрать разбросанные в беспорядке мысли. Наш Господь так добр ко мне, послав капитанов транспортных судов навестить меня. Они жалели и симпатизировали мне, и поручили присматривать за мной двум матросам. Я надеюсь, что никогда не забуду их доброту. Ночь я провела, глядя на пламя огня. Так закончилась эта ужасная суббота.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9 АВГУСТА

Рано утром наши джентльмены пришли домой, чтобы узнать, как у нас дела; мой верный, заботливый Уильям принес нам все новости, позаботился о коровах и свиньях и отнес весточку детям, которых он всегда очень любил. Он был расстроен оттого, что не мог заставить меня поверить в то, что мы ни-

когда не станем жертвой французов, и все его рассказы были по большей части о неприступности укреплений, и о том, что американцам было не под силу их прорвать. Около десяти часов он пришел сообщить мне о том, что на горизонте появился флот; это должно быть лорд Хоу. Странная революция, такое изменение в положении дел всего за несколько часов. Морские офицеры, которые несколько часов назад выглядели безутешными и жалкими, сейчас седлали любую лошадь, какую могли найти в ближайшей округе, и неслись во весь опор, чтобы посмотреть на корабли, которые в ближайшие три дня должны были бы спасти их. Офицеры армии, освобожденные на четверть часа от службы, мчались рассказать своим друзьям, что лорд Хоу прибыл. В течение дня больше ничего не произошло, радостные толпы блуждали вдоль берега; все в приподнятом духе. Моряки веселились так яростно, что разодрали все свои палатки. Они с неистовством накидывались на все, что могли достать. К вечеру собралось огромное количество матросов, достаточное чтобы укомплектовать флот. Никто не знал, что произойдет в дальнейшем. Каждый гадал о политической стратегии и тактических планах лорда Хоу, направленных на то, чтобы заставить этого мерзкого французского графа пожалеть о его присоединении к восставшим против истинного и законного монарха. Пришла ночь, мы потихоньку разошлись по домам и сладко заснули.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 10 АВГУСТА

Все встали рано; ожидая от этого дня великих свершений; около восьми часов французский флот целиком двинулся к месту битвы. Лорд Хоу отдал команду сняться с якоря; казалось, часы замедлились, так озабочены мы были отмищением. В 9 часов мы увидели, что английский флот отошел. Это удивило нас, но по-прежнему казалось, что это было сделано, чтобы иметь пространство для маневра. О чем думал граф д'Эстен¹⁹⁸ — небеса ведают, но его поспешность была велика. Он обрубил все ка-

¹⁹⁸ Д'Эстен Жан-Батист (1729–1794) — французский генерал и адмирал. После заключения союза с США повел флот на помощь американцам, участвовал в провалившемся франко-американском нападении на Род-Айленд и неудачной осаде Саванны. Вернулся во Францию в 1780 г. Стал жертвой революционного террора во время Французской революции.

наты и начал стрельбу по порту, как будто сам дьявол вселился в него, и наши батареи отвечали на его любезности возмездием, часть горожан отправились в Нек, чтобы увидеть грандиозное морское сражение, но вернулись через несколько часов весьма разочарованными. Как потом рассказывали, сила лорда Хоу была недостаточна, чтобы сразаться с таким флотом. Ночью ни один корабль так и не появился, но мы были счастливы, что освободились от Месье. Что касается меня, я сделалась такой отважной, что не покинула дом во время очередной бомбардировки. Молодые люди настойчиво уговаривали меня спуститься в погреб ради собственной безопасности, и я была настолько сильно разбита, из-за моего субботнего бегства, что не смогла бы пройти и половины пути. Так как большая и тяжелая ноша в виде кучи ребятишек была снята с меня, я уговорила себя спуститься в погреб, находящийся позади большой бочки с мусором, пока сильный огонь не прекратился. Но что было очень примечательно, несмотря на сотни ядер и пуль, обрушившихся на город, ни единая душа не пострадала.

ВТОРНИК, 11 АВГУСТА

Этим утром начался сильный шторм (именуемый континентальным штормом). Он начался до рассвета и продолжался с ужасным громом и молниями весь день. Ветер дул с ураганной силой, со времен потопа дождь еще никогда не лил сильней. Палатки были порваны в клочья, все солдаты и матросы были похожи на мокрых крыс. Их командировали в город, чтобы отдохнуть и немного расслабиться, но в то же время быть готовыми в любой момент. Я развела сильный огонь на кухне и приготовила кое-что поесть и выпить, чтобы порадовать несчастных, которые радовали меня прежде, приходя с деньгами в мою лавку. После слов благодарности и благословений они ушли, так и дождавшись окончания шторма. Пришла ночь, и мы отправились в постель, не опасаясь никакого наступления этой ночью.

СРЕДА, 12 АВГУСТА

Шторм продолжился, и с точно такой же силой, с какой начался. Мои дети оставались в Неке, дом выглядел по-

настоящему угрюмым. Деловая жизнь остановилась; все магазины оставались закрытыми, на улицах ничего не было видно, кроме телег, лошадей и нескольких старых усталых кучеров, которым не было дела ни до короля, ни до тех, кто восстал против него. Им было достаточно знать, что если никто в ближайшее время не победит, они и их лошади погибнут. А так как у этих людей были большие семьи, лошадям придавали жизненное значение: их труд поддерживал всех; и кто бы ни пришел к власти, их служба должна оплачиваться. Верная мысль, что и люди, и животные достойны жалости. Ночь казалась мрачной и очень темной.

ЧЕТВЕРГ, 13 АВГУСТА

Дождь немного утих. Туман полностью рассеялся, благодаря чему мы обнаружили, что твои люди расположились намного ближе. Огромное число людей занималось работой. Город нуждался в хлебе, однако рис был в изобилии, и никто не голодал. Люди настороженно наблюдали за передвижением обоих флотов. Хотя я и ослабла, как смерть, верь мне, мой дорогой мистер Олми, я не извозчики, о которых я упоминала вчера и которым, если все идет гладко, без разницы кто правит. Я — за английское правительство и английский флот; мне безразлично, кто победит французов.

ПЯТНИЦА, 14 АВГУСТА

Этим утром были захвачены три пленника, все джентльмены, добровольцы из Нью-Хемпшира, которые разведывали местность, к несчастью для них, слишком близко к линии фронта; они были сопровождены к тюремному начальнику, но с ними обращались хорошо. День был приятным и ясным, весьма жарким. Ничего примечательного не случилось, пленным предоставили возможность пообщаться, что свойственно человеческой натуре — наслаждаться всем хоть сколько-то необычным из того, что произошло. Никаких новостей о флоте, ничего не происходит. Мои мать и дети по-прежнему в Неке и я собираюсь оставить их там, пока все не закончится. Скучные дни, угрюмые ночи. Хотелось бы знать, останусь ли я в живых.

СУББОТА, 15 АВГУСТА

Я проснулась рано, все вокруг казалось спокойным; от одного конца улицы до другого не было видно ни души. И когда выпадала счастливая возможность встретить кого-нибудь из моих друзей, они выглядели обеспокоенными, и на их лицах отражались страдание и меланхолическая бледность, что делало меня более несчастной, чем когда я раздумывала над своими бедами в одиночестве. Но, признаюсь, иногда я вижу проблеск покоя, когда мне говорят тихим слабым голосом: ты вновь будешь счастлива. Тогда с каким воодушевлением пройду я через все невзгоды и трудности, которые в другое время я посчитала бы невозможным. И благодаря джентльменам, которые находятся рядом со мной в доме, мне становится легче, как только может быть легче человеку в моей ситуации. На самом деле не отыщешь людей лучше, чем под нашей крышей. Мистер Амори из Бостона был одним из тех, чью доброту я не забуду никогда. Я почти стыжусь, что никогда не упоминала его прежде, на страницах, из которых состоит это повествование.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 АВГУСТА

Воскресная церковная служба в этот день не проводилась. В разные стороны движутся повозки, строятся укрепления; ваши люди подкрадываются все ближе, возводя новые редуты каждую ночь. Наши люди каждое утро наблюдают с удивлением и изумлением за деятельностью противника. Право, мистер Олми, мое любопытство было так велико, что мне захотелось посмотреть на окопы, так как я полагала, что вы находитесь где-то там; и один мой знакомый, приятный молодой человек по имени доктор Хассилон, отвез меня в легком экипаже до госпиталя, прежде принадлежавшего мистру Коззенсу. Перед нами раскинулся чудесный вид Варского сада и всех военных лагерей вокруг него. Поверь мне, дорогой друг, ни одна несчастная душа не вызывала большей жалости, когда противоречивые, смятенные чувства овладели мной по возвращении. Желание вернуть моего скитальца и, в то же самое время, чувство негодования против тех, кто называл себя твоими друзьями, охватило меня, поэтому

я вернулась домой еще более расстроенной, источник моих душевных сил был пуст. По возвращению меня завалили расспросами, чтобы узнать причину моего расстройства; но те, кто знал степень моей впечатлительности, оставили меня наслаждаться моим горем, от которого не было лекарства до тех пор, пока не наступила ночь; и я не спряталась от мира.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 АВГУСТА

Ничего значительного не случилось, каждую минуту ожидалось появление французского флота. Все были изнурены в той или иной степени, и мрачное предчувствие грядущих событий приводило нас в отчаяние. Около двенадцати часов они открыли по нам артиллерийский огонь, и весь день прошел в обоюдных обстрелах; к вечеру они забросали нас снарядами. Это должно быть впечатляющее зрелище, если бы оно не несло собою смерть. Я сидела на крыше дома до двенадцати, наблюдая и удивляясь сумасшедшей выдумке людей уничтожать друг друга.

ВТОРНИК, 18 АВГУСТА

Поднялась рано, ночь была одним непрекращающимся ужасом; иногда мне являлся ваш приятный образ, с выражением лица в минуты счастья; потом снова все было разрушено; стрельба, огонь и все время ужас — так мое сердце предсказывало беду. О! Это был конец! Я знала, случилось худшее. В восемь часов стало известно, что полковник Брюс из 55-й части в районе сторожевой заставы на Юго-Западном побережье взял в плен лейтенанта, сержанта и еще 12 человек. Никогда еще не было подобного дружелюбного отношения, какое выказал полковник к своим пленным, когда отправил их к тюремному начальнику. Он очень вежливо спросил молодого лейтенанта, не примет ли он 10 гиней, так как предположил, что у него нет денег для проезда. О! Мистер Олми, вы должны признать, это был благородное деяние. Если бы со всеми пленными обращались так, не было бы повсеместного возмущения. День прошел без каких-либо происшествий, дающих повод публике посудачить. Они продолжали непрерывный огонь со своих батарей после полудня. Вечер,

скучный, грустный и по большей части одинокий, я вскоре отправилась в постель, чтобы поразмышлять о прошедшем дне.

СРЕДА, 19 АВГУСТА

Спала немного или вообще не спала, мой разум был чрезвычайно взволнован, расстроен из-за моих друзей, которые, как я полагала, скоро станут пленниками; я придумала тысячу разных планов, чтобы спасти их от несчастья, но все напрасно. Утро пришло, и я должна была прожить еще один день: ничего примечательного в течение него не произошло. Светлые ожидания переполняли нас, все ждали возвращения французского флота под английскими флагами, что, как мы представляли, обеспечит нас счастьем и прочным миром. Небеса, с какой радостью я получила бы благие известия, с какими приветствиями, с десятью тысячами приветствий я обратилась к многочисленным заблудившимся скитальцам. Родители, вызволившие своих детей из омерзительных тюрем, жены — своих супругов, надолго изгнанных от всего, что они считали дорогим. Братья и сестры, сердечно встречающиеся после утомительной разлуки. Эта идея представлялась нам даром небес.

ЧЕТВЕРГ, 20 АВГУСТА

Ранний подъем; семья моя небольшая; дети по-прежнему в Неке; мой заботливый Уильям пытается найти хотя бы толику информации, которая могла бы приподнять мой упавший дух. Около семи часов он пришел сказать мне, что виден флот, и он надеется, что лорд Хоу принесет нам минуты спокойствия; но мое сердце предсказывало худшее. Все страхи, которые завладевали мной с момента последней канонады, теперь вернулись с двойной силой. Но посреди этого замешательства мыслей я отважно решила взять себя в руки и ждать ветра перемен с той стойкостью, на какую только способна. Взглянув назад, на мое прежнее поведение в жизни, я находила себе оправдание в том, что раз я прежде хорошо относилась к людям, то они будут поступать в отношении меня также. Это мысли успокаивали, и когда мне сообщили, что

у берегов появился французский флот, я встретила эту весть без видимого волнения, которое я выказывала прежде. Они все встали на якорь на старом месте, ниже Нека. Очень скоро обнаружилось, что они были в разбитом состоянии, потеряли свои стены, имели на один корабль меньше, чем когда уходили. Вокруг берега ежеминутно кружили лодки. Все были в некотором волнении, так как не знали о своей участи; это выяснилось очень скоро. Наши опасения мучили нас, и десять тысяч лживых историй, которые мы слышали, не могли вывести нас из шока. Мы были измотаны муками этого ужасного дня, но не смели хоть немного отдохнуть из-за страха, что мы можем быть схвачены спящими; никогда прежде я так не боялась ночи, никогда так не жаждала увидеть утренний свет. Но пока были видны хоть очертания Нека, я оставалась на крыше дома.

ПЯТНИЦА, 21 АВГУСТА

К моему изумлению, я вышла из дома и не обнаружила кораблей, куда они могли уйти? Это было сущим чудом. Скоро, очень скоро, по городу пошли слухи, что они ушли. Выдвигались разнообразные предположения. Все трезво-мыслящие люди пребывали в изумлении. Люди на острове продолжали работать, лица выражали оттенок некоторого недоумения; бедные солдаты были измучены постоянной службой, и деятельные и мужественные люди уже были готовы пасть под тяжким бременем. Но эти новости принесли переосмысление, и ситуация повернулась другой стороной. Позвольте сказать вам, что хотя они и боялись французов, но знали, что их флот должен был сдаться. День прошел стремительно, и к ночи я была вынуждена позвать своего помощника — мое бедное редкое здравомыслие, чтобы заставить себя уснуть.

СУББОТА, 22 АВГУСТА

В городе все мирно и спокойно. Первая новость была такой: континенталы (восставшие) свернули свой лагерь, взяли всю свою артиллерию, запасы и провизию и двинулись в нижнюю часть острова, чтобы обезопасить свое отступление.

Генерал Пигот приказал 43-му и 22-му полкам¹⁹⁹, гессенцам и ансбахцам²⁰⁰ преследовать их, пока не стемнеет. Через несколько часов раздалась оглушительная пальба. Пигот приказал полку Фэннинга идти к ним на помощь и через два часа дал приказ 38-му полку двигаться прямо, а частям Фэннинга — вернуться на исходные позиции, и в 11 часов послал солдата легкой кавалерии вернуть 38-й полк обратно. Все было страшно и непонятно. Гессенцы настигли отряды на Красной дороге, около фермы Рэдвуд. Они преследовали их с особым ожесточением, противник медленно отступал, оставляя после себя дорогу, усыпанную мертвыми телами. Восточная дорога была местом кровавой бойни: от возвышенности, где располагается дом кузена Олми, до подножия Квакер-Хилла. Расположившись на перекрестке, они продолжали сильный огонь до двух часов, а потом начали хоронить мертвецов и выносить раненых. О! Как много семей в этот день сделалось несчастными. Вид тяжелых повозок, везущих раненых мужчин и их кричащих жен смягчил, бы самое жесткое сердце. Прекрасные юноши погибли в один момент. Вкратце, это выше моих сил, чтобы описывать. Ужасы этого дня никогда не сотрутся в моей памяти. Я покинула компанию и спряталась, чтобы погоревать в одиночестве о порочности моей страны. Ничье сердце не было более взволновано, чем мое. Некоторые из моих друзей были на передовой во время сражения, и только небеса знают, сколько — на другой стороне фронта. Вместо того, чтобы узнавать новости или заботиться о душе, оцепенение овладело мной. Наконец, я оставила семью, чтобы в одиночестве обратиться к небесам с мольбой о том, чтобы они защитили тебя и оградили от плена и смер-

¹⁹⁹ Британские войска: 4 пехотных полка: 22, 38, 43, 54-й; 6 гессенских пехотных полков (Landgrave, Huynе, Ditforth, Bunau, 2 — Anspachs); 3 пехотных полка лоялистов; (командовали Уайтман, Браун, Фэннинг); гессенские егеря; флотские артиллеристы; королевская морская пехота. Континентальная армия: 8 пехотных полков (1-й и 2-й Род-Айлендские, 4-й и 13-й Массачусетские, полк Узбба, полк Джексона, полк Шерберна, полк Ливингстона, 6 полков от штата Род-Айленд, 1 — от штата Коннектикут, рота легкой кавалерии Лэнгдона и полк Пибоди из штата Нью-Гемпшир, полки ополченцев (командовали Хейл, Николс, Эванс), 4 артиллерийских полка. (См.: *Lippitt C.W. The Battle of Rhode Island. A Paper read at a Special Meeting of the Society in the Old State House. September 25th, 1915 // Bulletin of the Newport Historical Society. № 18. Newport (R.I.). October, 1915. P. 4-13.*)

²⁰⁰ Городской округ в земле Рейнланд-Пфальц на юго-западе Германии.

ти. Каждый печальный взгляд и каждое грустное выражение лица у людей, что я встречала, вызывали у меня страхи и опасения услышать: твой муж лежит среди убитых, или — что он ранен или в плену. Подумай, что за жизнью я живу, зная твою склонность подвергать себя опасности.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 АВГУСТА

Континенталы (восставшие) разбили лагерь на Виндмилл-Хилле, здесь практически не ведется стрельба. Большинство военных соединений получили приказ уйти. Нечто грандиозное может произойти, если вам не удастся быстро улизнуть. Со стороны Квакер-Хилла постоянно движутся всадники. Каждый час мы ожидаем генерального сражения, мое сердце наполнено грустными историями. Каждый госпиталь наполнен ранеными мужчинами. Воскресную службу не провели, вокруг только ужас и разруха. Сельские жители разорены. Посреди всего этого хаоса одни уходили в загробный мир, а другие грабили беззащитные фермерские дома. Смерть и разрушение стояли перед глазами на каждой четверти мили до тех пор, пока офицерам не доложили о мародерстве и они не назначали охрану у каждого дома. И к чести британцев, их гуманность и милосердие к раненым пленным были выше всяких ожиданий. С этой целью был устроен госпиталь для раненых пленных. Сиделки были выбраны из местных жителей, поэтому они могли получать все, в чем нуждались. А докторов будут помнить всегда за их доброту, понимание и сострадание. И когда бы не восторжествовала справедливость, в конце войны, я надеюсь, этот пример великодушия сохранится в ваших архивах. Наступила ночь, оставив все произошедшие события в ушедшем дне.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 24 АВГУСТА

На рассвете топот лошадей и звук множества голосов прогнал прочь краткий сон, которого было достаточно, чтобы не только успокоить мой возбужденный мозг, но вместе с тем и принять самое худшее. В семь часов прискакал солдат легкой кавалерии с новостями о том, что противник отступил, полностью перейдя через переправу Хауленд. В восемь часов

прибыл курьер и сообщил, что они начали сворачивать лагерь рано вечером и покинули его до наступления дня вместе с артиллерией, обозом, ранеными и оставшейся армией. В десять часов заглянул мистер Хилл и рассказал, что видел вас в пятницу и что вы просили его предупредить меня утром в понедельник, что вы с джентльменами прибудете к завтраку домой. О, мистер Олми, какое ужасное разочарование постигло вас? Можете ли вы сохранить стойкость духа? Господь, я надеюсь, будет вас поддерживать и впредь. И самое главное — помните во всех ваших трудностях и жизненных перипетиях, что это Всемудрый вседержитель человечества посылает нам испытания, и, в конечном счете, наше терпеливое ожидание будет щедро вознаграждено счастливой встречей.

НАДПИСЬ НА ФОРЗАЦЕ: «Сьюки, ради всего святого, сохрани эту рукопись и сделай так, чтобы ни один глаз не прочитал написанное, исключая тебя и мистера Карра».

Часть II

ГЕНЕРАЛ КОРНУОЛЛИС СДАЕТСЯ АМЕРИКАНЦАМ

Худ. Джон Трамбалл

Война за независимость в США была в том числе и гражданской войной, т. к. разделила общество на патриотов и лоялистов²⁰¹, которые сражались между собой. Третьей составляющей были те, кто пытался остаться нейтральным в этом конфликте, хотя это было довольно сложно в условиях острого противостояния. Американские историки подсчитали, что среди взрослого белого мужского

²⁰¹ Накануне революции в колониях жило около 2,4 млн чел. переселенцев и их потомков и около 0,5 млн негров. 85% белого населения имели британские или ирландские корни, 9% — немецкие, 4% — голландские. Кроме того, население колоний непрерывно пополнялось французами, шведами и др.

населения было около 15–20% лоялистов²⁰². К ним примыкала часть негров и индейцев.

Авторы исследований выделили несколько причин, которые сделали ряд колонистов верными короне:

- они были старше по возрасту, лучше устроены в жизни, поэтому против радикальных перемен;
- считали сопротивление короне, законной власти аморальным; только колониальные собрания и парламенты могут быть легальным каналом демократии, управления и реформ;
- вера в мирное и эволюционное получение независимости;
- заняли такую позицию, когда патриоты прибегли к насилию — разрушению домов, «смоле и перьям»²⁰³;
- давние связи с Великобританией (семейные или деловые);
- быть частью Британской империи было выгодно с точки зрения коммерции и военной защиты;
- осторожность и боязнь толпы, хаоса и самосуда;
- не полностью интегрировались в американское общество, поэтому искали защиты у короны (языковые и религиозные меньшинства);
- опирались на договоры британского правительства и местных жителей (жители фронта);
- была обещана свобода от рабства²⁰⁴.

До 1774 года связи классовые, профессиональные и семейные казались очень прочными. Но революция быстро разрушила прежний уклад. В 1776 г. американцы, как любил говорить Джон Адамс, перешли Рубикон, и выбор стоял перед

²⁰² *Calboon R.M. Loyalism and neutrality // A companion to the American Revolution. Ed. by J.P. Greene, J.R. Pole. Malden, Mass.: Blackwell Publishers, 2000. P. 235; Smith P.H. The American Loyalists: Notes on Their Organization and Numerical Strength // William and Mary Quarterly, 1968, Vol. 25. № 2. P. 269–277.*

²⁰³ Смола и перья были жестоким и популярным способом мести толпы в средневековой Европе. В США начали использовать это наказание во времена Американской революции против подданных британской короны и сборщиков налогов. Выражение «to tar and feather» (осмолить и осыпать перьями) со временем стало устойчивым и означает жестоко наказывать кого-то или раскритиковать.

²⁰⁴ *Larabee L.W. Conservatism in Early American History. N. Y.: New York University Press, 1948. P. 164–65; Hull N.E.H., Hoffer P.C., Allen S.L. Choosing Sides: A Quantitative Study of the Personality Determinants of Loyalist and Revolutionary Political Affiliation in New York // Journal of American History. 1978. Vol. 65. № 2. P. 344–366; Burrows E.G., Wallace M. The American Revolution: The Ideology and Psychology of National Liberation // Perspectives in American History. Cambridge, Mass.: Charles Warren Center for Studies in American History, Harvard University, 1972. Vol. 6. P. 167–306.*

каждым. Среди простых фермеров и городских жителей, тех, кто активно выступал против независимости, было меньшинство. Они не смогли бы обратиться к местному самоуправлению для своей защиты, так как патриоты быстро взяли на себя ответственность в большинстве регионов, превращая колониальные собрания в независимые законодательные органы. Местные правоохранительные силы, известные как Комитеты безопасности, возникли по всей стране, для охраны и обеспечения верности революционному делу. У лиц, отказавшихся подписать клятву верности делу независимости, могли конфисковать имущество, а их самих арестовать, заточить в своих домах, или даже выслать. Лоялисты были вынуждены искать убежища в британской армии или бежать в районы за пределами контроля революционеров. Мужчины и женщины, богатые и бедные, поддерживавшие корону, стали вне закона в их собственном сообществе. Для женщин из лоялистских семей, часто не имевших собственных политических взглядов, преданность мужу или отцу превращалась в политический выбор.

Собственно противостояние началось еще раньше — в 1760-х гг. Так, сестер Анну и Бетси Гамминг обвинили в нарушении бойкота импортных товаров в 1768 г. Бетси заявила членам местного комитета, что они «никогда не присоединятся к соглашению, т.к. импорт важен для их бизнеса», и «не стоит пытаться злить двух трудолюбивых девушек, которые стремятся честным способом заработать свой хлеб»²⁰⁵. К 1774 г. нападения на дома лиц, сочувствующих короне, стали обычным явлением. В то время как мужчины бежали в безопасные места, их жены, оставшись дома с детьми, часто сталкивались с разъяренной толпой. В октябре 1775 г. в Вирджинии одна женщина была вызвана в местный Комитет безопасности в связи с обвинением ее в лоялистской деятельности. Когда она отказалась сотрудничать с этим незаконным, с ее точки зрения, революционным органом, он объявил ее «наглой, скандальной и неприличной», назвал «врагом своей страны», и поручил соседям «разорвать общение и связи

²⁰⁵ *Berkin C. Revolutionary mothers: women in the struggle for America's independence.* N. Y.: Knopf, 2005. P. 178.

с ней»²⁰⁶. Таким образом, для некоторых социальная изоляция началась еще до провозглашения независимости.

В начале войны лоялисты либо бежали, либо молчали. Некоторые из тех, кто остался, позже помогали британским войскам или присоединились к сформированным полкам лоялистов. Муж Грейс Гроуден Галловэй, Джозеф, был спикером Ассамблеи в Филадельфии и членом Континентального конгресса. Но когда была объявлена независимость, он остался верен королю. Когда британцы заняли Филадельфию, Джозеф Галловэй вместе с Самюэлем Шумейкером сыграли важную роль в оказании им помощи. Как свидетельствовала Грейс Галловэй, лоялистские женщины часто теряли нажитое и становились нищими из-за бывших соседей. Они, рассматривая оставшихся женщин в качестве заместителей глав семей, разрушали их жилье и магазины, захватывали имущество, иногда выбрасывали голыми из домов, будучи уверены, что они наносят удар по отсутствующему врагу. «Что думать, мой дом, земли и товары исчезли», — записала Энн Элиза Бликер. «Мои дети — только это я и могу назвать моей собственностью!»²⁰⁷. Счета о потерях после таких нападений можно найти в петициях к короне о компенсациях, которые подали после войны пострадавшие лоялистки²⁰⁸.

Однако некоторые женщины делали самостоятельный политический выбор. Среди них были редакторы газет Маргарет Дрейпер и Анна Кэтрин Грин, три владелицы собственности в Нью-Йорке — Маргарет Инглис, Сюзанна Робинсон и Мэри Моррис, упомянутые в нью-йоркском Законе об опале 1779 г. и потерявшие в результате все свое имущество.

Когда началась война, большинство женщин, которые активно поддерживали корону, хотели помочь войскам лоялистов и британцев: они служили шпионами, диверсантами и курьерами, стекались в английские военные лагеря, где выполняли подсобные работы. Когда сыновья Рашель Фергю-

²⁰⁶ Ibidem

²⁰⁷ Norton M. B. *Liberty's daughters: the Revolutionary experience of American women, 1750–1800*. Boston: Little, Brown, 1980. P. 199.

²⁰⁸ В Государственном архиве Лондона хранится 281 том требований лоялистов. Среди 3225 сторонников короны, которые направили претензии британскому правительству после войны, было 468 женщин.

сон присоединились к британской армии, она с дочерьми снабжала медикаментами и предоставляла укрытие для британских диверсионных групп. Другие женщины скрывали своих мужей от ареста местными комитетами. Третьи — прятали важные документы или деньги от властей. Одна предприимчивая женщина передела группу раненых лоялистов и их союзников-индейцев в женскую одежду и выхаживала их в своем доме, прямо на глазах у ничего не подозревающих, и, видимо, невнимательных патриотов. В Вермонте революционный совет осудил лоялисток своего штата, которые «возили сведения в лагерь врагов», как «опасных людей для общества, наносящих большой вред Соединенным Штатам Америки»²⁰⁹. Британские офицеры свидетельствовали о роли, которую сыграла Ханна Томлинсон «в оказании помощи и предоставлении убежища нашим военным»²¹⁰.

Многие женщины решили, что лучше уйти из своих общин, чем оставаться среди врагов. То, куда отправлялись женщины-беженки, чаще всего зависело от их социального положения, региона и желания мужей. Большинство богатых лоялистов, особенно тех, кто имел королевские назначения в колониях, переехали в Англию. Большинство же долго и трудно перебирались в Канаду или Флориду. Оставив семью, друзей, соседей и знакомых, они начали новую жизнь на земле, которую называли «Новое Лишение». Их отчаяние было чрезвычайным. Одна из них написала: «Я поднялась на вершину холма Чипмен и смотрела на паруса, исчезающие вдаль, и такое чувство одиночества охватило меня, что, я, не пролившая и единой слезы за всю войну, села на влажный мох с ребенком на руках и горько заплакала»²¹¹.

Большинство из них первые месяцы в Канаде оказалось в самых примитивных условиях. Многие семьи жили в палатках во время зимы, пока не построили грубые хижины. Мэри Фишер, жена добровольца из Нью-Джерси вспоминала первую зиму в Нью-Брансуик: «Глубокий снег лежал на земле

²⁰⁹ *Potter-MacKinnon J.* While the women only wept: loyalist refugee women. Montreal, Buffalo: McGill-Queen's University Press. 1993. P. 48, 57.

²¹⁰ *Ibid.* P. 47.

²¹¹ *Callaban N.* Flight from the Republic: the Tories of the American Revolution. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1967. P. 42.

вокруг самодельных палаток беженцев. Как мы пережили эту ужасную зиму, я не знаю. Матери прижимали беспомощных детей к груди, пытаясь теплом своего тела защитить их от мороза». Ханна Ингрэм вспоминала, как была счастлива ее семья, что нашла дом без пола, без окон, без дымохода и без дверей. По крайней мере, объясняла она, у нас была крыша над головой, и мы были далеко от войны. Когда они сели, чтобы поесть поджаренного хлеба, она заявила: «Это самая сладкая еда, которую я ем за много дней»²¹².

Постоянный приток лоялистов в Канаду продолжалась в течение войны, хотя наибольшее число пришлось на 1775 г. и 1783 г. В 1775 г. около тысячи направились в Новую Шотландию. В 1783 г. более семи тысяч человек, среди них — ветераны, кемпфолловеры²¹³ или вдовы, которые были эвакуированы из Нью-Йорка. Небольшое количество их направились на Бермуды и Ямайку, большинство — на север. Гарвардский историк Майя Джасановф насчитала около шестидесяти тысяч беженцев, из них — пятьдесят тысяч белых, что составило 10% от всех лоялистов. Около тридцати трех тысяч отправилось в Нью-Брансуик и Новую Шотландию, более шести с половиной тысяч — в Квебек. Из трех тысяч негров, которые прибыли в Канаду, более девяти сот — были женщины, как правило, в сопровождении детей²¹⁴. Приблизительно пять тысяч белых лоялистов переехали во Флориду, взяв с собой шесть с половиной тысяч своих рабов. Тринадцать тысяч переселились в Англию (в том числе пять тысяч свободных негров)²¹⁵.

²¹² *Fisher P.* The first history of New Brunswick. Woodstock: Non-Entity Press, 1983. 126–127.

²¹³ *Camp-followers* — гражданские лица, которые шли следом за армией или обслуживали армию, находясь в военном лагере, продавая товары и услуги, которые сами военные не могли обеспечить. (См.: *Holmes R.* The Oxford companion to military history. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2001. P.170.).

²¹⁴ Здесь негры столкнулись с таким интенсивным расизмом, включая физическое насилие и отрицание их законных прав, что часть из них бросили свои земли и уехали в Либерию. Другие были менее удачливы — офицеры и экипажи транспортных судов захватывали их в качестве трофеев и перепродавали в рабство в Карибском море.

²¹⁵ *Jasanoff M.* Liberty's exiles: American loyalists in the revolutionary world. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2011. P. 357.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ГРЕЙС ГРОУДЕН ГАЛЛОВЭЙ

1778 год

17 июня, среда. Вечером рассталась со своими дорогими супругом и дочерью.

18 июня, четверг. Американские войска вошли в город.
[19-29 ИЮНЯ — ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ТЕХ, КТО ПОСЕТИЛ ЕЕ].

29 июня, понедельник. Чарльз Томпсон²¹⁶ — по поводу аренды дома.

30 июня, вторник. Мистер Лауренс и Том Лоуренс передали слух о том, что англичане разбиты в Джерси²¹⁷.

1 июля, среда. Ходила к Джонни Пембертону²¹⁸. Джесси²¹⁹ вчера сильно ругался, сегодня уехал в деревню. Мистер Чу²²⁰ проявил ко мне большое участие.

²¹⁶ Чарльз Томсон (1729–1824) — один из лидеров патриотов в Пенсильвании, секретарь Континентального Конгресса (1774–1789) в период его существования.

²¹⁷ Речь идет о битве при Монмуте (Нью-Джерси) 28 июня 1778 г.

²¹⁸ Джон Пембертон (1727–1795) — успешный торговец и квакерский проповедник. При приближении британцев был арестован и выслан из Филадельфии вместе с другими квакерами.

²¹⁹ Слуга Грейс Галловэй.

²²⁰ Бенджамин Чу (1722–1810) — известный юрист, ученый-правовед. Квакер. 1774–1777 гг. — главный судья Верховного суда Пенсильвании. После принятия декларации независимости не демонстрировал достаточного патриотизма, за что в 1777 г. был отстранен от должности и выслан в Нью-Джерси до тех пор, пока британцы не покинули Филадельфию. После войны Б. Чу восстановил свое положение в обществе и правительстве. Он был назначен Главным судьей Пенсильвании и Президентом Верховного суда по ошибкам и апелляциям (1791–1808).

2 июля, четверг. Бетти Моррис²²¹ в сильном возбуждении и очень мрачная.

4 июля, суббота. Большой праздник (без иллюминации)²²², годовщина независимости.

6 июля, понедельник. Джесси пришел домой утром, когда я уходила навестить Томми Вартона²²³, ночью какой-то человек дал показания против Джесси, и он ушел.

Я сама пошла к генералу Арнольду²²⁴, но он сказал мне, что не может ничего сделать в этом случае. Я подумала, что он принял меня довольно прохладно, но вежливо. Послала за г-ном Чу, чтобы посоветоваться с ним о моем сене. Он сказал мне ничего не делать, отказаться от всего. Очень подавлена.

9 июля, вторник. Томас Стекхаус заплатил мне тридцать фунтов. Израэль Пембертон²²⁵ посоветовал мне сходить к адвокатам, потому что назначили людей конфисковать наше имущество; послала за Льюисом²²⁶, дала ему десять гиней, он

²²¹ Жена Исаака Морриса — влиятельного квакера и торговца.

²²² Это было требование Конгресса ввиду «нехватки свечей и чрезвычайной жары», хотя угощение в городской таверне было приготовлено в соответствии случаю. (См.: *Scharf J.T., Westcott T. History of Philadelphia, 1609–1884. Salem, Mass.: Higginson Book Co., 1998. Vol. I. P. 388.*)

²²³ Томас Вартон (1730–1782) — квакер, очень успешный торговец. Большой друг Дж. Галловэя. Один из партнеров в фирме «Бейтон, Вартон и Морган». Подобно многим квакерам симпатизировал революционерам, пока они не взялись за оружие. В 1776 г. был выслан в Вирджинию. В начале 1779 г. его разбил паралич. (См.: *Wharton A.H. Genealogy of the Wharton family of Philadelphia. 1664 to 1880. Philadelphia, 1880.*)

²²⁴ Генерал Бенедикт Арнольд был назначен Д. Вашингтоном комендантом Филадельфии, когда американцы заняли ее.

²²⁵ Израэль Пембертон (1715–1779) — старший брат Джеймса Пембертона (1723–1809) и Джона Пембертона (1727–1795), дети Израйла и Рашель Пембертон. Играли заметную роль в Обществе Друзей Филадельфии и бизнесе города.

²²⁶ Уильям Льюис (1752–1819) — прокурор и политик в Пенсильвании, квакер. В революционный период защищал квакеров от обвинений в предательстве за их отказ участвовать в войне или платить налоги, тем самым создавая почву для создания документа об отказе от службы по убеждениям (*Conscientious Objection*). Участвовал в написании и принятии «акта об отмене рабства» (1780 г.). Известен его совет А. Гамильтону о создании первого национального банка. В конце 1780–90-х гг. занимал высокие должности в судебной системе Пенсильвании.

пообещал посоветоваться с Эйблом Джеймсом²²⁷ и м-ром Чу, чтобы понять, смогу ли я получить мое приданое.

10 июля, пятница. После обеда приходили девушки Джонс и рассказали мне, что 12 французских кораблей отплыли в Нью-Йорк, я была крайне зла на Хоу за то, что он предал нас провинциалам, потому что было в его власти уладить это дело... Г-н Чу был у нас поздно вечером, и он кажется не таким добрым, как поначалу; он сказал мне, что не сможет приходить часто потому, что боится.

11 июля, суббота. Няня весь день у генерала²²⁸. У них была черепаха, и они прислали мне супа. Девушки Чу приходили поздно вечером и рассказали, что «Реубак»²²⁹ был захвачен; они хвастаются добротой английских офицеров. Я была очень подавлена и вне себя от ярости, когда думала, что то, что они разорили нас, совершенно не принималось во внимание. Все выглядит мрачно. Изрядно подавлена.

12 июля, воскресенье. Была очень нездорова утром, в этот день приходил французский посланник. Я выглянула и увидела пушку и солдат, и подумала, что это похоже на казнь моего мужа и поспешила уйти в решимости не видеть этого больше. Но пришла Нэнси Клифтон, я вышла к ней. Она рассказала мне, что «Роубак» не был взят, отчего я воспряла духом. Я выглянула наружу и увидела вызывающую презрение картину: восемьдесят два человека выстроились перед домом генерала и нашим на противоположной стороне улицы, при оружии. С ними были генерал Кадваладер²³⁰ и мистер

²²⁷ Эйбл Джеймс — квакер, очень удачливый торговец, партнер Генри Дринкера в фирме «Дринкер и Джеймс». Этой фирме было передано право на продажу чая. При приближении британцев к Филадельфии, он вместе с группой видных квакеров был арестован новой властью и сослан в Вирджинию.

²²⁸ Либо Б. Арнольд, либо Дж. Кадваладер.

²²⁹ 44-пушечный фрегат королевского флота. Газета сообщила: «Корабль «Роубак» был захвачен французами у мыса Хенлопен (Делавэр) и оставлен своей командой». (См.: *The Pennsylvania Packet, or the General Advertiser*. 1778, July 14.).

²³⁰ Джон Кадваладер (1742–1786) — до войны член квакерской общины, с младшим братом Ламбертом занимался торговлей. Во время революции встал на сторону патриотов, был членом Комитета безопасности Филадельфии. В 1776 г. был избран старшим офицером Филадельфийской Ассоциации — объединения добровольных милицеевских

Моррис с несколькими адъютантами. Там был один экипаж и 3 коляски, французский граф²³¹ и его конный легион не менее восьми человек, рядом один или два офицера. Он и его легион ехали впереди, когда они спешили около генералов, раздалось три пушечных залпа. Пушка была расположена прямо рядом с мистером Тернером. Няня там. Сьюзи Хадсон, Нэнси Джонс и Сидни Хауэл были здесь вечером и забрали вещи, которые они собираются увезти в Нью-Йорк.

13 июля, понедельник. Сегодня не произошло ничего замечательного, только полковник Мелчар²³² приходил попытаться снять мой дом.

14 июля, вторник. Приходил Кэнси спросить меня о конюшне. Я отдала ее ему. Заплатила Бэррону пятнадцать фунтов. День прошел хорошо.

15 июля, среда. Я ходила к Дебби Моррис²³³. Молли Крейг²³⁴, Пегги Джонс и Сидни Хауэл приходили спросить, может ли мистер Ризон ждать меня завтра. Я ответила «да».

16 июля, четверг. Приходил мистер Дикинсон²³⁵ и самым дружелюбным образом предложил свои услуги и совет: он держит себя так хорошо, что я положительно очарована им. Я очень дурно чувствовала себя всю вторую половину дня.

отрядов, созданного в 1747 г. Б. Франклином. Был капитаном городской стражи, дослужился до чина бригадного генерала Пенсильванской милиции. Сыграл значительную роль в битве при Трентоне и Принстоне, а также в Филадельфийской кампании.

²³¹ Новым французским посланником был мосье де Жерар, которого привез граф д'Эстен. «Французский посол в Филадельфии, мосье де Жерар, подробно информировал министра о приеме, оказанном ему Конгрессом в Филадельфии. Посмеиваясь, Вержен рассказал об этом Франклину. Почти две недели обсуждался церемониал. Члены Конгресса, приехавшие с Юга, хотели подчеркнуть значение того факта, что величайшая республика планеты торжественно принимает представителя могущественнейшего монарха Европы. Делегаты северных штатов, не желая, чтобы их обвинили в низкопоклонничестве, настаивали на республиканской простоте. Делегаты спорили о количестве лошадей для кареты мосье де Жерара, о количестве ступенек у его почетного кресла, о покрое жабо для встречающих его членов Конгресса». (См.: *Фейхтваангер Л.* Лисы в винограднике. М., 2005.).

²³² Полковник Исаак Мелчар — генерал — квартирмейстер Пенсильвании в 1776–78 гг.

²³³ У Деборы Моррис будет арендовать жилье миссис Галловэй, после того, как республиканские власти выгонят ее из дома.

²³⁴ Молли Крейг — кузина ее мужа.

²³⁵ Джон Дикинсон.

Вечером были Оуэн Джонс²³⁶ с женой и Нэнси; мистер и миссис Чу. Джонсы остались и не разговаривали. Они ушли раньше Чу, но я нахожу, что высокая дружба Бена ко мне быстро тает. У меня нет друзей.

18 июля, суббота. Джон Лоуренс-младший²³⁷ и Джо Редмен, вечером был Израэль Пембертон. Он сказал мне, что слышал, что я не могу вернуть приданое, и полностью изменил свои рассуждения. Билл Тернер и его жена слышали, что Дж. Г. и мое дитя в порядке. Французский флот запер Нью-Йорк²³⁸.

21 июля, вторник. Была в прекрасном состоянии духа. Утром приходила Сьюзи Джонс рассказать мне, что вчера у Шумейкеров были эти люди²³⁹. Миссис Джонс была здесь, около двух пришли: Смит²⁴⁰, Хэттер, Кол Уилл, один из Шрайнеров и некий голландец, которого я не знаю по имени. Они составили опись всего, даже разбитого фарфора и пустых бутылок. Я оставила с ними няню и пошла к Сидни Хауэлл и сидела с ней у дверей.

Они сказали мне, что должны поместить объявление о доме. Я ответила, что они могут делать, что пожелают, но что я не уеду отсюда до того, как это решит суд, разве что меня выставят силой штыков. Но когда я узнаю, что он имеет право на это, я буду знать, как действовать. Три раза я посылала за Льюисом, но он не пришел. Посылала за Беном Чу, он пришел, но посчитал, что я слишком высокомерно разговаривала с теми людьми. Хотя сам посоветовал мне сказать все, что я сказала, кроме силы штыков. Короче говоря, он вел себя совсем не по-дружески, я ясно вижу, что довольно холодно и что он мало заботится о том, будем ли мы ввергнуты

²³⁶ Зять Томаса Вартона.

²³⁷ В 1767 г. был назначен Джоном Пенном судьей в Верховный суд. В 1777 г. арестован, но отпущен под честное слово. В 1778 г. — обвинен в измене, осужден и приговорен к смерти, но прощен.

²³⁸ Французский адмирал граф д'Эстен в 1778 г. привел из Тулона флотилию из 12 линейных кораблей и 14 фрегатов, которые в июле блокировал флот лорда Хоу при входе в гавань Нью-Йорка, но не атаковал его, хотя имел численное превосходство, поскольку его корабли не могли преодолеть бар в нью-йоркской гавани.

²³⁹ Агенты, которым было поручено распоряжаться конфискованным имуществом.

²⁴⁰ Уильям Смит — квакер. Был арестован в декабре 1776 г., находился под стражей сначала в масонской ложе, потом — дома.

в нищету. Он сказал мне, что я не могу оставаться в доме, но когда я спросила: «Куда же мне идти?» — он не предложил мне кров, как не предложила ни Молли Крейг, которая была тут же, ни Пегги Джонс; никто не предложил мне приюта в своем доме, но Бетси Джонс держит себя лучше всех. Сэм Родс²⁴¹ и Джо Редмен были здесь после обеда. О Боже, что же мне делать! Нет опоры на плоть; нет у меня никакой надежды в этом мире и ничего, на что опереться, и я тревожусь, как мое дитя и мой супруг выбрались из Нью-Йорка. Не осталось никакой надежды.

22 июля, среда. Была нездорова утром. Израэль Пембертон приходил, но я не смогла повидать его. Льюис здесь, он не дает мне никакой надежды сохранить хоть что-нибудь и ведет себя так холодно и неуважительно, что я нахожу, что мои десять гиней были выброшены на ветер. Не похоже, чтобы он пытался что-то сделать за них. Навестить меня приходила миссис Уайт, и я была очень рада видеть ее. Посылала за мистером Дикинсоном вчера вечером. Он сказал, что изучит закон, чтобы понять, могу ли я вернуть мое собственное имущество. Сегодня вечером он пришел и сказал, что я не смогу вернуть приданое, и что он опасается, что мой доход от имущества также конфискуется, и никакой судебный процесс не поможет. Но он посоветовал мне составить петицию верховному судье Маккину о возвращении моего имущества и вежливейшим образом отказался от платы, но просил меня считать его верным другом. Сказал, что окажет мне любую услугу, какая только будет в его силах, я думаю, что он ведет себя гораздо лучше, чем Чу. Итак, я оказалась нищей, и действительно жду каждый час, что меня вышвырнут из дома. Я не знаю, куда мне идти. Никто не примет меня к себе, и все люди держатся подальше от меня. Если бы я была уверена, что мой супруг и мое дитя счастливы, ничто бы не сделало меня несчастной. От меня бегут, как от чумы. Миссис Джонс

²⁴¹ Самюэль Родс (1711–1784) — квакер, архитектор и деятель культуры Пенсильвании. Друг и помощник Б. Франклина. Принимал участие в заключении договора между шестью ирокезскими племенами Вирджинией и Мэрилендом в Ланкастере. В разные годы был членом городского собрания и Ассамблеи колонии, делегатом Первого Континентального конгресса и мэром Филадельфии в 1774 г.

была здесь утром; я послала няню к пастору Комбсу с тем, чтобы попросить его сообщить мистеру Г. о моем бедственном положении.

23 июля, четверг. Салли Льюис, Нэнси Эмлин, доктор Джонс из Нью-Йорка и мистер Уэст²⁴². Оуэн Джонс очень холодно сказал мне, что предполагает, что я не уеду из моего дома, пока меня не выставят оттуда. Я сказала ему, что уеду, потому что нет никого, кто бы не таился и не бежал от меня в трудный час. Дэбби Моррис, Хью Хью, Джек Редмен, Сидни Хауэлл, Полли Хадсон, Полли Вартон²⁴³: никто не предлагает помочь мне или приютить меня. Сегодня вечером был Льюис. Я разорена. Поздно вечером был мистер Крейг.

24 июля, пятница. Утром был мистер Уэст. Он направлялся к Чу. Жена Оуэна Джонса, и Ханна, Салли Кокс²⁴⁴, Нэнси Редмен, Джон Лоуренс, Сидни Хауэлл, ужинали со мной.

25 июля, суббота. Джо Мэзерс — послала с ним сообщение для мистера Г.²⁴⁵ Я очень подавлена, все бегут от меня, кто мог бы мне помочь. Я думаю, что Чу мне не друг.

26 июля, воскресенье. Миссис Редмен, доктор Редмен, мистер и миссис Герни, Ханна Джонс. Невозможно разговаривать в присутствии кого-либо из этой семьи, они постоянно говорят сами. Ходила к миссис Спайсерс Бобби, которая умирает.

27 июля, понедельник. Приходила Молли Крейг. Я послала за мистером Чу и попросила его прийти между тремя и четырьмя часами. Он коротко ответил: хорошо, но так и не пришел. Я очень откровенно поговорила с Молли об их холодном по-

²⁴² Томас Уэст — пивовар.

²⁴³ Дочь Томаса Вартона (1755–1784). Вышла замуж за Оуэна Джонса-мл.

²⁴⁴ Жена Даниэля Кокса — состоятельного жителя Нью-Джерси, члена законодательного собрания при старой администрации. С началом войны он отправился к британцам и добрался до них. Преданный корреспондент Галловэев.

²⁴⁵ Несмотря на противодействие и предосторожности властей между лоялистами в Нью-Йорке и их женами в Филадельфии шел обмен сообщениями. Их искусно прятали. Сохранилось одно письмо Галловэя, оно было написано на бумажной салфетке размером с почтовую марку.

ведении и очень беспокоюсь, так как думаю, что он настроен против меня и вместо помощи навредит мне. Я очень несчастна. Мистер Крейг приходил за женой. Няня нездорова, все мрачно и уныло, тайные враги хуже, чем явные.

28 июля, вторник. Прошлой ночью приняла болеутоляющее, очень плохо себя чувствовала, не имела покоя, будучи расстроена поведением г-на Чу. Салли и Пегги Чу послали за мистером Чу, он пришел вечером. Оуэн Джонс с женой пригласили меня к себе, если меня выгонят. Пришел Пил²⁴⁶ сказать мне, что я должна буду платить триста в год или покинуть мой дом. Я сказала ему, что уеду, послала за Льюисом, он и мистер Чу пришли к заключению, что мне следует заявить о правах на мое собственное имущество. Пребываю в лучшем настроении. Сегодня вечером только что заходила Полли Вартон.

29 июля, среда. Днем раньше заходил мистер Фуллер, я просила его сходить договориться с мистером Брайаном навестить меня. Поздним вечером я отправилась к Дебби Моррис. Ничего кроме уныния. Эн Мор не привез мне из Нью-Йорка новостей. Настроение лучше.

30 июля, четверг. Приходила Ханна Вартон²⁴⁷, чтобы рассказать мне, что ее отец просит меня прийти в его дом или приехать на их плантацию. Вечером был Фуллер и рассказал, что завтра приедет президент²⁴⁸. Пошла к Дебби Моррис, но мне кажется, что она довольно прохладна.

²⁴⁶ Чарльз Уилсон Пил (1741–1827) — американский художник, солдат и натуралист. Участвовал в нескольких сражениях Войны за независимость, в 1776 г. получил звание капитана милиции Пенсильвании. Известен портретами офицеров Континентальной армии и ведущих деятелей Американской революции, а также созданием одного из первых музеев. В 1778 г. — один из агентов по конфискации имущества в Филадельфии.

²⁴⁷ Дочь Томаса Вартона.

²⁴⁸ Джордж Брайан (1731–1791) — был вице-президентом Высшего Исполнительного Совета с 5.03.1777 г. до 11.10.1779 г. Занимал место президента со смерти Вартона до избрания Рида (23 мая — 1 декабря 1778 г.). С 1784 г. и до смерти был судьей Верховного суда.

31 июля, пятница. Послала за Оуэном Джонсом и рассказала ему, что твердо решила снимать этот дом. Он одобрил. Президент Брайан держался очень хорошо, и кажется считает, что не следует трогать мое имущество, рассказал мне, что Томпсон сказал, что меня следует выгнать из моего дома. Миссис Лоуренс и губернатор *[SIC]* Моррис оба кажутся равнодушными, она слишком презренна, чтобы упоминать ее. Я послала за Пилом и сообщила ему, что останусь в доме, Оуэн Джонс будет моим охранником. Я в хорошем расположении духа, но в сомнениях. Сидни Хауэлл и я поздно вечером пошли навестить мистера Кина²⁴⁹, он безутешен.

1 августа, суббота. После обеда я была довольно весела. Миссис Вартон прислала спросить, не хотела бы я прокатиться. Она заехала за мной перед самым закатом. Я рассказала ей про дом и все мои тревоги. Она казалась очень сдержанной, но когда поняла, что я не собираюсь затруднять их, то лицо ее прояснилось. Мы проехали по всем городским окраинам и три мили вокруг. Когда мы подъезжали ко Второй улице, она приказала человеку везти меня домой, тогда я сказала, что надеялась увидеть друга Вартона, хотела поговорить с ним, но не имела возможности прийти. Она сказала: «Галловэй, подруга моя, вы не можете идти сейчас, потому что ожидается шквал». Я сказала, что ничто не предвещает бури. Тогда она сказала: «Я оставила Ретчел и Сьюзи Хадсон у нас и обещала отвезти их домой». Тогда я извинилась, что отрываю ее от ее компании: но я хотела повидать ее мужа хотя бы на пять минут, потому что у меня нет никакой другой возможности увидеть его. Она сказала мне тогда, что не знала о приходе Хадсонов, когда посылала за мной, и думала, что я захочу покататься. Я ответила, что единственным, что побудило меня прийти сегодня, была встреча с ее мужем, но если мой визит в ее дом будет так неприятен, то я бы хотела, чтобы он зашел ко мне; и что если бы я знала, что не смогу увидеть его, то

²⁴⁹ Рейнольд Кин (1738–1800) — торговец, попал под подозрение в сочувствии лоялистам. Был арестован и лишен имущества. (См.: *Keen G.B. The Descendants of Joran Kyn, the Founder of Upland // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1879. Vol. 3. № 4. P. 447–45; 1883. Vol. 7. № 2. P. 200–205.*).

я бы не поехала. Она ответила: «Отчего же, разве вы не были рады прокатиться? Я думала, что вы будете рады выехать». Я сказала ей, что и гроша не дала бы за такую прогулку и что такие упражнения: проехать три мили и провести на воздухе полчаса крайне мало помогут моему здоровью. Но если мои дела вскоре устроятся, и мне позволят оставить мое имущество, то я смогу содержать собственный экипаж напоказ всем; а если не позволят, то я здесь не останусь. Тогда она раскаялась: «Не останетесь? Но куда же вы пойдете?» Я сказала: к моему супругу. Никому не стоит опасаться, что я их обеспокою, так как я перейду на хлеб и воду, прежде чем соглашусь принять услугу, за которую не смогу заплатить. Тогда она сказала, что рада, что дом остается за мной. Я ответила ей, что если бы это было не так, то я бы не стала беспокоить друзей больше, чем на несколько дней, пока бы смогла найти себе что-то. Я знаю жителей Филадельфии слишком хорошо, чтобы ожидать каких-либо одолжений. Я чувствовала и была уязвлена пренебрежением, которое испытала от некоторых из тех, кто называл себя моими друзьями. Но я бы не приняла ничего, за что не смогла бы заплатить. Тогда она попросила извинить ее тем, что лошади не могут стоять на месте, но я знаю, что они стояли, когда она хотела ехать, поэтому отнеслась к этому с презрением. Когда она увидела, что я раздосадована, то стала настаивать на том, чтобы я послала за ее экипажем, от чего я отказалась, но сказала ей, что, возможно, я никогда больше не увижу ее мужа. Она ответила, что пришлет за мной в какое-нибудь другое время. Когда мы достигли моей двери, я попросила ее передать своему супругу мой поклон и сказать ему, что я очень хочу поговорить с ним, но не имею возможности прийти, поэтому умоляю его зайти ко мне, когда они будут выезжать. Сэм Родс помог мне выйти из коляски. Я вошла в дом, не поблагодарив эту маленькую «Великую Женщину» за поездку. У меня разрывалось сердце от этого ничтожества, которое я должна была умолять, чтобы войти в ее дом и получить отказ. Я рассказала С. Родсу всю эту историю. Затем пришел Джон Томпсон, я рассказала и ему. Тем временем пришел Бен Чу, я сделала ему несколько намеков, но не стала рассказывать все. Поздно вечером приходила Сидни Хауэлл, и я рассказала ей историю целиком.

Я была так унижена и расстроена, что не спала из-за этого всю ночь.

3 августа, понедельник. Я получила письмо от президента, уведомившее меня о том, что мое имущество будет конфисковано до тех пор, пока жив мистер Галловэй. Послала за Бенном Чу; он попросил меня написать президенту и задать ему несколько вопросов. Но он меня не утешил.

4 августа, вторник. Был Томас Степлер, но без денег. Поговорила с ним об этом. Со мной ужинали Уорнер²⁵⁰ и Дэниэл Миффлин. Я была очень весела, и Уорнер был очень добр. Я очень люблю его.

5 августа, среда. Президент Брайан был здесь утром. Он сказал, что он не законовед, закон, который приводился в его письме²⁵¹, он получил от Джорджа Росса, и что ничего не поделаешь. Сразу после того, как он ушел, получила известия

²⁵⁰ Уорнер Миффлин (1745–1798) — член Общества Друзей (квакеров), активный abolitionист, в 1788 г. стал одним из основателей первого Общества abolitionистов в Делавэре. Категорический противником войны во время Американской революции. Перед битвой в Германтауне он в составе Комитета квакеров поехал на встречу с генералом Вашингтоном и генералом Хоу, чтобы представить свои доводы против войны. Был широко известен и уважаем в конце XVIII в. за его смелые усилия по содействию «справедливости, милосердию и миру среди людей».

²⁵¹ Городской совет к миссис Галловэй
Филадельфия, 3 августа, 1778 г.

«Мадам, не хотел бы быть невнимательным к разговору, который состоялся несколько дней назад в Вашем доме, и только дела помешали мне ответить Вам раньше.

Когда леди выходит замуж (кроме специальных случаев сохранения ее земли на попечении опекуна до составления брачного договора), использование и доход от имущества, принадлежащего ей, переходит к ее мужу на период их совместной жизни, если же в браке рождаются дети, то до конца его жизни. Это имущество, полученное в браке, мужчина может продать, его могут забрать кредиторы в счет погашения долгов. Оно может быть конфисковано в пользу общества при лишении гражданских и имущественных прав. Если же супруг умирает, оно возвращается вдове, а в случае ее смерти — детям. Это установлено, как сказал юрист, также как в Англии. Однако он заметил, что случаи, когда при тяжком или позорном преступлении, которое аннулирует наследственное право детей в Европе и передает земли отца государству, даже если он жив, отменены в Пенсильвании. В каждом случае лишения имущественных прав за предательство, вопрос об имуществе, принадлежавшем жене, зависит от решения судей Верховного суда. Что можно применить в Вашем случае, я не знаю, хотя считаю, что для Вас и общественности возможно было бы удобно сделать такое допущение в отношении отцовского имущества, потерянного Вами, на неопределенный период жизни мистера Галловэя.

Никто больше не сожалеет о сложившихся обстоятельствах, чем я, мадам,
Ваш покорный слуга, Джордж Брайан».

(См.: Pennsylvania archives. Ed. by Ch. F. Hoban. Harrisbury: 1852–1935. First Series. Vol. VI. P. 675–76.).

от мистера Г., что меня ободрило. Приходили Пил и Смит, чтобы рассказать мне, что я должна выехать из своего дома, что другой джентльмен уже сдал его испанскому посланнику, и что мне следует покинуть его. Я сказала им, что воспользуюсь советом друзей. Они сказали, что я должна уйти, но согласились прийти завтра по поводу дома и имущества. Послала за Оуэном Джонсом и Израэлем Пембертоном. Оуэн сказал мне, что не допустит, чтобы меня выгнали, но посоветуется с моими друзьями. После обеда приходили люди и оценивали имущество, пришел и французский консул²⁵², чтобы принять дом. Я сказала ему, когда поняла, что они не позволят мне остаться, что я предпочту его испанцу²⁵³. Я говорила с этими людьми, они признались, что дом еще вовсе не сдан. Но сказали, что я должна покинуть его. Я пошла к Дебби Моррис и была в бодром состоянии духа, потому что получила записку от Дж. Г. Там были Фенис Бакли и жена Джо Полла с двумя другими женщинами. Дебби сказала, что покинула бы дом, только если бы ее вынесли оттуда. Сидни Хауэлл и миссис Эрвин с мужчинами оценивали имущество, когда я вернулась домой. Я приуныла. Поговорила с мужчинами о французе, но они отказались дать мне ответ.

Израэль Пембертон и Оуэн Джонс здесь. Израэль обвинил меня в том, что я согласилась отдать дом французам, сказал, что я не хочу следовать его советам, а Бекки Шумейкер послушала и осталась в своем доме. Он поговорит с Будинотом²⁵⁴, велел мне не уходить, если только меня не заставят, потому что у них нет права выгонять меня. Оуэн Джонс был здесь, но Израэль беспокоится о Бекки Шумейкер²⁵⁵, а не обо мне. Были миссис Стрейкер и Уилсон, которая едет в Нью-Йорк.

²⁵² Джон Холкер (1745–1822) — купец, спекулянт, французский генеральный консул в США во время Американской революции.

²⁵³ Дон Хуан де Мираллес (1740–1780) — первый неофициальный наблюдатель в Континенальном конгрессе от Испании во время революции (с 1778 г. до своей смерти от пневмонии 28 апреля 1780 г.). Он был очень популярным, дружил с Вавингтоном, Джоном Джеем и многими другими делегатами Конгресса. Жил в Филадельфии, арендуя комнаты в доме председателя Верховного суда Бенджамина Чу.

²⁵⁴ Элиас Будинот (1740–1821) — юрист и государственный деятель Нью-Джерси. В 1777 г. Д.Вашингтон назначил его генеральным комиссаром по делам пленных — он занимался вопросами британских пленных и вопросами снабжения американцев, попавших в плен к англичанам.

²⁵⁵ Жена Самюэля Шумейкера.

6 августа, вторник. Оуэн Джонс приходил после обеда. Я послала за ним. Он пообещал зайти за Беном Чу, чтобы просить его прийти ко мне, и узнать, поговорил ли Израэль Пембертон с Будинотом. Эйбл Джеймс был поздно вечером, рассказал мне, что Будинот примет во мне участие. У меня немного отлегло от сердца, но от Оуэна, Израэля или Чу нет никаких новостей. Миссис Редмен пила у меня чай. Я могла бы обойтись без ее компании; они сидят и разговаривают, но и пальцем не шевельнут, чтобы помочь.

7 августа, пятница. Капитан Кларк, Молли Крейг, Нэнси и Салли Чу пили у меня чай. Я была очень весела, вечером приходили Бек Редмен и Уилли Бонд²⁵⁶. Приходила миссис Поттс сообщить мне, что она собирается в Нью-Йорк. Была встревожена известием о том, что там был большой пожар²⁵⁷. Вчера получила еще одну записку. Очень тревожусь.

8 августа, суббота. Пил и Уил приходили известить меня, что я должна выехать утром в понедельник, потому что они отдадут имущество испанцу. Послала за Робертом Эрвином и Оуэном Джонсом, и обнаружилось, что Оуэн ничего не знал о том, что сделал Израэль, и не виделся с Чу, так что я погибла. Никого не было здесь, кто слышал бы предупреждение. Написала пару слов Дж. Г., пошла к Поттс и отдала ей записку. Дом был полон братьев Поттс. Несмотря на то, что я была так расстроена, никто из них не ответил мне ни слова и вообще не обратил на меня никакого внимания. Снова послала за Оуэном Джонсом. От Поттс пошла к Дебби Моррис. Она сказала, что приютит меня, если они меня выгонят, но велела не пускать их. Слабое утешение. Вечером приходил Джон Томпсон, сказал, что Будинота нет в городе. Оуэн пошел за Беном Чу; чуть позже вечером пришел Джонни Пембертон. Сьюзи и Бекки Джонс пили у меня чай, и хотя они должны понимать, как я уже расстроена, они сидели и разговаривали, как ни в чем не бывало. Поздно вечером пришли

²⁵⁶ Жена доктора Финеаса Бонда.

²⁵⁷ «Пожар случился 5 августа в Круджер-доке. Несмотря на все усилия армии, флота и жителей, уничтожил 64 дома и склада, два маленьких судна, пока его не взяли под контроль». (См.: *The Pennsylvania Packet, or the General Advertiser*. 1778, August 11.).

Бен Чу и Льюис, после того, как за ними посылали дважды. Они заключили, что надо идти к президенту, но опасаются, что уже слишком поздно. Ничего не слышали об Израэле. Так что благодаря равнодушию моих друзей, меня должны выгнать из дома. Они поддерживают Шумейкеров, но им и дела нет, если я утону. Несчастлива.

9 августа, воскресенье. Все утро писала и очень расстроена. Думаю, мне нужно ехать в Нью-Йорк. Очень подавлена и тревожусь из-за пожара в Нью-Йорке, но мистер Джува сказал мне, что они вне досягаемости огня. Мистер и миссис Герни и мистер Крейг — вечером. Льюис пообещал утром пойти к президенту, надеется принести мне завтра хорошие новости и помешать их приходу. Мое состояние духа лучше. Попросила Молли Крейг разрешения прийти к ним, мистер Крейг согласился, они очень добры ко мне. В сносном расположении. Миссис Редмен и миссис Будинот считают, что завтра меня выгонят.

10 августа, понедельник. Льюис прислал мне сообщение, что Смит дал слово не беспокоить меня, пока Исполнительный совет не выскажет свое мнение. Но вскоре после этого пришли Пил, Уилл и Шрайнер вместе с испанским купцом и его слугами и захватили мой дом. Я почувствовала себя очень плохо и была вынуждена лечь в постель, послала сказать им, что не могу их принять. Они прошли по всему первому этажу. Испанец предложил мне выбрать мою собственную спальню; но я не послала им никакого ответа, очень дурно себя чувствовала, лежа на втором этаже. Между двумя и тремя последние ушли. Пил сказал няне, что теперь дом передали испанскому джентльмену и им больше нечего здесь делать. Они вытащили ключ из двери гостиной и заперли меня, оставили окна открытыми. Дж. Мэтерс принес мне привет [sic] от моей милой дочери и сказал мне, что мистер Г. упал с дома мистера Лоу при пожаре и поранил себя, но не опасно. Если будет амнистия, он вернется домой, если только не уедет в Англию. Это меня очень огорчает. Послала за Израэлем Пембертоном и рассказала ему, что они насильственно завладели моим домом. Он посоветовал мне оставаться в доме и запереть дверь. Я послала за Тимом Мэтт-

леком²⁵⁸ поздно вечером, он пришел и сказал, что я должна покинуть свой дом. И Молли Крейг сказала ему, что она намерена залезть в окно, снять замок с двери и закрыть окно. Он сказал ей, что если она так сделает, то ее повесят. Наконец, я уговорила его, и казалось, что он хотел оставить мне мою собственность. Но был очень жестким в отношении законов и сказал мне, что адвокаты льстят мне, потому что я должна отказаться от собственности или же я не смогу получить содержание. Я испугалась и не стала снимать замок, а отправилась к генералу Арнольду и рассказала ему, как беззащитен мой дом. Он по доброте своей послал охранника. Миссис Крейг ходила со мной, он обошелся со мной чрезвычайно вежливо. Легла в постель в лучшем настроении. Джона Робертса отправили в тюрьму²⁵⁹.

11 августа, вторник. Весь день шел дождь, и я была очень печальной и подавленной. Послала за Сидни Хауэлл, и она провела со мной скучный день, послала за мистером Чу, он пришел вечером и заставил меня переписать несколько вопросов для Будинота; остался поужинать со мной и был очень дружелюбен. Он сказал, чтобы я сняла замок с двери гостиной, но я боюсь. Он подбодрил меня, но я боюсь завтрашнего дня, если они придут выгонять меня. Я боюсь, что и в Нью-Йорке все плохо. В каком же я ужасном положении. Впереди нет ничего хорошего, но я должна надеяться.

12 августа, среда. Я была очень подавлена, сразу после обеда пришел Пил и спросил меня, какие комнаты я намерена отдать испанскому джентльмену. Я ответила, что никакие, что я не отдам свой дом, что со мной обошлись крайне дурно, закрыв мою гостиную и забрав ключ, таким образом дом предоставили ко взлому. Он сказал, что если я намерена спо-

²⁵⁸ Тимоти Мэтлак (1736–1829) — квакер, занимался пивоварением. Стал популярным революционным лидером во время Войны за независимость. 4 июля 1776 г. он читал Декларацию независимости толпе собравшихся у городской ратуши. Как полковник армии Вашингтона принял участие в нескольких сражениях. В качестве секретаря Высшего исполнительного совета Пенсильвании стал одним из самых влиятельных людей в новом государстве в годы войны.

²⁵⁹ Джон Робертс и Абрахам Карлайл были арестованы, допрошены и осуждены за помощь врагу.

рить с президентским советом штата, то ему нечего больше сказать. Я сказала, что он не должен неверно истолковывать мои слова, что я не буду спорить с президентским советом, а спорю с ним самим и этим испанским джентльменом, и что я не уйду из моего дома, пока не узнаю мнение совета. Он сказал мне, что я должна. Я ответила, что не уйду; им придется меня выгнать, чтобы я ушла. Он ответил: тогда мы должны вас выгнать. Я сказала: прекрасно. Он сказал, что мои слуги оскорбили слуг испанского джентльмена, сказав, что этот дом принадлежит миссис Галловэй, и что им нечего здесь делать. Я сказала, что это ложь; у меня нет слуг, которые могли бы что-то сказать им. Он ответил: значит, это были ваши посетители. Я видела, что этот человек способен сказать что угодно, и держала себя с ним с тем презрением, какого он заслуживал. После того как он ушел, приходила Салли Пеннингтон²⁶⁰, но я так волновалась из-за каждого стука в дверь, что была совершенно жалкой. Приходил мистер Будинот, я отдала ему бумагу. Он велел мне оставаться в доме, и если они попытаются войти насильно, то он начнет против них судебное дело. После приходил Льюис и сказал, что он и мистер Будинот поедут завтра в совет и уладят дело. После них приходил Бен Чу, но он был не так ловок, как в прошлый раз, и сказал мне не высовываться из дома. Мистер и миссис Крейг и Пегги Джонс ушли около десяти часов. Я в лучшем расположении духа, но боюсь завтрашнего дня.

13 августа, четверг. Дожливый день. Была очень нездорова, когда проснулась. Здесь миссис Эрвин, поговорила с ней о том, чтобы она попросила своего мужа и Билли Грея быть мне охраной, если мне позволят оставить дом. Мистер Эрвин заходил после и сказал, что они будут охранять меня. Я заболела и оставалась в постели до самого вечера. Эти негодяи убьют меня. Оуэн Джонс и Льюис были вечером. И он, Льюис, говорил, что позаботится о том, чтобы меня не беспокоили завтра. Я очень больна и подавлена. Когда они ушли, я села и стала писать. Мои надежды и бодрость духа

²⁶⁰ Пеннингтоны — семья квакеров-основателей колонии поселенцев. Играли важную роль в религиозной, гражданской и экономической жизни колонии.

покинули меня. Они убьют меня, если меня будут изводить еще больше.

14 августа, пятница. Мистер Будинот передал мне свое мнение, что я могу оставаться в доме до тех пор, пока совет не решит дело. Сегодня повесили Спенглера²⁶¹. Очень подавлена и нездорова; все темно и мрачно.

15 августа, суббота. Ходила к миссис Эрвин. Билли Грей заходил вечером и сказал, что будет мне охраной, если я получу дом. Приходил также Льюис и прочитал мне петицию, которая будет представлена в президентский совет в понедельник. Я подписала ее, но не успела понять, что подписала, потому что пришли миссис Стрейкер с мужем и миссис Уилсон, чтобы попросить меня отправиться с ней в Нью-Йорк, и так давили на меня, стремясь узнать, куда я отправляюсь, что в конце концов я сказала им, что к мистеру Крейгу²⁶². Я была раздосадована их наглым вмешательством. Приходили миссис Кокс, Уилли Бонд и все Чу, они всегда приходят вечером, хотя знают, что это единственное время, когда мои друзья приходят по делу. Я злюсь, что не прочитала петицию. После была Сидни Хауэлл. Я совершенно измучена такой огромной компанией.

16 августа, воскресенье. Миссис Редмен и миссис Монтгомери пили со мной чай. Я попросила миссис Монтгомери просить мистера Маккина [*SIC*] прийти ко мне на чай или дать мне знать, когда я могу ждать его. И я вижу, что Шумейкеры были важнее меня; все квакеры помогают ей²⁶³, но они позволят мне потерять положение. Я дважды посылала за Льюисом, чтобы взглянуть на петицию, но он не дал мне посмотреть на нее. Поскольку у меня нет друзей, они обращаются со мной, как хотят. Вот такие прекрасные друзья мистера Г.! У него нет ни одного друга, который бы потрудился,

²⁶¹ Военный суд, созданный генералом Арнольдом, обвинил Джорджа Спенглера в шпионаже в пользу британцев и повесил на площади. (См.: *Scharf J. T., Westcott T. Op. cit. Vol. I. P. 394.*)

²⁶² Двоюродный брат Д. Галловэя.

²⁶³ Ребенке, жене Шумейкера.

My Dear Niece

[17]

Engaged to give you, & by you, your papa, & mamma some account of my exertions, with the reason therefor. — The Cause is too well known, to need a word upon it.

I was very inquisit from the moment I was informed that more troops were coming to Boston. I'm sure that those who had wintered there had not given us much satisfaction — but an additional strength I deemed it impossible to get out of their reach, & to take with me, as much of my little baggage as I could. Your uncle I was easy for from being of my mind, from which has proceeded the difficulties which mention is related to myself — but I now say not a word of this to him; we are joint sufferers, & no doubt it is God's will it should be so.

Many a time have I thought that could I be out of Boston place, there with my family, & friends, I could be content with the meanest fare, & slenderest accommodations. Out of Boston, out of Boston at almost any rate — away as far as possible from the infection of small pox, & the din of drums & martial music as it called, horrors of war — but my distress is not to be depicted — I cannot

On Saturday, I visited him. I had a right smart sorrow — never saw him with such a countenance. He affected a smiling countenance when he came in. I was glad to see him as ever — I pointed him to a chair, & seated myself, he rose & took the next chair by me, saying, "permit me to sit by you." I tried to affect an ease I did not feel, & I thought I still think, that he did the same. Soon however, a gloom spread over his countenance, — after a short silence, he told me, I have since recollected, somewhat diffidently, that ^{all} the Light Infantry, & ^{all} the Grenadier Companies were drafted from all the reg^{ts} & were ordered to be ready to attend what

even

ГЕНЕРАЛ Д. ВАШИНГТОН
 Худ. Рембрандт Пил
 Художественный музей Сан-Франциско

ВАШИНГТОН ПЕРЕСЕКАЕТ РЕКУ ДЕЛАВЭР
 25 ДЕКАБРЯ 1776 Г.

*СИЛУЭТ ЭЛИЗАБЕТ СЕНДВИТ ДРИНКЕР
(1735–1807)*

ПОРТРЕТНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ
ПЕНСИЛЬВАНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА

*ПОЛКОВНИК КРИСТОФЕР ГРИН
Литография Батра Джон Честера*

*ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА Д. ВАШИНГТОНА И Ж. ЛАФАЙЕТА
3 августа 1777 г. в Филадельфии*

МЭРИ ГОУЛД ОЛМИ
(Приблизительно 1797–1800 гг.)
Худ. Эдиард Малбон
Художественный музей Хьюстона

БРИТАНСКИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
РОБЕРТ ПИГОТ
Худ. Фрэнсис Коутс

КАРТА СРАЖЕНИЯ ЗА РОД-АЙЛЕНД
Французская карта
8-29 августа 1778, залив Наррагансет

ДЖОЗЕФ ГАЛЛОВЭЙ
Худ. Томас Эммет

ВРАЧ ТОМАС КАДВАЛАДЕР
Худ. Чарльз Уилсон Пил

ГЕНЕРАЛ
ДЖОН КАДВАЛАДЕР
С СЕМЬЕЙ
Худ. Чарльз Уилсон Пил

БАРОНЕССА ФОН РИДЗЕЛЬ
Худ. Иоган Генрих Вильгельм Тишбейн

ГЕНЕРАЛ ФРИДРИХ ФОН РИДЗЕЛЬ
Неизвестный художник

*ПОРТРЕТ ЛАНДГРАФА ФРИДРИХА II
ГЕССЕН-КАСЕЛЬСКОГО*
Худ. Иоган Генрих Вильгельм Тишбейн

*ПРИНЦ КАРА БРАУНШВЕЙГ-
ВОЛЬФЕНБЮТТЕЛЬСКИЙ,*
шурин английского короля Георга III
Худ. Иоган Герг Зейзенайс

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
ФРИДРИХ ФОН ШТОЙБЕН
Худ. Ральф Эра

ГЕНЕРАЛ Д. БЕРГОЙН
Худ. Джоуа Рейнольдс

ПОДЪЯТИЕ ПЕРЕДАЧИ Д. БЕРГОЙНА АМЕРИКАНЦАМ ПОД САРАТОГОЙ
17 ОКТЯБРЯ 1777 Г.
Худ. Джон Трамбулл

чтобы помочь ему. Я надеюсь, что мне позволят оставить мое имущество, но это будет только благодаря мне. Д. Г. или его ребенку не оказывается никаких услуг. И у него нет ни одного друга, который сказал бы хоть одно слово в его пользу. Я устала посылать за людьми, которые постоянно меня избегают, когда я больше всего в них нуждаюсь. Я без сил.

17 августа, понедельник. Приходил Льюис и сообщил мне, что совет отложил продажу имущества, и теперь я должна сохранять спокойствие, потому что действия тех людей были незаконными. Воспряла духом.

18 августа, вторник. Послала за мистером Будинотом, он пришел вечером. Я дала ему 10 гиней. Он сказал мне, что считает, что мое имущество не конфисковано и, оставаясь в доме, я смогу, вероятно, получить его за плату из имущества мистера Г.

19 августа, среда. Ходила навестить миссис Поттс, была с ней у Дебби Моррис. Она сказала мне, что Бетси²⁶⁴ [SIC] немножко выходила на улицу, и, судя по тому, что она сказала, боюсь, что... .. и письмо, которое она принесла, было совершенно неудовлетворительным. Миссис Крейг и миссис Кокс послали за мной, чтобы я вернулась домой. Там я услышала, что приходил Пил сообщить мне, что я должна покинуть дом завтра к десяти часам. Я была шокирована, т. к. ожидала, что совет положит конец этому. Я послала за мистером Чу и Льюисом. Они оба кажутся удивленными. Льюис решил утром идти к президенту, узнать, что это значит. Бен Чу остался и разговаривал со мной после. Он сказал, что девушки были на балу французского посланника. Я в ужасном положении.

20 август, четверг. Миссис Эрвин, Сидни Хауэлл и Пегги Джонс пришли утром, но не смогли привести ни одного мужчину в свидетели. Льюис послал мне сказать, что я должна закрыть двери и окна, и если они придут, то смогут войти только силой. Так я и сделала. Немногим позже 10 часов в дверь

²⁶⁴ Дочь Грейс Галловэй — Элизабет.

трижды грубо постучали. В третий раз я послала няню и отозвалась сама. Сказала им, что я хозяйка своего собственного дома и сохраню его, они не будут тут приняты. На это они обошли дом кругом, зашли во двор и попробовали открыть каждую дверь, но не смогли открыть ни одной. Тогда они пошли к двери кухни и с помощью половой щетки, которую они разломали на части, открыли ее. Мы, женщины, стояли на входе в темноте. Они еще раз постучали в дверь, я думаю, прошло 8 или 10 минут, прежде чем они открыли ее. Когда они вошли, я открыла окна. Они выглядели взбешенными. Среди них были Пил, Смит, Хэттер, Кол Уилл, жестянщик с соседней улицы. Я заговорила первой и сказала им, что со мной плохо обходятся; показала им мнение адвокатов. Пил прочел его. Но они все выразили свое презрение к нему, Пил сказал, что он изучал право и знает, что они делают все правильно. Я сказала, что только силой можно выгнать меня из моего дома. Смит сказал, что знают, как с этим справиться, что они выбросят мою одежду на улицу. Рассказал мне, что миссис Симпсон и сорок других выставили в один день. Я сказала, что они забрали свою мебель. Он ответил, что это благодаря щедрости британских офицеров, но полиция не будет давать никаких поблажек. Я сказала ему, что знаю, что это неправда. Он ответил мне, что лучше знает, и намекнул, что мистер Г. жестоко обращался с людьми²⁶⁵. Я поняла, что этот негодяй может сказать что угодно, так что я замолчала после того, как услышала несколько оскорбительных слов. Миссис Ирвин и Смит сели и разговаривали об английской жестокости, и Сидни Хауэлл промычала, что наполовину согласна с этим. Тем временем Пил и Уилл обошли дом, чтобы проверить, что ничего не забрали для французского посла, и, заперев вещи, Смит, наконец, вышел. Он с миссис Ирвин сидели, разговаривая, на кухне, пока они носили мои вещи в ее дом. Пил пошел к генералу²⁶⁶ и попросил его экипаж. Затем вернулся и сказал, что генерал был так добр и позволил мне воспользоваться им. А он, мистер Пил, хочет разместить меня

²⁶⁵ Имеются в виду действия Д. Галловая, когда он был суперинтендантом у британцев в Филадельфии.

²⁶⁶ Генерал Кадваладер, который жил по соседству.

как можно лучше. Я сказала ему, что не стоит утруждаться, так как если бы мне нужен был экипаж, то я бы послала за ним к генералу сама. Когда генерал прислал свою экономку передать его лучшие пожелания и сообщить мне, что его экипаж к моим услугам, что он будет приготовлен в любой момент, когда я только пожелаю. Я приняла ее и сказала экономке, что пошлю за ним. После каждого оскорбительного обращения я чувствовала усталость. Пил сходил наверх и принес вниз мою сумку, две шляпы и положил их на приставной столик. Наконец, мы пошли к холлу, чтобы присесть. Я попросила двух Греев, не будут ли они моими свидетелями, но они оба ушли. Двое из конфискаторов ушли, вскоре вернулись и сказали, что были в совете, что сделали все правильно и должны продолжать. Я не слышала этого сама, но слышали прочие женщины. Миссис Крейг попросила мою кровать, но они не позволили мне забрать ничего и, как я им сказала, действовали полностью из злобы. После того как мы провели некоторое время в холле, Смит и Уилл ушли, и Пил сказал, что экипаж готов, но он не будет меня торопить. Я сказала ему, что я нахожусь у себя дома и что только силой можно заставить меня покинуть его. Он сказал, что не единожды брал леди за руку, дерзкий негодяй! Этот разговор происходил некоторое время в комнате. Наконец, он подозвал экипаж, потому что генерал дал его, когда он мне понадобился. Когда экипаж подъехал, Пил принес мои шляпки и дал одну мне, другую миссис Крейг. Затем он чрезвычайно высокомерно сказал: «Миссис Галловэй, дайте мне руку». Я ответила: «Разумеется, я не дам вам руки, и я не уйду из своего дома, кроме как силой». Тогда он взял меня за руку, я встала, он довел меня до двери. Тогда я вцепилась в одну сторону, оглянувшись и сказала: «Прошу вас, обратите внимание, что я покидаю свой дом не по собственной воле и не по своему желанию, но по принуждению. И только сила могла заставить меня покинуть мою собственность». Пил сказал с ухмылкой: «Прекрасно, мадам». Когда он свел меня вниз по лестнице, я заявила: «А теперь, мистер Пил, отпустите мою руку. Мне не нужна ваша помощь». Он сказал, что может помочь мне сесть в экипаж. Я отвечала: «Я могу обойтись без этого, и вы, мистер Пил, последний человек на земле, которому я хотела бы быть обязана». Миссис Крейг села в экипаж, мы поехали в ее дом,

где и пообедали. Было около двух часов. Я не выглядела особенно озабоченной, но после обеда поехала к доктору Редмену. Женщины вели себя хорошо, но доктор обратил на меня мало внимания. Пила чай у мистера Крейга. Навестить меня пришел сосед Эдди, а также Сидни Хауэлл, Дебби Моррис и миссис Редмен. Я была очень расстроена после обеда, когда я размышляла о событиях этого дня и о том, что меня выгнали из собственного дома, беспомощную и без всяких средств к существованию. Вечером в доме Мальтов, прямо за нашим домом, случился пожар, я была очень встревожена и стояла в саду доктора Редмена, откуда мы могли ясно видеть пожар. Из-за этих событий голова моя стала легкой, я выглядела бодрой, хотя я не ожидала получить что-либо. Послала за мистером Чу, он пришел и сказал мне, что я должна судиться с ними из-за насильственного вторжения. Я совершенно растеряна, но рада, что все кончилось.

21 августа, пятница. После обеда приходил Томми Дженкс, мы много говорили, и он был таким же доброжелательным, как всегда. Я немного приободрилась. Приходил Джонни Лоуренс и записался в мои адвокаты.

22 августа, суббота. Ровно в полдень ко мне зашел Том Лоуренс, а также Сэм Родс. От него я узнала, что Будинот сегодня уехал из города, и услышала, что Бекки Шумейкер согласилась тихо выехать из своего дома; так что меня сделали козлом отпущения, квакеры заботятся о ней, а я могу устраиваться, как смогу. Я очень расстроена и сказала Джонни Лоуренсу, что я не буду судиться с агентами, потому что никто ко мне не присоединится. Жена Шумейкера никогда не позволит, чтобы меня считали ее другом, и все квакеры за нее, а я ни к кому не принадлежу. Получила письмо от Дж. Г., оно было даже датировано 19-м числом. Воспряла духом.

23 августа, воскресенье. Выдернула зуб. Дебби Моррис была здесь. Миссис и доктор Редмен были вечером.

24 августа, понедельник. Вечером были Джон Лоуренс, миссис Чу и мисс Освальд и Бекки Редмен. Написала мистеру

Г., когда они ушли. В хорошем настроении, но нахожу, что Шумейкеры в центре всеобщего внимания.

25 августа, вторник. Оуэн Джонс пил здесь чай; это первый раз, когда он был рядом со мной. Я считаю их плохими друзьями. Приходили Льюис и Джонни Лоуренс. Вечером я гуляла. Очень расстроилась, узнав, что никто не выступает моим другом. Девушки Чу переполнены новостями о том, что офицеры передают им комплименты.

26 августа, среда. Кажется, что ничего не обернется в мою пользу. Никому нет никакого дела, только приходят и слушают, что я могу сказать. С тех пор, как я сюда приехала, погода стоит такая жаркая, и эта часть города такая душная, что я очень дурно себя чувствую. Я в унынии.

27 августа, четверг. Вечером приходила миссис Монтгомери. Она рассказала мне, что мистер Маккин сказал, что не сможет прийти повидать меня, потому что это может быть правонарушением. Но он будет рад повидать меня где-нибудь, если об этом не станет известно, но я ей не верю. Был Льюис. Я сказала ему прекратить процесс, потому что я не буду с ними судиться.

28 августа, пятница. Томми Вартон прислал за мной, я вышла и поехала с ним. Он был очень добр и предложил мне денег, если я в них нуждаюсь. Я была в хорошем расположении духа. Вечером был Израэль Пембертон, он был дружелюбен, но я не получила утешения в отношении моего будущего.

29 августа, суббота. Приняла лекарство и весь день была очень нездорова; унылая и дождливая погода. Вечером были мистер и миссис Чу, Нэнси и мистер Уилкокс. Мистер Чу был весел, и я нахожусь в хорошем расположении духа, но он опасается, что я не должна надеяться на успех. Мистер Диксон приходил перед ним, и он считает, что лучше мне подать петицию, чем заявлять права на мое имущество. Я полагаю,

что они уверены, что все потеряно. Написала Дж. Г. через миссис Аллен²⁶⁷, она заходила в полночь за этим письмом.

31 августа, понедельник. Утром написала Дж. Г. Приходила миссис Лоуренс, ушла к обеду. Она очень обеспокоена из-за женитьбы Тома на сестре его жены. После обеда приходила миссис Бартон. Она и ее муж вскоре отправляются в Англию и продали свое имущество. После приходили миссис Уайт²⁶⁸ и Лоуренс.

1 сентября, вторник. День был унылым и дождливым, ни компании, ничего, что могло бы отвлечь мой ум. Людям скоро наскучивают незваные гости, но мне не на что жаловаться в этом отношении. Адвокаты ведут себя как мои друзья. Все меня оставляют. Хороших новостей нет.

3 сентября, среда. От моих адвокатов нет вестей. Скучно и вяло. Я считаю, что семья Чу [НРЗБРЧ.]. Они приходят не за тем, чтобы повидать меня. С ними Уилли Бонд.

4 сентября, четверг. Здесь никого. Вечером ходила к доктору Редмену, а оттуда к Эдди. Все как всегда, ничего меня не утешает. Мне кажется, миссис Крейг устала, и то, что она делает, действительно из благотворительности. Быть независимым означает быть счастливым. Погода такая холодная. Сидела у очага на кухне. Он убежденный виг, она ярая тори.

.....

²⁶⁷ Сара (Салли) Кокс Аллен — жена Эндрю Аллена, сестра Тенча Кокса (1755–1824) — торговца и политического экономиста, сотрудничавшего с британскими властями, но позднее перекинувшегося на сторону патриотов, что способствовало его долгой политической карьере при республиканской власти.

²⁶⁸ Джейн Уайт, жена Роберта Уайта, «объявленного предателем в штате». (См.: Pennsylvania. Colonial records. Vol. XII. P. 199.). В 1779 г. миссис Уайт была выявлена, как одна из филаделфийцев, кто вел нелегальную торговлю с Нью-Йорком. Суда, груженные лесом, очень востребованные там, выходили якобы в иностранные порты, но позволяли британцам захватить себя. Офицеров сразу обменивали, а на деньги от продажи леса они покупали британские товары, которые искали тропы к американской линии, и здесь по тайному договору захватывались американскими офицерами. Далее их отправляли правительственным транспортом, и наконец, они добивались до Филаделфии. Дело против миссис Уайт развалилось. (См.: Scharf J. T., Westcott T. Op. cit. Vol. I. P. 412–413.).

С тех пор произошло много всего, а я не записывала, потому что все это было лишь немногим более чем равнодушие и пренебрежение со стороны тех, кто называет себя моими друзьями. И поскольку там, где я нахожусь, люди вежливы, я почитаю за лучше забывать маленькие проявления равнодушия и недостаток внимания в тех, кого я должна вынуждать. Но семья Чу относилась и относится ко мне едва ли не с презрением, он ведет себя вовсе не по-дружески; но поскольку я не могу найти в собственном сердце ничего, что могло бы быть тому причиной, я смотрю на них с тем презрением, которого они заслуживают от меня. Могу сказать, что теперь я знаю мир, ибо у меня нет ни одного друга, на которого я могла бы положиться.

20 октября. Получила письмо от мистера Г., датированное 6-м, оно шло четырнадцать дней.

23 октября, пятница. Получила три письма от моей дорогой дочери, последнее датировано 9-м числом, прочие без даты, и одно от мистера Г.

2 ноября. Получила письмо от мистера Г. и одно от моей дорогой дочери, датированное 15-м октября, последнее, которое я ожидала получить из Нью-Йорка. Согласно миссис Уайтбред, моя дорогая дочь отплыла в Англию 17 или 18 октября, точных сведений получить я не смогла. Она покинула Филадельфию 17 июня 1778 года, приехала из Тревоза в Филадельфию 17 октября 1777 года. Я приехала 19 февраля 1778 года. 25 октября мне приснилось, что судно, на котором плывут мистер Г. и моя дочь, утонуло, и что они все пропали без вести. Я подумала, что не стану верить этому, пока Томми Эдди не сказал мне, что это неправда. Но пять или шесть военных были захвачены или пропали без вести. Тогда я подумала, что это правда, и в страхе проснулась. Снова заснула, и мне приснилось, что моя дорогая дочь возвращается домой в Тревоз со мной. Идет дождь, но она больна и из-за того, что кучер плохо управлял, нам пришлось идти пешком к экипажу, а дороги были в воде. Она промочила ноги, я очень переживала, но какой-то бедняга донес ее до экипажа. Я боялась, что она умрет прежде; потом мы мучились из-за экипажа, въехали в узкое место и были в большой опасности. Я проснулась

в ужасе. На следующий день я узнала о том, что было перехвачено письмо мистера Г. к его сестре, которое впоследствии было опубликовано, но не причинило ему бесчестья²⁶⁹. Как мне больно, когда думаю о том, что мое драгоценное дитя вынуждено уехать из своей родной страны, о том, что ее лишили всего, а я не могу ничего для нее сделать. Никто не может вообразить этого, кроме тех, кто пережил похожее испытание: да даст им Господь быстрое и благополучное путешествие.

2 ноября. Получили от У. Бекхауса приказ для Оуэна Джонса-младшего в следующих необычайных выражениях: «Если возможно будет снабжать Грейс Галловэй деньгами для ее нужд в Филадельфии, то столько же будет выплачено здесь нашими соседями Горденом и Краудером из Нью-Йорка». Открыли сидр Торнтон и начали пить мои пять галлонов спирта.

2 же ноября

В кожаной сумке:

пять по пол-Джо ²⁷⁰	15
пятьдесят по две гинеи	91
три полугинеи	2 12 6
	£108 12 6

Серебро

38 долларов	14 5
5 долларов бумажками	1 17 6
3 маленьких кусочка	5
Всего	£125

Для использования

15 долларов	£5 15
-------------	-------

²⁶⁹ Нежное прощальное письмо из Нью-Йорка, датированное 10 октября 1778 г., было перехвачено лордом Стерлингом, который переслал его Д. Вашингтону. Позже оно было опубликовано Конгрессом. (См.: *Almon J., Pownall T. The Remembrancer, or, Impartial repository of public events. London: Printed for J. Almon, 1775–1784. Vol. VIII. P. 121–122.*)

²⁷⁰ Португальская монета пол-Джо (два эскудо — в одной монете содержалось чистого золота — 3,28–3,43 г) равнялась 18 шиллингам.

4 ноября, среда. Сегодня казнили Джона Робертса и Абрахама Карлайла. Все мрачно. Пошла к соседке Эдди, она пришла сегодня домой. Но меня позвали, чтобы встретиться с Беном Чу, он держался со мной холодно, даже неуважительно, так что я была совершенно изумлена и пожалела, что встретилась с ним. С тех пор, как мистер Г. собрался домой, он [М-Р ЧУ] изменился; коротко говоря, он был почти невежлив. У меня нет друзей.

5 ноября, четверг. Перебралась к Деборе Моррис. Крейг и его жена пришли со мной и рады, что у меня будет комната, которую я смогу назвать своей.

6 ноября, пятница. Бетси Джонс и мистер Крейг с женой пили чай и ужинали со мной. Я чувствую себя очень неприужденно.

7 ноября, суббота. Получила последнее письмо от мистера Г., без даты, но написал [НРЗБРЧ.]. Дебби ужинала со мной. Опасаюсь, как же я буду жить, расходы так велики.

8 ноября, воскресенье. Молли Крейг и Пегги Джонс, вечером Джек Редмен, он шепнул что-то миссис Крейг. После этого я беспокоилась, что это какие-то дурные новости для меня, а прежде я была в прекрасном расположении духа. Дебби ужинала со мной.

10 ноября, вторник. Дебби и я ходили к кухне Пеннингтонов. Миссис Смит была там. Она подбежала ко мне, бросилась мне на шею и разрыдалась. Я была очень растрогана, но не заплакала. После мы успокоились и сели. Я была очень рада видеть ее и была очень приветлива. Миссис Крейг и Пегг Джонс пришли с капитаном [НРЗБРЧ.] Сэнфордом. Он капитан кавалерии, его взяли в плен, когда англичане оставили город²⁷¹. Восставшие очень жестоко с ним обращались и от-

²⁷¹ Капитан Сенфорд из отряда легких драгун графства Бакс находился в арьергарде, когда был неожиданно захвачен кавалерией Аллана Маклейна на мосту Док-Крик во время эвакуации британцев из города. (См.: Cook FJ. Allan McLane: Unknown Hero of the Revolution. N. Y.: American Heritage Publishing Co., Inc., 1956. P. 58.).

правили его в Истон, где он и оставался до нынешнего дня. Я нашла его умным молодым человеком. Они поужинали со мной, и мы провели приятный вечер. Я рассказала ему, как они [ВЛАСТИ] обошлись со мной. Когда гости уходили домой, шел дождь.

11 ноября, среда. Очень дождливый день, очень холодно и сильный ветер, просто буря. Сегодня обедала с Дебби и ни с кем не встречалась. Погода слишком ужасная, чтобы кто-то выходил из дома. Я счастливее здесь, чем у Крейгов.

12 ноября, четверг. Сходили с Дебби к Оуэну Джонсу и пили там чай. Туда пришел Джойс Беннезет и провел там вечер. Я в хорошем настроении и несколько не несчастна, кроме как по поводу дочери.

13 ноября, пятница. Ходила с няней к мистеру Крейгу. Нас нагнал майор Френкс и сказал, что он слышал, что я в большой тревоге из-за сообщения, что мистера Г. арестовали и увезли в Бостон. Но что это неправда. Я сказала ему, что не слышала о таком. Я не верю в это, потому что мистер Г. уехал под охраной солдата. Взяли бы двух солдат. Когда я добралась до Крейгов, встревожилась уже больше. Но все убеждали меня, что это ложь и что они узнавали об этом. Вечером началась буря, шел сильный дождь, но я хотела добраться до дому и оперлась на Джонни Комминза. Он держал надо мной зонт, но у меня так промокли ноги и нижняя юбка, будто я ныряла в воду. Я так испугалась, что мы зашли к Оуэну Джонсу. Они велели мне успокоиться, потому что мистера Г. не арестовали. Я вернулась от них в лучшем настроении. Пока я шла под дождем, мимо проехал мой собственный экипаж. Признаю, что в тот момент мне казалось это трудным, но я вполне бодро держалась. Но когда я повернула в переулок, то подумала о своей милой дочери и о том, что бы она сказала, если бы видела, как ее мама прошла пять кварталов под дождем ночью, как простолюдинка, и направляется домой в комнаты в переулке. Я не смею думать так. Вернувшись, переменяла всю одежду, потому что вода с меня стекала. Мы поужинали вместе с Дебби, и она старалась убедить меня, что это сообщение ложно. Ночью я очень тревожилась

и решила, если это окажется правдой, поехать к ним, хотя бы я и погибну тоже. Спала очень беспокойно и тревожно. За себя не боюсь, но когда речь идет о них, я и в самом деле несчастна при мысли об опасности.

14 ноября, суббота. Проснулась очень подавленной, когда встала, со мной случилась колика. Была вынуждена снова лечь. Пребываю в глубоком унынии, не могла думать ни о чем, кроме как о том, как бы я могла добраться до мистера Г. и моей дорогой дочери, если их арестовали, и как я могла бы помочь им. Такие мысли повергают меня в глубокую печаль. Пришла Дебби и принесла мне капель. Потом я почувствовала себя лучше, встала, спустилась к чаю, и была так рада пить его одна. Дебби пошла узнать об этой истории и выяснила, что это все неправда. Теперь я [ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕ ЗАКОНЧЕНО]... сегодня вечером пришла в себя после этого.

15 ноября, воскресенье. Ужинала одна, пошла к Смитам. Очень счастлива и думаю, что мои приближаются к Англии.

16 ноября, понедельник. Вечером Бен, Салли и Пегги Чу. Уилли и Бекки Бонд²⁷², Дебби ужинали со мной.

18 ноября, среда. Полковник Пенроуз пил чай и сидел до ночи; он предложил одолжить мне денег и нарубить для меня дров; он очень приветлив, но на него нельзя положиться. Он написал записку вице-президенту о распоряжении нарубить дров²⁷³. И заставил молодого Оуэна Джонса принести их. Не несчастна. Дай Бог, чтобы с Дж. Г. и моей дочерью все было хорошо.

19 ноября, четверг. Том Остон, Джошуа Комли и миссис Шумейкер. Она очень приветлива. Оуэн Джонс сказал мне, что они бы дали мне разрешение нарубить дров, но он не получил ответа; но зайдет снова. Ужинала у себя. Я не очень до-

²⁷² Жены докторов Томаса и Финеаса Бондов.

²⁷³ Имущество было в процессе конфискации, необходимо было получить разрешение властей, чтобы срубить дерево на дрова. (См.: Pennsylvania archives. Op. cit. Vol. VIII. P. 93.).

вольна многими вещами. Не люблю так сильно выходить из себя. Не сделала сегодня ничего хорошего.

20 ноября, пятница. Крейг и Джонни Комминз приходили вечером, все они ужинали у меня. Я в хорошем расположении духа. Оуэн Джонс сказал мне, что Мэтлэк сказал, что мне можно рубить дрова, но не дал ему никакого распоряжения. Зашел мистер Сэм Поттс навестить меня, но я не имела возможности поговорить с ним; я в добром расположении духа, но вокруг слишком много людей, чтобы я могла заняться собственными мыслями или разговаривать с людьми по делу.

22 ноября, воскресенье. Приходил доктор Човет²⁷⁴ и сидел со мной, но ужинала я одна, чему была рада, потому что я люблю немного побыть одна. Моя драгоценная дочь, надеюсь, в Англии или уже приближается к Англии. Сегодня днем была весела.

23 ноября, понедельник. Унылый день и очень холодно. Пошла к соседям Смитам, пила чай в шуме от пятерых детей, что вместе с открывающимися и закрывающимися дверьми и гамом, который они создавали в комнатах, превращало все в неразбериху. Одна старушка, которая была там, хотела поговорить, но я не слышала ее из-за крика, стоящего вокруг. Пришла домой вечером. Джон Степлер принес мне спиртное. Ужинала одна и была очень счастлива, только часто на ум приходит моя дочь, но я боюсь думать о ней. Это такая глубокая рана, что я отбрасываю эти мысли.

24 ноября, вторник. Получила письмо от Т. Мэтлэка с разрешением Совета для меня рубить дрова. Пошла к Смитам. Сосед Эдди был там, генерал Кадваладер, Салли и Пегги Чу, Уилли и Бекки Бонд, пили чай со мной, он так похож на Маккензи, что я совершенно очарована им. Боюсь, он ухаживает за Салли Чу. Оуэн Джонс только зашел, я отдала ему письмо

²⁷⁴ Абрахам Човет (1704–1790) — один из выдающихся анатомов и врачей своего времени. Практиковал на Барбадосе и Ямайке, откуда уехал в Пенсильванию в 1774 г., опасаясь восстания негров. (См.: *Miller W.S. Abraham Chovet: an early teacher of anatomy in Philadelphia: S.s.n., 1911.*)

Мэтлака, чтобы внести изменения в распоряжение относительно дров. Счастлива, если не говорить о моей милой дочери. Надеюсь, моя милая дочь в Англии. Я должна, но не могу ей написать.

25 ноября, среда. После обеда Оуэн Джонс-младший принес мне распоряжение о дровах. Немного поговорила с ним, а потом пришел Смит, они вместе ушли. Он получит мои дрова для меня. Вечером сидела одна. Но пришла Дебби и немного посидела со мной. Я сказала, что не могу выносить наглость Смита. Он слишком низкий человек, чтобы так свободно приходить ко мне, мне не нравится, какие вольности он себе позволяет, глядя на все, что я делаю. Ужинала одна. Хочу написать моей милой дочери, но не могу. Меня посещают такие ужасные мысли о том, что она мертва, что я не могу успокоиться, и я твердо намерена отправиться к ней весной. Что до себя, то я счастлива, и свобода поступать по своему усмотрению делает даже бедность более приятной, чем все время с тех пор, как я вышла замуж. Но мое дитя дороже мне всего мира, и если она несчастлива или с ней что-то случится, я погибну. Я и вправду ничего не хочу в жизни, кроме ее благополучия. Я и вправду беспокоюсь о ее отце, но его доброе обращение немного меня успокаивает. Нет — счастье не быть с ним! Я не хочу, чтобы меня содержали, как рабыню, как он всегда поступал со мной, препятствуя каждому желанию моего сердца.

27 ноября, пятница. Написала моей драгоценной дочери через миссис Поттс. Пока я писала, пришел Бен Линторн и прервал меня. Он принес мне маленькую индейку, я подумала, что это подарок. После того, как я отправила письмо, он остался и ужинал у меня. Я ласково с ним обходилась и рассказала ему, как я была оставлена. Когда он уходил, я спросила его, что он хочет за свою индейку, он скромно ответил: двадцать шиллингов. Я сказала, что не могу позволить себе этого. А он бесплатно поужинал и скаречно унес индейку с собой. Я рассказала об этом Дебби. Она была удивлена, а я нет. Он никогда больше не получит у меня еды; я раздосадована и разочарована. Смит сегодня не приходил. Я думаю, что он оскорблен, что меня не печалит. Если глаза Дж. Г. еще не раскрылись в отношении тех, кого он называл своими дру-

зьями, то он не стоит моего внимания, но его низость унижает меня и мою дочь вместе с ним. Каждое проявление презрения, которое я вижу от этих подлецов, заставляет меня задумываться о том, с каким отношением я сталкиваюсь из-за них, и о том, как мало он заботился о том, чтобы уберечь меня от их обид.

28 ноября, суббота. Сидела за работой в своей комнате до вечера. Пробный закон был отменен, вместо него появился более свободный. Мы с Дебби прошли пять кварталов и зашли к Хауэллам. Сидни попросила нас остаться на ужин, но была, как мне кажется, рада, что мы не остались. Мы с Дебби поужинали вместе, и пришел Смит, но я думаю о нем лучше, чем прежде. Он показал Энтони письма Бетси и прочел ему копию моего. Я немного беспокоюсь о своем письме, но что касается меня — я счастлива и довольна.

29 ноября, воскресенье. Доктор Човет с женой, миссис Монгомери, полковник Уолтер Стюард и мисс Винсинг пили у меня чай. Мисс Винсинг заслуживает презрения своей манерностью. Полковник был очень рад видеть меня, а я его. Все они пришли поздно, но мы приятно провели время. Дебби и я весело провели остаток вечера вместе.

1 декабря, вторник. Ходила к мистеру Крейгу с Дебби. Видела, как мой собственный экипаж стоит у моей двери для чужого пользования, тогда как я вынуждена ходить пешком. Это немного задевает, но не так, чтобы думать об этом, так что через пару минут я пришла в себя. Крейг были рад видеть меня, и я была очень весела. Сосед Эдди был там. Сегодня Рид выбран президентом; Смит принес мне газету; он, конечно, хороший человек, но ему недостает обычной вежливости. Я уверена, что он мне друг. Послала няню к Томми Вартону за бушелем соли, который он обещал мне летом, но, как и все прочие, он разочаровал меня и дал всего полбушеля²⁷⁵. Дурно отказываться от своего слова, но нельзя дове-

²⁷⁵ В это время был дефицит соли, т. к. обычно она почти вся импортировалась. С помощью властей штата были основаны солеварни, но предприятие потерпело крах. (См.: Pennsylvania archives. Op. cit. Vol. V. P. 202.).

ряться людям, я должна сносить это. Я счастлива настолько, насколько могу быть счастлива в отсутствие моей дочери. Да благословит ее Господь и вернет ее мне, и я надеюсь, что все еще будет хорошо. Я буду еще ехать, в то время как эти гарпии будут идти пешком, как они обычно ходили раньше, до того, как ограбили меня и других.

2 декабря, среда. Пришел Джо Торнтон и принес мне сидра, сказал, что моя усадьба Тревоз²⁷⁶ достанется Джиллу. Хотя я рассталась со всем, но обнаружила, что это очень больно меня задело, потому что я всегда думала, что мне позволят арендовать мою собственную усадьбу, как это позволили другим. Но теперь я вижу, что они жестоки, как могила, и не насытны. Ум мой в еще большем смятении, чем обычно. Я пошла и поговорила с Дебби. Я много говорила с ней и очень приятно провела время, но душа моя очень расстроена. Вечером был Оуэн Джонс-младший. Поговорила с ним об этом. Я чувствовала себя дурно и приняла болеутоляющее. Поздно вечером разговаривала с няней об опрометчивом и недальновидном поведении Дж. Г. и о том, как он оставил меня, такую беспомощную, и лишил меня власти над всеми арендаторами, сказав им, что никогда не возьмет с них платы, хотя знал, что я нахожусь здесь.

3 декабря, четверг. Прошлой ночью мне снилась моя кузина Кольтер, и я подумала, что она умерла. Пришел Томми Вартон навестить меня, но мы поговорили очень мало, потому что пришли Бекки Редмен и Уили Смит. После того как они ушли, приходил Оуэн Джонс с женой, и они пробыли у меня весь вечер. Но хотя это семейство делает много движений, чтобы проводить со мной вечера, я никогда не буду их просить, потому что они никогда не приглашали меня к себе должным образом и потому что все держат меня на некотором расстоянии, так что я не намерена превращать свой дом в место отдыха. Я замечаю, что люди ожидают, что я по-прежнему должна их развлекать, хотя ни один дом в городе

²⁷⁶ Усадьбы Тревоз и Бенсалеа достались Гр. Галловэй от отца в наследство.

ни разу не позвал меня к столу и ни разу не пригласил меня. Поэтому я больше не буду шутом для развлечения. Процесс Гаррига²⁷⁷ отложен до марта. Я очень беспокоюсь, но должна оставаться дома. Никто не хочет видеть меня у себя.

4 декабря, пятница. Пошла прогуляться с соседкой Смит и гуляла по Арч-стрит и семи кварталам около, она пришла со мной домой и пила чай. Ничего примечательного, но в душе беспокойно. Ужинала одна.

5 декабря, суббота. Дожливый день, сидела в своей комнате почти до ночи. Эйбл Джеймс и сосед Смит пили со мной чай. Эйбл сказал, что кузнец рубит мой лес в усадьбе Рипшелье²⁷⁸. Я была раздосадована, услышав это, но Смит перебил нас, так что я не смогла поговорить с ним. Рассказала Дебби, как я раздосадована тем, что на меня все так наваливается. ... Ко мне не приходят ни деньги, ни дрова.

6 декабря, воскресенье. Я зашла к Смитам на минутку, там была Дебби. Смит начал довольно пренебрежительно говорить о характере Дэвида, Дебби это очень не понравилось. Я не могу оправдать это. Я была в таком веселом настроении, но не могу объяснить почему. Я только смеялась и напевала весь день.

7 декабря, понедельник. Утром была нездорова, случилась колика. После обеда пошла навестить миссис Шумейкер. Приятно провела с ней время. Смит пришел после ужина, мы были очень веселы, и я думаю, что поторопилась в суждении относительно него, потому что я уверена, что он добрый человек, мир говорит, что он...

8 декабря, вторник. Миссис Бонд, доктор и миссис Ирвин пили чай. Доктор был очень весел. Когда они уходили, я сказала ему, что слышала, как он говорил, что меня выгнали из моего дома только из-за моего неблагоразумия. Он отрицал это, но поспешил уйти. Я боюсь, что ему было неприятно,

²⁷⁷ Самюэля Гаррига-мл. обвинили в государственной измене.

²⁷⁸ Одна из усадеб Д. Галловэя.

и очень беспокойна из-за этого. Приходил Томми Дженкс, я заставила его провести вечер со мной. Я рассказала ему все свои опасения, но была в хорошем настроении и рассказала ему, как многие обошлись со мной. Он решил ответить моим обидчикам: через Билли Степлера послал сказать Стекхаусу, что если тот не придет и не заплатит мне, то я пожалуйюсь Друзьям, потому я больше не буду ждать, и что либо я получу свои деньги, либо он потеряет репутацию. Я в хорошем настроении, только немного беспокоюсь из-за того, что доктор Бонд рассердился.

9 декабря, среда. Утром приходил Генри Саймонс, принес мне птицу и сидр. Я пригласила его в свою комнату. Он посидел со мной немного. Ходила повидать соседа Эдди. Там были Салли Хауэрд и Крейги. Она поговорила со мной о содержании рабов, хотя я и возражала ей, но не уверена, что это правильно. Подумала о наших неграх и не смогла выбросить их из головы. Тревожусь из-за них. Я не вполне здорова, и все думаю о рабах. Приняла болеутоляющее, но не смогла хорошо отдохнуть.

10 декабря, четверг. Был очень дождливый день, и я пила чай с Дебби. Сидела вечером одна. Очень сильный ветер, холодно, я чувствовала себя нездоровой, только строила воздушные замки в небе. Это отвлекает меня от мыслей о дочери, иначе я была бы еще более несчастна. Сейчас спокойна.

11 декабря, пятница. Миссис Тернер пила со мной чай; она слишком глупа, чтобы разговор с ней приносил какое-либо удовольствие. Вечером приходила миссис Лоуренс; мы много говорили; она убежденная тори, как и ее муж. Миссис Аллен еще не уехала за границу. Я в хорошем настроении, но думаю, что мне не становится лучше, боюсь худшего.

13 декабря, воскресенье. Дождливый день; так сыро, что по стенам стекает вода. Никогда не видела такого...

14 декабря, понедельник. Няня очень больна, так сильно, что у меня не хватает терпения. Миссис Грейвз пила здесь чай, но я не получаю удовольствия от ее компании. Она ярый виг.

15 декабря, вторник. Миссис Уилкокс, Пегги и Салли Чу пили со мной чай. Они сделали мне чепец, мистер Чу пришел за ними; они были очень веселы. Няня очень плоха. Теперь я очень далека от веселья.

16 декабря, среда. Темный дождливый день. Послала к Кенси; он сказал мне, что мистер Г. получил четыреста фунтов вперед за аренду. Этот несчастный разорил себя, и я вижу, что он скрывает от меня все, что может. Если бы не мой ребенок, я бы и думать не стала о нем, потому что он низко вел себя по отношению ко мне, когда был здесь. То, что он не заботится обо мне в свое отсутствие, сделало меня совершенно равнодушной к нему. Няня очень плоха. Ночью не было покоя. Я очень несчастна сейчас. Ей хуже, чем я думала.

17 декабря, четверг. У няни сегодня утром шла кровь; примерно через полчаса она едва не лишилась чувств; легла в постель и покрылась потом; у нее тяжелая лихорадка. Дебби, похоже, всерьез думает предоставить нам своих слуг. Дождливый день, весь дом залит водой. Няня остается в постели. Дебби дала мне поужинать, но мне кажется, она держит себя не так хорошо, как обычно. Просидела примерно до трех часов. Няня очень больна.

21 декабря, понедельник. Утром приходил Томас Стекхаус и заплатил мне десять фунтов пятнадцать шиллингов. Я поссорилась с ним из-за того, что он не давал мне моих денег. Эзра Камфорт сразу после этого заплатил мне двенадцать фунтов. Миссис Лоуренс и Молли пили со мной чай. Я думаю, в этом мало дружбы. Она принесла мне два блюда и кружку. Няне не очень хорошо. Дождливый день, я подавлена и нездорова. Джонни Степлер принес мне двенадцать фунтов от своего отца за аренду.

22 декабря, вторник. Я очень нездорова — ужасная простуда. Няня все еще намерена лежать, хотя я думаю, что у нее уже мало что болит. Я ругала Хоу²⁷⁹ как виновника всего на-

²⁷⁹ Британский главнокомандующий.

шего разорения и выступала против англичан, потому что они говорят, что будет установлена независимость. Пришли Джон Свифт и Джон Кид. Они были оба веселы и приветливы. Свифт, который был не так плох, как Кид, разговаривал со мной самым дружеским образом, и я была так рада увидеть старого знакомого, что это приободрило меня. Я была довольно весела, но мне очень нездоровилось после того, как они ушли.

23 декабря, среда. Утром мне было очень плохо. Кашель мой усилился, у меня были тяжелые колики. Миссис Крейг и Пегги пришли проведать меня. Няня намерена продолжать хворать, хотя я думаю, что у нее мало что болит. Я раздосадована ее ребяческим поведением. Погода очень холодная и промозглая. Боюсь, что мои дрова не нарубят, а те, что получаю от Дебби, очень плохие. Теперь я совсем измучена тем, что меня выгнали из моего поместья, потому мне не хватает всего...

24 декабря, четверг. Я все еще очень больна, но выходила после обеда. Со мной сделалось два припадка озноба: один утром, а второй около четырех часов пополудни. Послала за доктором Кадваладером²⁸⁰, он пришел, я рассказала ему, как со мной обошлись и не дали мне ни фартинга. Я была очень слаба, но ночью стала лучше. Унылого мне Рождества.

25 декабря, пятница. Шел снег, было чрезвычайно холодно. Сегодня утром ко мне прибыла целая лодка, груженная дровами. Других лодок на пристани не было. Через пару часов после того река встала; так что это выглядит даром Провидения. Сидела одна всю вторую половину дня и заснула. Я так нездорова, что с трудом держусь. Смит заходил на пару минут, но не стал оставаться развлечь меня. После ужина пришла Дебби со своей работой. Меня уже просто тошнит от вида накладываемых заплаток, так что в этом смысле ее

²⁸⁰ Томас Кадваладер (1708–1779) — врач в Филадельфии. В 1751 г. был избран в Муниципальный совет города. С 1755 г. до революции был членом провинциального совета Пенсильвании. Один из основателей Пенсильванской больницы в 1751 г., одним из первых начал делать вакцинацию против оспы. Его сыновья Джон и Ламберт сыграли видную роль в Американской революции.

компания неприятна. Поистине жалко провела Рождество. Ничего развлекающего. Болею.

27 декабря, воскресенье. Очень дурно чувствовала себя утром. Послала за Сидни Хауэлл, она пришла и посидела со мной днем. Приняла лекарство и не выходила из своей комнаты. Мистер Крейг приходил вечером. Он был очень вежлив и сказал, что поищет веревку и привезет мои дрова завтра. Я чувствую себя сносно.

28 декабря, понедельник. Мне притащили некоторое количество дров, но из лодки их крадут, там всего 8 кордов с четвертью. С огромным трудом втащила их в дом и не смогла убрать все принесенное в погреб. Очень плохо себя чувствую и совсем одинока. Я очень приуныла, боюсь, что не перенесу эту бурю. О, если бы я только могла хотя бы узнать, что с моей дочерью в Англии все хорошо.

29 декабря, вторник. Я чувствовала себя гораздо лучше. Ужинала одна. Ничего кроме уныния. Дебби сказала мне, что это рука Провидения, что я получила свои дрова в последний момент перед тем, как река замерзла.

30 декабря, среда. Я была очень нездорова. Послала за доктором Човетом, он отворил мне кровь, но не смог взять больше 4 унций. Кровь у меня не шла. Доктор выпил со мной чаю и посоветовал принять лекарство, что я и сделала. Приходила Бекки Редмен. Я была слишком нездорова, чтобы много разговаривать.

31 декабря, четверг. Очень плохо провела ночь. Послала за доктором Кадваладером он отворил мне кровь, и мне показалось, что мне стало легче, но ночью стало гораздо хуже, и хотя я должна [КЛЯКСА].

1779 год

1 января 1779 г., пятница. Мне стало так плохо прошлой ночью, что никакое болеутоляющее не помогало. Няня всю ночь не ложилась; прикладывала горячие камни. Она не думала, что я настолько больна, но утром я заставила ее созвать всю семью; послала за доктором Човетом, доктором Кадваладером и доктором Редменом. Прежде чем они пришли, меня начало тошнить, это была настоящая колика от разлития желчи. После того, как меня перестало тошнить, я приняла много болеутоляющего²⁸¹. К тому времени, как пришли доктора, мне полегчало, но они все сочли, что я в опасном положении. Поскольку я знаю, как себя вести, я думаю, что жизнь мою спасли Провидение и обезболивающее, потому что думаю, что не смогла бы долго это выдержать. О, мое дорогое дитя, как я тогда думала о тебе. Грустный у меня Новый год. Я встала вечером и чувствовала себя лучше, но о нездоровье мое продолжалось еще много дней спустя, и я была очень слаба. Все считали, что я в опасном положении. Вечером приходила миссис Редмен, но я была слишком слаба, чтобы разговаривать с ней. Недостаток упражнений — вот мой бич. Я схожу с ума из-за моей несчастной дочери и боюсь умереть. Надеюсь, что Господь даст мне выздороветь, чтобы снова увидеть ее [КЛЯКСА] больше, но когда я, наконец, [ПРЕДЛОЖЕНИЕ НЕ ОКОНЧЕНО].

.....

С первого января до марта я не вела дневника, в это время вокруг меня было очень много людей, я лежала в своей комнате до конца февраля.

1 марта, понедельник. Ходила к соседям Смитам, но миссис Чу и миссис Уилкоккс послали за мной, чтобы я вернулась домой. Они пили со мной чай в моей комнате.

²⁸¹ Некоторая бессвязность записей (и перепады настроения) Гр. Г. вероятно объясняется тем, что в качестве обезболивающего она использовала широко применяемый в то время лауданум — опиумную настойку, являющуюся наркотическим средством.

3 марта, среда. Исаак Моррис²⁸² пил со мной чай. Я с большим нетерпением жду вестей из дома.

4 марта, четверг. Салли и Пегги Чу приходили после обеда и сделали мне чепец, они были очень добры.

5 марта, пятница. Я была очень нездорова и почти весь день провела в постели; вечером со мной случилась колика. Приходили Салли и Пегги Чу; позже и мистер Чу. Все они ужинали со мной в моей комнате. Не знаю, как мне быть, потому что я не получаю вестей из дома. Боюсь, что с Дж. Г. все будет плохо. Очень беспокоюсь о моей милой дочери, но сегодня вечером была весела.

6 марта, суббота. Миссис Хастон пила у меня чай, но я не была рада видеть ее. Ужинала одна. Хочу вестей от моей милой дочери и никак их не получаю.

7 марта, воскресенье. Томми передал мне, как слышал, что Дж. Г. и моя дорогая дочь прибыли в Лондон. Пила чай одна. Вечером приходила миссис Шумейкер с Салли Роулс, ее дочерью. Рассказала мне, что ее муж написал, что с моей дорогой дочерью все хорошо, что в Нью-Йорке меня ждет письмо. Я очень рада этим новостям, с нетерпением жду письма и опасаюсь, в каком положении они сейчас. Я надеюсь уехать домой этой весной.

8 марта, понедельник. Оуэн Джонс, доктор Човет, Томми Эдди и Дебби пили со мной чай. Вечером пришли Томас Степлер, Дики Хартсхорн и мистер Крейг. Хотя они пробыли недолго и приходили один за другим, я очень устала. С нетерпением жду вестей о том, как путешествуют Дж. Г. и мое дитя. С Т. Вартоном сегодня сделался очередной припадок, и он лишился дара речи.

²⁸² Влиятельный квакер и торговец.

9 марта, вторник. Вечером приходила миссис Смит с одним из своих сыновей и дочерью Уилли, вместе с мисс Вандерин. Не получила особенного удовольствия от их компании, потому что молодые люди считают себя очень важными. Боюсь, что это так только в их собственных глазах.

10 марта, среда. Приходила Бекки Редмен, занесла мне гостинец. Затем ее брат Джо с миссис Кокс и Нэнси Редмен. Вскоре после них — Нэнси Клифтон. Они пили у меня чай. Прямо перед их уходом пришла Салли Бердж. Последняя — очень приятная барышня, она мне очень нравится. Миссис Кокс весела и беззаботна и, как мне кажется, свободна в суждениях. Они — приятная компания, но не друзья, а только интересующиеся. Нэнси Клифтон сказала, что мистер Моррис ходил к Джо Риду²⁸³ узнать, почему я не получаю содержания, полагающегося мне. Рид сказал, что мне полагается очень неплохое содержание, но если я слишком горда, чтобы получать его, то это не их вина. Я была рассержена, потому что у меня нет никакого содержания, и я не могу получить его от них. После ужина приходила Дебби. Читала ей свои стихи. Недовольна и стихами, и собой. Не знаю, как быть: уезжать ли [*В АНГЛИЮ*] или оставаться. Если бы не мое дитя, я бы занялась здесь каким-нибудь делом, но без нее я не могу быть спокойна.

11 марта, четверг. Миссис Тернер, которая принесла новости из Нью-Йорка о благополучном прибытии наших [*В АНГЛИЮ*], пришла ко мне с визитом. Поскольку никаких вестей у нее больше не было, то я не знала, что ей сказать. Но она уселась, а я так дурно себя чувствовала из-за колики, что с трудом могла поддерживать разговор. Наконец, я сказала ей, что принуждена лечь. Она ушла, я провела в постели большую часть дня. Не могу перестать думать о степени абсурдности, в которую впадают люди, которые хотят сами увидеть всех, прибывающих из Нью-Йорка. Как будто эти люди могут предоставить какие-то сведения, на которые

²⁸³ Джозеф Рид — в это время президент Верховного Исполнительного совета Пенсильвании (см. прим. 57).

можно положиться. Я убеждена в обратном и пребываю в замешательстве, какие вопросы им задавать, потому что знаю, что они не могут сообщить мне ничего из того, что хотелось бы узнать. Такие визиты ко мне ничуть не желательны и не приятны, я всегда чувствую себя неловко.

12 марта, пятница. ... Послала за О. Джонсом, чтобы он принес книг. О моем письме все еще нет никаких новостей. Очень беспокоюсь из-за этого.

13 марта, суббота. Не могу получить свое письмо. Боюсь, что я разорена. Отдала [НРЗБРЧ.] Смиту в обмен на [КЛЯКСА] тридцать фунтов.

15 марта, понедельник. Фанни и Нэнси Клифтон пили со мной чай. Они получили письмо от мистера Бартона, который пишет, что мистера Г. хорошо приняли на родине, но я все еще не получила своего письма.

16 марта, вторник. Доктор Джонс вежливо меня навестил. Ничего замечательного. Чай с доктором Човетом.

17 марта, среда. Письменно общалась с владельцем имения, с тем чтобы сохранить собственность. Он начинает сбрасывать маску и бить по мистеру Г., но надеюсь, что ему отплатят той же монетой. Послала за Оуэном Джонсом, я свободно говорила с ним. Он считает, что партия Пенна²⁸⁴ не может повредить Дж. Г., но вместе со мной думает, что они навредили бы ему, если бы могли. Он почитает за лучшее для меня не посылать ходатайство в Ассамблею. Мы много разговаривали вдвоем вечером. Томас Степлер заплатил мне еще два пол-Джо за аренду.

18 марта, четверг. Миссис Чу, Салли и Пегги Освальд пили со мной чай. Они были очень приветливы и, по-видимому,

²⁸⁴ Джон Пенн (1729–1795) — последний губернатор колонии Пенсильвания (с 1763 по 1771 и с 1773 по 1776 гг.), представитель семьи крупнейших землевладельцев Пенсильвании, лоялист. Подавляющее большинство его собственности было конфисковано новой властью, несмотря на принятую им присягу. Но он сумел в отличие от прочих, получить за это крупную денежную компенсацию.

в хорошем расположении духа. Я подумала, что они уверены, что Пенн выиграет свое дело, которое рассматривается сегодня. Вероятно, что Чу автор вчерашней газеты, я не слепая.

19 марта, пятница. Я не совсем здорова, не получаю никаких вестей о дочери. Хочу узнать, как прошло слушание дела Пенна, полагаю, что они могли так же потерять свой доход, как я потеряла свой. Они — подлая, низкая шайка, поэтому, я думаю, они получают от государства больше. Не очень довольна.

20 марта, суббота. После обеда приходила Сара Зейнс с Томасом и Сюзанной Лайтфут. Сказали, что Сюзанна хотела повидать меня. Я была не очень рада этому визиту. Когда они пришли, то сразу же замолчали. Ум мой блуждал, пока, наконец, я не подумала, что раз эти хорошие люди пришли с большой любовью повидать меня, то я должна не только внимать тому, что они хотят сказать, но и привести свой разум в надлежащее состояние, чтобы услышать их слова. Не по своей вине я не в силах позвать добро, приготовленное для меня. В конце концов я была довольно непринужденной и покорной. Сюзанна казалась очень подавленной, после некоторого молчания сказала, что часто думала о моем положении и считает долгом любви к ближнему посетить меня в моей горе, чтобы попросить о том, чтобы оно могло приблизить меня к той Силе, которая одна только может принести утешение. Мы видели, что плоть не раз подводила и на нее нельзя полагаться. Но она просит терпеливо о помощи у Него, она думает, что Он, со своей стороны, готов, и она просит меня не пренебрегать своей обязанностью молиться Ему, и Он поможет мне. Поскольку неизвестно, как скоро может произойти великая перемена, она просит меня быть готовой. Чем скорее, тем лучше, потому что это будет полезно мне вне зависимости от того, буду ли я жива или умру. Она надеется, что я смогу сказать вместе с Давидом: Благо мне, что я пострадал! — потому что таким способом Господь может призвать меня ближе к себе и отлучить меня от мирских вещей, к которым, как она считает, я привязана, как и многие другие. От ее слов я ощутила в себе новое сердце, я смягчилась больше, чем когда-либо прежде. Ее речь была такой уместной,

мягкой и доброжелательной, что обрадовала меня невыразимо. Я была рада ее компании, но они скоро ушли и оставили меня в добром расположении рассудка, которое невозможно описать. Пожар на Спрус-стрит вечером. Я печалюсь из-за того, что у меня больше нет компании Друзей. Я думаю, что это был лучший вечер за долгое время. Я чувствую неописуемую радость и была бы счастлива отказаться от всего внешнего и показного ради этого мира и безмятежности духа; эта милая Лайтфут, я испытываю к ней истинную любовь, и, поскольку я никогда не видела ее прежде, то надеюсь, что Провидение пошлет мне ее снова. Я ощущаю себя вполне спокойной и счастливой.

21 марта, воскресенье. Была весь день одна, но не так счастлива, как вчера вечером, но все же радуюсь этому проявлению Божьей доброты ко мне. Но мой разум так мал и суетен. Вечером достала книги из шкафа Дебби.

22 марта, понедельник. Чувствовала себя очень дурно. Томми Эдди пил со мной чай, и мы много разговаривали. Я очень беспокоюсь из-за того, что все еще не получила свое письмо из Нью-Йорка, потому что оно прибыло уже примерно месяц назад, и с тех пор многие приезжали оттуда. Дебби провела вечер со мной, и мы ужинали вместе. Я хотела написать, но она прервала меня. Я хочу больше быть одна. Джонс была здесь [НРЗБРЧ.] вечером, у нас много общего.

26 марта, пятница. Хороший день. Миссис Редмен и миссис Гроувз пили у меня чай. Теперь я не дружу с миссис Гроувз и поэтому говорила очень свободно о нынешнем правительстве. Сказала, что они ограбили меня и других, чтобы поддержать шайку негодяев к бесчестью своего государства, что я бы не хотела больше разговаривать с вигами. Но я не имею в виду хороших людей, которые не могут ничего поделать со своим гнетом. Бетси Редмен осталась, пришел ее сын Томми, они ужинали со мной. Я рассказала им, как капитан Дункан обошелся со мной, и назвала его плутоватым²⁸⁵. Жалею об

²⁸⁵ Никаких других упоминаний о капитане Дункане и его поступках у автора более не встречается.

этом, потому что боюсь, что они могли неправильно это истолковать, потому что я не разговариваю ни с кем из партии собственников. Деньги теперь двенадцать к одному. Англичане потеряли 2 судна, и сегодня сюда привезли пленников.

27 марта, суббота. Нед Тилгмен пил со мной чай. Он прекрасно держал себя, и мы много разговаривали о книге. Я сказала ему, что считаю неблагородным пытаться опозорить мистера Г. для того, чтобы поддержать дело собственников. Я знаю, что все они враги моей семьи. Получила от генерала Арнольда свой стол, но лишилась нескольких ножей и вилок. Прекрасная погода, но я нездорова.

28 марта, воскресенье. Ходила к Смитам и пила у них чай. Туда пришли Томми Остон и Эманел Уолкер, чтобы повидать меня. Это ежегодное собрание, у нее есть друг Кокс из Мериленда. Он был забавен, но я так дурно себя чувствовала и так плохо слышала, что смогла услышать и понять лишь немного из того, что он говорил. Я нахожу, что с каждым днем заболеваю все сильнее, и боюсь, что мне станет хуже.

29 марта, понедельник. Миссис Б. Лоуренс заходила рассказать мне кое-какие хорошие новости. Барышни Джонс и Ханна Вартон вечером пришли, но я была так нездорова, что обрадовалась, когда они ушли.

30 марта, вторник. Получила письма от моей дорогой дочери и ее отца. Рада слышать, что они здоровы, но я крайне недовольна их образом жизни. Мучилась коликой, когда получила эти письма. Не вставала почти до самого вечера. Дэниэл Миффлин пил здесь чай. Мы немного поговорили о низости Крейга. Вечером был доктор Човет. Мои нервы теперь так ослаблены, так много людей вокруг мне досаждают.

31 марта, среда. Утром приходил Уорнер Миффлин и разговаривал со мной, сидя у моей постели. Он хороший человек, и я хотела повидать его, но после этого я долго не могла заснуть, и в полдень со мной случилась такая тяжелая колика, что я легла в постель. Только я зашнуровалась, когда встала, только причесала волосы, как мне пришлось снова лечь. Том

Стекхаус заплатил мне еще 8 фунтов 5 шиллингов за аренду. Приходил Джекоб и отворил мне кровь. Поистине ужасный день, и я совершенно подавлена. На пару минут вечером заходил майор Эдвардс, он принес мои письма из Нью-Йорка, но он очень горд и чопорен.

1 апреля, четверг. Очень жарко, но я чувствовала себя немного лучше, чем вчера, и отправилась к соседям Зейнс... Много говорят о том, что наступают англичане, но я не верю ни единому слову, думаю, что они намерены дать вигам все преимущества, какие только те пожелают.

2 апреля, пятница. Погода все еще очень жаркая. Дэниэл заплатил мне 40 фунтов, придя ко мне, я одолжила у него еще 70. Я намерена заплатить Крейгу, потому что Дэниэл²⁸⁶ говорит, что тот заставит меня заплатить звонкой монетой, если придут другие времена. Ничего замечательного сегодня.

3 апреля, суббота. Дебби понесла деньги Крейгу, но там оказался какой-то поддельный чек, и он вернул его. Погода чрезвычайно жаркая, так что я не могла выйти из дома, и чувствую большую слабость. Я начинаю падать духом, потому что не могу ничем заняться; не знаю, что делать. Сэма Фишера сегодня посадили в тюрьму. Жалею, что я не в Англии.

4 апреля, воскресенье. Весь день просидела у себя в комнате, не одеваясь. Шел дождь. Пила чай одна, приходила Салли Зейнс, и я спросила ее в шутку, не виг ли она, но обнаружила, что она законченный виг по убеждениям. Я была поражена тем, что так обманывалась. Приходила миссис Б. Лоуренс, я настояла на том, чтобы она осталась, провела у меня весь вечер и поужинала со мной. Я беспокоюсь, вдруг я сказала что-то неподобающее, расстраиваюсь из-за Салли Зейнс. Мне бы хотелось всегда быть начеку.

5 апреля, понедельник. Заглянула миссис Кадваладер навестить меня, но не осталась. Ходила гулять вечером и у

²⁸⁶ Дэниэл Миффлин.

[НРЗБЧР.] Редменов повстречала миссис Норрис, миссис Джонс и миссис Пеннингтон, и много разговаривала. Боюсь, что я слишком много говорю; я бы хотела держать в узде и свой язык, и свой дух. Отправила сто фунтов с процентами через миссис Крейт. Недовольна собой. Подавлена и не знаю, уезжать ли отсюда или оставаться. Погода хорошая, но я не в силах ни жить, ни умереть.

6 апреля, вторник. Рано проснулась в ужасе. Мне приснилось, что меня собираются повесить. Утром приходил доктор Кадваладер. Славный старик часто заходит навестить меня, я люблю и уважаю его, хотя он настолько виг, что считает, что война окончена. Миссис Редмен и миссис Сеппли пили со мной чай. Эта бедняжка, как и я, считает, что нельзя рассчитывать на богатство, потому что отец оставил ей более тридцати тысяч фунтов, из которых большая часть была внесена теперь континентальными деньгами; все прочее заставляет ее скучать. Я очень жалею ее. Говорят, что теперь суд начал заниматься делом Гаррига, но надеюсь, что он выйдет чистым из передраги, но не могу составить суждения. Ночью Смит постучал в дверь с такой силой, что я очень испугалась, и когда няня несколько раз крикнула: «Кто там?» — он грубейшим образом ответил: «Некто!» — но со мной не заговорил.

7 апреля, среда. Дебби зашла в мою комнату, и я рассказала ей, как грубо вел себя Смит. Она хотела заступиться за него, но я сказала ей, что не встречала человека более дерзкого и наглого, чем он; я не могу мириться с его дерзкими манерами. И я никогда не допускала таких гнусных людей в свой круг и намерена прекратить с ними всякое знакомство, потому что их невозможно держать на расстоянии, а дети их доставляют неудобства этому дому. Его жена мне нравится так же, как и он сам. Она сказала, что Гаррига отпустили и ничего ему не сделали. Дебби и я пили чай с миссис Шумейкер, провели не самый приятный день, хотя она была добра, все же я вернулась домой подавленной. Заглянула к Хауэллам, заплатила им за свинину. Ужинала у себя и очень рада провести некоторое время в одиночестве.

8 апреля, четверг. Приятная погода. Пошла к семье Джона Пембертона, Его жена была одна, провела там час или два, но она не предложила мне чая, так что я вернулась домой и поела. Гулять было не с кем, так что я взяла маленькую Молли Поттс и пошла на площадь.

9 апреля, пятница. Дебби, Молли Поттс и я проехались вокруг Франкфорта, но поскольку они хотели ехать дальше, то были очень разочарованы. Томми Дженкс принес мне бочонок сидра, Дебби хотела купить еще один, но дешевле, чем я продала осенью. Я видела, что она сердится, я тоже сердилась. Она была не в духе весь день. . . . Но ей не понравились 15 фунтов за сидр, так что Томми и я поужинали вдвоем, хотя мне было не так уж приятно разговаривать с ним, как раньше. Они все сломлены и считают, что все пропало, и англичане покинут нас. После я пошла в комнату Дебби, нашла ее расстроенной, но она старалась скрыть это. Я была огорчена до крайности и сказала ей, что возьму сидр сама. Думаю о том, чтобы ехать в Нью-Йорк. Беспокоюсь о дочери.

10 апреля, суббота. В полдень приходил Т. Стекхаус с мукой, и мы расплатились. Он заплатил мне 51 фунт континентальными, а я дала ему расписку за все, кроме аренды последних лет, которую он еще не заплатил. Дэниэл Миффлин, доктор Човет и Дебби пили чай со мной. Провела скучный вечер у себя. Все время думаю о моей дорогой дочери и виню себя за многие случаи, когда я неверно поступала по отношению к ней.

11 апреля, воскресенье. Приходила миссис Тернер и просидела некоторое время, но не осталась к чаю. Я была очень подавлена. Погода чрезвычайно жаркая. Вечером ходила к Оуэну Джонсу. Они оставили меня. Там миссис Редмен и Ханна В. Встретила там Дебби, мы остались на ужин. Съези и я поспорили о том, какая грудинка лучше, я сказала, что английская, она — что здешняя. В конце концов мы стали говорить серьезно и взаимная ненависть прорвалась наружу. Оуэн с братом пришли с нами домой. Мне кажется, Дебби ведет себя со мной не так, как обычно. Не очень довольна.

12 апреля, понедельник. День был темный и унылый. Молодой О. Джонс принес мне несколько нью-йоркских газет. Я очень открыто поговорила с ним. Ночью была буря. Я ужинала у себя. В дурном расположении духа, и не посылала за Дебби. Немного [НЗБРЧ.] из-за сидра.

14 апреля, среда. Исаак Норрис принес мне несколько хороших [НЗБРЧ.] и лимонов. Приходили миссис Чу и Салли с одним из своих детей, а также доктор Човет. Все они пили у нас чай. После чая пришли Дэниэл Миффлин, Томми Фишер и Салли Хауэрд. Они пробыли недолго, а когда Дэниэл сказал, что ему пора идти, я сказала, что хочу поговорить с ним; тогда все остальные встали и ушли. Он оставил деньги в руках Чарльза Миффлина. Ходила к соседям Зейнс и зашла к Смитам попросить передать извинения Томми Фишеру за мое поведение. Салли Зейнс и Дебби ужинали со мной шедом²⁸⁷. Мы разговаривали утром, и я нахожу мои подозрения в отношении Дебби совершенно необоснованными. Израэль Пембертон так болен, что его считают умирающим. Все наши усадьбы сегодня обсуждались в новостях. Да пошлет Господь благополучие моей дорогой дочери, и я буду надеяться, что все еще будет хорошо.

15 апреля, четверг. Пила чай из Нью-Йорка. Молодой Фокс несколько недель продержал его в бумаге и извинился, что боялся принести его. Дурак, но — это правда. Приходил Томас Степлер сообщить мне, что у него потребовали полтораста фунтов²⁸⁸. Дэниэл Миффлин принес мне триста фунтов, я написала расписку, по которой нужно заплатить Чарльзу Миффлину. Ужинала сегодня у себя спаржей.

16 апреля, пятница. Вечером приходил мистер Будинот, привел с собой Томми Фрэнклинга, тот сказал мне, что моя усадьба была бы конфискована даже при мистере Г., но что он считает, что лучше отложить ее взыскание до того, как появятся более умеренные присяжные, и сказал, что письменно

²⁸⁷ Шед — западноевропейская сельдь.

²⁸⁸ Арендная плата за часть имения Галловэй, которую теперь занимал Степлер. Имение перешло в собственность штата, и плату надо было отдавать государству.

подтвердит свое мнение. Он держался очень хорошо. Приходил Джон Степлер. Я заплатила ему полтораста фунтов, чтобы его отец выплатил долги агентам. Унываю.

17 апреля, суббота. Сегодня чрезвычайно холодно. Навестить меня приходили миссис Гроуден²⁸⁹, мистер Лоуренс, с ними Исаак Пеннингтон в кресле. Она пришла предъявить права на мою усадьбу. Но относится ко мне с такой неприязнью и равнодушием, что я очень мало ею интересовалась, хотя она и заявила, что не уедет из города, не повидав меня. Вслед за ней пришла Салли Пеннингтон и осталась после того, как та ушла. Я долго говорила, но Салли так странно себя ведет, что я не знаю, как к ней относиться.

18 апреля, воскресенье. Миссис Редмен и доктор Човет пили со мной чай. Доктор был очень занимателен и полон новостей, но я не верю ни одному его слову, потому что его так часто обманывают. Вечером приходил мистер Холландсворт. Я попросила у него прощения за вольность послать за ним и сказала, что, поскольку он друг мистера Г., то я хотела бы видеть его и своим другом. Он отказался от платы за спиртное, которое я получила от него, но я настояла на том, чтобы заплатить, завтра должна получить 5 галлонов. Боюсь, что я говорила слишком много, потому что он виг, но очень хороший человек, все же мне следовало бы быть больше настороже. Погода пронизывающе холодная, и я не совсем здорова: немного болит горло. С бедным Томми Вартоном случился еще один припадок.

19 апреля, понедельник. Была уныла и нездорова. Погода все еще стоит холодная. Послала няню наружу. Полли Уилкоккс, Молли Крейг и Бетси Джонс пили со мной чай. Я была в дурном настроении и очень откровенно говорила с ними об их поведении и наговорила много такого, что миссис Уилкоккс может принять на счет своей семьи. Я вижу, что Крейги связаны с этой лживой компанией. Поскольку они стараются никогда не допускать меня в свои дома, я устала развлекать,

²⁸⁹ Миссис Лоуренс Гроуден, мать Грейс Гроуден Галловэй. Лоуренс Гроуден оставил разное по величине и ценности наследство жене и дочери, мать считала, что ее обделили, отсюда — такая холодность в отношениях.

никогда не получая ничего взамен. Вся их семья — скопление низости и обмана. Я имею в виду Чу, а не Крейгов — этим я так обязана многими услугами, но печалюсь видеть, что их так обманывают. Сегодняшний день был поистине неприятным, без остроумия, юмора или какого-либо умственного развлечения, кроме вульгарного. Если это называется вежливостью, то я никогда не стремлюсь быть вежливой. Я обвинила их всех в том, что они общаются с французами и ярыми вигами, и сказала, что они заслуживают этого дурного обращения, которое находят. Коротко говоря, я твердо намерена больше не поддерживать репутацию, если только эти люди не начнут вести себя со мной так, как этого требует мое положение в обществе. Они могут с тем же успехом скулить и гримасничать, по отношению ко мне они создают больше шума из-за пары фунтов, чем я, потерявшая все; в целом я злюсь на все их поведение и не старалась быть приятной. Вечером заходила Дебби. Я рассказала ей, как я себя вела. Она посчитала, что я права. Не довольна ни собой, ни другими.

20 апреля, вторник. Ходила к Биллу Тернеру. Там были две миссис Бонд. Вдова и я были очень дружелюбны, но миссис Бонд довольно застенчива. Она меня не стесняла, я собрала с духом и осмеяла всю партию вигов. Я сказала им, что я самая счастливая женщина в городе, потому что меня ограбили и выгнали за порог, но все же я осталась верна себе и буду женой Джозефа Галловэя и дочерью Лоуренса Гроудена. Не в их власти унижить меня, потому что я до конца останусь Грейс Гроуден Галловэй. Поскольку я перенесла все те страдания, которые они [ВИГИ] смогли причинить мне, теперь я буду держаться, как будто на скале, глядя на крушение других и наблюдая, как бушующие волны швыряют их, тогда как я нахожусь в безопасности на берегу. Если мое маленькое состояние может им пригодиться, что ж, пусть они оставят его себе, ибо я обменяла его на суть: деревянный поднос так же удобен, хотя и не так хрупок, как серебряный. Я никогда не позволю этим людям принизить меня, потому что пока у меня в кармане остается хотя бы шиллинг, я буду счастлива несмотря на них. Не могу поступить, как Диоген (он пил из первого же ручья и поэтому выбросил свою чашку, как ненужную), но я постараюсь сохранить свою деревянную

чашку, если не смогу достать другой; и быть счастливой до конца. И если я не смогу достать шелкового платья, то смогу достать льняное, и пока оно будет согревать меня, я не окажусь в долгах. Одолженная мне кровать, сказала я им, постелена, и я могу лечь и спокойно спать на ней, не чувствуя уколов единственного шипа, который был сильнее, чем всё, что могли причинить люди, ограбившие меня. Но всё, что меня мучило, это то, что я настолько унижена, что считаюсь равной таким животным, потому что я не могу представить, что их можно назвать людьми. Так я говорила, не умолкая, и была счастлива, хотя кажется, мадам Бонд несколько раз морщилась. Я дошла с ними до О. Джонса. Билли Тернер пришел домой со мной. Я пребывала в хорошем настроении весь вечер. Я не жалею ни о чем, что я сказала, потому что теперь не забочусь о мнении негодяев.

21 апреля, среда. Была не совсем здорова, но поскольку погода была хорошая, ходила пить чай с Бекки Шумейкер. Две ее дочери и молодой Фишер составили компанию. Я очень открыто говорила о поведении семьи Чу и Салли Кокс и сказала, что они водятся с французами и при этом делают вид, что вынуждены возвращаться в такое общество. Но я думаю, что они сами ищут его. Она держала себя очень вежливо, но не совсем свободно, я понимаю, что для Кокс и остальных я никто. По дороге домой на улице меня охватила дрожь, и я зашла к Тернерам, они дали мне служанку-негритянку, чтобы она проводила меня домой. Мои нервы так слабы теперь, что я не могу ничего перенести. Позже Тернер с женой приходили навестить меня. Ужинала у себя. Жалею, что так откровенно говорила у Шумейкеров, потому что никто не собирается заботиться обо мне.

22 апреля, четверг. Доктор Човет приходил проведать меня. Старик принес важные новости, но я боюсь, что все это неправда. Дебби ужинала со мной и принесла яблочный пирог. Приходили Смит с женой, и были очень вежливы. Приятно провели время.

23 апреля, пятница. Утром мне нездоровилось. После обеда приходили Исаак Зейнс с Сюзанной Лайтфут, мистер Ричи

и Дебби пили со мной чай, но поскольку я не могла выходить из своей комнаты, я была не слишком рада компании. Была в подавленном настроении. Ужинала у себя. Приняла много болеутоляющего. Вчера утром умер бедный Израэль Пембертон.

24 апреля, суббота. Вечером приходила миссис О. Джонс, но не осталась. Билли Уоллон принес мне два барреля муки. Он поужинал со мной шедом. Я очень расстроена и думаю поехать в деревню, потому что я должна любой ценой иметь уважение окружающих.

30 апреля, пятница. Никаких добрых вестей. Все темно и мрачно. Мы все разочарованы поведением англичан. Миссис Кокс рассказала мне, что в Нью-Йорке обсуждается мир. Очень подавлена.

1 мая, суббота. ...мне очень нездоровилось, провела весь день у себя в комнате. После обеда Эзра Камфорт принес мне 18 фунтов. Приходили обе Клифтон и пили со мной чай, но они заговорили меня до смерти, в конце я чувствовала большую слабость. Такие языки, как у Фанни Клифтон — это мучение. Я вправду думаю, что еще несколько часов довели бы меня до истерики, [НРЗБРЧ.] я [НРЗБРЧ.] они не остановились бы. Они очень меня расстроили, потому что я и раньше была подавлена.

2 мая, воскресенье. Проснулась очень больной, с простудой, и боюсь, что с нервной лихорадкой. Приходила соседка Смит и сообщила, что в армии многие не любят мистера Г. Я рассердилась и расстроилась. Он столько безвозмездно сделал, тогда как люди думают, что ему хорошенько платили. Тщеславный человек пренебрежет своей семьей ради имени, и, возможно, его уважали бы так же, если бы ему еще и хорошо платили. Но эта женщина — дура. Она ушла. Миссис Редмен, Сьюзи Джонс и Нэнси пили со мной чай, но мне так нездоровилось, что я едва держалась. Они ушли примерно в шесть часов, но вечером Нэнси вернулась вместе с Полли Вартон. Я очень плохо чувствовала себя тогда, и они провели у меня мало времени, но миссис Редмен все еще сидела,

хотя видела, что я не в силах разговаривать и не в настроении для общения. Я сказала ей об этом, но была вынуждена чуть ли не выгнать ее, прежде чем она ушла. Я была так слаба, и мои нервы так разыгрались, что я едва не сошла с ума. Почему я должна дюжинами принимать людей, которые не принимают меня у себя, предоставляют мне обедать у себя дома, а я предлагаю им чай. Это все, что их интересует, потому что весь этот город состоит из ничтожных людей, я презираю их.

4 мая, вторник. Я была все еще слаба, но утром встала с постели и около 9 часов получила два письма от моей милой дочери и еще два от ее отца. Теперь я успокоилась, ибо надеюсь, исходя из того, что они пишут, мы не погибнем и что они здоровы и счастливы. Приходили молодой Джон Лоуренс и Джо Редмен, но не остались. Джон крайне неблагодарное и бесчувственное создание, и я его презираю. Оуэн Джонс с женой ужинали со мной, и я прочитала им письма. Они обрадовались и сказали, что эти новости превосходят их ожидания. Сегодня вечером мне лучше.

5 мая, среда. Утром встала, но снова легла в постель около одиннадцати. Очень дурно себя чувствовала. Пролегала в постели до часу, после встала и оделась. Спустилась вниз, но не могла найти себе места и чувствовала сильное недомогание, после обеда со мной случилась колика, затем мне стало лучше после этой слабости. Нэнси и Пегг Чу пили со мной чай. Разговаривали они только об офицерах; сказали, что Канбл и Риддл со многими офицерами посылали им открытки и сообщения. Они праздновали дни рождения шестерых из них, встретившись и выпив за их здоровье по бокалу вина. Джентльмены праздновали свои дни рождения таким же образом. Двое других были Уотсон и Эрскин, шестого я не знала. Они так хвастались своими близкими отношениями, что мне это просто надоело. Вечером приходил мистер Чу; выведывал у меня о письмах, но я знаю, что они не друзья мне и моим родным. Чу выступает за то, чтобы сдерживать обе стороны, но все его подозревают. Его жена родила дочь в понедельник ночью. Были сильные боли, приняла болеутоляющее.

6 мая, четверг. Встала между одиннадцатью и двенадцатью дня, чувствовала себя лучше. Это постный день²⁹⁰. Села писать моей милой дочери и писала почти до самого вечера. Потом пошла к соседям Зейнс, встретила Тома Росса, который хотел повидать меня. Он сказал, что беспокоится о моем благополучии и надеется, что я преодолēju трудности. За мной прислали миссис Лоуренс и миссис Аллен. Они пили со мной чай, но вся эта шайка хочет все выведать, миссис Лоуренс ведет себя со мной лучше, чем любая другая из них. Мне очень нездоровится. Смит и Дебби ужинали со мной. Смит принесла лаймы для пунша — большая редкость.

7 мая, пятница. Писала до ночи, но недовольна тем, что написала. Спустилась ненадолго вниз, но вернулась и ужинала в своей комнате одна. Нездоровится, днем мне пришлось отказать [от компании]. Устала от общества.

8 мая, суббота. Утром встала, послала няню поменять деньги из опасения, что континентальные вырастут в цене, и я не смогу их достать. Исаак Моррис и доктор Човет пили у меня чай, и он сказал, что говорят, будто Дж. Г. вернулся в Нью-Йорк, но я этому не верю. Вышла прогуляться с соседкой Смит, потом пошла ненадолго к ней; осмеяла поддельных дворян. Я так охрипла, у меня начался жар и заболело горло, как никогда прежде. Я пошла наверх и слегла совершенно больная с лихорадкой, мне нездоровилось всю ночь. Никогда в жизни у меня не было лихорадки, которая на рассвете была бы такой сильной. Вышло много флегмы, и после этого лихорадка моя поутихла. В очень подавленном настроении.

9 мая, воскресенье. Встала после трех. Очень слаба, лихорадит. Почти лишилась чувств, но пришла соседка Джеймс и рассказала, что говорят, будто Дж. Г. в Нью-Йорке. Она провела у меня немного времени, но я воспряла духом. Лихорадка все еще продолжается, хотя и много слабее. Сегодня отказалась от компании, потому что была слишком больна для

²⁹⁰ Постные дни время от времени вводились Высшим исполнительным советом.

того, чтобы принимать кого-либо. Ужинала одна и вечером чувствовала себя лучше, хотя все еще слишком слаба.

10 мая, понедельник. Встала около полудня. Лихорадит гораздо меньше. Сидела одна весь день, отказалась от компании. Поздно вечером приходил Оуэн Джонс. Просила его раздобыть сведения о моем имуществе. Хороших новостей нет. Континентальные деньги выросли с семнадцати до двадцати.

11 мая, вторник. Сегодня после обеда со мной сидела Дебби. Очень жарко, мне сильно нездоровится. Вечером приходили Сьюзи Джонс и полковник Пенроуз проводить меня. Я считаю, что он все еще полон идей о том, что американцы должны получать лучшее. Он пробыл недолго, после него пришел мистер Крейг. У него было мало что сказать, и я не чувствовала свободы говорить с ним очень открыто. Не очень бодр. Боюсь, что мне скоро станет легче.

12 мая, среда. Я была очень слаба, когда проснулась, а было уже поздно. Ханна Пембертон предложила мне свой экипаж. Я хотела отказаться, потому что мне нездоровилось, но Дебби уговорила меня проехаться, хотя я совсем пала духом и мне хотелось плакать при мысли о том, что я должна ехать сейчас, потому что экипаж мне одолжили, иначе в другой день такой возможности не будет. Мое состояние совершенно меня изнурило. Но когда я выехала, то почувствовала, что свежий воздух идет мне на пользу. Мы проехали вокруг площадки для бегов и еще три мили вокруг и остановились у дома Томми Вартона. Я прочитала ему письма Дж. Г. Он очень обрадовался им, но смог произнести лишь несколько слов; его припадки часто возвращаются. Он был очень рад видеть меня и всеми способами показывал свое уважение. Мы выпили там чаю, я так воспряла духом, что чувствовала себя совсем здоровой. Рада, что побывала и показала ему письма. Заходил Джошуа Фишпер узнать новости о Дж. Г. Я так довольна поездкой, что чувствую себя хорошо.

14 мая, пятница. Прекрасный день. ... Нэнси Хамфрис прислала мне немного черепашьего супа. ... Молли Крейг, Бетси

Джонс и доктор Човет пришли после чая. Я прочитала им письма Бетси. Они были очень милы.

15 мая, суббота. Узнала, что Джон Рид и один из сыновей Джона Хьюза заявили преимущественное право на Хог Айленд²⁹¹, получили две трети его и продали их этому несчастному полковнику Проктеру за тридцать тысяч фунтов — человеку, который всего пару лет назад был лакеем у капитана Хея. Мне было так плохо из-за лихорадки и колик, что я не вставала до середины дня. Молодой Бен Чу привел мистера Миллиганта навестить меня. Он отправляется в Англию. Я попросила его рассказать Дж. Г., что все, что нам принадлежало, потеряно и его собственность забрали. Послала за Оуэном Джонсом. Он пришел и пил со мной чай и рассказал мне, что неважно, как распорядятся имуществом; если Дж. Г. вернется, то сможет вернуть все. Я сказала ему, что это совершенно безразлично мне, потому что я никогда не возьму ничего из имущества Дж. Г. и объяснила ему, почему. Как можно меньше думала о Дж. Г., но эта часть личных дел сильно меня задела. Была очень подавлена ночью, села и между 12 и часом писала письмо дочери. Мне немного легче.

16 мая, воскресенье. Утром отправила письмо мистеру Миллиганту. Ночь прошла хорошо, и кажется, мне лучше. Была довольна грустной, поскольку хороших новостей нет, и боюсь, что не будет сделано ничего, прежде чем мы все разоримся. Вечером нанесла визит миссис Шумейкер. Она предложила передать письмо Элизабет Таун, я думаю, раз она так приветлива, написать через нее. Сейчас мне лучше.

17 мая, понедельник. Написала дочери. Приходили миссис Редмен и миссис Монтгомери. Она [*М-С МОНТГОМЕРИ*] сказала няне, что поговорила с миссис Рид о моем пособии, и та ответила ей, что слышала много разговоров о том, что миссис Галловэй больна и что ей не хватает вещей первой необходимости. Вот — небольшая сумма. Хотя я и буду протестовать, но мистер Рид не имеет к этому никакого отно-

²⁹¹ Часть владений Джозефа Галловэя.

шения. Я очень рассердилась, потому что не хотела, чтобы миссис Монтгомери обращалась к мужу или жене, но поскольку я писала и была занята, то не виделась ни с миссис Редмен, ни с ним [*ЕЕ МУЖЕМ*]. Отправила свое письмо миссис Шумейкер.

18 мая, вторник. Весь день мне очень нездоровилось, ходила к соседям Зейнс и пила чай, но слишком плохо себя чувствовала, чтобы быть веселой. Ничего приятного или радостного. Ужинала у себя в комнате. Чувствовала себя лучше.

19 мая, среда. Проснулась в лучшем состоянии, чем в последнее время. Села и написала письмо Дж. Г. Около двенадцати мне стало так плохо с желудком и коликами, что я была принуждена снова лечь в постель, где я и пролежала до трех часов в жесточайших муках. Потом приняла 45 капель лауданума²⁹², но это мало помогло. Послала за доктором Човетом, но я — кто? — мало внимания ко мне. Дважды посылала за доктором Редменом, но он извинился и не пришел. Поэтому я лежала почти при смерти и снова принимала болеутоляющее до двух часов ночи, и наконец, природа извергла все, мне полегчало. Слава Богу, болезнь меня отпустила.

20 мая, четверг. Приходили Редмен и Човет, но Редмен держался с таким презрением и неуважением, что лучше бы я за ним не посылала. Он почти не слушал то, что я хотела ему сказать, в конце концов они выписали мне натуральную микстуру. Редмен сказал, что я должна послать к аптекарю, потому что у него нет лекарств, а старый Човет настолько бесчувственный и причиняет столько хлопот и такой важный, что лучше бы я не посылала ни за одним из них. Но они оба сказали мне, что лекарства мне не помогут, потому что мне не хватает движения. Я так испугалась, что послала за коляской Джонни Пембертена и поехала кататься с соседкой Смит. ... Я приехала к ее дому. Когда мы вернулись, то провели вечер скучнейшим образом. Миссис Поттс едет в Нью-Йорк, она

²⁹² Лауданум — спиртовая настойка опия, широко распространенное в тот период обезболивающее средство.

зашла ко мне за письмами и подшутила надо мной, сделав вид, что рвет записную книжку Бетси. В ней я обнаружила два письма, которые отнюдь не пролили бальзама мне на сердце, а были для него кинжалом, потому что я узнала, что моя дочь несчастна. Ханна Джонс вышла сегодня замуж за Амоса Фоулка. Я была приглашена на свадьбу, но не смогла пойти. Они прислали мне вкусной еды. Чувствую себя гораздо лучше и веселей.

21 мая, пятница. Ко мне пришла Молли Лоуренс. Я очень откровенно поговорила с ней о поведении Джонсов и миссис Бонд; коротко говоря, я рассказала ей с чувством о дурном обращении и поняла, что она была очень рада моему негодованию, а потом посочувствовала мне как друг. Она пробыла у меня недолго. Я пересказала Дебби разговор. Она считает, что я ее оскорбила, но мне нет до этого дела. Я могу умереть прежде, чем кто-либо протянет руку облегчить мне положение. В глубоком унынии.

22 мая, суббота. Я очень приуныла, жена Хамфри и Дебби пили кофе в моей гостиной. Няне сильно нездоровится. Не знаю, что делать. Кругом тьма.

24 мая, понедельник. Дебби отправилась в Бристоль. В городе собралась толпа, они арестовывают тори. Мы очень встревожились. Не ложились спать до двух часов. Ходила к Смитам; он очень сдержан, но как мне кажется, очень напуган. Мы совсем одни.

25 мая, четверг. Милиция Германтауна и нашего города вся вооружена, чтобы снизить цены на товары²⁹³. Возглавляет ее Джо Рид. Во дворе ратуши проводится городское собрание. Леви Холландсворту и многим другим угрожали. Миссис

²⁹³ Это был период роста цен и нехватки многих товаров в магазинах. Толпы, состоявшие главным образом из милиции, поднялись на этой неделе и бунтовали против высоких цен. Шли митинги против задержек поставок товаров. Одних подозреваемых тори схватила толпа, другие — были посажены в городскую тюрьму правительством, чтобы спасти их от расправы. (См.: *The Pennsylvania Packet, or the General Advertiser*. 1779, May 27; *Scharf J. T., Westcott T. Op. cit. Vol. I. P. 398.*)

Редмен рассказала, что многих отправили в тюрьму. Я очень встревожилась, как и весь город. Мы убрали подальше все свои ценные вещи, думая, что они будут обыскивать дом в поисках муки и запасов. Никто не в безопасности.

26 мая, среда. Сегодня многих освободили из тюрьмы, кроме бедного Леви Холландсворта. Его держат взаперти и говорят, что его будут судить. Сегодня прошло еще одно городское собрание, предлагают выслать всех тори за границу. Только горе и беспорядок. Я все еще слаба и подавлена.

27 мая, четверг. Со мной не приключилось ничего замечательного, только виги очень разгневаны. Эзра Камфорт приходил во вторник и заплатил мне десять фунтов. Исаак Моррис ужинал со мной. Я очень слаба, но ходила до дверей Пембертонов и обратно с Сюзи Джонс и Исааком Моррисом. О, как бы мне поправиться.

28 мая, пятница. Была очень слаба и подавлена, ходила одна по дому, вечером послала за Сидни Хауэлл. Она пришла, и мы проговорили целый час. Погода всю неделю стоит очень жаркая и душная. В округе ходят люди и проверяют запасы муки, но в наш дом они не приходили. Боюсь, меня вышлют.

29 мая, суббота. Я чувствовала себя довольно хорошо весь день и казалась вполне выздоровевшей. Приходила Молли Беверидж, но я не сделала для нее чай, потому что она пришла очень поздно, сказала, что это не по ее воле. Я сочла, что она пришла что-то выведать у меня, но я была настороже. В десять часов случилось полное лунное затмение и закончилось только в два. Я сидела и наблюдала его. Хорошая ночь, совсем ясно.

30 мая, воскресенье. Очень жарко, после обеда прошел небольшой дождь. Очень подавлена и тревожусь о моей милой дочери. Мне снились тревожные и дурные сны о ней. Приходил молодой Оуэн Джонс. Он сказал мне, что Мэтлэк не позволит ему получить остатки моей собственности. Итак, теперь этот негодяй не дал мне заявить свои права. Я так

тревожусь за дочь, но не знаю, что делать. Это был поистине неприятный день.

31 мая, понедельник. Дала Оуэну 5 полу-Джо, чтобы он поменял их для меня. Дебби пришла домой в полдень. Я была очень рада видеть ее, она посидела со мной после обеда, но мне кажется, она более сдержана, чем обычно. После обеда был сильный ветер. Ужинала моллюсками с Дебби. Очень скучный день.

1 июня, вторник. Мне очень нездоровилось, я не находила себе покоя, бродила одна по дому. Различные новости... Мистер Ричи приходил навестить меня. Он хочет, чтобы я пришла в его дом. Деньги быстро падают — сегодня по 20.

4 июня, пятница. Поменяла деньги, и очень неловко быть в долгу, но я не могу сделать так, чтобы Оуэн поменял мои деньги или вернул их...

5 июня, суббота. Очень тепло. Мы получили дурные известия, что англичане потерпели поражение в Каролине. Ужинала одна. Подавлена.

6 июня, воскресенье. Миссис Редмен нанесла визит после чая. Плохие известия из Каролины. Очень подавлена.

7 июня, понедельник. Вечером сильный ветер. Ходила к Смитам и оставалась там, пока он не начал стихать. Тогда пошла домой и поужинала одна. В добром расположении духа.

8 июня, вторник. ... не могу заставить Оуэна Джонса поменять мои деньги. Очень беспокоюсь из-за этого. Говорят о том, чтобы выслать нас всех в Нью-Йорк. Не припомню сегодня ничего примечательного.

9 июня, среда. День был холодный и ветреный. Но Томми Моррис привел мне свой фаэтон и провез меня три мили. Мы встретили мой собственный экипаж со стариком Доном, нам пришлось прокладывать путь в плохом месте, но это меня не смутило. Я была в добром расположении духа, потому что прекрасно прокатилась.

10 июня, четверг. Дебби поменяла для меня пол-Джо на шестьдесят фунтов, Джонс так и не поменял остальные, хотя курс, видимо, упадет. Молли Крейг и Пегги Джонс приходили после чая. Я откровенно разговаривала с ним о Пег Освальд. Они ушли поздно вечером. Ничего примечательного.

11 июня, пятница. Вечером приходила Сьюзи Джонс; она сказала, что Оуэн уехал из города. Очень подавлена, потому что не могу поменять деньги, чтобы расплатиться по здешним долгам. Хороших новостей нет.

12 июня, суббота. Оуэн Джонс приходил вечером. Я сказала ему, как сильно я мне нужно поменять деньги, и он пообещал сделать это в понедельник.

13 июня, воскресенье. Утром был сильный ветер, ударило дом Молли Норрис, но никого не ранило. Я была в постели и спала, хотя было около полудня. После обеда прояснилось. Приходили Пегги и Салли Чу рассказать, что Чарлстаун²⁹⁴ в руках англичан.

14 июня, понедельник. После обеда сильный ветер. Пошла к Смитам и вернулась к ночи. Очень неприятный день. Дебби гладила. Денег от Джонса еще не пришло. Я думаю, что он оставил их себе и поменяет их сам. Я очень беспокоюсь из-за этого и недовольна...

15 июня, вторник. Хорошая погода. Раздосадована из-за денег, потому что боюсь, что много потеряю из-за небрежения Джонса. Пришла Дебби и поужинала со мной. Я очень откровенно говорила об Оуэне Джонсе, потому что он не оказал мне такой маленькой услуги. И я жалею, что так прямо говорила о нем, хотя подозреваю, что он поступил нечестно. Доктор Човет приходил к Смитам повидать меня.

16 июня, среда. Около полудня пошел дождь. Дебби забрала мои деньги у Джонса. Я по-прежнему говорила о нем как

²⁹⁴ Город сдадут только 3 мая 1780 г.

о ничтожном существе и сказала, что они вознеслись так высоко только стараниями мистера Г. Просидела весь день одна, очень скучно и сонно. Из Каролины вестей пока нет, но говорят, что в Чарлстауне сражения не было. Надеюсь, что поражение англичан окажется ложью, но если бы я не была в долгах, то мало бы заботилась о них — кажется, что все они околдованы. Я очень тревожусь о моей милой дочери и о многом другом, но все же я не несчастна. Надежда еще поддерживает меня. Ровно год назад без одной недели я рассталась с моей драгоценной дочерью, и этой ночью Дон Жуан танцевал, я полагаю, от радости.

17 июня, четверг. Просидела у себя в комнате до пяти часов, читая «Развлечения арабских ночей»²⁹⁵. Но всей душой я с моей дочерью, восстанавливаю в памяти все события того ужасного дня, когда я видела ее последний раз. Я собиралась выйти наружу, но вспомнила про этот день год назад и не пошла. Очень расстроена, потому что не вижу в будущем возможности увидеть их снова, как я думала десять месяцев назад. Хороший вечер, но не такой жаркий, как тогда, когда моя дочь уезжала. Я очень подавлена и боюсь, что с нами все кончено. Добрых вестей нет, и звонкая монета быстро падает в цене. Боже, храни мое дитя и моего мужа.

18 июня, пятница. ... не спускалась вниз допоздна. Соседи Смиты настояли на том, чтобы я поужинала с ними, и после ужина мы говорили про Чу. Боюсь, что наговорила слишком много, потому что Смит очень разговорчив... Но в хорошем расположении духа и чувствую себя лучше, чем вчера. Последние войска ушли сегодня. Ровно год назад последние британские войска ушли утром, и пришли американцы.

19 июня, суббота. Погода прекрасная. Оуэн Джонс поменял мои деньги, и я спокойна на этот счет, хотя ничего, кроме разочарований.

²⁹⁵ В 1704 г. появился первый в Европе французский перевод Антонио Галланда сказок «Тысяча и одна ночь». Издание имело огромный успех, после этого стали появляться анонимные версии сказок на других языках под другими названиями, чтобы извлечь выгоду из популярности историй. В 1706 г. вышло первое издание «Тысячи и одной ночи» на английском языке под заголовком «Arabian Nights Entertainment».

21 июня, понедельник. Заплатила Чарльзу Миффлину триста фунтов, и рада, что почти выбралась из долгов. Приходил Джон Реналдс, сидел с Дебби и со мной. После Дебби и я отправились к Сидни Хауэлл, там я встретила мистера Самюэля Уоллиса, которого я знала как друга Дж. Г. Я поговорила с ним, он пришел домой и ужинал со мной. Я устала от такого большого общества и очень дурно провела ночь, но больше не буду принимать болеутоляющее.

22 июня, вторник. Навестить меня приходили Бласвит Джонс с женой. Я пригласила их в гостиную. Но она выступала против англичан и вела себя так грубо, что я очень устала от их компании. Соседка Смит и я нанесли визит Сидни Хауэлл, трудно вообразить себе более приятный вечер. Вечером приходил Исаак Моррис, он был так уныл и разговаривал в таком виговском духе, что я рассердилась. Никаких новостей и никакой надежды на возмещение. Не ложилась до самого рассвета. Сегодня чувствую себя немного лучше.

23 июня, среда. Приходила Джойс Беннезет и обедала с Дебби. Мистер Свифт и доктор Смит пили у нас чай. Кажется, они считают, что англичане не будут ничего делать, Смит сказал, что мое имущество оценивается, что миссис Гроуден предъявила права и ей вернули вдовью часть²⁹⁶. Я была совершенно поражена таким мошенничеством. Боюсь, что это правда, потому что Пеннингтон был очень осторожен, а я знаю, что он скользкий человек. Свифт пригласил меня к себе. Смит говорил мало. Но это новое предъявление прав на мое имущество — удар кинжалом. Я была очень подавлена, но постаралась победить себя и пошла к Зейнсам. Меня окружают со всех сторон. И я думаю, что мы должны погибнуть. Дж. Г. оставил все в беспорядке. Что я могу поделать.

²⁹⁶ Муж миссис Гроуден выделил ей ежегодную ренту из доходов имения, которое он передал дочери (Грейс Гроуден). 6 декабря 1779 г. Верховный Суд выделил миссис Гроуден содержание в 650 фунтов с этого имения. (См.: Pennsylvania. Provincial Council. Pennsylvania. Supreme Executive Council. Colonial records. Philadelphia: J. Severns & Co., 1852. Vol. 12. P. 191.).

24 июня, четверг. Была в сильном беспокойстве. Послала за Джоном Томпсоном, но, к сожалению, пришла Салли Хауэрд выпить чаю со мной, а у Дебби были гости. Дж. Т. пришел уже после чая, я отвела его в другую комнату, чтобы поговорить. Он сказал мне, что ничего не слышал об этом и постарается разузнать, но что старые законы в силе и я не смогу получить приданое. Мне показалось, что он возлагает вину на Дж. Г. Но я сказала ему, что обе стороны предвзято относились к своим собственным интересам. У мистера Г. есть свои слабости, но он честный человек. Томпсон отнесся к этому делу довольно холодно. Я подумала, что угодничаю, чтобы заполучить его в друзья. Но я должна была вывести его из заблуждения, если бы не пришел доктор Човет, который своими неуместными разговорами положил конец нашей беседе. Томпсон ушел. Вчера он прислал мне перьев и был очень любезен со мной прежде, но я недовольна его визитом и жалею, что вообще послала за ним, потому что ни он, ни Пенингтон — не друзья нам. Вечером пришло еще больше людей. У меня нет времени поговорить ни с кем, эти добрые друзья забудут обо мне прежде, чем доберутся домой. Оуэн Джонс больше не предлагает свой фаэтон с тех пор, как они поняли, что я могу воспользоваться им.

25 июня, пятница. Очень жаркий день. Ходила к соседям Смитам. Там были Сидни Хауэлл с дочерьми, но я нахожу ее слишком приверженной вигам и неискренней, поэтому не люблю ее. Поднялся сильный ветер, они остались допоздна. Я пришла домой, оставив их, и поужинала одна. Нездоровится. От Дж. Томпсона никаких новостей.

26 июня, суббота. Жестокая жара. После обеда сидела у соседей Зейнс. Там была жена Джона Хайндса. Сара очень добра ко мне. Сидела у дверей весь вечер. Ужинала одна, совершенно несчастна. Хочу известий из Англии.

29 июня, вторник. Жестокая жара, и я не знаю, чем себя занять. Вечером прошел дождь, я слишком много просидела в сырости. Ничего приятного или радостного. Хороших новостей нет. Полагают, что никакие войска не придут и что будет установлена независимость. Очень тревожусь. Вече-

ром были Нэнси и Салли Чу и Салли Бердж. Они сидели со мной у дверей. Им нечего было рассказать хорошего. Все скучные и унылые.

30 июня, среда. Сегодня в Бредфордской газете появилось объявление, что все мое имущество будет продано при жизни мистера Г. Я просто обезумела и не знаю, как поступить. Поговорила с молодым Оуэном Джонсом и Билли Смитом о том, чтобы купить его, но вижу в этом так мало выгоды, что пребываю в замешательстве и не знаю, что мне делать. Села и подытожила поведение тех, кого Дж. Г. называл друзьями. Нашла, что здесь у него не было ни одного друга, который протянул бы руку, чтобы спасти нас от разорения. Я в смятении из-за дочери. Легла в постель очень расстроенной и больной. Не вижу впереди ничего, кроме горя. Англичане не заслуживают имени британцев. Совсем пала духом и больна. Твердо намерена не предъявлять права на свое имущество по следующим причинам:

Во-первых, если я предъявляю права, и они отдадут мне все, я сделаюсь зависимой от государства. Обладая их правами, стану подлежать всем взысканиям по их законам и таким образом отрежу себя от моего мужа и дочери или смогу вторично подвергнуться лишению прав и конфискации имущества. Во-вторых, если же они предоставят мне только содержание, то я стану их пенсионеркой и буду подлежать тем же взысканиям. Если они захотят оспорить это, то могут втянуть меня в утомительную и бесплодную тяжбу и доставить мне много неприятностей, я думаю, что никакое заявление или петиция не будут удовлетворены. Моим должно быть все или ничего. Я боюсь, что его покупка [*ИМУЩЕСТВА*] погрузит меня в глубокие долги, а налоги так высоки, что у меня мало что останется от него. Это задержит меня здесь, потому что я не имею ни одного друга, который мог бы вести дела за меня. Так что я должна оставить это, потому что я полна решимости покинуть это ужасное место, как только получу известия от Дж. Г., и не по своей нетерпеливости ... не в моих силах покинуть этот Содом.

Если бы я могла устроиться так, чтобы остаться, думаю, я могла бы почти достичь своей цели. Я уеду, но я не хочу быть осуждена за измену, если попытаюсь уехать сейчас.

Они могут выдать мне паспорт в обмен на мое обещание не возвращаться. Но тогда мне нужно остаться здесь или меня привлекут к суду. Если я попытаюсь уехать, ко мне применят закон о лишении гражданских прав и конфискации имущества, конфискуют все мои имущество, ибо они рады будут найти предлог для этого. Поэтому я намерена оставаться на месте, и если я не доживу до встречи с моей дорогой дочерью и мистером Галловэем, пусть им покажут это как объяснение моих оснований, потому что у меня нет друзей, и я одинока, а здесь правит только выгода.

1 июля, четверг. В полдень я почувствовала себя очень дурно и была принуждена лечь в постель. Послала за соседкой Зейнс, когда она пришла, я была так слаба, что едва не лишилась чувств. Я откровенно поговорила с ней о моем положении и о том, что я боюсь умереть и что, пока меня не приготовят к тому, чтобы простить моих врагов и положиться лишь на Господа, я не смогу быть счастлива. Она подбодрила меня и вывела меня из этого уныния, я встала и съела немного пирога, попила; после этого я почувствовала себя лучше. Был дождливый день, Оуэн Джонс пришел ко мне поговорить о моем имуществе, потому что я послала за ним. Я поняла, что он не станет советовать мне покупать его, потому что это может ввергнуть меня во многие трудности. Он считает, что нельзя ничего поделать, только терпеливо ждать. Теперь я приняла решение оставить это без споров.

2 июля, пятница. Я была умеренно весела, но моя дорогая дочь не покидает моих мыслей. Боюсь, что в Англии дела идут плохо и что в этом году не прибудет никаких войск. Вечером были мистер Чу и Исаак Моррис; наконец, последний ушел, и мы с мистером Чу много разговаривали. Он сказал, что если я не намерена оставаться, то предъявлять права на свое имущество бесполезно, потому что таким образом я сделаю себя подданной государства, и мне не позволят уехать. Эта и другие причины заставили меня оставить все надежды на возмещение. Я вижу, что Чу мало надеется на то, что англичане сделают что-либо, но он отнесся ко мне лучше, чем бывало, и держал себя по-дружески. Думаю отправиться в Нью-Йорк в начале сентября. Очень беспокоюсь о дочери и Дж. Г.

3 июля, суббота. Очень жарко. Провела весь день одна, очень расстроена недостатком движения. Вечером приходил доктор Човет и посоветовал мне кровопускание. Я боюсь припадков из-за расстройства головы. Поскольку у меня бывает лихорадка, это может происходить оттого, что я долго была нездорова и боролась за то, чтобы продержаться. Душа моя не познает покоя, пока я не получу новостей из Англии.

4 июля, воскресенье. Сегодня мне было лучше. Очень жарко. Со мной пили чай Нэнси и Бекки Джонс, Полли Вартон и миссис Редмен. Я была очень весела и чувствовала себя лучше, чем прежде. Я разговаривала с ними о высокомерном поведении тех, кто хотел навязаться в друзья, но кто даже ради спасения моей жизни не одолжил бы мне экипаж, чтобы проехаться. Если где-то была больна лошадь, то мне бы, конечно, об этом сообщали, хотя никогда не предлагали мне прокатиться, пока не случалось что-нибудь того, что они не смогли бы пропустить мимо ушей.

5 июля, понедельник. Николас Уолн²⁹⁷ прислал свой экипаж, чтобы я прогулялась. Было ужасно жарко, но мы с Дебби поехали во Франкфорт и вернулись по *[РУКОПИСЬ ПОРВАНА]* дороге. Мне кажется, никогда в жизни не получала я такого удовольствия от поездки. Все казалось таким приятным, свежий воздух оживил меня. По дороге мы видели Э. Джеймса у его дома; он выглядел довольно мрачным, рассказал мне, что моя свекровь получила приданое. Но это неважно для меня, потому что они не могут продать мою землю. Сказал, что не знает, что мне посоветовать, но думает, что мои друзья в Англии, равно как и здесь, будут очень рады, если я не стану ничего просить у этих людей. В целом, я нахожу, что ни Эйбл Джеймс, ни Джон Томпсон, ни Нед Пеннингтон²⁹⁸

²⁹⁷ Николас Уолн (1742–1813) — квакер, священник, религиозный проповедник и миссионер. (См.: Scharf J. T., Westcott T. Op. cit. Vol. III. P. 1526–1527.).

²⁹⁸ Эдвард Пеннингтон (1766–1834) — один из сыновей Эдварда Пеннингтона-ст. (1726–1796), который в 1754 г. женился на Саре Шумейкер — сестре Самюэля Шумейкера — мэра Филадельфии. Их старший сын Иссак Пеннингтон (1756–1803) перед приходом британцев был арестован вместе с другими квакерами и выслан в Вирджинию.

не друзья ни мне, ни Дж. Г. Поездка была мне очень полезна; в этот вечер я не чувствовала вялости.

6 июля, вторник. Никогда не было жарче, чем сегодня, и я пошла к Зейнсам попросить Ханну Пембертон одолжить мне свой экипаж, но мужа не было дома, а она так холодно отнеслась к этому, что я пожалела о своей просьбе. И эти люди делают вид, что страдают мне, но могут спокойно смотреть на то, как я болею из-за недостатка движения, которое в их власти, но которое они не хотят предоставить тем, кому могут этим помочь. Не очень приятный вечер. О, как бы я хотела получить вести от Дж. Г. и моей милой дочери. Что до политики, то ничего, кроме молчаливого уныния для нас. Новостей нет.

7 июля, среда. Послала к Николасу Уолну за его экипажем. Он прислал мне сказать, что экипаж занят, но после обеда прислал его. Я заехала к Бекки Шумейкер, и мы поехали к ее дому. Она очень доброжелательна. Я не намеревалась ехать к ним. Когда я высадила ее [*У ЕЕ ДВЕРЕЙ*], то поехала к Томми Вартону. Он был очень рад видеть меня, он не может разговаривать, хотя он всеми знаками выказывал свое расположение. Сказал мне, что не сомневается, что все еще будет хорошо. Сегодня очень жарко, но при езде — приятно. Если я получаю хоть маленькое удовольствие, оно перечеркивается мыслями о моей драгоценной дочери и ее отце, о неопределенности нашей будущей судьбы, потому что мысли о них никогда меня не покидают. Я ранена только [*РУКОПИСЬ ПОРВАНА*]. Да защитит и убережет их Всемогущий Господь; и снова встретиться с ними — великое желание моей души. Дебби ужинала со мной, Смит²⁹⁹, как обычно, присутствовала. Ночью отдохнула мало.

8 июля, четверг. Провела весь день дома. Я сидела одна. Ничего замечательного. Только Чу забыл довести до моего сведения итоги своих размышлений о моих делах. Ничего нового. У бедняков всегда нет друзей. Я презираю это. К ночи

²⁹⁹ Соседка, жена Уильяма Смита.

компания под дверью. Поужинали вместе с Дебби. Ночью мне было очень дурно.

9 июля, пятница. Проснулась раньше 4 часов от ветра и грома. Встала, поняла, что очень нездорова. Не смогла хорошо выспаться после того, как мои нервы так расстроились, я очень дурно себя чувствовала. Пошла к соседке Зейнс и просидела с ней до шести и позже. Приходил Томми Моррис и вывез меня в своем экипаже. Я была очень слаба и истерична. Очень плохо себя чувствую из-за отсутствия вестей о моей милой дочери. Новостей нет.

10 июля, суббота. Очень плохо провела ночь и была очень нездорова. Видела соседку Зейнс. В этой простой женщине есть что-то такое честное и прямое, что я предпочитаю ее компанию большинству других. Я считаю, что она хорошая женщина, и в ней нет лицемерия, но она грубая и открытая. Приходила Лидди Ричи навестить меня, но она говорила так громко, а я была в таком унынии, что обрадовалась, когда визит был окончен. Ее мать хочет, чтобы я пришла к ним, но я попросила меня извинить, так как никакая перемена обстоятельств не изменит моего мнения о людях, которых я считаю дурными. Со мной случилась колика, я была вынуждена принять лекарство и пролежала в постели до полудня. Вечером зашел доктор Човет. Он советует мне отворить кровь, что я намереваюсь сделать завтра. Мое здоровье плохо, и я никогда так сильно не хотела увидеть мое милое дитя и Дж. Г., как сейчас. Надеюсь, Провидение исполнит мою молитву о счастливой встрече с ними.

11 июля, воскресенье. Проснулась раньше пяти, но чувствовала себя очень дурно и беспокойно. Встала, прошлась, застелила постель и снова легла. Наконец, заснула в полном замешательстве, но сон освежил меня. Встала поздно. Шел дождь. Послала за Джекобом, мне отворили кровь. Кровь густая, как кожа, и рыхлая. Рада, что это позади. Дала Джекобу доллар монетой. Он был очень рад, что я могу получать известия от своей семьи — [*СПРОСИЛ*] нет ли чего-нибудь хорошего для меня. Ночью были ветер и гром. Я очень дурно себя чувствую. О, если бы мне получить новости от моей драгоцен-

ной дочери и Дж. Г., что они счастливы и благополучны во всех отношениях. Да воззрит на них Господь и да содеет их во всех отношениях такими, какими он хочет, и дарует мне часть своей любви к ним.

12 июля, понедельник. Прошлой ночью приняла болеутоляющее и спала лучше; но испытывала боль и была нездорова весь день. Погода холодная и сырая. Билл Тернер с женой приходили поздно вечером. Я обошлась с ними прохладно, потому что не люблю таких фамильярных посещений от таких людей. Ночью [НРЗБРЧ.] и очень разбита. Новостей из Англии нет; что я могу поделать.

13 июля, вторник. Очень холодно. Заходила миссис Грейвз. Вскоре пришли миссис Чу, Салли с маленькой Гарриет, после миссис Уайт и молодой Джон Лоуренс; Ханна Вартон. Чу вели себя как обычно. Поскольку их обращение со мной явно показывает, что они смеются надо мной вместе с другими, я мало забочусь о том, как они себя ведут. Я глубоко уважаю миссис Уайт, хотя ее сын и дочь оба мне враги, но старая дружба не забывается. Дебби, я и соседка Смит ужинали вместе телятиной Дебби. Я совершенно недовольна той частью моей компании, которая поддерживает тори, но они скоро ушли.

14 июля, среда. Было холодно и облачно. Джон Томпсон пил со мной чай. Я честно сказала ему, что не жду, что Эйбл или он сделают для меня что-то, но что считаю Эйбла другом потому, что он сам это предложил. И не знаю, что я сделала, чтобы заслужить нынешнюю такую его холодность. Я думаю, что наговорила слишком много, потому что была в хорошем расположении духа. Я заметила, что Томпсон не сказал ничего в одобрение поведения Дж. Г., и это молчание кажется мне неумолимым, хотя он хорошо ведет себя со мной, но весь его круг составляют те, кто не уважает Дж. Г. Жаль, что я столько наговорила. Заплатила ему одиннадцать с третью за галлон спиртного. Он не хотел принимать плату, но я заставила его взять ее. Ужинала одна.

15 июля, четверг. После чая пришла миссис Лоуренс. Она очень приветлива со мной и уверена в успехе в отношении нашего дела. Я совершенно измучена и умираю от недостатка движения. От моей дорогой дочери никаких вестей. Я беспокоюсь. Ужинала одна. Очень нездорово.

16 июля, пятница. Обе миссис Бонд и Бетси Аллен³⁰⁰ пили со мной чай. Я держалась с женой Т. Бонда очень холодно и не обратила внимания на то, что она так давно не приходила навестить меня, потому что теперь я считаю ее не стоящей и презрения. Потом пошла к Фоксам с Исааком Моррисом и Дебби. Они заставили меня прогуляться кругом по площади. Благодаря этому я чувствую себя лучше, но я беспокоюсь из-за того, что не получаю вестей из Англии и не знаю, как мне быть. Ужинала одна.

17 июля, суббота. Вечером приходили Пегги и Бетси Джонс. Я говорила с ними о жестокости тех, кто притворяется моими друзьями и не вывозит меня с собой на прогулки, хотя знают о том, что жизнь почти зависит от этого. Сказала, что среди них есть заговор, но я презираю его, и если где-то есть больная или дохлая лошадь, то мне об этом говорят, так что можно подумать, будто я главный коновал этой местности. Но быть может, я еще смогу посмотреть сверху вниз на тех, кто торжествует надо мной. Бедная Пег Освальд; как я презираю это лебезящее создание, наделенное душой. Ходила с Исааком Моррисом и двумя барышнями к Шумейкерам. Ее не было дома; пробыла там недолго.

18 июля, воскресенье. Сосед Джонс и Бекки пили со мной чай. Я очень откровенно говорила о пренебрежительном отношении людей ко мне и сказала, что меня больше задевает отношение тори, чем вигов; я перечислила разные оскорбления, которые понесла. Наконец, пришел Човет, и за ним Крейг. Он держался по-дружески, но ужасно находиться в чьем-либо доме вместе целыми днями. Я должна быть смиренно благодарна им за то, что они сообразовали навестить меня. Мне не

³⁰⁰ Дочь Эндрю Аллена.

следует ожидать, что они пошлют за мной, чтобы я посмотрела на их дом изнутри. Крейг поужинал со мной и был очень приветлив. Я в довольно унылом расположении духа. Он хотел, чтобы я подала свое заявление. Ходила к Смитам и подытожила все поведение англичан во время войны и очень разозлилась на них. Там был Том Уэст, он ничего не говорил, но он так же зол на них, как и я. Боюсь, что говорила слишком свободно, но они не делают ничего для облегчения нашего положения, а армия, вместо того, чтобы защищать друзей, развлекает врагов. Они не озабочены ничем, кроме удовольствия³⁰¹.

19 июля, понедельник. Была очень нездорова, не отдохнула минувшей ночью. У меня сильная лихорадка, я очень слаба. Пролежала в постели допоздна. Услышала, что Уэйн³⁰² взял форт Стони-Пойнт, а Джонсон³⁰³ гнусно его оставил. Думаю, что для нас все кончено. Вечером приходила Молли Поллс³⁰⁴; заглянула Сидни Хауэлл, но я не смогла попросить ее остаться — была слишком больна. Добрый Исаак Моррис хотел, чтобы я дошла с ней до конца двора. Я поужинала одна, если можно так описать то, что я сидела и ела в присутствии других.

20 июля, вторник. Ходила к Смитам. Там была жена Рейнолдса. Она кажется слабой доброй женщиной. Я устала от

³⁰¹ Лоялисты были уверены, что если У. Хоу будет постоянно вынуждать Вашингтона к полевым сражениям, то Америку можно сохранить для Империи. Они не могли понять, как «... 24 тысячи отборных, обученных солдат позволили блокировать себя, в лучшем случае, пятнадцати тысячам жалких негодяев, почти неоплачиваемых, голодных и раздетых...» (См.: *Baxter B. Grace Growden Galloway: Survival of a Loyalist, 1778–1779* // *Frontiers: A Journal of Women Studies*. 1978. Vol. 3. № 1. P. 65.).

³⁰² Энтони Уэйн (1745–1796) — военный и государственный деятель США. Принимал участие в Войне за независимость, где его отвага и вспыльчивость быстро принесли ему чин бригадного генерала и прозвище «Безумный Энтони». Высшей точкой его военной карьеры была успешная атака на британские позиции 16 июля 1779 г. Уэйн лично возглавил 30-минутную ночную штыковую атаку на форт Стони-Пойнт (Нью-Йорк), который прикрывал нижнее течение реки Гудзон. Американцы смогли удержать этот форт всего несколько дней, но сам факт победы стал стимулом для морального духа армии, которая в то время потерпела ряд неудач. Континентальный Конгресс наградил Уэйна медалью за эту победу.

³⁰³ Генри Джонсон (1748–1835) — британский военный. Карьера началась в 1761 г., в 1775 г. в чине майора отправился в Америку, где генерал У. Хоу назначил его командовать батальонами легкой пехоты в операциях 1776–78 гг. В 1778 г. получил чин полковника.

³⁰⁴ Племянница Деборы Моррис.

общества. Говорила с ее мужем и молодым Оуэном Джонсом. Расстроена и готова уже смириться со всем потерянным. О, получить бы вести от моей милой дочери и ее отца. Самый большой враг Короля — это его же армия. Сегодня мне лучше, но я очень встревожена, утром приняла лекарство.

21 июля, среда. Мистер Уоллес обменял мне мойдор³⁰⁵ на двадцать, но я не видела его. Молли Крейг и Пегги Джонс пили со мной чай. Я сказала им, что думаю, что все кончено, будет дарована независимость, потому что армия ведет себя так, что предаст своих лучших друзей, своего короля и страну. Потом сказала, что поеду домой, потому что если я останусь здесь, то в случае, если я буду нуждаться в крошке хлеба, у меня нет друзей, которые могли бы дать мне ее. Сказала, что хватит добрых друзей, которые, я уверена, будут распускать слухи, как о других. Очень плохо себя чувствую из-за колик. У меня ничего, кроме боли и несчастья. О, получить бы мне вести из дома!

22 июля, четверг. Очень скучно. Ходила с няней к Бетси Джонс. Она говорит, что может продать мои стекла. Форт эвакуирован и разрушен континентальными войсками. Забрали 80 тонн пороха и 15 медных пушек, другое оружие и множество запасов. Джонстон и пятьсот человек взяты в плен. Говорят, что его подло сдали. Говорят, что Бен Чу меняет курс, потому что он так обходителен с людьми из Конгресса — даже с доктором Шиппенем³⁰⁶. Это меня не удивляет, но он не сбросит маску, пока не решит, что все кончено. Репутация его для другой стороны — плохая. Только британцы причина этой двуличности — все прочие презирают ее. Я нездорова, но чувствую себя лучше, в более бодром расположении духа.

³⁰⁵ Мойдор — португальская золотая монета, чеканившаяся с 1640 до 1732 г. Стоимость равнялась примерно 27 шиллингам.

³⁰⁶ Было два доктора Уильяма Шиппена — старший и младший. Старший, отец (1712–1801) — был одним из основателей и попечителей Колледжа Нью-Джерси, вице-президентом Философского общества, первым врачом в Пенсильванской больнице, делегатом Континентального конгресса в 1778–1780 гг. Младший, сын (1735–1808) — в 1776 г. пришел в медицинское подразделение Континентальной армии, в 1777–1781 гг. возглавлял его в чине директора-генерала.

23 июля, пятница. Ходила к соседям Зейнс. Там была Ханна Пембертон, они теперь очень меня любят и ведут себя со мной доброжелательно, по-дружески. За мной прислали из дома из-за прихода миссис Кокс и Нэнси Редмен. Я вижу, что Редмены не знают, что думать, а миссис Кокс боится, что ее вышлют. Поговаривают, что всех нас вышлют в Нью-Йорк. Я спокойна на этот счет.

24 июля, суббота. Просидела у себя в комнате почти до вечера. Выезжала вместе с Дебби в экипаже Николаса Уолна. Очень счастлива соседями — все они уважают и любят меня. Ничто меня не тревожит, кроме Дж. Г. и дочери; если они счастливы, то и я счастлива.

25 июля, воскресенье. Весь день шел дождь. Ходила к соседям Зейнс, они были добры ко мне, и я довольна ею [СОСЕДКОЙ] больше, чем кем-либо еще. Туда приходили Дебби и жена Смита. Мне стало очень дурно к вечеру, но они растерли меня и разговаривали со мной до тех пор, пока мне не полегчало; тогда мы заговорили серьезно, и соседка Зейнс не хотела отпускать меня. Когда я возвращалась домой к ужину, шел сильный дождь. После Дебби читала мне вслух историю Джеймса Нейлора³⁰⁷. Мне была противна ее манера смотреть слишком далеко, я не смогла слушать ее внимательно.

26 июля, понедельник. Сегодня было городское собрание³⁰⁸. Все в растерянности. Очень дождливый день. Я была мрачной и унылой и не получала удовольствия от компании, но

³⁰⁷ Джеймс Нейлор (1616–1660) — один из лидеров английских квакеров. Речь идет о книге *Naylor J., Kennett W. Memoirs of the life, ministry, tryal and sufferings of ... James Nailer, the Quakers' great apostle, who was try'd by the High Court of Parliament for blasphemy in 1656. With a faithful relation of his unparalleled'd sentence ... J. Roberts. London, 1719.*

³⁰⁸ «Городское собрание от 26-го числа, после одобрения планов по остановке печатания бумажных денег и поднятия доходов через сбор по подписке у населения, после одобрения идеи создания Ассоциации по регулированию цен, отложило на следующий день, а затем и ограничило себя в планах по созданию этой ассоциации». (См.: *The Pennsylvania journal, or Weekly advertiser. 1779, July 28.*)

вынуждена держаться. Много шума из-за Уайтхеда Хамфри³⁰⁹, генерала Кадваладера и Боба Морриса³¹⁰.

27 июля, вторник. Еще одно городское собрание³¹¹. И республиканское общество взяло верх над конституционным³¹². О том, чтобы выслать нас, женщин, ни слова, но я думаю, все они похожи³¹³. Миссис Редмен пила со мной чай. Она действительно вела себя со мной одинаково все это время, и я думаю, она правда любит меня. Я унываю и тревожусь, что флот не приходит. У меня была овечья голова на ужин. После ужина приходила соседка Зейнс. Я отношусь к этой доброй женщине с любовью большей, чем обыкновенная — она сдерживает мои страсти и успокаивает душу. У нас с ней союз, и я люблю ее больше, чем почти всех прочих. Да даст мне Господь увидеть моего мужа и мое дитя. Теперь у меня нет долгов.

28 июля, среда. Сырой и дождливый день. В одиночестве почти до самой ночи, пришли Исаак Моррис и доктор Човет. Он сказал мне, что флот прибыл³¹⁴. Но он так властен и упрям, что с ним невыносимо. Он богохульствует и слишком составился, чтобы мыслить верно, он заставляет меня падать, а не воспарять духом. Жена Смита ужинала со мной — я не могу быть одна. Устала жить такой беззащитной.

³⁰⁹ Уайтхед Хамфри (1732–1785) — во время Революции получал финансовую помощь от Верховного Исполнительного Совета для основания железоделательной мануфактуры.

³¹⁰ Роберт Моррис (1734–1806) — торговец, принадлежал к вигам, стоявшим на консервативных позициях. Член Ассамблеи Пенсильвании, председатель Комитета безопасности в Пенсильвании, член Второго Континентального конгресса в 1775–1778 гг., единственный суперинтендант финансов в истории США (1781–1784 гг.), получил прозвище «Финансист революции».

³¹¹ «Собрание проходило во дворе Ратуши 27 июля, для определения способа избрания нового Комитета... прошло под председательством Роберта Морриса. Было принято несколько резолюций и выбран комитет: Эндрю Кадвелл, Джеймс Уилсон, Шарп Делани, Уайтхед Хамфри, Бенджамин Раш, майор Дэвид Ленокс, майор Бенджамин Эйр, который должен будет публиковать отчеты о деятельности». (См.: *The Pennsylvania Gazette*, 1779, July 28.).

³¹² Речь идет о борьбе консерваторов и радикалов по вопросу государственного устройства.

³¹³ Вопрос о высылке жен и детей сбежавших лоялистов поднимался время от времени, но реальных шагов не было предпринято до июня 1780 г. (См.: *Pennsylvania. Colonial records*. Philadelphia: J. Severns & Co., 1852. Vol. 12. P. 377.).

³¹⁴ Речь идет о прибытии в Нью-Йорк британской шхуны «Арбутнат» со значительным подкреплением.

29 июля, четверг. Чувствовала себя дурно весь день. Говорят, что флот уже прибыл. Вечером приходили мистер [НРЗБРЧ.], миссис Лоуренс и миссис Аллен. Они [ПОРВАНО] новостей, но у меня для них ничего нет.

30 июля, пятница. Сегодня мне лучше, но все еще пребываю в глубоком унынии, потому что они ничего не делают. Континентальные войска уносят все до них. Вечером приходила Бекки Шумейкер, я сказала ей, что всех нас продали, что самые большие бунтовщики находятся в королевской армии, что все мы разорены и, я уверена, погибли. Очень беспокоюсь и сержусь. Думаю, что полковник Джонсон заслуживает расстрела за то, что позволил 1200 людям захватить форт с 600 людьми. Это был большой «подвиг», чем все, что когда-либо совершила британская армия.

31 июля, суббота. Пребываю в сильном унынии. Сегодня утром из форта привели 380 английских пленных — офицеров среди них нет³¹⁵. И я надеюсь, что всех их освободят. Вечером приходила миссис Лоуренс. Они все считают, что я в унынии и мне не нравится поведение англичан, что я думаю, что все потеряно, судя по английским газетам. Я нахожу, что они лгут больше вигов и не делают ничего, только мечтают и строят воздушные замки. Если только я могла бы быть вместе с моей дочерью, мне было бы легче. Когда я шла по переулку, то сначала одна, а потом и другая моя подвязка упали. А я достаточно суеверна и боюсь, что это не сулит мне ничего хорошего. О, как я хочу получить весточку от моей милой дочери и Дж. Г.! О Хоу³¹⁶, как я ненавижу вас. Теперь этот месяц кончился, и я нахожусь в такой же растерянности, оставаться ли мне или уезжать, как и шесть месяцев тому назад. У меня опухли ноги, так что я с трудом их передвигаю. Нервы мои так ослабли, что я боюсь, что не смогу перенести путешествия, и хотя мне становится хуже из-за [НЕДОСТАТКА] движения, никто не станет вывозить меня и не накормит

³¹⁵ Британские пленные из форта Стони-Пойнт прибыли в Филадельфию в последний вечер августа и были помещены в новую тюрьму. (См.: Archives of the State of New Jersey. Second Series. Ed. by W.S. Stryker. Trenton, N. J., 1901. Vol. III. P. 538.).

³¹⁶ Генерал У. Хоу, британский главнокомандующий.

меня, если я буду умирать. Обо мне вспоминают только затем, чтобы приходить и вытягивать из меня новости и заговаривать чуть не до смерти. О, прислужники времени, как я презираю вас. Наибольшее утешение — это соседка Зейнс с ее простым грубым обращением — я понимаю, что душа моя тоскует по честности. Она успокаивает мои чувства и приносит мир моей душе. Со мной ужинал Джон Степлер, и я заплатила ему за сахарную голову. Теперь я в лучшем расположении духа, чем прежде. О, я бы хотела добраться живой до Англии, до моих милых друзей, но все в тумане, и непроницаемая тьма окружает меня. Удастся ли когда-нибудь ее рассеять и буду ли я когда-то снова принадлежать кому-то, потому что сейчас я как пеликан в пустыне³¹⁷.

1 августа, воскресенье. Сегодня мне было лучше, и вместе с соседкой Смит и Дебби ходила навестить Ханну Пембертон. Дебби оставила нас, чтобы пойти на вечернее собрание — это квартальное собрание. Ханна была очень добра ко мне, и мы провели грустный, но не лишенный приятности день. Салли Зейнс пришла со мной домой; с ней друзья Дебби из деревни. Эти несчастные, кажется, хотят познакомиться со мной, и их взгляды полны любопытства и жалости. Я пошла и поговорила с ними. Зашла к Смитам, но она такая самодовольная дура, что я всегда испытываю отвращение, и только то, что больше некуда пойти, может заставить меня мириться с ней. Ум мой странно взволнован — Тернер с женой заглянули на пару минут сегодня вечером с английскими газетами, но я едва могу найти [МИНУТКУ] из-за такого разнообразия общества.

2 августа, понедельник. Весь день сидела у себя. Был дождливый день. Я воспряла духом благодаря газете из Нью-Йорка, которая позволяет надеяться на то, что что-то будет сделано. Она датирована 26 июля. Я обнаружила, что мистера Г. призовут свидетелем на процесс сэра Уильяма Хоу. Так что я не

³¹⁷ Отсылка к тексту псалма 101: 7–13: «Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле. Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня кланут мною. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами...» (Лев. 11:16,18; Втор. 14:15,17).

знаю, что и думать о его прибытии с флотом, но надеюсь, что дома для него что-нибудь сделают. Ужинала с Дебби и шестью друзьями из деревни. Эти честные невежественные люди счастливее всех на земле. Я рада видеть их обхождение.

3 августа, вторник. Сегодня мне было лучше. Ходила к Смитам и провела там вторую половину дня, но не получаю удовольствия от этой самодовольной глупой женщиной. Она очень любезна со мной, но не является достойным обществом. Вечером навестить меня приходили Оуэн Джонс-младший, Джеймс Торнтон и Томми Фишер, и поскольку они оказались здесь в одно и то же время, присутствие одного не давало мне поговорить с другим, как это обычно и бывает в моем доме. Бунтовщики взяли Гренаду и разбили флот Баррингтона³¹⁸. Шумное ликование по поводу этих новостей. Ходила к Смитам, но не задержалась там: эта бедная женщина пользуется своей беременностью восьмым ребенком, чтобы капризничать, а он [МУЖ] обращается с ней очень равнодушно. Я устала и вернулась домой. Смущена дурными новостями.

4 августа, среда. Подтвердились новости о взятии Гренады и т.д. Большая суматоха в кофейном доме. Я боюсь, что Англия и вправду потеряет Америку из-за подлости меньшинства, которое состоит целиком из предателей. Поссорилась с няней из-за того, чтобы позволить испортить [НРЗБРЧ.]. Она стала такой вялой и ленивой, что я устала, и совершенно не заботится о моих интересах.

5 августа, четверг. Выезжали с Дебби в экипаже Николаса Уолна навестить миссис Венаблс; но как я изумилась, увидев мою старую подругу в доме без окон и почти без мебели. Внутренности дома были разорены. Дом мира и гостеприимства стал бедным, покинутым зданием. Да будет стыдно

³¹⁸ Самуэль Баррингтон (1729–1800) — британский адмирал, участник Семилетней и Американской войн. В 1778 г. был послан главнокомандующим в Вест-Индию и прибыл на Барбадос в июне. В результате многочисленных сражений между англичанами и французами в Карибском бассейне, Гренада оказалась захвачена французской эскадрой под руководством гр. д'Эстена. 6 июля 1779 г. британцы под командованием Баррингтона пытались отбить остров, но не преуспели.

доктору Бонду, чья семья получила от нее хорошее состояние, который позволяет ей жить таким образом. И я узнала, что миссис Бонд навещает ее редко и совершенно поглощена своими удовольствиями — неблагодарная дрянь, которую должны презирать все добрые люди. Узнала, что миссис Венаблс плохо видит, но что за ней присматривают. Я сказала ей только, что миссис Бонд никогда не обращалась с ее матерью хорошо и что она не любит меня. Мы поговорили лишь немного. Она сказала мне, что ей почти семьдесят четыре. Никогда не видела более морщинистого лица или более изменившегося человека — мог ли этот дом лишь несколько лет назад быть домом отдыха и веселья? — и как негодно теперь оставлять его владелицу одну. Жаль, что она не может собраться с духом, чтобы эти негодяи сами пожали плоды беззакония за свое предательское и низкое с ней обращение. По возвращении нашла Бекки Джонс и миссис Редмен. Миссис Редмен осталась [НА] ужин. По всему городу были фейерверки и шутихи. Шумное празднование. Надеюсь увидеть лучшие времена, но пребываю в глубоком унынии.

6 августа, пятница. Весь день шел дождь. Мистер Сэм Уоллис и мистер Ричи пили чай у меня. Я была в добром расположении духа, потому что они не считают, что все потеряно. Говорят, что адмирал Беррингтон храбро сражался — это обрадовало всех нас, поскольку до настоящего времени англичане вели себя, мягко выражаясь, робко и осторожно — вовсе не как англичане.

7 августа, суббота. Очень нездорова. Не спускалась вниз почти до вечера. Странно, что не получаю никаких известий от моей дорогой дочери, и не знаю, как мне быть: уезжать или оставаться. Вечером сидели в моей комнате, и я подумала, что Дебби довольно бойко ведет себя со мной. Ни довольна, ни счастлива.

8 августа, воскресенье. До вечера была одна, потом зашла Сидни Хауэлл и посидела со мной некоторое время, но я не очень люблю ее, потому что на нее нельзя положиться. После ее ухода я отправилась в комнату Дебби. Мы с ней поссорились, потому что она сказала при Бакли, что английская армия

[НРЗБРЧ.], стоит порекомендовать некоторым из их генералов. Я сказала ей, что не следует просить милостей у офицеров армии, что я не хочу и не прошу милостей ни у кого. Я могу сказать, что никому ничего не должна в этом городе. Я могу нуждаться в крохе хлеба, но никто из них не даст мне хоть немного. Я хочу, чтобы она не представляла меня предметом бедствия таким людям, потому что ни один из них не сможет и не захочет помочь мне. Если [НРЗБРЧ.] стыдилась быть в долгу, как она могла подумать, я смогу перенести это, [НРЗБРЧ.] потеряв состояние больше, чем большинство других. Но все же я не должна смотреть на всех как на равных себе или позволять им считать, что я обязана людям, которые никогда не оказывали мне никаких услуг, потому что весь город гнусно обошелся со мной, боясь накормить меня. Но я ничего не хочу от них и заплачу каждому, когда буду уезжать. Мы обменялись гневными словами. Я ужинала одна, и я не останусь у нее, если снова увижу такое поведение.

9 августа, понедельник. Сидела у дверей. Пришла соседка Смит и посидела со мной. Было ужасно жарко. Молли Поттс грубо ведет себя со мной. Она злобная, угрюмая и с такими неприятными манерами, каких я никогда в жизни не видела у детей. Намерена больше не обращать на нее внимания. Исаак, Дебби и я дошли до Фоксов и обратно до дома. Я боялась идти пешком, потому что было так жарко, но боюсь, что умру от недостатка движения. Беспокоюсь и очень подавлена. Ох, если бы я знала, как мне поступить.

10 августа, вторник. Сегодня утром Эзра Камфорт принес мне чемодан с бумагами моей дорогой дочери. Это погрузило меня в печаль, была очень взволнована и нездорова целый день. Было очень жарко и ветрено. Пегги Роулс принесла мне письмо от мистера Г. и моей дорогой дочери, но ничто в них не доставило мне радости. Я думаю, что они были написаны при довольно смутных обстоятельствах. Я так разволновалась о дочери, что не могла простить Дж. Г. за небольшую заботу о своей семье. Я расстроена, и вижу одни лишь потери и печали, предстоящие нам. Боюсь, что моя дочь не получает внимания. Я несчастна.

11 августа, среда. Весь день шел дождь, и было очень жарко. Немного пришла в себя, но очень беспокоюсь [*ДВА СЛОВА ВЫМАРАНЫ И НЕ ЧИТАЮТСЯ*]. Нет для меня радости в жизни. Мои надежды, связанные с дочерью, разрушены. Весь день испытываю боль.

12 августа, четверг. Оуэн Джонс с женой, Нэнси и Полли Вартон. Они рассказали мне, что Эндрю Аллен³¹⁹ свидетельствовал против сэра Уильяма Хоу и произнес очень яркую речь, ему бурно аплодировали, а потом он бросал колкости о Маккензи³²⁰ и Беллфуре³²¹. Все они говорили, что считают Беллфура дурным человеком. Оуэн сказал мне, что люди размышляют, какую сторону занял бы Дж. Г. Я вижу, что им нужно уронить Дж. Г., чтобы поднять Аллена. Мы крайне несчастливая семья, вижу, что мы пропадем. Это наши хорошие друзья [*ДАЛЬШЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ НЕ ЧИТАЮТСЯ*]. На ночь приняла болеутоляющее. Сильный ветер. Полегчало, но спала мало.

13 августа, пятница. Нэнси и Самми Редмен приходили вечером и передали мне рассказ об Аллене и сказали, что Дж. Г. дал свидетельские показания³²². Я вижу, что никто не го-

³¹⁹ Эндрю Аллен (1740–1825) — юрист и чиновник в Пенсильвании. Сын успешного торговца, масона, лоялиста, прокурора и Главного судьи Верховного суда колонии Уильяма Аллена (1704–1780) Э. Аллен выступал против власти метрополии, участвовал в создании отряда милиции, лоббировал бойкот импортных товаров. В 1775–76 гг. — делегат второго Континентального конгресса, но радикальные действия патриотов вынудили его переметнуться на сторону британцев. Занимал активную политическую позицию. Был обвинен в предательстве, имущество конфисковали и он переехал в Англию.

В описываемый период он находился в Нью-Йорке, а его жена Сара — в Филадельфии.

³²⁰ Александр Маккензи — лейтенант-полковник 34 пехотного полка, квартировавшего в Филадельфии.

³²¹ Несбит Беллфур — майор 4 королевского пехотного полка, помощник У. Хоу во время Филадельфийской кампании.

³²² Дж. Галловэй, прибыв в Лондон, дал показания в комитете Палаты представителей по вопросу ведения войны. Он был одним из самых жестких критиков действия британцев и генерала У. Хоу. Этот опрос проходил прямо перед закрытием сессии Палаты, и Э. Берк потратил много времени, чтобы не допустить Галловэя к даче такого количества неблагоприятных свидетельских показаний. Позже Дж. Галловэй опубликовал эту беседу в отдельном памфлете со своими комментариями к ней. (См.: *Galloway J. The examination of Joseph Galloway, Esq: late Speaker of the House of Assembly of Pennsylvania. Before the House of Commons, in a committee on the American papers. With explanatory notes.* (London, Printed for J. Wilkie, 1779.) Farmington Hills, Mich: Thomson Gale, 2005.).

ворит [НИЧЕГО] в его пользу; этот [КЛЯКСА — НЕ ЧИТАЕТСЯ] собственнический интерес быстро растет. Вечером я спросила Смита об этом, он сказал, что слышал, что Аллен сделал себе большую честь и что он оказался тем, кем он всегда его считал: весьма понятливым и многообещающим молодым человеком этой эпохи. Потом, когда я спросила его, откуда пришли эти новости, он сказал, что из нью-йоркских газет. Я сказала ему, что слышала, будто в одной упоминалось, что мистер Г. тоже дал свидетельские показания. Он сказал: «Я ничего не слышал о вашем супруге», — очень коротко — и повернулся ко мне спиной, потому что мы стояли в дверях. Потом он обернулся, чтобы высмеять меня. Я пошла в комнату Дебби и рассказала ей об этом, потом сказала, что он самый безрассудный человек, кого я только знаю, что он учился у Бена Чу и выучил этот урок так же легко, как кошка научается лакать молоко. Итак, человека, который публично поддерживал их дело с самого начала, должно презирать, а негодяя, который всегда выступал за порабощение людей, превозносят до небес — чего я всегда и боялась. Дж. Г. слишком оптимистичен, а эти твари подкапывают под него. Но почему я так беспокоюсь, когда я знаю, что все потеряно. Смит стоял у дверей и слушал все, что я сказала Дебби. Он всегда стоит у меня под окном вечерами. Я бы хотела, чтобы этот безрассудный человек и его семья были подальше. Кажется, что весь мир объединился против нас; но моя рана — это забота о моей дочери, что ее враги будут торжествовать над ней. Я в совершенном смятении. О, как мы пали!

14 августа, суббота. Это самый жаркий и душный день, что я прожила. Сидела наверху допоздна. Ум мой сильно растревожен. Поговорила с Дебби о Смите. Сказала, что вижу, что он инструмент для хозяев³²³, но я хотела бы, чтобы она не передавала ему эти мои слова, поскольку не хочу ворошить это гнездо рядом с собой, они никогда не были друзьями мистера Г.³²⁴, и я знаю, что они будут торжествовать над моим не-

³²³ Имеются в виду Чу.

³²⁴ Джозеф Галловэй был членом Ассамблеи Пенсильвании с 1756 по 1774 гг. и спикером там с 1766 по 1774 гг. Он вместе с Б. Франклином вел непрерывную борьбу за то, чтобы обложить налогом имущество Пеннов, отнять у них право на управление

удобством. Но когда она спустилась к ужину, пришел Смит. Она говорила с ним, и когда вернулась, я узнала, что она рассказала ему все, о чем я просила не говорить ему. Но она так неполно пересказала мне их разговор, что я подозреваю, что моя хорошая подруга — против меня. Кажется, что весь мир вооружился против нас. Она приказала экипажу Уолна отвезти нас к дому Джорджа Миффлина, но было так ужасно жарко, что я не поехала. Соседка Зейнс зашла, когда я была еще не одета, и сидела со мной. Потом я пошла к ней после обеда. Вечером Смит сидел у дверей с нами, но я не стала разговаривать с ним. Я в большом унынии и несчастна.

15 августа, воскресенье. Очень жарко и дождливо утром. Прояснилось после полудня. Колики — плохо себя чувствовала, я в таком унынии и расстройстве, что едва жива. Смит с женой сидели у наших дверей вечером. Мы разговаривали вместе, я не помирилась с ним, но мы не говорили на эту тему. На ночь приняла болеутоляющее. О, что же *[БУДЕТ]* с нашей семьей? Я пала духом так, как это только возможно, и так расстроена...

16 августа, понедельник. Абрахам приходил, чтобы купить мое право на мое имущество, но я не захотела его видеть. Дебби поднялась наверх и казалась очень недовольной тем, что я не хочу продавать право на свое имущество. Наконец, она вынудила меня сказать, что я продам, если получу его полную стоимость в звонкой монете, она была такой рьяной, что я удивилась этому. Я не могла найти себе место, была не в духе, очень расстроена, тогда как она выглядела важной и сдержанной. Я не знала, что и подумать. Но вечером меня пришел навестить мистер Кин. Погода была очень жаркой. Поскольку он человек, который не проявлял ко мне дружеского отношения, я была не рада его обществу и говорила очень откровенно о несправедливости государства. Он сказал мне, что я должна упомянуть это в заявлении. Я ответила, что они

и ввести в колонии прямой контроль короны. Вне зависимости от его юридической деятельности, он был одним из главных лидеров фракции квакеров. Бенджамин Чу же, напротив, был одним из главных чиновников при правлении собственников и одним из их ведущих правовых консультантов.

знают, что не имеют права на мое имущество, и я не буду просить, как о милости, о том, чем имею право распоряжаться, что я никогда не признавала и не признаю их власть, потому что я англичанка и не могу быть предательницей по отношению к этому государству. Если бы они были мужчинами, не говоря уж о джентльменах, они бы покраснели из-за своего жесткого обращения со мной и подобных вещей, имевших тот же результат. Он собрался уходить, когда Дебби выбежала со словами «Неужели ничего нельзя сделать для нашей Галловэй?». Он снова уселся, она тихо заговорила с ним о моих делах, и я поняла, что она рассказывает ему все, о чем мы по секрету разговаривали прежде. Я останавливала и держала ее много раз, но она продолжала жаловаться. Наконец, она сказала ему, будто я упоминала, что мое имущество стоит тридцать тысяч фунтов. Тут я рассердилась сверх всякой меры и сказала, что я не говорила ей этого. Кин понял, что мне неприятно то, что с ним советуются, и он ушел. Тогда я спросила ее, почему она заговорила с ним об этом. Она ответила: «А что, он же не виг». Я сказала ей, что он человек, о котором у меня нет мнения и что я в состоянии решить для себя чего я хотела бы, чтобы она не утруждала себя заботой о моих делах. Чем больше я думаю о ее наглости, тем больше сержусь. Она очень разозлилась и легла спать прежде, чем я поужинала. Смит и я закончили нашу ссору прошлым вечером, теперь мы друзья. Он сказал мне ничего не делать, пусть все идет само собой. Меня очень огорчает то, что со мной обращаются, как с ребенком, меня это задевает.

17 августа, вторник. Утром меня очень расстроило поведение Дебби. Я думаю, что ее подстрекают какие-то мерзавцы, которые хотят получить мое имущество за бесценок. И поскольку она так любопытствует о моих делах и так сдержанна в отношении своих, я не могу думать о ней так же хорошо, как раньше. Намерена покинуть ее дом, если у моих подозрений будут серьезные основания. Она пошла к своему брату Энтони и провела там весь день. Я очень подавлена и думаю, что весь мир против нас; теперь все потеряно. О, мое дитя. Я не смею думать...

18 августа, среда. Продала два стекла за шестнадцать фунтов. Слышала, что моя свекровь пытается заполучить Ришелье, Белмонт и *[НРЗБРЧ.]*, потому что ей отдали и ее наследство, и ее ренту. Сначала я была очень раздосадована, но потом почла за лучшее успокоиться. Дурно чувствовала себя из-за колики, если эти потрясения продлятся еще долго, я впаду в отчаяние. Те небольшие деньги, которые я получила за стекла, помогли подбодрить меня — так я унываю. Чу — это *[РУКОПИСЬ ПОРВАНА]* шайка, что когда-либо существовала. Очень дурно себя чувствую и пребываю в унынии — что же мне делать.

19 август, четверг. Нед Пеннингтон пил со мной чай. Он сказал, что продажа Ришелье, Белмонта и Кингс-плейс³²⁵ остановлена из-за его тети, что она получила наследство и содержание³²⁶. Мы много разговаривали, я спросила его, справедливо ли это и не выйдет ли это, как будто кто-то воспользовался моментом. Он сказал, что ей сначала посоветовали заявить свои права на наследство, но он разубедил ее, но теперь она не смогла жить без него. Я спросила его, как, по его мнению, я живу. Он ответил *[ПОРВАНО]* я просто не знаю. Я сказала ему, что не имею намерения начинать споры и что предпочитаю, чтобы его *[НАСЛЕДСТВО — ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ВЛАДЕНИЯ]* получила она, нежели другие. Я спросила его, стоит ли мне, по его мнению, купить его. Он сказал, что если будут продавать дешево, то да, но не посоветовал бы никому покупать его для меня. Он пошел к Льюису узнать, нельзя ли помешать уничтожению леса этими негодьями. Я просто в растерянности, потому что многие ждут покупки и открыто говорят, что они уничтожат лес. Некоторые говорят, что они не оставят на земле даже пня. Я знаю, что он уйдет за бесценок, но если я его куплю, то мне не позволят уехать из страны или конфискуют все мое имущество. Кроме того, налоги будут съедать весь доход, и я не смогу ничего скопить.

³²⁵ Это были три поместья или три участка, унаследованные Грейс Галловэй от ее отца и конфискованные властью на время жизни ее мужа. Миссис Галловэй обращалась в Верховный исполнительный комитет с прошением отдать их ей вместо ежегодной ренты, но просьбу отклонили. (См.: Pennsylvania. Colonial records. Vol. XII. P. 77-78.).

³²⁶ В декабре 1779 г. ей заплатили 650 фунтов вместо ежегодной ренты, положенной ей по завещанию. (См.: Pennsylvania. Colonial records. Vol. XII. P. 191-192.).

Это снова ввергнет меня в их власть — облагать меня налогами по их усмотрению. Кроме этого, у меня нет друзей, которые могли бы вести за меня дела, а я не могу вести их сама. Я буду вынуждена позволить плохим арендаторам портить мой лес так же, как если бы меня здесь не было, а притворщикам, вероятно, меня обманывать — честных людей мало, а незаинтересованных нет вовсе. И наконец, я не могу находиться без моей драгоценной дочери, к чему меня вынудит и сделает пленницей эта покупка. С другой стороны, я не могу вынести того, что мое дитя потеряет все свое наследство и что все будет разрушено. Все так темно, что я не имею надежды на Англию, и никто не даст мне совета, как поступить. Я в совершенной растерянности, меня одолевают заботы, потому что я боюсь, что моя дорогая дочь потеряет все. Поскольку она далеко, я боюсь, что ей не позволят получить наследство от меня, если я умру здесь. В целом я думаю, что я должна отправиться домой, потому что никакая дружеская рука не протягивается, чтобы подбодрить мою погруженную в уныние душу или помочь ей. Я должна довериться только Господу. Никогда я не была в таком большом затруднении. Ровно год назад в этот день меня выгнали из дома, но сейчас моя беда втрое больше, потому что все потеряно, и мы разорены³²⁷. О, мое драгоценнейшее, драгоценнейшее дитя! Мое сердце готово разорваться. Я приняла ночью болеутоляющее, чтобы оно успокоило меня. Сара Зейнс говорит мне оставить это; но никто из моих предсказанных друзей не приходит ко мне. О, да буду я направлена на верный путь в этом огромном деле.

20 августа, пятница. Встала поздно. Болеутоляющее не помогло мне успокоиться — покоя не было. Еще не решила, как быть. Думаю, что лучше всего оставить все, но интересы моей дочери склоняют к покупке, но могу ли я оставить ее и не быть с ней вместе. Почти сошла с ума. Дебби ко мне не подходила. Я сидела у себя, но после обеда ходила к Смитам. Сказала ей, что то, что она сказала мне, что Дебби — виг, это правда, и в самом деле все ее поведение необычно. Оттуда

³²⁷ Дом, который у нее отняли, стал резиденцией испанского посла.

пошла к Зейнс. Нед Пеннингтон прислал мне письмо утром, а Льюис вечером о том, что вице-президент Брайан сказал ему, что они примут все меры предосторожности, чтобы не допустить разрушения или опустошения земли, но Билли Смит говорит, что это туманный ответ и что они не хотят или не могут ничего с этим поделать. Дебби ужинала со мной, но я не могу открывать ей душу, как обычно. Погода очень жаркая, влажно, очень душно и нездорово. О, мое дорогое дитя.

21 августа, суббота. Сегодня была спокойнее, в лучшем расположении духа. Томми Моррис очень добр и прислал ко мне Самюэля Родса, а тем временем пришел Эйбл Джеймс, за которым не посылали. Он сказал мне, что виделся с генеральным прокурором³²⁸, чтобы узнать, разрешают ли они покупателям рубить лес, но не смог получить от него никакого ответа. Но он с большим уважением говорил обо мне и моей дочери. Эйбл надеется, что он даст благоприятное заключение, но посоветовал мне купить Тревоз и Вандергрифс из-за леса. Он считает, что Дарем³²⁹ пострадает мало, и предложил купить его для меня под опеку. Я с радостью приняла его предложение и сказала ему, что пусть он будет руководить мною. Тогда он спросил С. Родса, присоединится ли тот к нему, и Родс согласился. Доброе и дружеское поведение Эйбла подбодрило меня. Уходя, он попросил меня написать письмо, что бы я хотела сделать. Письмо я написала и послала с Билли Смитом на следующее утро. Вечером приходил Фишер, но такой пьяный, что смог только выразить свое дружеское расположение и готовность спасти меня. Я приободрилась, поняв, что у меня есть несколько друзей. Я закончила письмо к Эйблу уже после двух часов, и я была так возбуждена, что не спала всю ночь.

³²⁸ Джонатан Дикинсон Сергент (1746–1793) — юрист, главный прокурор. Закончил Принстон, стал адвокатом. Был членом Континентального Конгресса в 1776–1777 гг., министром юстиции Пенсильвании в 1770–1780 гг., затем отказался от всех постов, чтобы заняться юридической практикой.

³²⁹ Тревоз, Дарем и Вандергрифс — имения, которые конфисковали у Галловзев.

22 августа, воскресенье. Билли Смит вернулся под вечер и сказал, что Эйбл и Сэм Родс уехали к Киду³³⁰, а он собирается поехать утром. Адвокат Льюис пил со мной чай и сказал, что мог бы продать право мистера Г., что позволило бы ему продавать лес, но он известит меня утром, какое заключение было отправлено агентам. Я хорошо поужинала, приняла болеутоляющее и чувствую себя лучше.

23 августа, понедельник. Я очень дурно себя чувствую. Мистер Льюис оставил мне записку, в которой сообщал, что заключение генерального прокурора было таким, каким я хотела: они не могут рубить лес или причинять вред. Это воодушевило меня и наполнило благодарностью, но я была так нездорова, что не покидала свою комнату почти до вечера. Ходила к соседке Смит. Она сказала мне, что через месяц ожидают англичан и что она считает, что лучше не покупать. Но я придерживаюсь другого мнения, потому что боюсь, что англичане не станут снова располагаться здесь. Бунтовщики захватили 150 человек при Паулис-Хук³³¹ без единого выстрела. Сегодня здесь большое празднование по случаю дня рождения французского короля³³², и на перекрестке на Маркет-стрит у наших дверей устроен помост для запуска фейерверков. Я прошла только до угла тупика. Но когда я увидела помост напротив моего собственного дома, который находится в распоряжении президента, не смогла долго стоять и подумала, что этот дурной человек³³³ захватил наш дом и запасы дома Дж. Г. Сегодня все мое состояние может покинуть мою семью, или же я должна купить его. Несмотря на то, что теперешние признаки плохи, я не унываю. Мысль

³³⁰ Джон Кид — одно время был судьей квартального суда и суда по гражданским делам графства Бакс. (См.: Pennsylvania. Colonial records. Vol. IX. P. 393.).

³³¹ Сражение 19 августа 1779 г. у Паулис-Хук на р. Гудзон у города Джерси-сити. Форт был оставлен американцами после битвы на Лонт-Айленде. Патриоты во главе с майором легкой кавалерии Ричардом Генри Ли совершили ночной налет на форт, захватив 158 пленных, которых отправили в тюрьму в Филадельфию. После этого британцы потеряли контроль над большей частью Нью-Джерси. Ли был награжден за операцию золотой медалью Конгресса, единственный из не-генералов.

³³² По приказу Совета звонили в колокола, запустили несколько ракет и устроили другие развлечения, в соответствии со строгой экономией, но достаточные, чтобы занять внимание людей и ввести традицию торжеств по случаю годовщин рождения короля.

³³³ Испанский посол.

о спасении моего имущества от уничтожения является бальзамом для моей души. Никто и в нашем тупике не смог вынести этого зрелища, но [НРЗБРЧ.] огромное скопление людей. Они ликуют над моим крахом. Дебби и я ужинали уткой, которая у нее была, и мы обе были вполне довольны. Я думаю, что дело наше вполне кончено. И главный [НРЗБРЧ.] и королевская армия и при его дворе. Ночью не так жарко.

24 августа, четверг. После обеда сидела с соседкой Смит. Погода очень жаркая, душная и дождливая. К ночи домой пришел Билл Смит и сказал, что они просят слишком дорого, чтобы я могла купить что-либо из своего имущества, что все почтенные люди были моими друзьями и действовали от моего имени при продаже и горячо участвовали в деле, а именно Джон Кид, [НРЗБРЧ.] Пенроуз, Ричард Гиббс, Джон Джилл, Томми Дженкс и его брат с другими. Он сказал, что против меня не выступал никто, кроме этого молодого Сэдлерса, сын купил участок Кида, и не было оглашено никаких ограничений на ущерб. ... Это очень меня опечалило, пришли Салли и Пегги, я ругала английскую армию и сказала, что они меня разорили. Они ушли, потому что мои слова им не понравились, но после, посоветовавшись со Смитом, я успокоилась и легла в постель более собранной, но у нас с Дебби вышла небольшая размолвка, потому что Смит сказал, что сын Моргана³³⁴ заявил, что ждет меня в Дареме. Я сказала Дебби, что я верю этому. Она думает, что я не стану покупать.

25 августа, среда. Сэм Родс и Эйбл Джеймс приходили утром, они хотели, чтобы я заплатила Уилсону³³⁵ и предъявила права

³³⁴ Джекоб Морган (1742–1802) — полковник, служил в британской армии, принимал участие в Семилетней войне, поселившись в Филадельфии, успешно занимался торговлей. В начале революции встал на сторону патриотов, в 1776 г. занял пост полковника милиции. В 1780 г. назначен суперинтендантом Континентальной армии и распорядителем транспорта в Филадельфии. Оба поста занимал до конца войны.

³³⁵ Джеймс Уилсон (1741–1798) — шотландский юрист, один из отцов-основателей США, подписал Декларацию независимости. Дважды был членом Континентального конгресса и судьей Верховного суда США. Присоединился к патриотам в 1774 г., опубликовав «Рассуждение о природе и размере законодательного влияния британского парламента». Дослужился до чина бригадного генерала Пенсильванской милиции, а с 1776 г. входил в Комитет по шпионажу вместе с Д. Адамсом, Т. Джефферсоном, Д. Ратледжем и Р. Ливингстоном. В 1779–1783 гг. занимал должность военного прокурора Франции в Америке.

на свою собственность. Родс собирался написать Будиноту узнать его мнение и изложить дело. Оуэн выступает за то, чтобы я попыталась помешать ущербу, но не говорит о предъявлении прав. Он уверен в успехе, но Эйбл и я сдались. Мы думаем, что англичане не смогут ничего поделать, и страна потеряна. Очень жарко, часто случаются ливни.

26 августа, четверг. После обеда сидела у Смитов. Туда пришел Эйбл, я дала ему пять гиней уплатить Уилсону. Смит пошел к Чу, который сказал, что всегда думал, что закон не дотянется до моей собственности. Но поскольку это в основном зависит от Маккина, он думает, что закон не будет принимать во внимание, потому что если бы он не был против меня, то мое имущество не продали бы. Я придерживаюсь мнения, что деньги будут выброшены впустую, но всегда буду стараться для моей дорогой дочери. Я в глубоком унынии, они пытаются подбадривать меня. Погода не ясная, но очень прохладно. Сегодня я более спокойна.

27 августа, пятница. Сегодня сдались еще некоторые, но я думаю, что все потеряно. У меня был только документ на 1/24 долю Дарема, но я обнаружила, что он сделан только на имя Дж. Г. О, как этот несчастный несправедливо поступил со мной и моим ребенком. Этот документ отрезает от моего имущества всю воду. Он был так низок, чтобы забрать ее из моей семьи. Кажется, что эти люди еще не объявили о ней, но если объявят, мы должны купить ее. Несправедливое поведение этого человека совершенно [НРЗБРЧ.] мое настроение. Его дурное поведение разорило меня. Я не могу рассказать всему свету, что ругаю английскую армию за их низость и предательское поведение. Вечером приходила Джесси Джонс. Я разговаривала с ней очень откровенно и сказала, что все наше продали и что нас сделали нищими. Прогулялась с Салли Зейнс к Тернерам и по возвращении обнаружила тут Пегги и Бетси Джонс. Поговорила с ними таким же образом и сказала, что теперь ненавижу обе стороны, и сказала, что нас предали. Теперь все почти сдались. Взят большой корабль³³⁶,

³³⁶ 50-пушечный «Экспериментел» под командованием коммодора Джеймса Уоллеса.

пришедший сюда, один из флота. Англичан везде побеждают. После ужина Дебби сидела со мной, и я была так подавлена, что не смогла сдержать слез. Мое драгоценное дитя, что я могу для тебя сделать. Что до Дж. Г., то, хотя я испытываю к нему некоторую привязанность, все же я презираю и ненавижу его тщеславие и низость. Теперь я по-настоящему настроена против него. Хотя я никому не говорю этого — так тяжелее нести это, но вся его недоброта существует у меня в голове и вся происходит от расстройства и растерянности. Кажется, я совершенный изгой человечества, и тысяча кинжалов ранит мою душу, когда я понимаю, как этот человек обманывал меня и дурно со мной обходился. Если бы не моя драгоценная дочь, я бы гораздо охотнее приняла бедность, чем жила бы с человеком, который хотел захватить все, что я имею, но при этом обращался со мной хуже, чем с рабыней. И я боюсь, что моя дочь будет ощущать его дурной нрав, потому что он [НРЗБРЧ.] ... делает что-то для поддержки своей семьи. Я никогда не буду больше жить вместе с ним.

28 августа, суббота. Встала до одиннадцати, чтобы повидаться с Эйблом. Он пришел; я нахожу, что Уилсон уже не так уверен в успехе, пока не высказал свое заключение, но 1\24 часть Дарема будет продана навсегда, и говорят, что есть еще два участка, которые Дж. Г. продал. Если это правда, то он обманул меня — и мысль об этом совершенно меня опустошила. Я могу сносить от своих врагов, но быть обманутой мужем — это слишком. Однако он разорил нас всех. Душа моя в смятении. Я не знаю, что делать. Обедала с Дебби, но чувствовала себя так плохо, что была принуждена лечь. В большом волнении и тревоге встала. Исаак Моррис сидел со мной некоторое время, но ничто не может ободрить меня, потому что я не могу рассказать, что меня ранит. Мои друзья не могут утешить меня, они думают, что это только из-за потери моего состояния, но рана моя происходит от неблагодарного поведения Дж. Г., я краснею за него. Его поведение не выдает в нем честного человека, но понятно это только няне. После обеда ходила к Зейнсам и чувствовала себя очень дурно, но через некоторое время мне полегчало. Я более спокойна, но расстроена невыразимо. Все мои надежды и замысли разрушены. О, мое дорогое дитя!

29 августа, воскресенье. Дочь Генри Дринкера и ее тетя приходили меня навестить. Я сказала им, что думаю, что все кончено. Вечером приходили миссис Крейг и миссис Лоуренс. Я не могла поужинать до позднего часа. Теперь пришла к себе и нахожусь в своем обычном состоянии духа. ... Сказала миссис Лоуренс, что была вчера так подавлена, что попросила няню убрать книги и оставить только Библию и [НРЗБРЧ.]. Я все еще имею некоторые надежды, в которых нахожу радость. О, мое драгоценное дитя, для тебя я вынесу все.

30 августа, понедельник. Очень плохо чувствовала себя весь день. Миссис Редмен и Джон Томпсон пили у меня чай. Я откровенно разговаривала с ним в задней гостиной. Он думает, они хотят, чтобы ради своего имущества я опустилась до гнусного предательства, чего я не сделаю. Сказала ему, что поступок Дж. Г. ранил меня гораздо больше, чем все то, что совершили провинциалы. Лейтенанта Хила посадили в тюрьму и надели кандалы, потому что так поступили с Каннингемом в Нью-Йорке³³⁷. За ним послали из Рединга без всякой причины для недовольства. Он долго был в плену освобожденным под обещание не участвовать в военных действиях. Не знаю, как мне быть. Все отказались от этого дела, кроме женщин и нескольких слабых мужчин. Если только они не станут сражаться с Вашингтоном, они причинят нам вред и разрушат все дело своим приходом сюда³³⁸. Не знаю, куда мне идти.

31 августа, вторник. Не спала всю ночь, только утром заснула очень беспокойным сном. Мне снилось, что Гриффин написал письмо моей дочери, я разговаривала с ним, он был празднично одет. Проснулась в сильной тревоге. Полли Байлс и Эйбл Джеймс обедали со мной холодной ветчиной. Уилсон еще не

³³⁷ В июне 1779 г. печально известный капитан Каннингем, захвативший много вражеских судов, был отправлен в кандалах в Нью-Йорк для суда над ним за пиратство. Вопрос о судьбе капитана поставила перед Конгрессом его жена Энн. Было решено, что лейтенант Кристофер Хилл понесет такое же наказание, как и Каннингем. Британские власти в ответ на протест Конгресса ответили, что Каннингем не пленный, а опасный преступник. (См.: Pennsylvania archives. First Series. Vol. XII. P. 675.).

³³⁸ Ходили постоянные слухи, что британцы намереваются еще раз захватить Филадельфию.

высказал своего заключения, но я сказала Эйблу, что если никто не присоединится ко мне, я не буду заявлять свои права, потому что едва ли они отдадут мне мою собственность, это будет выбрасыванием денег на ветер. Но если я смогу не дать покупателям наносить ущерб, этого будет достаточно для моих ожиданий. И я вижу, что Эйбл довольно прохладно к этому относится. Байлс поддерживает обсуждение, но я не буду брать на себя расходы за других. Теперь я спокойнее, потому что я не буду судиться одна. Сегодня заплатила Бетси Джонс за купленное 5 шиллингов 15 [НРЗБРЧ.].

1 сентября, среда. Последние много дней погода очень холодная. Я пребываю в глубоком унынии, потому что понимаю, что все мое заявление, вероятно, провалится. Я не вижу смысла выбрасывать на ветер пять гиней, чтобы заплатить Уилсону, когда я уже получила заключение адвокатов. Ничего не делается, как и с просьбой к Маккину не допустить ущерба. Я не должна оплачивать выгоду других людей, меня это никак не касается. Все это и истощение моих небольших запасов удручает меня. Не получаю вестей от моей дорогой дочери. Мир не оставил мне ничего, кроме своей жалости. Рассказала Билли Смит о пустом поведении Полли Байлс. Жалею, что сделала это — пусть они сами выведут ее на чистую воду. С Сидни Хауэлл случился несколько дней назад апоплексический удар. Все безрадостно и темно во всех отношениях. Открыла третью бутылку спиртного из тех, что стоят в заднем шкафу. На мой взгляд, она слабее. Ключ сломан, не могу держать спиртное под замком.

2 сентября, четверг. Прошлым вечером приняла болеутоляющее, но пошла на свадьбу Саки Джонс. Она вышла замуж за Джона Нанкарио. Хотя я не присутствовала на собрании, но подписала свидетельство³³⁹. Они прислали экипаж с Джонатаном Джонсом, чтобы доставить меня туда. За обедом присутствовало больше сорока человек, но мы с Молли Джонс

³³⁹ В соответствии с традициями Друзей (квакеров) заявление о женитьбе записывалось в «сертификат», который подписывали брачующиеся. Затем его зачитывал специально выбранный квакер. После этого любые или все присутствующие расписывались как свидетели.

разговаривали по большей части вдвоем, ужинала я там же, но поспешила домой до десяти часов. Дебби вернулась в экипаже вместе со мной. Ничего неприятного не произошло. Но я не получила удовольствия, потому что не привыкла достаточно к обществу Друзей, чтобы вести себя во всем как они. Мысли о долгом расставании с моей дорогой дочерью и о неизвестности того, как она живет, вместе с уверенностью в том, что все наше имущество здесь уходит из рук, а я не могу получить содержание, почти совершенно меня сломали. В душе моей царят лишь меланхолия и смятение. Испания объявила войну Англии.

3 сентября, пятница. Дождливый день. Встала поздно и очень нездоровой. Беспокойная ночь. Дурные сны. Провела весь день в одиночестве. Никто теперь не подходит ко мне близко — теперь я ниже их внимания. О мир, чего желать от тебя, когда только преуспевание встречают с улыбками, а неодобрение и презрение достается неудачникам. Неблагодарность и невежество несут перед собой все; а от честности и злоключений бегут, как от заразы. Надменные взгляды низких и подлых людей теперь заставляют скромную добродетель склоняться перед ними. Ходила к Смитам, но у него было общество, а жена его не может принести утешения разуму. У меня дурные предчувствия, что мое дело обернется против меня. Эйбл и другие упускают время и не делают ничего для меня. Все это и опасность моего благополучного возвращения домой, если я попытаюсь его осуществить, очень меня угнетают. Дитя мое всегда в моих мыслях. Няня ведет себя не так, как ей следует, я не имею друзей, но забота моя о моей дочери.

4 сентября, суббота. ... была у себя в комнате, делала ковер из плохой части моего старого. Вечером очень холодно. Ходила ненадолго к Смитам, и в это время навестить меня пришел Николас Уолн. Он посоветовал мне добавить подробное изложение всего, что я и намереваюсь сделать. С англичанами, я боюсь, все проиграно. Я погибла. Написала письмо Маккину, которое не отправила. Всю ночь была жестокая лихорадка, я почти металась, боль была сильной. К утру стало лучше.

5 сентября, воскресенье. Была очень слаба и нездорова, миссис Чу и Пегги пили со мной чай. Они уезжают жить в деревню. Они были любезнее, чем иной раз, но я очень подавлена. Показала Билли Смиту мое письмо. Ему оно не понравилось. Мне нездоровилось ночью, снова приняла болеутоляющее. Сегодня хоронили маленькую Поттс.

6 сентября, понедельник. Приходили Эйбл Джеймс и Смит и сказали, что я должна послать предупредить покупателей, чтобы они не наносили ущерба. Просили меня послать к Джону Чу и Джону Лоуренсу, что я и сделала. Погода не такая холодная, как прежде. Послала за мистером Уоллесом, чтобы мне принесли кофе, спиртное, соль и сахар. В городе их почти не достать, потому что комитет снизил цены, а торговцы не хотят продавать по их цене и не хотят посылать еще за товаром. В городе не достать муки, у рыночных торговцев забрали все масло, не позволено выносить из города ничего без разрешения. Очень подавлена и не знаю, как я буду жить. От моей дорогой дочери никаких известий...

7 сентября, вторник. Джон Лоуренс, Сэм Родс и Исаак Моррис пили тут чай. После пришел мистер Ши, я попросила его пойти с Джонни предупредить покупателей, чтобы те не рубили лес, что они пообещали исполнить. Ханна Вартон тихонько вошла совсем перед закатом, как она обычно делает. Мне пришлось повидаться с ней, хотя я не хотела подобных визитов. С. Родс понял, что разговора не будет, и пошел к Смитам. Я отправилась за ним и сказала, что мы предприняли действия, но я понимаю, что все их заявления о моем предъявлении прав пропали. Что до Эйбла и Билли Смита, они так увлечены делом Полли Байлс, что я полагаю, мало думают о моем. Зашли к Смитам, но он считает себя теперь важным человеком для меня, подумать невозможно, насколько он тщеславен. Он сидел и расхваливал себя — что он самый лучший друг в мире, один из первых гениев века. Снес мое вино и спиртное вниз по лестнице в гардеробную. Там 18 бутылок вина, 15 бутылок спирта, 3 бутылки в оплетке, 1 наполовину наполненная малиновым бренди. Я очень несчастна, потому что мне не нравится поведение моих друзей, я подозреваю, что они больше думают

о других, чем обо мне. Виги воодушевлены. Предложение независимости.

8 сентября, среда. Жаркий день. Недолго посидел Джо Поттс, сразу после наступления темноты пришла Билли Редмен и ушла после десяти. Я так устала от того, что люди сидят здесь поздно вечером, что не знаю, что делать. Я не могу есть свои крохи одна. Но никто не зовет меня к себе. В городе почти не достать муки, соли, кофе, чая, сахара, спирта или вина благодаря давлению толпы. Деревенские жители не приносят масло, их останавливают на дороге и отнимают их товары. Коротко говоря, всего так недостает, что не знаю, что с нами станет. Деньги от 22 до 25% [НРЗБРЧ.] Смит сказал мне, что Эйбл всегда был вигом и что если бы люди действовали умеренно, он бы сам выступал за них, и не заботился бы о том, объявлена ли независимость. Так что они против только нынешней конституции — прекрасные республиканцы. Это было сказано мне вчера вечером. Если бы я знала это раньше, то с большей осторожностью предала бы себя в их руки. Я просто схожу с ума. Из Англии новостей нет, и я не знаю, как мне быть, оставаться ли или уезжать. У меня нет друзей, которые могли бы дать мне совет. Я не доверяю всему человечеству. У меня слишком много причин для этого.

9 сентября, четверг. Провела плохую ночь и была очень нездорова весь день. Получила письмо от Дж. Лоуренса, в котором сообщалось, что Янг сказал, что несомненно будет рубить лес. Я в растерянности, как мне быть. Пошла к Смитам, туда пришел Эйбл. Он сказал, что Уилсон должен высказать свое заключение завтра, и взял с собой письмо Джонни. Пришел некий Коллинз, высокомерный человек, пленник, и положил конец всему делу. Он обращался со мной презрительно. Все считают, что Англия потеряла Америку и что все, что мы имеем, утрачено. Я в таком глубоком унынии, что кажется, все кончено для нас. У меня не хватает душевных сил держаться, но я заставляю себя, хотя мы потеряли все. Как я буду жить этой зимой — не знаю. Я намерена подать возражение Маккину. Я так несчастна, не получая вестей от моей драгоценной дочери. Никогда еще не было такого мрака — все

в унынии; для друзей короля не осталось никакой надежды. Ужинала одна.

10 сентября, пятница. Утром приходил Эйбл. Он сказал мне, что был у президента³⁴⁰ и разговаривал с Маккином о нанесении ими ущерба, что был очень горяч и сказал, что они не имеют права так делать. Но признался, что говорил обобщенно, не упоминая моего имени, и что он не может отдать мне что-либо из моей собственности — уже слишком поздно. Но он намерен поддерживать как можно больше людей. Но я понимаю, что Эйбл берет на себя ответственность за всех, из которых я являюсь наименьшей частью. Я не могу получить заключения от Уилсона. Но поскольку я заплатила за него, я получу его из его рук. Подозреваю, что все разговоры не касаются моих дел. А их всего два: имею ли я право на собственное имущество или оно подпадает под конфискацию по их закону на время жизни мистера Г.; смогу ли я подавать в суд от своего собственного имени. На последний вопрос я получила ответ год назад: так что мои деньги были выброшены на ветер. Мне кажется, что со мной не считаются, мои средства должны уйти на то, чтобы платить за других людей. Они говорят, что я задаю много вопросов, но их в моем случае может быть лишь немного. Сегодня чувствовала себя лучше и душой, и телом, чем за долгое время. Обедала с Дебби. Бекки Шумейкер приходила вечером. Она говорит, что не будет ничего делать, я пожалела, что мне не достало мудрости не требовать возвращения. Для бедных тори все выглядит мрачно. Эта испанская война унизила всех нас, а армия ничего не делает.

11 сентября, суббота. После обеда приходил Августин Виллет. Он хочет подольше остаться в Тревозе и придумал себе хорошую историю. Похоже, что Джилл получит эту землю, а Виллет арендует ее у него. Я говорила с ним очень прямо и держала себя в руках, но не захотела вступать ни в какие сделки, потому что вижу, что все они шайка разбойников. Джон Лоуренс пил со мной чай. Он уверен, что я смогу по-

³⁴⁰ Джозеф Рид.

нести большой урон, если они срубят лес. Вечером приходил мистер Чу, но пришел Смит и не дал нам поговорить, поскольку продолжал хвалить Маккина. Он сознался, что сказал, что Полли Байлс нужно выгнать из ее усадьбы, как и остальных. Я вижу, что он и Эйбл работали для других, меня во внимание не принимали. Мне жаль, что я вообще действовала под руководством этих приспособленцев. Смит говорит, что теперь Эйбл ищет расположения тех, кто находится в силе, и поклоняется восходящему солнцу. Он сказал об этом Чу и мне. Когда он ушел, Чу сказал, что тот приспособливается и невыносим. Я спросила его, давно ли он с ним знаком. Он сказал, что никогда в жизни не разговаривал с ним до этой зимы, когда я приехала сюда, и что он не хотел бы дружить с человеком такого склада, — это мне известно. Но Смит говорил мне, что был знаком с ним многие годы и часто бывал у него в доме, о чем я сказала Чу. Он ответил, что это не так. Это одна из многочисленных неправд, которые Смит наговаривал мне. Чу выразил презрение и неприязнь к нему и его характеру, я согласилась с ним. Но сказала Чу, что считала его честным человеком, во что он с трудом поверил. Я сказала ему, что он тщеславнейший, самоуверенный и наглый человек из всех, что я встречала. Чу ушел после десяти. Я пошла поужинать, пока он был здесь. Съела немного хлеба и сыра. Сказала Чу, что Маккин должен творить справедливость без петиций. Смит вел себя как человек приспособливающийся, а Чу как человек, обладающий мужеством и честью. Я бы нежно любила его, если бы он последовательно был мне другом. О, как же мне быть! Я попала в ловушку. Помогите мне Господь.

12 сентября, суббота. ... Абрахам Кинси³⁴¹ приходил сообщить мне, что рубят лес на Вандергифс-Тракт; я написала об этом Эйблу Джеймсу, но не смогла достать ни лошади, ни человека, чтобы отправить. Наконец няня нашла Джо-ди Джеймса, и он привез его к своему отцу. Смит вернулся к ночи и разговаривал с такой бесчувственностью, что я просто вышла из себя и выбрала и главного судью, и ге-

³⁴¹ Арендатор земли на Хог-Айленде, принадлежавшем Д. Галловэю.

нерального прокурора, и президента, и моего собственного адвоката. Также я сказала, что могу разориться и не получу компенсации. Смит разозлился и ушел, я испугалась и дважды посылала за ним. Наконец он пришел и сказал, что не обижается и пошел искать Фоука, но того не было в городе. Я так разволновалась, что совершенно расстроилась. Снова все мои надежды рухнули. Хоть бы они оставили меня одну. Тогда бы я тихо угасла. Приняла много болеутоляющего. Расстроена, что наговорила Смигу. Не перестаю думать о моей милой дочери. Боже, благослови и верни ее мне.

13 сентября, понедельник. После обеда миссис Лоуренс, миссис Аллен, Пегги Чу и Джон Томпсон пили здесь чай. Я сказала им всем, что поеду в Англию. Джон Томпсон пришел за ними, я рассказала ему о том, что Смит говорит об Эйбле. Совсем по темноте пришли он и его сын Чокли. Он казался рассерженным и держал себя со мной очень грубо; только однажды в жизни я была напугана больше, чем тогда. Он сказал мне, что Чокли был там и никакой лес не рубят, что лучше бы мне написать уведомление арендаторам болота. Он хочет, чтобы кто-то притворился спекулянтom, чтобы они могли отказаться от сделки. Но если я продолжу болтать, то тогда ничего нельзя будет сделать до моего отъезда в Англию, что я не могу ехать этой осенью, если хочу находиться в своем собственном поместье. Бекки Шумейкер навредила себе собственным языком, но я должна покорить свои страсти и во что бы то ни стало получить Тревоз, если смогу. Но он выглядел рассерженным, как будто думал, что я в нем сомневаюсь. Томпсон и он поговорили еще немного, и затем он ушел. Я счастлива мыслью отправиться в Тревоз, но беспокоюсь из-за поведения Эйбла.

14 сентября, вторник. Джо Пенроуз пил со мной чай. Я сказала ему, что надеюсь снова побывать в Тревозе и не поеду в Англию. Он посоветовал мне продать мою страховку поместья на случай смерти, но я сказала ему, что не стану этого делать и что если я умру, то сделаю это достойно. Он отвечал мне, что по естественному порядку вещей я не проживу долго; если он хотел сделку — я его разочаровала. Он был любезен в своей грубой манере и предложил мне любые услуги

в своем роде, но ничего не сказал о деньгах, которые мне придут. Я больше не стану в будущем доверять кому бы то ни было. Если они поступают хорошо, я признательна им; если нет — я не буду открываться. Очень холодная погода. Дебби больна, у себя в комнате. Ужинала одна.

15 сентября, среда. Была очень нездорова. Смит принес мне уведомление для покупателей Ришелье от Фишера. Я весьма подавлена из-за того, что не получаю вестей от моей дорогой дочери. Миссис Смит, Уилли и ее сын Билли пили со мной чай, но я не испытывала удовольствия от их общества. Из газеты я узнала, что лорд Хоу очень недобр и поистине бесчеловечен по отношению к мистеру Г., но я презираю их от всего сердца. Соседка Джонс заходила после чая, но ни у кого нет хороших новостей. Тори проиграли, Америка, по-видимому, потеряна, а мы разорены. Да сохранит Господь мою дорогую дочь и сделает ее хорошей и счастливой, — это все, чего я желаю и о чем прошу. Ночью переписала уведомление, чтобы послать его написанным моей собственной рукой.

16 сентября, четверг. Написала Самюэлю Фоуку и передала письмо с уведомлением для покупателей Билли Смигу, с тем чтобы отправить ему, поскольку я надеюсь, что он станет мне другом. После обеда приходил Томас Степлер, и я поняла, что Пеннингтон был с ним, чтобы получить ренту за этот год для своей тетki³⁴². Они заберут у меня последний фартинг — неблагоприятные негодяи. Я не могла поговорить с Томасом, потому что пришла вдова миссис Лоуренс. Она очень приветлива, но меня слишком часто обманывали, чтобы я обращала внимание на обещания или предложения. Поэтому не могла обращаться с ней как с моим настоящим другом. Я не могу ни на кого положиться, но надеюсь, что Провидение будет поддерживать меня, как и до сих пор... погода очень холодная, и мы не поддерживаем огонь, потому что у меня мало дров: они стоят двадцать пять фунтов за корд плохого дуба. Не знаю, как я проживу. Слишком холодно и сыро, чтобы ходить пешком. Будущее все темно и неопределенно, но

³⁴² Миссис Ханна Гроуден, мать Грейс Галловэй и тетя Томаса Степлера.

я не так унываю, как иной раз. Писем мне не приходит, зато у других они есть. О, мое дорогое дитя, сердце мое жаждет узнать о твоём благополучии. Того же я всем сердцем желаю и Дж. Г., хотя он плохо обращался со мной... молюсь о том, чтобы мне скорее получить вести от моей дочери.

17 сентября, пятница. Соседка Смит сегодня слегла. Няня была с ней. Дебби нездоровится с воскресенья, когда она вернулась из Бристоля. Некоторое время посидела с Дебби и отправилась навестить Бекки Смит. Прошла пешком по переулку туда и обратно поздним вечером. Погода ясная, но холодная.

18 сентября, суббота. Весь день сидела наверху и чинила ковер. Дебби стало хуже. Только ходила к Смитам и Зейнсам: все больны, и Джо Редмен, похоже, умирает. Билли Смит сказал мне сегодня вечером, что теперь я не смогу получить никакой части своего имущества, потому что оно продано; но я знаю, что Эйбл ходил с женой Пэррота, и ему сказали, что она может получить любую часть имущества ее мужа, какую она выберет. Уилсон не дал ответа по моему делу, я нахожу, что Эйбл потому так много внимания уделяет другим женщинам, что жертвует мной и не заботится о моих делах. Он глупо соглашается с Маккином в том, что поскольку я не предъявила прав, они могут ничего не делать. Но как мог он как честный человек допустить, чтобы мое имущество, которое не было конфисковано, было продано только потому, что я не сказала ему любезности? Теперь он говорит, что если бы я предъявила права, он бы отдал его мне. Я думаю, это все неправда, переживаю, что я не сделала этого из-за страха. Я смогла исполнить свой долг. Так что со мной все кончено, я покинута после того, как [МНЕ] вбили в голову эти чудесные надежды, и потеряла двести фунтов. Могу теперь волочить ноги, как умею. Я очень обеспокоена. Хотела бы, чтобы они оставили меня в покое. Я была покорной, прежде чем они разбудили мои надежды, теперь они оставляют меня в худшем состоянии, чем в котором они нашли меня. О человек, где же твоя дружба. Очень беспокойна и недовольна.

19 сентября, воскресенье. Дебби весь день очень нездоровится. Ясная погода, но у меня не было ни компании, ни места, с кем и куда бы мне хотелось пойти. Я пошла и посидела несколько минут с женой Смита, но поскольку она еще не поправилась, я не стала оставаться и провела одинокий неприятный день. Когда я ужинала, вошел Дэн Клаймер и отужинал со мной. Он выражал свое глубочайшее почтение ко мне. Поскольку он вел себя хорошо не только по отношению ко мне, но и по отношению к угнетенным женщинам вообще, я не могла не отнестись к нему как к другу. Поведение его осталось, как и было прежде, довольно детским. Он выглядел неумеренно радостным, что я разрешила ему прийти, как другу, и спросил меня о моей дорогой дочери. Он сказал, что всего питал почтение к ней и ко мне; думаю, он был искренен. Прости, мое единственное дитя, если я делаю что-то неверное или принимаю твоего врага как своего друга, но я действительно думаю, что он не таков; так что я была рада видеть его. Теперь я должна заводить друзей. Бедный Джозеф Редмен умер сегодня вечером около семи часов. Он болел всего несколько дней. Почти в каждой семье есть больные. Город очень нездоров, и в последнее время много людей умерло. Их поражает внезапно, и вскоре они умирают с признаками сыпного тифа. Я боюсь выходить на улицу.

20 сентября, понедельник. Дурно провела прошлую ночь. Просидела наверху большую часть дня. Вечером спустилась, чтобы пойти на прогулку, но не смогла найти никого, кто бы пошел со мной. Лунный свет — приятно. Сидела с соседкой Зейнс, но я думаю, что она не ограничивается правдой, когда говорит о деньгах; ибо мало людей, которые в большей степени американцы. Я задержалась там лишь ненадолго. Смит ужинал со мной, и мы разговаривали о деле Гриффлина. Я беспокоюсь и подавлена.

21 сентября, пятница. Получила письмо от Дж. Г. и моей драгоценной дочери. На них были старые даты: 28 марта и 2 апреля, но в них содержался приносящий радость отчет о моих родственниках; я чрезвычайно рада ему. Прочитала их жене Оуэна Джонса и дочери Саки, а кроме того Дебби. Я вне себя от радости. Ходила навестить Бекки Шумейкер

и прочитала часть ей и Полли. Пила там чай. Из Нью-Йорка новостей нет. Я стала беспокоиться, потому что не могу узнать последних новостей. Дай Бог, чтобы оба они были благополучны. Вчера похоронили Джо Редмена, но я не была приглашена. Бекки Шумейкер очень добра. Письма пришли через нее. Пришла домой вечером. Ясная ночь, но боюсь выходить, потому что воздух плохой и все болеют. Ужинала одна. Подавлена.

22 сентября, среда. Погода прекрасная. Ходила к Смитам и пила кодл³⁴³. Миссис Бонд приходила вечером и просидела до десяти часов. У няни болит горло, а я не приготовила для Бонд ужина. Но она была очень добра и дала большие обещания. Но я знаю, как далеко распространяется ее дружба. Не могу теперь развлекать подобных людей, которые дождутся, пока я буду нуждаться в пище, прежде чем дадут ее мне. Но я беспокоюсь, потому что отпустила ее домой, не покормив, а погода была холодная. Я не хочу таких посещений.

23 сентября, четверг. Утром приходил Эйбл Джеймс. Я спустилась вниз, но меня очень мучила колика. Ему нечего было мне сказать, но он был очень мрачен. Думаю, Смит нарасказывал ему сплетен. Я смущена таким его обращением со мной. Если бы он не искал меня, то я бы не обратилась к нему, потому что не знаю, что я сделала, чтобы его обидеть. А поскольку он проявляет так много внимания к другим женщинам, я удивилась, что он ведет себя так со мной. Как только он ушел, я вернулась в свою комнату и легла и чувствовала себя так дурно, что пролежала большую часть дня. Вечером приходил Оуэн Джонс, но не смог сказать мне ничего утешительного. Ночью приняла болеутоляющее и написала моей дорогой дочери.

24 сентября, пятница. ... переписала письмо к дочери, но разочаровалась в том, чтобы послать его с миссис Девин. Немного посидела с мистером Смитом. Он сказал, что для меня ничего не сделают без петиции. Я сказала ему, что никогда

³⁴³ Кодл — напиток для больных (смесь вина или теплого эля с яйцами, кашей, сахаром и специями).

не послала бы ни одну. Думаю, что Эйбл вычеркивает меня из списка людей, которых он опекает, но не сказала этого Смиуту. На ежегодное собрание приехало много Друзей, но такого рода, с которым я никогда не была хорошо знакома, и с которыми обращаются соответственно низшим образом. Я ужинала одна. Как 10 или больше людей организуют ужин без большего количества провизии — я поражаюсь. Все скучно и меланхолично.

25 сентября, суббота. Это день рождения моей бедной дочери, я весь день просидела в своей комнате за многими меланхолическими раздумьями, потому что не знаю, в каком положении она сейчас. Обедала хлебом, маслом, сыром и яблоком. Спустилась вниз, прежде чем наступило пять часов. Послала няню за всяким товаром. Она вернулась с приступом озноба, так что я была принуждена ужинать с Дебби. А там было не меньше пятнадцати или 20 человек, и лишь одна свиная лопатка и телячья нога с [НРЗБРЧ.] пудингами и яблочным пирогом. Няня легла в постель, я боюсь, ее лихорадка случилась с ней в это время и по другим причинам, кроме ее нездоровья. Дебби думает так же, и мы дали ей потогонное и болеутоляющее, но оно не подействовало. Она продолжает ворочаться и стонать и ведет себя совершенно как ребенок. Думаю, что мне придется возиться с ней. Я так расстроена и не знаю, что делать.

26 сентября, воскресенье. Няне стало немного лучше, но я дурно провела ночь. Мне очень нездоровилось, меня лихорадило. Весь день шел дождь. Просидела в своей комнате, разбирая бумаги. Спустилась вниз почти совсем вечером, няня не спала, Дебби и ее служанка Рейчел очень добры. К ужину пришло очень много Друзей. Я ужинала с ними, и они понравились мне больше, чем прошлым вечером. Жена Кокса из Мэриленда разумная приятная женщина. Вчера вечером она проповедовала.

27 сентября, понедельник. Няне сегодня лучше, но во время чая ее знобило, а ночью лихорадило. Салли и Бенни Чу пили со мной чай. Они были очень приветливы. Я рассказала им, что являюсь изгоем и, поскольку никому не принадлежу,

никто обо мне не заботится. Заходил доктор Човет, но хороших новостей не принес. Вечером я зашла к Саки Нанкарио. Я сказала им, что квакеры все виги. Мы поспорили о самообороне. Я пришла домой и поужинала с Дебби и ее друзьями. Дом полон, а няня больна. Я не знаю, как мне быть. Сама нездорова, но не совсем несчастна. Хочу получить вести от моей дочери. Вестей нет.

28 сентября, вторник. ... сегодня чувствовала себя плохо. После обеда была Полли Байлс. Она бы заговорила меня до смерти, но я держалась с ней очень холодно, и она ушла до чая. Я заглянула к Смитам, но за мной прислал Томас Степлер. Он заплатил мне два доллара монетами за срубленное дерево и говорил, будто сделает все, что в его силах, чтобы помочь мне. После его ухода пришел Томми Остин и немного поболтал, когда пришел Исаак Моррис и просидел примерно до двух часов. Он разговаривал много, но никто не слышал и не прислушивался к тому, что он говорил. Хотя он очень приветлив, все же считаю неудачно, что я вынуждена слушать разговоры таких глупых людей. После обеда на несколько минут заходила миссис Батлер. Я нездорова и несчастлива. Не знаю, как я переживу эту зиму.

29 сентября, среда

30 сентября, четверг³⁴⁴

³⁴⁴ Оставлено как у автора дневника.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ АННЫ РОУЛ КЛИФФОРД

ПИСЬМО МАТЕРИ ОТ 30 ИЮНЯ 1780 г. ИЗ ФИЛАДЕЛЬФИИ:

«С человеком, доставившим твое письмо из Рауэя (Нью-Джерси), послала длинное письмо, которое он в случае твоего отъезда оттуда обещал переправить в Нью-Йорк.

Пегги и я были с моей тетей до возвращения Бенджамина. Хотя нам принадлежало так мало вещей в доме, на то, чтобы их собрать, ушло не одно утро; однажды, когда я занималась этим наверху, Полли Берк³⁴⁵, с которой мы были дома вдвоем, воскликнула: «Да, у порога дома господина Шумейкера целая рота солдат!» Я испугалась и хотела пойти к тете и сестре, но увидела, что у подножья лестницы стоит человек и гремит замком ружья, будто пытаясь подать сигнал тревоги.

Я снова побежала наверх, через несколько минут в комнату вошли двое мужчин, и вскоре выяснилось, что они пришли искать оружие. Они заглянули в чулан и потребовали от меня, не самым любезным образом, отпереть мои дорожные сундуки. Я сказала им, что они уже открыты. Они потыкали в них тростями, и величайшая удача, что маленькое блюдо, принадлежавшее мне, осталось спокойно лежать на дне сундука; уверена, что они забрали бы его, судя по их поведению. Не найдя оружия, они ушли.

Они обошлись с тетей таким же образом, обыскали шкафы и комоды и поставили часового у лестницы. Один из них сказал, что Пегги пошла наверх, чтобы спрятать ружья. Всего

³⁴⁵ Одна из служанок.

лишь в одном или двух домах они обошлись с людьми так бесцеремонно. В остальных они верили людям на слово.

Ко всему этому абсурду добавились ходящие и просящие денег дамы, которые превзошли всех прочих; они были так невероятно назойливы, что люди были вынуждены давать им что-то, лишь бы от них избавиться. Миссис Бич с компанией приходила к нашему порогу наутро после того, как ты уехала, потом еще раз вернулась. Она объяснила человеку, который рассказал мне это, что это потому, что она не решилась встретиться лицом к лицу с миссис Ш. или ее дочерьми.

Ханна Томпсон, миссис Роберт Моррис, миссис Джеймс Уилсон и еще несколько очень благородных женщин разгуливали по улицам, некоторые несли с собой чернильницы, и не пропускали ни одной, даже самой убогой, пивной. Джентльменам тоже досталось «удовольствие» от их визитов. Боб Вартон утверждает, что никогда в жизни его так не дразнили. Они напомнили ему, что чрезвычайно грубо отказывать в чем-то прекрасному полу, но он был непоколебим и ссылался на недостаток денег и большие налоги, так что наконец они его оставили, пригрозив передать грядущим поколениям славу о нем как о бесчестном человеке».

ПИСЬМО МАТЕРИ ОТ 20 СЕНТЯБРЯ 1780 г.:

«Жена определенного человека³⁴⁶ никогда не сможет провести еще одно лето в Лаурелл-Хилл. Ее радость завершилась меланхолией и быстрым концом. Она умерла и о ее болезни ... люди шепотом говорили о том, что она съела слишком много персиков г-на Ш...! ее муж упал в обморок на могиле».

³⁴⁶ Речь идет о жене президента Пенсильвании Джозефа Рида — Эстер Рид, которая умерла от дизентерии в Филадельфии. За два дня до этого, 18 сентября, она была привезена из Лаурелл-Хилла. Имение было конфисковано у семьи Шумейкер в пользу государства. Перед его продажей чиновники разрешили генералу Джозефу Риду использовать его как летнюю резиденцию. Дж. Рид был активным преследователем лоялистов Филадельфии, особенно семьи Шумейкер, поэтому в письмах о нем отзываются самым нелестным образом.

ПИСЬМО МАТЕРИ ОТ 4 НОЯБРЯ 1780 г.:

«... Что до красивых женщин, то мне вспоминается Нэнси Виллинг. Она могла бы претендовать на титул Королевы Красоты. Недавно она вышла замуж за Бингхема, который вернулся из Западной Индии с огромным состоянием. Они зажили в самом высоком стиле; никто здесь не может производить такое же впечатление, как они; экипаж, дом, одежда — все в новейшем вкусе, — и все же некоторые удивляются этому браку. Ей всего лишь шестнадцать, и она так прекрасна. Он выглядит менее привлекательно».

*МИССИС ШУМЕЙКЕР ИЗ НЬЮ-ЙОРКА
ДОЧЕРЯМ 8 ЯНВАРЯ 1781 г.:*

«Здесь не так сильно восхищаются Пегги Арнольд³⁴⁷ за ее красоту, как можно было бы ожидать. Все признают, что у нее очень приятная манера держаться, но ей не хватает живости, веселости и того огня в глазах, который так был так пленителен в жене капитана Ллойда. Но несмотря на то, что она не обладает такой жизнью и живостью, как некоторые, их принимают со всем возможным вниманием, гораздо большим, чем то, на которое они могли бы надеяться, и соответствующим той очень благородной должности, которую он [ГЕНЕРАЛ БЕНЕДИКТ АРНОЛЬД] занимает на британской службе, где он получил очень крупный подарок, совершенно достаточный для всех потребностей благородной жизни.

На балу в нью-йоркском штабе она казалась звездой первой величины, и ей уделялось все внимание, как если бы она была леди Клинтон³⁴⁸. Разве это не прекрасное поощрение для генералов в том, чтобы следовать примеру Арнольда?»

³⁴⁷ Речь идет о жене Бенедикта Арнольда (1741–1801) — генерал-майора, прославившегося действиями в Войне за независимость США на стороне патриотов, но позже перешедшего на сторону Великобритании. За сдачу британцам Вест-Пойнта — американской крепости в 80-ти км к северу от Нью-Йорка он получил около 55 000 долларов.

³⁴⁸ Жена главнокомандующего британскими войсками генерала Генри Клинтона.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА МИСС АННЫ РОУЛ

Рассказ лоялистки о некоторых событиях в Филадельфии
после капитуляции Корнуоллиса при Йорктауне.

22 ОКТЯБРЯ 1781 г. ВТОРОЙ ДЕНЬ. Первое, что я услышала сегодня утром, было то, что лорд Корнуоллис сдался французам и американцам — новость настолько же удивительная, насколько тревожная. Люди, которые так глупо не заботятся о своих собственных интересах, не заслуживают сочувствия, но нельзя не сокрушаться, что судьба столь многих достойных людей должна быть связана с поражением или успехом британской армии. Вскоре после завтрака пришел дядя Хауэлл³⁴⁹ и, хотя он не является ни вигом, ни тори, выглядел он так, как будто не ложился всю ночь; он сказал, что рад видеть здесь всех такими неунывающими. После его ухода заглянул Бен Шумейкер³⁵⁰; он узнал новость по пути и был потрясен. Тем не менее, пока не пришло письмо от Вашингтона, мы тешим себя надеждой, что это неправда. ...

24 ОКТЯБРЯ. ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ. Я в крайне беспокойном состоянии духа. Я не могу ни читать, ни работать, ни сосредоточить на чем-либо внимание. То, что Корнуоллис сдался, правда. Только что прибыл Тилгмэн с донесениями от Вашингтона, подтверждающими это. Б. С. приходил и показал нам некоторые бумаги; мы часто ведем с ним долгие разговоры о печальном положении дел.

³⁴⁹ Джошуа Хауэлл, который был женат на сестре миссис С. Шумейкер — Катарине.

³⁵⁰ Бенджамин Шумейкер, сын Самюэля Шумейкера от его первой жены Ханны. Бенджами женился на сестре миссис Самюэль Шумейкер — Элизабет Уорнер.

25 ОКТЯБРЯ. ПЯТЫЙ ДЕНЬ. Думаю, дорогая Мама, ты не могла бы и представить наш дом освещенным прошлой ночью так, как это было. Толпа окружила его, сломала ставни и выбила оконные стекла и ломилась внутрь, а здесь были только одинокие женщины. Некоторое время мы, дрожа от страха, прислушивались к их наступлению, потом, заметив, что оно становится громче и более яростным, и не зная что делать, мы выбежали во двор. Но горячие виги с одной стороны и семья Хартли³⁵¹, (которым пришлось еще хуже, чем нам) с другой, сделали отступление этим путем невозможным. Мы пробыли во дворе всего нескольких минут и вернулись назад, увидев, что двое мужчин лезут через забор. Мы подумали, что это идет толпа, но оказалось, что это были Коберн и Боб Шоуэлл, которые призвали нас не бояться и зажгли огни на окнах, что успокоило толпу, и после троекратного «ура» они ушли. После многие приходили проведать нас. Френч и Дж. Б. приколотили доски к сломанным рамам, иначе отправляться спать было бы небезопасно. Коберн и Шоуэлл были в самом деле очень добры; если бы не они, я думаю, наш дом в самом деле смели бы. Даже непреклонный дядя Фишер³⁵² был вынужден позволить осветить свои окна, потому что у них были кирки и железные ломы, которыми они нанесли существенный ущерб его дому, и скоро бы разрушили его, если бы кто-то из Ходжей³⁵³ и другие люди не забрались внутрь с заднего крыльца и не сделали бы, чего хотели. Все сыновья дяди, кроме Сэмми³⁵⁴, отсутствовали, но если бы они были дома, то противостоять им было бы бесполезно. Коротко говоря, это была самая ужасная сцена на моей памяти. Два часа мы слушали малоприятный грохот швыряемых камней, звон стекла и возбужденные голоса большого скопления людей, потому что они долго ходили по разным домам по соседству. В конце концов, они победили, и по всему городу

³⁵¹ Джеймс Хартли, торговец.

³⁵² Уильям Фишер, торговец, был женат на тете миссис Самюэль Шумейкер, Саре Колеман. Он был членом Общественного Совета Филадельфии с 1767 по 1770 гг., членом городского управления с 1770 до падения правительства в 1776 г., и мэром города в 1773–1774 гг.

³⁵³ Эндрю и Хью Ходжи, торговцы.

³⁵⁴ Самюэль У. Фишер стал президентом страховой компании, президентом Совета в 1811–1818 гг.

была одна большая иллюминация³⁵⁵. Поскольку мы не имели ни удовольствия видеть кого-либо из них в нашем доме, ни разрезанной мебели, ни кражи вещей, ни побоев, ни пистолетов, приставленных к груди, — мы можем считать свои страдания легкими по сравнению с другими. Мистер Гиббс был вынужден спастись бегством через забор, а когда его жена пыталась прикрыть его от ярости одного из них, она получила сильный ушиб груди и удар по лицу, от которого у нее пошла носом кровь. Бен Шумейкер приходил этим утром; хотя ему страшно угрожали, он говорит, что отделался потерей четырех оконных стекол.

Кто-то из друзей-вигов выставил свечи на окнах, что примирило толпу с ними, и они ушли. Джон Дринкер³⁵⁶ лишился половины товаров из своего магазина, и его избили; скоро страдания тех, кого им вздумалось назвать тори, составят целый том и поколеблют доверчивость тех, кого не было здесь в эту памятную ночь; а сегодня Филадельфия выглядит непривычно, что должно бы повергнуть вигов в смущение навсегда. Один из наших соседей имел наглость сказать миссис Г., что он сожалеет о ее мебели, но не о ее окнах — смехотворное различие, которое проводят многие из них. У Дж. Хеда в гостинной не осталось ничего целого. Дядя Пеннингтон³⁵⁷ лишился множества оконных стекол. Тетя Бердж³⁵⁸ сохранила свои, благодаря заботе каких-то соседей. (Дринкеры и Уолны сильно жалуются на каролинцев, которые находятся по соседству). Соленья Уолна были выброшены на улицу, а также

³⁵⁵ 19 октября 1781 г. британские войска сдались американцам. В Филадельфии по этому случаю шли празднества несколько дней. Власти штата приказали всем жителям освещать свои окна по вечерам в честь этого события.

³⁵⁶ «19 октября. 17 числа этого октября генерал Корнуоллис был захвачен, из-за чего мы пострадали 24-го, между прочим из-за празднования. Толпа собралась около семи или даже раньше, продолжала свои нападения до 10-ти на те дома, которые не были иллюминированы. Один только Дом Друзей едва избежал этого. У нас разбито около 70 оконных стекол, оконные рамы и два витража в окна залы разломаны в куски, дверь треснула и от этого открылась, когда они кидали камни в дом, но войти не посмели. Некоторым повезло больше, другим меньше. В некоторых домах, куда они вошли, взломав двери, была поломана мебель. Многие женщины и дети были напуганы до истерики, хорошо еще никого не убили». (См.: *Drinker E.S. Extracts from the journal*. P. 137.).

³⁵⁷ Эдвард Пеннингтон, который был женат на Саре, сестре Самюэля Шумейкера.

³⁵⁸ Бюла Бердж, сестра Самюэля Шумейкера, вдова Самюэля Берджа. Их дочь Сара вышла замуж в 1783 г. за Уильяма Роула — брата автора дневника.

украдено несколько баррелей сахара. Бабушка была самой невозмутимой из всех присутствовавших.

Если бы я не была уверена, дорогая Мама, что ты получишь крайне преувеличенные сообщения об этой истории от других и что скорее всего будешь волноваться о судьбе наших друзей, я бы не написала об этом ни слова, но поскольку ты все равно от кого-нибудь об этом услышишь, не упомянуть об этом создало бы впечатление, что мы чрезмерно пострадали, и я надеюсь, что могу полагаться на надежность этой возможности.

Сегодня все только выражали соболезнования и расспрашивали друг друга о значимых потерях. Помимо многих других побывавших здесь, приходила тетя Роул³⁵⁹; она сказала, что после сестер это вторая семья, о которой она больше всего печется; ее визит был очень неожиданным. Дядя и тетя Хауэлл сегодня утром уехали отсюда в свое имение Эджли³⁶⁰. Тетя Бетси была к чаю. Бекки Фишер и ее брат — вечером.

26 ОКТЯБРЯ. ШЕСТОЙ ДЕНЬ. Сегодня днем приходили соседи Уолн и Бен Шумейкер. Джульетта, Полли Фолук и Джеймс Фишер пришли вечером навестить нас; разговор, как обычно, был о последних беспорядках. Кажется, все согласны в том, что Филадельфия больше не будет тем счастливым убежищем для квакеров, каким она была прежде. Те чудесные дни, когда вокруг были только процветание и мир, прошли и никогда не вернутся; и возможно, нашему обществу³⁶¹ так же необходимо спросить об условиях для себя, как и Корнуоллису. Джульетта говорит, что все прекрасные картины дяди Пеннингтона уничтожены; его гостиная была заполнена людьми, но он говорит, это было ничто по сравнению с болезнью Нэнси, которая час или два лежала без чувств и сильно их напугала.

³⁵⁹ Ханна Роул, дочь дяди автора дневника.

³⁶⁰ Деревня Джошуа Эджли находилась на реке Шуйкилл (приток р. Делавэр), сегодня находится в Ист Фермаунт — парк, ниже Лурелл-Хилл.

³⁶¹ Общество Друзей.

Часть III

ВОЙСКА ГЕНЕРАЛА Д.БЕРГойНА СДАЮТСЯ АМЕРИКАНЦАМ ПОД САРАТОГОЙ
17 ОКТЯБРЯ 1777 г. Худ. Джон ТРАМБАЛЛ

В возникшем конфликте Великобритании и ее североамериканских колоний перевес сил в начале был на стороне метрополии. Она располагала значительными вооруженными силами и материальными ресурсами. На территории колоний к 1775 г. уже находилось около тридцати пяти тысяч британских войск. Их поддерживали от пятидесяти до шестидесяти тысяч лоялистов и часть индейских племен. Но чтобы вести военные действия были нужны регулярные силы. Однако отправить всю свою пятидесяти-тысячную армию за океан Англия не смогла. Во-первых, не было желающих, во-вторых, внешнеполитическая ситуация складывалась на тот момент неблагоприятно — обострилась ситуация в Ирландии, Франция после поражения в Семилетней войне ждала удобного момента для ответа. Поэтому англичане прибегли к покупке немецких наемников.

Торговать солдатами для получения дохода мелкие германские государства, входившие в Священную Римскую империю, начали еще в Тридцатилетнюю войну. Покупали наемников отдельные европейские правители, у которых не было своих армий, а затем такая практика стала повсеместной, но при этом сделки пытались держать в тайне. Наемничество процветало вплоть до просвещенного XVIII в., когда в торговлю включились монархи. Немецкие князья, герцоги и графы сначала набирали собственные наемные армии, обучали их, а потом отдавали внаем тем, кто платил. Спрос на такие услуги был высоким.

Наибольший размах такая торговля приобрела во время Войны за независимость. В конце 1775 г. были подписаны соглашения о покупке солдат в курфюршестве Ганновер, в княжествах Гессен-Кассель³⁶², Гессен-Ханау, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Вальдек, Нассау, Ангальт-Цербст, Ансбах, Байрейт³⁶³. В 1778 г. были наняты дополнительные силы. Всего Великобритания купила около тридцати трех тысяч солдат³⁶⁴ (что составило около трети королевских сил в Америке³⁶⁵) за сумму около восьми миллионов фунтов стерлингов. Немецким наемникам назначали командиров и отправляли в Британию, где их муштровали, обучали английскому языку, а затем посылали за океан.

³⁶² Ландграфы Гессен-Касселя в XVIII в. держали под ружьем 7% населения. Фридрих II оказал помощь британскому королю Георгу III — своему племяннику, в подавлении восставших колоний в Америке. (См.: *Tilly C. Coercion, capital, and European states, AD 990–1990. Cambridge: B. Blackwell, 1990. P. 82.*)

³⁶³ Из Ганновера прибыло 2 полка и 5 батальонов, из Гессен-Касселя — 16 полков, 4 батальона гренадеров, 1 корпус егерей (из-за большого количества наемников из этого княжества все немецкие солдаты получили прозвище «гессенцы»), из Ангальт-Цербста — 1 полк, 1 батальон егерей, 1 артиллерийское подразделение, из Брауншвейга — 5 полков, 2 батальона, 1 батальон егерей, из Ансбаха и Байрейта — 2 полка, 1 батальон егерей, из Гессен-Ханау — 1 корпус, 1 полк, 1 батальон егерей, 1 артиллерийское подразделение, из Вальдека — 1 полк. Егеря были элитными немецкими наемниками. (См.: *Lowell E.J. The Hessians and the other German auxiliaries of Great Britain in the Revolutionary War. Westminster: Md. Heritage Books, 2008.*)

³⁶⁴ После войны около 17 тыс. человек вернулось на родину, 7 тыс. погибли (из них около 6 тыс. от болезней), 5 тыс. остались в Америке.

³⁶⁵ В 1779 г. общая численность британских и немецких сил в Америке составила уже около 60 тыс. человек, но они были растянуты от Канады до Флориды. Приблизительно такая численность сохранялась до конца войны. 24 тысячи были ранены, 17 тысяч умерли от болезней, 8 тысяч убиты. (См.: *Black J. War for America: the fight for independence, 1775–1783. Stroud: Sutton, 2001. P. 27.*)

Войскам предстояло сражаться очень далеко от Британии, поэтому нельзя было надеяться на бесперебойное снабжение. Война в колониях не была похожа на кампании в Европе, где армии стремились завоевать главные города противника, особенно столицу, чтобы диктовать побежденному свои условия. За океаном не было ни крупных городов, ни единой столицы, поэтому войскам пришлось вести войну на территории в полтора миллиона квадратных километров.

Первые наемники отправились в путь из Германии (Брауншвейга) в феврале 1776 г. и в конце лета добрались до Галифакса (Новая Шотландия). Здесь собрались силы, которые привел адмирал Ричард Хоу из Британии, включая немецких наемников, и войско Генри Клинтона после неудачной экспедиции в Каролины. Отсюда они отправились в Нью-Йорк вслед за первым отрядом под командованием генерала Уильяма Хоу (он увез из Галифакса девяти тысячное войско). В августе 1776 г. двадцать две тысячи солдат (среди них девять тысяч немцев) высадились на Статен-Айленде. В битве на Лонг-Айленде 27 августа 1776 г. американская армия Вашингтона потерпела поражение³⁶⁶. 15 сентября, высадив двенадцать тысяч солдат в нижней части Манхэттена, У. Хоу получил контроль над Нью-Йорком, который британцы сохраняли до 1783 г.

Вашингтон отошел с частью своей армии вдоль реки Гудзон в Нью-Джерси. Генерал У. Хоу, укрепив свои позиции в Нью-Йорке и вокруг него, отправил шеститысячное войско во главе с генералом Генри Клинтон и генерал-лейтенантом Хью Перси для захвата Ньюпорта (Род-Айленд)³⁶⁷, как базу для будущих операций против Бостона и Коннектикута. В это время генерал Чарльз Корнуоллис преследовал Д. Вашингтона в Нью-Джерси, вынудив последнего отойти за реку Делавэр в Пенсильванию в начале декабря. Отсюда американский главнокомандующий организовал нападение на два аванпоста неприятеля в Бодертауне и Трентоне. Этому плану помог случай — чтобы разбить силы милиции двух-

³⁶⁶ Fischer D. H. Washington's crossing. Oxford, England; N. Y.: Oxford University Press, 2004. P. 88–102.

³⁶⁷ Город был занят без боя 8 декабря 1776 г. (См.: Ridpath J. C. The new complete history of the United States of America. Chicago: E. T. Kelly, 1920. Vol. 6. P. 2531.).

тысячная бригада из Бодертауна под командованием полковника Карла фон Донопа выступила на юг, где 23 декабря столкнулась с добровольцами у Маунт-Холли, и не смогла помочь гарнизону в Трентоне. Там 25 декабря 1776 г. американцы разбили отряд наемников под руководством полковника Иоганна Ролла. Около тысячи человек взяли в плен. Тогда и вскрылся факт, что английский король выставил немцев против восставших колонистов.

На 1777 г. британский главнокомандующий планировал две кампании — захват Филадельфии³⁶⁸ и установление контроля над долиной реки Гудзон. Главная задача во второй кампании легла на генерал-майора Джона Бергойна, который должен был из Квебека двигаться вдоль озера Шамплейн навстречу У. Хоу. Собравшись на реке Св. Лаврентия, британские и немецкие войска выступили в поход 20 июня. 1 июля они взяли форт Тикондерога³⁶⁹. В конце июля передовые части армии Бергойна вышли к верховьям Гудзона, а тылы остались в форте Эдуард³⁷⁰. Для того, чтобы пополнить запасы, Бергойн 16 августа отправил отряд в семьсот человек³⁷¹ в Беннингтон, где они столкнулись с полутора тысячами вооруженных людей — милиционеров из Массачусетса и Нью-Гемпшира под командованием генерала Джона Старка и полковника Сэта Уорнера, а также парней «Зеленой горы»³⁷². Британский отряд был разбит, многие попали

³⁶⁸ После победы 11 сентября 1777 г. в битве у Брендивайна над американцами войска У. Хоу заняли Филадельфию в конце сентября.

³⁶⁹ Форт был построен французами в XVIII веке на южном берегу озера Шамплейн во время Семилетней войны. После войны форт перешел к британцам. В начале Войны за независимость, в мае 1775 г., форт был захвачен отрядом «парней Зеленой горы» и другими подразделениями милиции под командованием Этана Аллена и Бенедикта Арнольда. Орудия, доставленные из форта, помогли восставшим отстоять Бостон в марте 1776 г. Американцы удерживали форт до лета 1777 г.

³⁷⁰ Форт находится между рекой Гудзон и озером Шамплейн. Занимает выгодную высотную позицию над долинами рек Гудзон и Шамплейн. Индейцы называли эту местность «Великий волок».

³⁷¹ Отряд состоял из брауншвейгских драгун, канадцев, лоялистов и индейцев под командованием лейтенанта-полковника Фридриха Баума и лейтенанта-полковника Генрих фон Бреймана.

³⁷² Парни «Зеленой горы» — организация, созданная фермерами на территории штата Вермонт и получившая свое прозвище по названию горной гряды в этой местности. В начале 1770-х гг. вели партизанскую борьбу, защищая свои поселения от посягательств Нью-Йорка. В годы Войны за независимость сформировали отряды ополчения и принимали участие в захвате форта Тикондерога, в Беннингтонском сражении и битве при Саратоге.

в плен, Бергойн остался без пополнения лошадей, вьючных животных и др. Более того, после этой битвы индейцы отказались поддерживать британцев. Все эти факторы скажутся на событиях под Саратогой. 28 августа Бергойн получил известие о том, что отряд бригадного генерала Барри Леджера, посланный ему в помощь, повернул обратно после неудачи возле форта Стэнвикс³⁷³.

В этих условиях при том, что У. Хоу отправился в Филадельфию, а не к нему на помощь, ситуация для Бергойна сложилась крайне тяжелая. По мере продвижения его армии на юг задача снабжения войск водным путем по озерам становилась все сложнее. Начиналась осень, надо было подумать о зимних квартирах. Было два пути: идти назад в Тикондерогу или вперед в Олбани. Бергойн выбрал второй вариант, приняв при этом еще два тяжелых решения — прекратить сообщение с севером, чтобы не тратить силы на оборону укрепленных постов, и перейти Гудзон по наплавному мосту.

В середине сентября, с трудом преодолев лесисто-болотистую местность, авангард семитысячной британской армии подошел к американскому лагерю (в нем было 12–14 тыс. человек), примерно на полпути между Саратогой и Олбани. Между американскими и британскими частями произошло несколько перестрелок.

19 сентября силы Бергойна тремя колоннами пошли на укрепленный американский лагерь. Левым флангом командовал барон Ридзель, центром — сам Бергойн, правым — генерал Саймон Фрейзер³⁷⁴. Задача британских сил заключалась в захвате неукрепленной высоты к западу от американских позиций на Бемис-Хейтс³⁷⁵. Сражение состоялось возле фер-

³⁷³ Осада форта Стэнвикс (или форта Шуйлера) британцами продолжалась со 2 по 22 августа 1777 г.

³⁷⁴ Саймон Фрейзер (1729–1777) — британский генерал. Сначала был на службе в голландской армии, затем в британской. Принимал участие в Семилетней войне, в осаде Луисбурга и битве за Квебек. Нанес поражение американцам в сражении у Хаббардтона 7 июля 1777 г.

³⁷⁵ Бемис-Хейтс — холмы к югу от Саратогы, с которых хорошо просматривалась вся округа. Американцы хорошо укрепили свои позиции, в чем им помог польский инженер Тадеуш Костюшко, и контролировали единственную дорогу на Олбани, преградив путь британским силам.

мы лоялиста Джона Фримена. Поле битвы осталось за англичанами, но потери их были в два раза больше американских.

После этого командующий отложил попытки прорваться сквозь американскую линию до подхода войска Генри Клинтона. Но наступил октябрь, запасы британской армии подошли к концу, и генерал Бергойн собрал военный совет для решения вопроса о дальнейших планах. Немцы предложили отойти к северу. Бергойн, посчитав отступление недостойным для королевских сил, решил атаковать американцев. За день до этого Клинтон захватил два форта, которые мешали ему продвигаться вверх по Гудзону, его передовой отряд был в семидесяти километрах от Олбани. Но оба генерала ничего не знали о действиях друг друга.

7 октября состоялась битва при Бемис-Хейтс, в которой британцы потерпели поражение³⁷⁶. Они отошли на позиции, которые занимали в середине сентября. К утру 13 октября его армия была полностью окружена, Гейтс отрезал подходы к Гудзону, чтобы исключить возможность переправы. Бергойн и высшие офицеры решали проблему: допустима ли в сложившихся условиях капитуляция? Британский генерал предложил Гейтсу собственные, весьма почетные условия капитуляции, которую он назвал «конвенцией». Гейтс знал о продвижении Клинтона, поэтому пошел на соглашение с противником. 16 октября условия «Конвенции» были согласованы. 17 октября 1777 г. британские солдаты (около шести тысяч) сложили оружие под звуки исполняемой американцами «Yankee Doodle»³⁷⁷.

³⁷⁶ В этой битве Бергойн потерял убитыми и ранеными около 900 человек, потери американцев были — 150 человек (среди них были два раненых генерала — Б. Линкольн и Б. Арнольд). (См.: *Keith R.M. Saratoga: turning point of America's Revolutionary War*. N. Y.: H. Holt, 1997. P. 405.).

³⁷⁷ Эту песню, известную как «Nankey-Doodle» (Нанки-болван), пели в королевской армии в насмешку над Кромвелем во время Английской революции. Во время Семилетней войны британцы привезли ее в Америку, где переделали первое слово в Yankee, так насмешливо называли жителей Новой Англии. Во время Войны за независимость кличка «янки» использовалась английскими солдатами по отношению к восставшим колонистам. Сегодня эта песня воспринимается в патриотическом ключе.

Янки Дудль к нам верхом
Приезжал на пони.
Шляпу круглую с пером
Звал он макарони. (пер. С. Я. Маршак).

По условиям «Конвенции» армия Бергойна должна была идти в Бостон, откуда бы английские корабли забрали ее обратно в Великобританию, при условии, что солдаты не примут больше участия в военных действиях, если только их официально не обменяют на пленных американцев. Конгресс потребовал от Бергойна списка всех военнослужащих, чтобы в будущем можно было проследить за выполнением условий «Конвенции». Генерал отказался, в ответ Конгресс не стал выполнять условия договоренности. Армия осталась в плену и была распределена по разным лагерям в Новой Англии. Ряд офицеров обменяли на американцев, попавших в плен, большая же часть армии была отправлена в Вирджинию, где находилась до конца войны. В течение всего этого времени пленные бежали в незаселенные районы³⁷⁸ и оставались жить в США.

³⁷⁸ Только за первый год плена сбежало около 1300 человек. (См.: *Ferling J.E. Almost a miracle: the American victory in the War of Independence. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2007. P. 432.*).

ДНЕВНИК И ПИСЬМА БАРОНЕССЫ РИДЗЕЛЬ³⁷⁹

САРАТОГА

Когда армия выступила вновь (11 сентября 1777 года), первоначально было принято решение оставить меня в тылу. Но после моих настойчивых просьб, и так как некоторые дамы следовали за армией, мне, в конечном счете, также позволили сопровождать войска. Несмотря на то, что каждый день мы преодолевали небольшие расстояния, мы сильно уставали. Тем не менее, мы были счастливы, что нам позволили сопровождать армию. Я испытывала радость от ежедневного общения с мужем. Отправив назад большую часть своего гардероба, я довольствовалась только несколькими летними платьями. Поначалу все складывалось удачно. Мы были переполнены надеждами на скорую победу и достижение «земли обетованной». И когда, переправившись через Гудзон, генерал Бергойн произнес: «Британцы никогда не отступают!»³⁸⁰, — мы были невероятно воодушевлены. Тем не менее, меня раздражал тот факт, что жены офицеров были хорошо осведомлены о планах армии. Мне казалось это очень странным, так как во время Семилетней войны, на что я не

³⁷⁹ За год до смерти генерала — сам генерал, баронесса и их зять, маршал прусского королевского суда граф фон Рейс обсудили публикацию ее записей «на правах рукописи для семьи.» В течение лета 1799 г. граф систематизировал письма и дневник, которые был выпущены в ограниченном количестве для семьи в начале 1800 г. Но публикация вызвала такой общественный интерес, что издатель Карл Шпенер в том же году напечатал вариант для широкой публики со своим предисловием.

³⁸⁰ *Lancaster B. From Lexington to liberty; the story of the American Revolution.* Garden City, N.Y., Doubleday, 1955. P. 286.

раз обращала внимание, в армии герцога Фердинанда³⁸¹ все держалось в строжайшей секретности³⁸². Здесь же, наоборот, даже американцы были информированы о планах нашего наступления, и как результат, где бы мы не появлялись, нас уже ждали, что стоило нам очень дорого. 19 сентября произошло сражение, которое, хотя и закончилось в нашу пользу, но заставило нас остановиться возле местечка под названием Фрименс-Фарм³⁸³. Я наблюдала за развернувшимся ходом сражения, и, зная, что мой муж принимает в нем участие, пребывала в страхе и муках, вздрагивая при каждом доносившемся до меня выстреле. Я увидела несколько раненых людей, и что самое ужасное, троих из них доставили в дом, где я остановилась. Один из них оказался майором Харнейджем³⁸⁴, мужем одной дамы из моего окружения, второй — лейтенант, чья жена также входила в круг моих знакомых³⁸⁵, третий — молодой британский офицер по фамилии Янг. Майор Харнейдж и его супруга занимали комнату рядом с моей. Он был ранен в живот и испытывал мучительные страдания. Через несколько дней после нашего возвращения в дом из соседней комнаты донесся стон. Я узнала, что в той комнате находится молодой офицер Янг, который испытывал жуткие боли из-за своего ранения.

Моя заинтересованность в его судьбе объяснялась тем, что некая семья как раз с такой же фамилией, как у нашего

³⁸¹ Герцог Фердинанд Брауншвейгский и Люнебургский (1721–1792) — брат правящего герцога Карла I Брауншвейг-Вольфенбюттельского (1713–1780), генерал — лейтенант прусской армии, участник Семилетней войны.

³⁸² Генерал Ридзель был ярым приверженцем секретности в военных делах. (См.: *Riedesel F.A. Memoirs, letters and journals of Major General Riedesel. Ed. by W.L. Stone. N. Y.: New York Times & Arno Press, 1969. Vol. I. P. 3–8.*)

³⁸³ Баронесса несколько преувеличила результаты битвы, т. к. жертв в войсках Бергойна было вдвое больше, чем у американцев. Но с ее точки зрения, это была моральная победа, поскольку британцы удержали свои позиции. Наступление отряда Ридзеля на правом фланге помогло действиям генерала Саймона Фрейзера на левом. (См.: *Alden J.R. The American revolution: 1775–1783. — N. Y.: Harper & Row, 1969. P. 144, 146.*)

³⁸⁴ Майор Генри Харнейдж служил в штабе полковника Джона Анстратера. Он выжил после ранения и в 1780 г. был произведен в полковники. (См.: *Stone W.L. Visits to the Saratoga battle-grounds, 1780–1880. — With an introduction and notes. Albany, N. Y.: J. Munsell's Sons, 1895. P. 194.*)

³⁸⁵ Скорее всего, это был лейтенант Томас Рейнелл из 62 английского полка, который погиб 19 сентября. Миссис Рейнелл осталась с тремя маленькими детьми, старшему из которых было 6 лет. (См.: *Stanley G.F.G. For want of a horse; being a journal of the campaigns against the Americans in 1776 and 1777 conducted from Canada by an officer who served with Lt. Gen. Burgoyne. Sackville, N.B., Tribune Press, 1961. P. 179.*)

офицера, была очень добра ко мне, пока я находилась в Англии. Я попросила известить офицера, что буду рада оказать ему какую-либо посильную помощь, и отправила ему немного пищи и провианта. Он выразил горячее желание познакомиться со своей «благодетельницей». Я отправилась к нему и нашла его лежащим на охапке соломы, так как он потерял весь свой багаж. Офицер оказался молодым человеком 18–19 лет, причем он действительно приходился племянником мистеру Янгу, с которым я имела честь встретиться в Англии. В разговоре со мной он рассказывал лишь о своих родителях, ни разу не пожаловавшись на терзавшую его боль. Янг потерял много крови, и врачи даже собирались ампутировать ему ногу, но он не позволил им этого сделать, и в итоге у него обнаружилась гангрена. Я отдала ему подушки и одеяла, а моя служанка — свой матрац. Я с удвоенной энергией принялась ухаживать за раненым, навещая его каждый день. В ответ он осыпал меня тысячами благодарностей. В конце концов он согласился на ампутацию, но было слишком поздно, и он умер через несколько дней. Так как он лежал в соседней комнате, а стены были слишком тонкими, я слышала стоны страдальца вплоть до самой его кончины.

Дом, в котором я остановилась, был красивым и прочным зданием³⁸⁶. Двери и комнаты были отделаны массивным кедром, довольно распространенным в местных краях³⁸⁷. Кроме того, местный кедр использовали в качестве дров, так как запах этой древесины отпугивал множество насекомых, роящихся вокруг. Правда, мне сказали, что этот дым вреден для нервов, и даже были случаи, когда беременные женщины в силу специфического запаха рожали раньше срока. Во время похода мы передвигались в легкой коляске, рассчитанной на меня, троих детей и двух служанок. Таким образом мы двигались среди солдат, которые пели и веселились, предвкушая скорую победу. Мы пробирались через бесконечные леса; местность была изумительна, но совершенно безжизненна, так как большинство жителей спасались бегством и присоединялись к американской армии под командованием

³⁸⁶ Это был дом Тейлора, позднее Смита, в 3,5 миль от Фиш-Крик.

³⁸⁷ Восточный красный кедр или можжевельник виргинский.

генерала Гейтса. Это обстоятельство стало настоящей преградой для нас, каждый местный житель рождался солдатом и отличным стрелком³⁸⁸; кроме того, мысль о том, что они сражаются за свою страну и свободу, делала их храбрее в несколько раз.

Все это время мой муж с оставшейся армией находился в разбитом под открытым небом биваке. Так как я находилась в часе пути, то могла навещать своего супруга в полевом лагере каждое утро. Иногда я приезжала к нему пообедать, но чаще всего он трапезничал в том месте, где я остановилась. Каждый день армия проводила короткие атаки, но ни одна из них не приводила к ощутимым последствиям. Тем не менее, мой бедный муж ночи напролет проводил на ногах, не имея возможности даже сменить свое воинское облачение. С каждым днем погода становилась все прохладнее, и полковник артиллерии Уильямс³⁸⁹, наблюдая за тем, как наши встречи становятся затруднительными, предложил построить для меня за 5–6 гиней дом с очагом, который я могла бы использовать в качестве скромной обители. Я согласилась на его предложение, и строительство постройки в 20 футов площадью и с надежным очагом началось. Такие дома назывались «деревянными хижинами»³⁹⁰. Они строились путем подгонки толстых бревен одинакового размера, которые складывались в прочную конструкцию. Внутри таких хижин было очень тепло, особенно когда крышу обмазывали глиной. Вскоре жилище было готово, мне сказали, что на следующий день можно будет туда переехать. Я была безмерно счастлива, так как ночи становились более влажными и холодными, и, самое главное, мой муж мог жить вместе со мной, потому что хижина находилась рядом с лагерьем. Но внезапно, 7 октября, мой супруг вместе со своим штабом покинул лагерь. Этот момент стал началом всех наших несчастий! Уже за совместным завтраком с мужем я отметила про себя, что что-

³⁸⁸ На немцев с самого начала произвела очень сильное впечатление меткость стрельбы американцев, германцы пытались научиться подражать ей в стычках. (См.: *Elking M. von*. Op. cit. P. 93.).

³⁸⁹ Гриффит Уильямс — сражался вместе с бригадным генералом Джеймсом Гамилтоном в Саратогe. Вместе с генералом Уильямом Филиппсом сделал рекогносцировку перед первой схваткой у Фримен-Фармс.

³⁹⁰ Их строили в Америке до середины XIX в.

то должно произойти. Генерал Фрейзер и генералы Бергойн и Филипс³⁹¹ также в этот день обедали с нами. Я отметила возросшую тревогу среди солдат. Мой муж поведал мне, что они собираются провести рекогносцировку, чему я не придала особого значения, так как подобные маневры случались довольно часто. Возвращаясь домой, я встретила отряд дикарей³⁹² в военном облачении и с оружием в руках. На мой вопрос, куда они направляются, они в ответ закричали: «Война! Война!» — что означало, что они собираются вступить в бой. Совершенно потрясенная, я с трудом добралась до дома, когда услышала звуки выстрелов. Шум все возрастал и возрастал, пока не превратился в ужасающую артиллерийскую канонаду, и я скорее была мертва, чем жива!

Ближе к трем часам после полудня, вместо званных к обеду гостей, которых я ожидала, в дом на носилках принесли смертельно раненого генерала Фрейзера (бедный генерал, он был в числе приглашенных). Уже накрытый стол срочно пришлось убрать и поставить вместо него кровать, куда и положили раненого генерала. Я села в углу комнаты, дрожа и трясась. Шум выстрелов с каждой минутой возрастал. Мысль о том, что моего мужа могут так же принести раненого на носилках домой, угнетала, и я никак не могла выкинуть ее из головы. Генерал спросил у врача: «Ничего от меня не скрывайте! Мои дни сочтены?». Пуля прошла через его живот навывлет, точно так же, как и в случае с майором Харнейджем. К несчастью, генерал обильно позавтракал, из-за чего его кишечник растянулся, и, как объяснил врач, пуля прошла через кишки, а не между ними как у майора Харнейджа³⁹³. Я слышала, как генерал часто восклицал в перерывах между стонами: «О, пагубное тщеславие! Бедный генерал Бергойн! Бедная миссис Фрейзер!». Произнеся молитвы, он попросил, чтобы генерал Бергойн похоронил его в шесть часов вечера завтрашнего дня на холме, использовавшегося в качестве

³⁹¹ Уильям Филипс (1731–1781) — генерал, командующий артиллерией в британской армии. Проявил себя в битве при Миндене в Семилетней войне. Был захвачен в плен при Саратоге, затем обменян на генерала Бенджамина Линкольна в начале 1781 г.

³⁹² Индейцы, сражавшиеся на стороне британцев — абенаки, гуроны, ирокезы, ниписсинги, отава. Бергойн имел смутное представление об этих своих союзниках. Передовыми отрядами у генерала Филипса были канадцы, а у Ридзеля — индейцы.

³⁹³ У немцев была практика не есть перед сражением. (См.: Stone W.L. Op. cit. P. 39.).

редута. Я долго не могла понять, куда мне идти: приемная и другие комнаты были заполнены заболевшими в лагере людьми. В конце концов, ближе к вечеру вернулся мой муж. Я сразу же забыла все свои огорчения и печали и лишь благодарил Господа за то, что он уберег моего супруга! Мы вместе с его адъютантом довольно поспешно пообедали возле дома. Мне сообщили, что они одержали вверх над врагом, но, судя по печальным, унылым лицам я поняла, что все совсем наоборот. И перед тем как удалиться, мой муж отвел меня в сторону и рассказал, что дела из рук вон плохи, и я должна быть готова уехать в любой момент, но об этом никто не должен знать. Поэтому под предлогом, что мне необходимо отправиться в новый дом, я упаковала свои вещи. Леди Экланд³⁹⁴ находилась в палатке по соседству. Днем она находилась в лагере, а ночью возвращалась, чтобы переночевать. Неожиданно прибыл гонец с вестью о том, что ее муж смертельно ранен и находится в плену. Она погрузилась в глубокое отчаяние. Мы пытались успокоить ее, сказав, что может быть ранение не такое значительное, и убеждали отправиться к нему, уверяя, что ей непременно дадут на это разрешение, так как лучшей сиделки в ее лице не найти. Она относилась к мужу с трепетной любовью, несмотря на то, что он был довольно грубым малым и частенько выпивал, но, тем не менее, слыл храбрым офицером. Леди Экланд была прелестной женщиной. Потратив всю ночь на то, чтобы успокоить ее, я вернулась обратно к детям, уложив перед этим их спать. Что касается меня, то я не могла уснуть, так как в моей комнате находились генерал Фрейзер и другие джентльмены. И я все время опасалась, что мои дети могут проснуться и заплакать, тем самым, побеспокоив умирающего генерала, который постоянно извинялся за причиненные мне неудобства. Ближе к трем часам утра мне сказали, что конец близок. Я попросила, чтобы меня оповестили, когда этот момент наступит, и, завернув детей в одеяла, отправилась с ними в приемную.

³⁹⁴ Генриетта Экланд, которую все звали леди Гарриет (1750–1815) — дочь графа Илчестерского первого. Она вышла замуж за Джона Дайка Экланда, который в 1774 г. был избран в парламент. Ее муж был взят в плен в этом сражении. Она получила разрешение следовать в лагерь врага и ухаживать за ним во время болезни. Бронзовый барельеф увековечил этот эпизод в Саратогском мемориале. Но излеченный ею супруг вскоре погиб во время дуэли со своим приятелем-офицером.

В восемь часов утра генерал скончался. Его тело обмыли, завернули в простыню и положили обратно в кровать. Затем мы вернулись в комнату и наблюдали это печальное зрелище на протяжении всего дня. Кроме того, в дом стали прибывать раненые офицеры из нашего окружения, а стрельба из пушек возобновлялась снова и снова. Ходили разговоры об отступлении, но никаких конкретных шагов в этом направлении так и не было предпринято. Ближе к четырем часам после полудня я увидела языки пламени над тем местом, где находился дом, построенный специально для меня. Таким образом я поняла, что враг недалеко.

Мы узнали, что генерал Бергойн собирается выполнить волю покойного генерала Фрейзера и проводить его в последний путь в назначенном месте в шесть часов вечера. Это послужило причиной излишнему промедлению и принесло лишь большие несчастья для армии. Ровно в шесть часов тело унесли. Мы могли видеть, как все генералы и их штабы приняли участие в похоронной процессии, направившейся к вершине холма. Английский капеллан, мистер Бруденелль, совершил службу. Над головами и вокруг участников погребения то и дело пролетали пушечные ядра. Позже американский генерал Гейтс расскажет, что если бы он знал о проведении похорон, он бы не позволил вести огонь в этом направлении. Некоторые ядра долетали до того места, где находилась я. Но у меня даже и мысли не было о собственной безопасности, поскольку мой взгляд был устремлен на вершину холма, где посреди вражеского огня стоял мой муж.

Для армии поступил приказ начать отход сразу же после похорон, наши коляски были наготове и ждали у входа. Я не хотела уезжать до того, как войска тронутся с места. Майор Харнейдж, несмотря на тяжелое ранение, нашел в себе силы подняться с кровати, хотя он мог бы остаться в лазарете, над которым развивался белый флаг перемирия. Когда он увидел, в какой опасности я нахожусь, он приказал моим детям и служанкам садиться в коляску, а меня попросил немедленно уезжать. Когда я возразила, что желаю остаться, он произнес: «Хорошо, тогда вашим детям придется научиться обходиться без вас, во всяком случае, их-то мне удастся спасти». Он нащупал мое слабое место, и, тем самым, убедил

меня вернуться в коляску. И мы отправились в путь вечером 8 октября.

Нас предупредили, чтобы мы вели себя максимально тихо. Для того, чтобы ввести врага в заблуждение и прикрыть отступление, повсюду были разложены костры и оставлены палатки. Мы же продолжали путь всю ночь. Маленькая Фредерика была так сильно напугана, что часто начинала плакать, и мне приходилось держать носовой платок возле ее рта, чтобы не раскрыть наше передвижение.

В шесть часов утра мы, к нашему полному изумлению, остановились. Генерал Бергойн приказал выстроить в ряд и посчитать артиллерийские орудия, чем раздосадовал многих, так как только после быстрого маршевого перехода мы бы почувствовали себя в полной безопасности³⁹⁵. Мой муж был совершенно измотан и всю остановку провел в нашей коляске. Там для него служанки организовали специальное пространство, где он проспал три часа, сложив голову на мое плечо. Тем временем, капитан Уиллоу отдал мне на сохранение свой бумажник с ассигнациями, а капитан Гейсмар³⁹⁶ принес прекрасные часы, кольцо и туго набитый кошелек, попросив сохранить для него свои вещи. Я пообещала сделать все от меня возможное. В конце концов был отдан приказ продолжать марш, но не прошло и часа, как мы снова остановились, наткнувшись на врага. Оказалось, что около 200 американцев проводили рекогносцировку, и могли быть захвачены нашими войсками в плен, если бы генерал Бергойн окончательно не потерял голову. Разразился ливень. Леди Экланд поставила свою палатку. Я снова стала убеждать ее отправиться к мужу, который в своем сегодняшнем состоянии, безусловно, нуждался в ее помощи. В итоге, выслушав мои доводы, она обратилась к адъютанту генерала Бергойна, лорду Питерсхэму³⁹⁷, с просьбой выдать ей разрешение. Я дала ей по-

³⁹⁵ Это неверно, т. к. британские войска не могли спастись, что было понятно и Гейтсу, и Бергойну. Британский командующий сделал эту остановку, обосновывая ее тем, что войскам нужна передышка, и нужно время лодкам дойти до них на Гудзоне, чтобы забрать людей.

³⁹⁶ Капитан фон Гейсмар был гессенским адъютантом в штабе Ридзеля для связи с войсками из Гессена-Ханау.

³⁹⁷ Капитан Стенхоуп, виконт Питерсхэм, позднее третий граф Харрингтон, помощник Бергойна. Его очень хвалил барон Ридзель.

нять, что от настойчивости ее требований будет зависеть, позволят ей отправиться к мужу или нет. В конечном счете, генерал выдал леди Экланд разрешение. Английский капеллан, мистер Бруденелль, вызвался сопровождать ее. Они сели в лодку и под белым флагом поплыли в стан врага (столь благородный поступок хорошо известен). Позже я встретила леди Экланд с полностью выздоровевшим супругом в Олбани, и они оба благодарили меня за бесценный совет. Весь день, 9 октября, шел ужасный ливень, войска остановились, ожидая приказа продолжить марш в любой момент. Дикари потеряли остатки мужества и бросились в бегство. Малейшие неудачи превращали их в трусов, особенно если они не видели возможности заняться грабежом. Моя служанка беспрестанно рыдала и рвала на себе волосы. Я попросила ее успокоиться, так как иначе она могла бы стать жертвой дикарей. После этих слов она впала в еще большее безумие, и спросила, могу ли я позаботиться о ней, и когда я ответила «да», она сорвала с себя шляпу, причем повисшие волосы закрыли ее лицо, и произнесла: «Вам легко говорить. У вас есть муж, мы же беззащитны перед выбором: погибнуть или быть ограбленными». Учитывая ее последние слова, я успокоила ее обещанием возместить ей и другим любые потери. Другая моя служанка, славная Елена, хотя и была чрезвычайно напугана, но не произнесла и слова.

Ближе к вечеру мы достигли Саратоги, которая находилась всего в получасе пути от того места, где мы провели весь день. Я промокла до нитки и оставалась в таком виде всю ночь, так как мы не нашли места, где могли бы переодеться в сухую одежду. Перед этим я разожгла костер, сняла с детей мокрую одежду и положила их рядом со мной на охапке соломы. Я спросила подошедшего генерала Филиппса, почему мы не продолжаем нашего отступления, раз у нас есть время. «Бедная женщина, — воскликнул он. — Я восхищен вами! Даже промокнув насквозь, у вас хватает мужества продолжать путь по такой погоде. Ах, если бы вы были нашим главнокомандующим! Наш генерал слишком устал и хочет провести ночь здесь, обеспечив нас ужином». На самом же деле Бергойн довольно весело проводил время. Полночи он пел песни, пил и наслаждался жизнью в обществе супруги интенданта, в доме которой он остановился, и которая, как и он, любила шампанское.

В семь часов утра, 10 октября, освежившись чашечкой чая, мы стали ожидать, что с минуты на минуту придет распоряжение о дальнейшем отходе. Чтобы прикрыть отступление, генерал Бергойн приказал поджечь дома и мельницы, принадлежавшие генералу Шуйлеру³⁹⁸. Один из английских офицеров принес горячий бульон, который после его настойчивых просьб я разделила с ним. После завтрака мы продолжили движение, однако лишь до ближайшей деревни, находящейся неподалеку от Саратоги. Армия пребывала в крайней нужде и беспорядке. Интендант забыл раздать войскам порции провизии. И хотя в наличие имелся крупный рогатый скот, ни одно животное так и не было забито. Ко мне подошли около 30 офицеров, которые уже не могли выдерживать мук голода. Я приготовила им кофе и чай, а также разделила среди них весь провиант, которым была наполнена моя коляска. Кроме того, нам прислуживал повар, который хоть и был большим плутом, но, тем не менее, всегда знал, как достать нам провизию. Уже позже мы узнали, что он частенько по ночам воровал у фермеров овец, цыплят и поросят, а потом продавал их нам по хорошей цене.

Израсходовав все свои запасы и придя в отчаяние от того, что больше ничем не смогу помочь этим людям, я окликнула проходящего мимо генерал-адъютанта Питерсхэма. Будучи сильно взволнованной, я довольно резко сказала ему: «Подойдите и посмотрите на этих офицеров, проливавших кровь в сражениях, а теперь испытывающих полную нужду, потому что они не получили того, что им причитается. И ваша прямая обязанность поговорить об этом с генералом». Моя речь произвела должный эффект на Питерсхэма, который тотчас же скрылся. Через четверть часа ко мне подошел сам генерал Бергойн и начал трогательным тоном благодарить меня за то,

³⁹⁸ Филипп Джон Шуйлер (1733–1804) — крупный землевладелец в Нью-Йорке, участник Семилетней войны, член Второго Континентального конгресса. В июне 1775 г. был назначен генерал-майором в Северной армии в Нью-Йорке. После захвата британцами форта Тикондероги был заменен генералом Г. Гейтсом в августе 1777 г. за два месяца до окружения Бергойна. Генерал Г. Гейтс пожал плоды, которые подготовил Ф. Шуйлер. Именно в доме Шуйлера поселился Бергойн. После победы под Саратогой Шуйлер поехал туда и встретился с генералом Бергойном и миссис Ридзель. Сестра Ф. Д. Шуйлера Элизабет была замужем за Александром Гамильтоном. (См.: George Washington's generals. Ed. by G. A. Billias. N. Y.: W. Morrow, 1964. P. 54–78.).

что я напомнила ему об его обязанностях. Он добавил, что как главнокомандующий очень сильно жалеет, когда его приказы по снабжению не выполняются должным образом. Я извинилась перед ним за то, что вмешиваюсь в вещи, которые, как я знаю, не являются женским делом, но добавила, что не могу оставаться безучастной, когда вижу, как доблестные офицеры пребывают в нужде, а я ничем не могу им помочь. Так или иначе, он снова поблагодарил меня (хотя, я думаю, что в глубине души он никогда не простит мне моего вмешательства) и отправился к офицерам, сказав им, что горячо сожалеет о том, что произошло. Он пообещал отдать необходимые распоряжения, но почему, спросил он, они сами не пришли к нему за пищей, ведь его кухня была в их распоряжении в любое время. Они ответили, что не в правилах английских офицеров заходить на кухню их генерала, тем более, что они уже с удовольствием перекусили у меня, убежденные в том, что я оказала им помощь от чистого сердца. Затем генерал Бергойн отдал строгий приказ, чтобы провизия была распределена должным образом. Подобные действия только отсрочили наше передвижение и не принесли никакой пользы. Генерал снова вернулся за свой стол, тем временем наша коляска была снаряжена, и мы сделали все приготовления для отъезда. Вся армия была готова отступить и дальше и, как сказал мой муж, это было бы сделано, не потеряй мы время. Генерал Бергойн, которому была обещана награда в случае успешного соединения с армией генерала Хоу, не мог смириться с мыслью, что он потерял все благодаря своему промедлению.

Ближе к двум часам пополудни мы услышали пушечные и ружейные выстрелы, произошло всеобщее смятение и замешательство. Мой муж отправил мне сообщение, чтобы я немедленно отправилась в дом, стоящий неподалеку. Я бросилась вместе с детьми в коляску. Когда мы подъезжали к дому, я увидела, как пять или шесть человек на другой стороне реки Гудзон прицелились в нас из своих ружей. Инстинктивно я столкнула своих детей на пол коляски и накрыла их своим телом. В это мгновение стрелки издали залп и раздробили руку сидевшему за мной английскому солдату, который к тому времени был уже ранен и пытался скрыться в доме. Сразу после нашего прибытия началась ужасная

канонада, причем огонь велся преимущественно в сторону дома, где мы нашли приют. По-видимому, враг, увидев, как в эту сторону бежит множество людей, решил, что это генерал Бергойн собственной персоной. Но, увы, в доме расположились только раненые и женщины! В конце концов нам пришлось искать убежища в подвале, где я нашла место для себя и детей рядом с дверью в углу. Мои дети легли на пол и положили головы мне на колени. И в таком положении мы провели всю ночь. Жуткий запах подвала, плач детей и, что самое ужасное, собственный страх не позволили мне сомкнуть глаз.

Артиллерийский обстрел возобновился утром, но уже с другой стороны. Я предложила всем покинуть подвал, чтобы я смогла в нем прибраться, потому что в противном случае мы могли бы подхватить в нем какую-нибудь болезнь. Мое предложение было выполнено. В подвале остались лишь несколько помощников, которые были необходимы для того, чтобы справиться с таким большим объемом работы: женщины и дети, боясь выйти наружу, выпачкали весь подвал. Когда подвал освободили, я внимательно осмотрела наше убежище: в нем находились три прекрасных погреба со сводчатыми потолками. Я предложила тяжелораненых положить в одном погребе, женщин — в другом и всех остальных — в третьем, находившемся рядом с дверью. Я тщательно подмела все вокруг и продезинфицировала уксусом. И когда люди могли уже вернуться и занять свои места, гром артиллерии вновь вызвал панику. Толпа без предупреждения бросилась к двери. Мои дети как раз в это время спускались по ступенькам в подвал, и если бы Господь не дал мне сил сдерживать толпу, нас бы раздавили. Мне пришлось встать напротив двери и раскинуть руки, иначе непременно кто-нибудь получил бы травмы. В дом влетели 11 пушечных ядер, и мы отчетливо слышали, как они крутились над нашими головами. Одному из солдат с уже ампутированной ногой, другую ногу оторвало одним из этих ядер. Когда его товарищи, спасавшиеся от ядер, вернулись, то нашли его, практически бездыханного, в углу комнаты, где он бился в агонии. Я была скорее мертва, чем жива, но не столько из-за переживания за свою жизнь, сколько из-за понимания, какая опасность нависла над моим

мужем. Вскоре от него пришла весточка, что с ним все в порядке, и он осведомлялся о нашем самочувствии.

Супруга майора Харнейджа, миссис Рейнелл, уже потерявшая мужа, супруга того самого лейтенанта, который был так добр, что поделился со мной своим бульоном в предыдущий день, супруга интенданта — вот весь список дам, которые остались при армии. Мы сидели все вместе и оплакивали нашу долю, когда вдруг вошел человек, прошептал что-то другим, и они стали смотреть друг на друга с печалью в глазах. Я заметила, что все взгляды устремились на меня, хотя никто ничего не произнес вслух. И тут мне в голову пришла ужасная мысль, что мой муж убит. Я вскрикнула. Однако они стали меня уверять, что это не так и по их кивкам я поняла, что дело касается супруги того самого лейтенанта, и что беда приключилась с ним. Бедную женщину попросили выйти наружу. Как оказалось, ее супруг был еще жив, но пушечное ядро оторвало ему руку по самое плечо. Мы слышали его стоны всю ночь, причем они были ужасны вдвойне, так как звук эха разносился по всему подвалу. Ближе к утру бедолага скончался. Тем временем мой муж пришел навестить меня. Эта встреча развеяла мой страх и вернула мужество.

Следующим утром мы занялись обустройством своего временного жилища. Майор Харнейдж, его супруга и миссис Рейнелл соорудили себе отдельную комнату, отгородив угол с помощью занавесок. Они предложили мне организовать пространство подобным образом в другом углу, но я предпочла остаться рядом с дверью на случай, если начнется пожар, то я могла бы выбраться как можно быстрее. Я положила на пол охапку соломы, накрыла ее сверху постельным бельем и спала на ней вместе с детьми, неподалеку от своих служанок. Напротив меня разместились три раненых английских офицера, которые решили в случае отступления здесь не оставаться. Один из них, капитан Грин³⁹⁹, был адъютантом генерала Филиппса, очень учтивый и вежливый человек. Все трое поклялись мне, что если начнется стремительное отступление, то они не оставят меня в беде, и что каждый из них возьмет одного из

³⁹⁹ Капитан Чарльз Грин — офицер 31 полка. (См.: *Ford W.Ch. British officers serving in the American revolution, 1774–1783*. N. Y.: Historical Printing Club, 1897. P. 85.).

моих детей и посадит на свою лошадь. Мой муж приказал держать одну из своих лошадей все время оседланной, чтобы она была готова сразу же увезти меня. Кроме того, он постоянно настаивал на том, чтобы я отправилась к американцам, избавив тем самым меня от опасности. Но я отвечала ему, что это самая худшая участь для меня, так как я не смогу жить и быть обходительной с людьми, зная, что в это время мой муж сражается с ними. В итоге он пообещал, что я смогу и дальше продолжать следовать за армией. Однако неоднократно мной овладевал страх, что армия ушла без меня. И тогда я выползла из своего подвала, и, увидев костры, возле которых грелись солдаты, так как ночи были уже холодными, возвращалась обратно и засыпала спокойным сном. Кроме того, меня заботили вещи, отданные мне на хранение. Я сложила их в корсет, так как постоянно боялась, что потеряю часть их. Я решила, что больше никогда не буду брать на себя подобную ответственность. На третий день мне подвернулся подходящий случай в нашем уютном углу, чтобы сменить верхнюю часть одежды, пока три вышеупомянутых офицера находились на дежурстве. Один из этих джентльменов довольно реалистично имитировал мычание коровы и блеяние телят. И когда моя маленькая дочка Фредерика начинала плакать по ночам, он издавал эти звуки, от которых моя дочь сразу же успокаивалась, а мы весело смеялись.

Хотя наш повар и приносил нам пищу, но он нигде не мог найти воды, и я очень часто утоляла жажду вином и даже давала его детям. Более того, это был единственный напиток, который употреблял мой муж. Этот факт начал беспокоить нашу преданную служанку Ракель, которая сказала мне однажды: «Я думаю, что наш генерал пьет вино потому, что боится попасть в плен и что он устал от жизни». Непрерывная опасность, окружавшая моего мужа, погружала меня в длительную тревогу. Поскольку я была единственной из всех женщин, чей муж не погиб или не был ранен, я часто спрашивала себя: «Неужели счастье будет улыбаться лишь мне одной?» — особенно, когда мой муж подвергается опасности день и ночь напролет. Он даже не спал в своей палатке, а проводил ночи у костра вместе с дозорными. Что уже само по себе могло стать причиной его смерти, так как ночи были дождливыми и холодными.

Так как мы были плохо обеспечены водой, мы в конце концов нашли жену одного из солдат, которая оказалась достаточно храбра, чтобы дойти до реки и набрать там воды. Дело в том, что каждый мужчина, приближавшийся к реке, рисковал получить из вражеского оружия пулю в голову. Однако они не трогали женщин из уважения к их полу, как они говорили нам впоследствии.

Я пыталась оторваться от тягостных дум с помощью общения с ранеными офицерами: готовила для них чай и кофе, за что получала тысячу благодарностей. Часто я делила с ними свой обед. Однажды к нам в подвал пришел канадский офицер, он был так слаб, что еле стоял на ногах. По нему было видно, что он скоро умрет от голода. Я с удовольствием отдала ему свой собственный обед, который принес ему сил, а мне — его дружбу. Позже, когда мы вернулись в Канаду, я познакомилась с его семьей.

Одним из худших испытаний, которое мы выдержали, оказался резкий запах, распространявшийся от гниющих ран. Одно время я была сиделкой у майора Блумфельда⁴⁰⁰, адъютанта генерала Филиппса. Пуля прошла насквозь через его щеки, раскрошив зубы и задев язык. Майор ничего не мог держать во рту: он постоянно задыхался от стекающего гноя и мог употреблять в пищу только бульон или другую жидкость. У нас было при себе немного рейнского вина. Я дала ему бутылку в надежде, что кислота прочистит его раны. Он взял немного вина на язык, и этот глоток произвел такой удачный эффект, что его раны полностью зажили, а я, тем самым, приобрела еще одного друга. Таким образом, даже в часы страданий и скорби мне выпадали минуты удовлетворения, которые делали меня совершенно счастливой.

В один из этих несчастных дней меня посетил генерал Филиппс в сопровождении моего мужа, который приходил ко мне один-два раза в день, рискуя при этом своей жизнью. Он оценил наше состояние и услышал краем уха, как я прошу моего супруга не оставлять меня здесь в случае быстрого отступления. Генерал Филиппс встал на мою сторону, когда

⁴⁰⁰ Капитан Томас Блумфельд (1744–1822) — вернулся в Англию в 1779 г. Был избран членом парламента, получил чин генерал-лейтенанта, титул баронета. Позже стал королевским маршалом. (См.: *Ford W.Ch.* Op. cit. P. 29.).

услышал, что мне ненавистна сама мысль остаться с американцами. Когда он уходил, то сказал моему мужу: «Нет! Я не вернусь сюда даже за 10 тысяч гиней, потому что мое сердце совершенно разбито».

С другой стороны, не все мужчины, которые были среди нас, заслуживали сострадания. Некоторые из них были трусами, не имевшими никаких причин оставаться в подвале. Позже, когда нас взяли в плен, они спокойно встали в строй и двинулись маршем. Мы находились в ужасном положении в течение шести дней. В конечном счете начались разговоры о капитуляции, так как из-за слишком долгой задержки отступление сделалось невозможным. После прекращения боевых действий мой муж, совершенно истощенный, смог впервые за долгое время переночевать на кровати в доме. Для того чтобы его никто не тревожил, я поставила ему кровать в маленькой комнате, а сама вместе с детьми и прислугой разместились в большой зале. В девять часов утра к нам пришел человек, который срочно хотел поговорить с мужем. С огромной неохотой мне все-таки пришлось его разбудить. Я заметила, что полученное сообщение сильно огорчило супруга. Он незамедлительно отправил посланца в штаб и, раздосадованный, лег спать опять. Позже генерал Бергойн позвал всех своих генералов и штабных офицеров принять участие в военном совете, в ходе которого он предложил, основываясь на ошибочном отчете, нарушить капитуляцию. Однако в конечном счете было принято решение о нереальности и нецелесообразности данного шага, что, несомненно, спасло нас от катастрофы, потому что позже американцы рассказали нам, что если бы мы нарушили условия капитуляции, то они устроили бы настоящую бойню. А так как у американцев было время довести численность своей армии до 20 тысяч человек против наших 4–5 тысяч, они бы довольно легко одержали безоговорочную победу⁴⁰¹.

⁴⁰¹ Армия Бергойна на 07.10.1777 г. насчитывала 4693 человека, а у Гейтса было 6000 солдат и от 1200 до 3000 — милиции. (См.: *Bird H. March to Saratoga; General Burgoyne and the American Campaign, 1777. N. Y.: Oxford University Press, 1963. P. 285, 287.*) В другом исследовании дается цифра солдат Бергойна — 5756 чел., из которых около 1100 вернулось прямо в Канаду. (См.: *Dabney W.M. After Saratoga: the story of the Convention Army. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1954. P. 27.*)

16 октября мой муж вернулся к своим обязанностям, а я — в свой подвал. В этот день офицерам, которые до этого получали солонину, плохо способствовавшую выздоровлению от ран, принесли кусок свежего мяса. Добрая женщина, всегда достававшая нам воду, сварила для них чудесный суп. К тому времени я потеряла аппетит и не могла есть ничего, кроме корки хлеба, вымоченной в вине. Раненые офицеры, мои соратники по несчастью, отрезали ломоть мяса и подали мне вместе с тарелкой супа. Я пробовала было отказаться, но они, видя, как я ослаблена от нехватки питания, в категорической форме заявили, что не притронутся к пище, пока я не присоединюсь к ним. Я не могла долго сопротивляться их дружеским просьбам, тем более что, уверили они меня, возможность разделить с ними первую за долгое время свежую пищу сделает их счастливыми.

17 октября состоялась официальная капитуляция. Генералы отправились к американскому главнокомандующему генералу Гейтсу, а войска сложили свое оружие и признали себя военнопленными. Добрая женщина, достававшая нам воду с риском для жизни, получила награду. Каждый бросал горстку монет в ее фартук, и, в конце концов, у нее набралось более 20 гиней. Именно в такие моменты сердце наполняется благодарностью.

Наконец мой муж прислал конюха, с тем, чтобы я присоединилась вместе с детьми к нему. Я снова вернулась в свою любимую коляску, и пока мы путешествовали через американский лагерь, я с облегчением заметила, что никто не бросал на нас злобных взглядов. Американцы кланялись мне, а некоторые смотрели с жалостью на женщину и маленьких детей, оказавшихся по воле судьбы в столь неподходящем месте. Признаться, я боялась ехать к врагу, для меня это был совершенно новый опыт. Когда я приблизилась к палатке, какой-то галантный мужчина подошел ко мне, помог спуститься из коляски моим детям, обнял их и поцеловал, а затем, со слезами на глазах, помог выйти и мне. «Вы дрожите? — спросил он. — Не бойтесь». «Нет, — ответила я, — То, что вы добры и нежны к моим детям, придает мне мужества». Он проводил меня в палатку генерала Гейтса, где я обнаружила генералов Бергойна и Филиппса. Генерал Гейтс был очень любезен к Бергойну. Последний сказал мне: «Не бойтесь, все ваши

страдания подошли к концу». Я ответила, что было бы ошибкой испытывать страх, видя, в каких дружеских отношениях с генералом Гейтсом наш главнокомандующий. Все генералы были приглашены на обед к генералу Гейтсу. Тот самый мужчина, который так радушно встретил меня у палатки Гейтса, произнес: «Должно быть, вам будет довольно стеснительно обедать со всеми этим джентльменами. Пойдемте с детьми в мою палатку. И хотя я могу вам предложить лишь скромную пищу, я сделаю это с превеликим удовольствием. «Хорошо, — ответила я. — Я вижу, что вы тоже супруг и отец, раз так добры ко мне». Позже я узнала, что это был не кто иной, как американский генерал Шуйлер. Он угостил меня восхитительным копченым языком, бифштексом, картофелем и хлебом с маслом. Ни один из обедов не казался мне таким вкусным, как этот. К моему удовольствию, все относились ко мне с уважением, и, что самое важное, мой супруг находился в безопасности.

Когда мы пообедали, генерал Шуйлер предложил мне погостить в его доме, близ Олбани, добавив, что генерал Бергойн так же отправиться туда. Я отправила своему мужу сообщение, что бы он посоветовал, как мне нужно поступить. Он предложил мне принять приглашение. Так как путешествие туда заняло бы два дня, а время было довольно позднее — пять часов после полудня — мой супруг посоветовал отправиться вперед и переночевать в местечке неподалеку. Генерал Шуйлер поручил сопровождать меня французскому офицеру, очень галантному человеку, командовавшему местным разведывательным отрядом, который я уже упоминала. Он доставил меня в дом, где мы провели ночь, а сам вернулся в лагерь.

В этом доме я встретила французского врача, на чьем попечении находился смертельно раненый брауншвейгский офицер, скончавшийся несколько дней спустя. Пациент осыпал доктора похвалами, и возможно, он был действительно квалифицированным хирургом, но в то же время все в нем выдавало щегольские повадки. Он крайне обрадовался, когда узнал, что я говорю по-французски. Он осыпал меня сладчайшими оборотами, но ему хватило дерзости сказать, что я не похожа на жену генерала, так как женщина такого высокого статуса никогда бы не позволила себе сопровождать

мужа в походах. На что я ему возразила, что мне приятней сопровождать победителя, нежели оставаться с побежденными. И хотя я была взбешена его нахальством, но все же не отважилась показать ему, какое презрение я к нему испытываю, так как в данный момент я была беззащитной. С приближением ночи, он предложил мне разделить с ним его комнату. Однако я ответила, что предпочту остаться с раненым офицером, на что он отвесил мне несколько глупых комплиментов. Внезапно открылась дверь, и в дом вошел мой супруг в сопровождении адъютанта. «Вот, сэр, познакомьтесь с моим мужем», — сказала я ему и бросила на него испепеляющий взгляд, после чего он смущенно откланялся. Однако ему хватило вежливости отдать нам свою комнату.

На следующий день мы прибыли в Олбани, куда так стремились попасть. Но мы прибыли сюда не как победители, как представляли раньше. Генерал Шуйлер, его супруга и дочери приветствовали нас не как врагов, но вполне себе дружелюбно. Они были добры не только по отношению к нам, но и к генералу Бергойну, хотя, как было упомянуто выше, именно Бергойн понапрасну сжег принадлежавшие Шуйлеру прекрасно меблированные дома. Но они были не из тех людей, которые возмещают свои потери за счет несчастья других. Генерал Бергойн, тронутый их великодушием, произнес: «Вы так добры к человеку, который причинил вам столько вреда». «Таковы превратности войны, — ответил любезный генерал Шуйлер. — Прошу вас никогда больше не вспоминать об этом». Мы пробыли в гостях три дня, и они уверяли нас, что очень сожалеют о том, что нам придется покинуть их дом.

Наш повар вместе со всем снаряжением моего мужа остался в городе. На вторую ночь после нашего прибытия, обоженная охрана, состоящая из 10–12 американцев, украла все наши вещи. У нас не осталось ничего, кроме постельных принадлежностей и нескольких бытовых вещей, которые я хранила при себе. А так как в этой стране мы не могли себе купить ничего ни по какой цене, мы оказались в крайне затруднительном положении без вещей первой необходимости. Кроме того, моему мужу надо было снабжать провиантом своих адъютантов, штабных офицеров и прочих. Наши друзья, англичане, которых я могу назвать настоящими друзьями, в течение всего времени нашего пребывания в Аме-

рике всегда выручали нас: каждый преподнес нам в подарок несколько вещей. Один, к примеру, подарил нам пару ложек, другой — несколько тарелок. Всем этим мы пользовались долгое время, пока спустя три года в Нью-Йорке нам не выпал удобный случай вернуть за огромные деньги вещи, которые мы потеряли. К счастью, в моей коляске сохранились мои личные вещи. Так как стояла поздняя осень, а погода становила все промозглее, я приказала соорудить поверх коляски крышу из грубого холста, загрунтованного масляными красками. В ней мы совершили трудное и утомительное путешествие в Бостон⁴⁰².

Сложно сказать, то ли мое транспортное средство, похожее на фургон, в котором перевозят редких животных, возбуждало такое любопытство, но очень часто мне приходилось останавливаться, так как люди хотели посмотреть на супругу немецкого генерала и ее детей. Из опасения, что они в неистовстве повредят холщовую крышу коляски, я решила, что будет лучше, если я буду иногда спускаться к ним. Нельзя не признать, что люди были настроены дружелюбно и особенно радовались, когда слышали, что я могу говорить на их родном языке — английском.

Во всех моих испытаниях Господь никогда не оставлял меня, поэтому я не потеряла ни веселого настроения, ни мужества. Но мой бедный муж, охваченный унынием после того, что с ним случилось, к тому же находясь в плену, был очень раздосадован такими эпизодами и с трудом переносил их. Его здоровье было подорвано ночами, проведенными под открытым небом, в холоде и сырости, и поэтому он часто принимал лекарства. Однажды, когда он ослабел после принятия рвотного средства, американский конвой, охранявший нас, начал вести себя шумно. Они пили и веселились за дверью, и когда он попросил их вести себя потише, они еще больше расшумелись. Тогда мне пришлось вмешаться: я сказала, что мой муж болен, и поэтому, не могли ли они вести себя чуточку поспокойнее. Они сразу же замолчали. Вот еще одно подтверждение тому, что эта нация относится с уважением к нашему полу.

⁴⁰² Генерал Ридзель покинул Олбани 22 октября и прибыл в Бостон 7 ноября 1777 г.

Некоторые из американских генералов, сопровождавших нас, были сапожниками по профессии. Они изготавливали для наших офицеров сапоги и ремонтировали башмаки. Они просили за свою работу отчеканенные монеты, которые были у них в остром дефиците. У одного нашего офицера совершенно износились сапоги. Как-то раз он увидел на американском генерале пару новых сапог и в шутку предложил ему: «Я охотно приобрету их у вас за гинею». Генерал немедленно спрыгнул со своей лошади, взял гинею, отдал офицеру свои сапоги, одел его порванные и запрыгнул обратно на коня.

Массачусетс и Вирджиния

Наконец мы достигли Бостона, и наши войска были расквартированы в казармах неподалеку, на Винтер Хилл⁴⁰³. Нас поселили в доме фермера, где выделили нам только одну комнату на чердаке. Мои горничные спали на полу, а мужчины в холле. Долгое время все, на чем мы спали, — это небольшое количество соломы, поверх которой я постелила наше постельное белье, потому что у меня не было ничего, кроме походной кровати. Наш хозяин разрешил нам есть внизу в той комнате, где вся его семья вместе спала и ела. Это был хороший человек, но жена его в отместку за беспокойство, которое мы ей причинили, вознамерилась досаждать нам во время наших трапез, расчесывая своим детям волосы, полные паразитов, что часто лишало нас всякого аппетита, а когда мы попросили заниматься причесыванием в другом месте или в другое время, она ответила: «Это моя комната; мне удобно находиться здесь и причесывать моих детей сейчас». Нам пришлось промолчать, поскольку в противном случае она могла бы выставить нас из дома.

⁴⁰³ Эти бараки на Винтер Хилл были никудышными деревянными постройками, возведенными американцами в 1775 г. во время осады Гейджа в Бостоне. В одну комнату селили по 4 офицера или по 20 солдат. Из описания современника: «Они были построены из досок, а окна закрыты бумагой, поэтому зимой было полно свежего воздуха». В действительности, брауншвейгцам повезло чуть больше, чем британцам, на многообещающе звучащем Проспект-Хилле. Генерал Ридзель купил коляску, и жизнь его семьи была не так ужасна, но он влез в долги, и генерал Клинтон помог ему деньгами. (См.: *Dabney W.M. Op. cit. P. 45, 49.*)

Однажды наши джентльмены, не обращая внимания на эту мерзость, праздновали день рождения, кажется, английской Королевы, и выпили немало вина. Две мои старшие дочери, крошка Августа и Фредерика, заметили, что оставшееся вино было убрано под лестницу, чуть-чуть попробовали его, чтобы тоже иметь возможность выпить за здоровье Королевы. Они сели снаружи у двери и выпили столько тостов, что не смогли держать голову, а у Федерики даже сделалась лихорадка, страшно меня испугавшая, потому что у нее начались судороги, а у меня не было никаких предположений, что могло их вызвать. Когда, наконец, на помощь пришла природа, и ее стошнило, я увидела, что все беда случилась из-за вина, и строго отругала девочек, на что они ответили, что тоже любят Короля и Королеву и поэтому не могли удержаться и не пожелать им счастья.

Мы оставались в этом месте в течение трех недель, прежде чем нас забрали в Кембридж, где поместили в одном из самых красивых домов, принадлежавшем прежде роялистам (т. е. лоялистам)⁴⁰⁴. Никогда не видела более очаровательного места. Семь семей, частью родственники, частью друзья, владели здесь купленными на правах аренды именьями с садами и великолепными домами и фруктовыми садами неподалеку. Все эти поместья располагались всего лишь в одной восьмой мили друг от друга. Каждый день владельцы собирались после обеда в доме у одного или другого, наслаждаясь музыкой и танцами, и счастливо жили в уюте и гармонии до того, как — увы — опустошительная война разметала их всех, оставив все дома заброшенными, кроме двух, владельцы которых также принуждены были вскоре бежать.

Никому из наших джентльменов не разрешалось ездить в Бостон⁴⁰⁵. Мое любопытство и желание повидать дочь гене-

⁴⁰⁴ Дом, который занимали Ридзели, до сих пор сохранился в Кембридже — номер 149 по Бретел-стрит. Дом переехал чере Ридзель-авеню и был модернизирован. Бретел-стрит называли «дорогой тори» из-за лоялистских позиций, которые занимали ее жители. Ридзели жили в доме Лечмеров-Сьюэлов. (См.: *Paige L.R. History of Cambridge, Massachusetts. 1630-1877. With a genealogical register.* Salem, Mass.: Higginson Book Co., 1995. P. 167-169.).

⁴⁰⁵ В своих записках лейтенант Энберей назвал его в тот момент «грандиозной ярмаркой восставших». (См.: *Anburey T. Travels through the interior parts of America.* N. Y., 1969. Vol. I. P. 56.).

рала Шуйлера, миссис Картер⁴⁰⁶, побудило меня отправиться, и я обедала с ней несколько раз. Это довольно красивый город, но населенный горячими патриотами и полный злых людей; особенно отталкивающими были женщины, которые бросали на меня ужасные взгляды, а некоторые даже плевались, когда я проходила мимо них. Миссис Картер была благородной и хорошей, как ее родители, но муж ее был дурным и ненадежным человеком. Они часто посещали нас и трапезничали с нами и другими генералами. Мы изо всех сил старались отблагодарить за их доброту. Они также казались очень дружески расположенными к нам, но как раз в это время, когда английский генерал Хоу поджег многие деревни и города, этот ужасный мистер Картер сделал то отвратительное предложение американцам обезглавить наших генералов, положить их головы в маленькие бочонки, засолить и отправить по одному из этих бочонков англичанам за каждую деревню или город, которые они подожгли. К счастью, это мерзкое предложение не было принято.

Будучи в Англии⁴⁰⁷ я познакомилась с капитаном Фентоном из Бостона, услуг которого хотели американцы, когда началась война, но который, будучи верным своему Королю, отказался повиноваться. После этого женщины из озлобленной толпы схватили его жену, крайне почтенную даму, и его хорошенькую пятнадцатилетнюю дочь, и, несмотря на их добродетельность, красоту и смущение, раздели их до нитки, вымазали дегтем, обваляли в перьях и провели так по городу. На что только не способны люди этого сорта, когда ими движет злейшая ненависть!

Был еще случай с двумя братьями, которые нежно любили друг друга, но один выбрал партию Короля, а другой республиканцев. Первый, желая вновь увидеть брата, взял отпуск и отправился к нему. Второй радостно встретил его и сказал: «Я так счастлив видеть, что ты вернулся на сторону добра». — «Нет, брат мой, — ответил лоялист, — я оста-

⁴⁰⁶ Анжелика Шуйлер, старшая дочь генерала Шуйлера, вышла замуж за Джона Баркера Черча, известного, как «мистер Картер». Поэтому мадам Ридзель называет ее миссис Картер. Джон Баркер Черч (1748–1818) — англичанин, бизнесмен, сочувствовал Американской революции, снабжал континентальную и французскую армию во время Войны за независимость (Генеральный комиссар Французской армии в Америке).

⁴⁰⁷ По пути в Америку.

нусь верным моему Королю, но это не может помешать мне любить тебя». И тогда американец в гневе вскочил, схватил пистолет и пригрозил застрелить его, если он тотчас же не покинет дом. Все уверения доброго брата в том, что различие в политических взглядах не может повредить их любви, были тщетны. Второй только вскричал: «Только моя прежняя любовь к тебе мешает мне пристрелить тебя немедленно, ибо любой роялист — враг мне!» И он бы действительно сделал это, если бы брат его наконец не ушел. Почти все семьи были разделены таким образом, и я поняла, что нет ничего ужаснее гражданской войны. И мы были вынуждены либо жить с такими людьми, либо не видаться ни с кем. Разумеется, я предпочла второе.

Генерал Филипп оставался нашим добрым и верным другом, и мы много виделись. Более того, наш дом был всегда полон англичан с тех пор, как мы узнали, что в Англии принято, когда гость уходит, приглашать его прийти снова. Пока мы этого не знали, то с удивлением замечали, что люди определенного рода, которые нам были приятны, больше не приходили. После мы стали следовать английскому обычаю и нашли его очень удобным, потому что он позволял выбирать людей, с которыми больше всего хотелось знаться. Однако некоторые люди были, как говорят англичане, нахальными.

В Кембридже я видела, как целый дом перевозили на длинных бревнах, к концам которых были прилажены колеса. Дом поднимают домкратом, подсовывают под него бревна, а потом без труда перевозят.

3 июня 1778 года я давала бал и ужин в честь дня рождения моего супруга. Я пригласила всех генералов и офицеров. Картеры тоже пришли, а генерал Бергойн прислал извинения после того, как мы прождали его до восьми часов вечера. Под одним или другим предлогом он отказывался от всех наших приглашений до того самого момента, как уехал в Англию. Перед отъездом он зашел ко мне, чтобы лично принести извинения, на что я ответила только, что мне было бы жаль, если бы он испытал из-за нас какое-либо неудобство. Было много танцев, и мой повар приготовил отличный ужин для более чем восьмидесяти гостей. Более того, наш двор и сад были иллюминированы. Поскольку день рождения Короля был четвертого, на следующий день, то мы решили не

расходиться, прежде чем не выпьем за здоровье Короля, что и было совершено с самой искренней верностью — ему самому и его стороне.

Никогда еще, я думаю, «Боже, храни Короля» не пели с большим воодушевлением или большей искренностью. Даже двух моих старших дочерей привели вниз, чтобы они были с нами и видели иллюминацию. Все глаза были наполнены слезами, и каждый, как казалось, гордился тем, что имеет смелость так праздновать, находясь среди врагов. Даже Картеры не смогли остаться равнодушными. Когда гости разошлись, мы увидели, что дом был полностью окружен американцами, у которых при виде того, что так много людей входит в дом, и при виде иллюминации появились подозрения, и они стали опасаться, что мы готовим восстание, и при малейшем шуме мы бы дорого за него заплатили.

Всегда, когда американцы хотят собрать войска, они устранивают на каждом холме зажженные факелы, и по этому сигналу все спешат собраться. Однажды мы были свидетелями попытки генерала Хоу высадиться в Бостоне⁴⁰⁸, чтобы освободить взятые в плен войска. Как обычно, враг заранее узнал об этом плане, выставил свои бочонки с горящим дегтем в качестве сигналов, и в течение трех или четырех дней мы видели, как очень быстро собиралась толпа, без башмаков и чулок и с ружьями за плечами. Вскоре их собралось так много, что высадиться было бы слишком трудно.

Мы вполне счастливо жили в Кембридже и хотели бы оставаться там, покуда наши войска оставались в плену, но с приближением зимы получили приказ отправиться в Вирджинию⁴⁰⁹. В это время мне пришлось предпринять некоторые меры, чтобы обезопасить флаги наших германских войск. Мы сказали американцам в Саратогe, что флаги сожгли, что пона-

⁴⁰⁸ В декабре 1777 г.

⁴⁰⁹ Конвенция никогда не была принята до конца, и к войскам, взятым в плен под Саратогой, относились как другим пленникам. Конгресс высказывал опасения, что если отправить их обратно в Англию, они будут использованы на гарнизонной службе, а вместе с ними придут в Америку свежие силы. Лафайет, утверждавший, что британцы нарушили соглашение Кластер-Цевен в Семилетней войне, повлиял на решение Конгресса поступить так же. Так как цены в Бостоне были чрезвычайно высоки, было решено сдавшиеся войска перевести в Вирджинию, где жизнь была более дешевой. (См.: *Elking M. von. Op. cit. P. 152.*)

чалу сильно их раздосадовало, но они больше не говорили об этом. На самом деле сожжены были только древки, а сами полотнища спрятали. Мой муж доверил мне этот секрет и поручил мне сохранить знамена в тайне. Я взяла надежного портного, заперлась с ним в комнате, и вместе мы сделали тюфяк, в который зашили все флаги. Под каким-то предлогом капитана О'Коннелла⁴¹⁰ послали в Нью-Йорк, и он взял с собой этот тюфяк как одну из своих постельных принадлежностей. Он оставил тюфяк в Галифаксе, где мы забрали его и взяли с собой, когда отправлялись из Нью-Йорка в Канаду. Чтобы избежать всякого подозрения в случае, если бы корабль захватили, я взяла его в свою каюту и спала на этих знаках почета в течение всего остального пути до Канады.

Когда мы были готовы отправляться, я обнаружила, что наш повар, который, по счастью, каждый день давал мне расписки за получаемые от меня деньги, никому не заплатил. Мне предъявили неоплаченные счета на общую сумму в тысячу рейхсталеров. Мой муж арестовал его. Все же повар сбежал, и его нанял генерал Гейтс, который, однако, не держал его долго, потому что тот был слишком расточителен. Затем этот повар перешел к генералу Лафайету, который потом сказал нам: «Он подошел бы только Королю». Мой муж был настроен снисходительно к нему за его хорошую стряпню, но этот негодяй ненавидел меня, потому что я пристально следила за ним. И я по-прежнему думаю, что он приложил руку к краже вещей моего мужа в Олбани. Позже мы снова встретились с ним в Нью-Йорке, где он жил в большой бедности. Он соблазнил жену американца, сбежал с ней, а потом оставил ее, потому что был слишком беден и не мог ее содержать.

Муж мой часто страдал от нервозности и депрессии. Единственное, что помогало ему в этом настроении, были прогулки или работа в огороде, так что каждый раз, когда нам приходилось переезжать, я всегда устраивала так, что для него был приготовлен огород, что было нетрудно и об-

⁴¹⁰ Капитан Лаурентис О'Коннелл был офицером инженерных войск в штабе Ридзеля. Был взят в плен у Беннингтона.

ходилось дешево, потому что почти все наши солдаты умели огородничать и были рады немного подзаработать. Я больше обычного благодарила Бога за то, что он дал мне отвагу последовать за моим супругом! Несчастье жить пленником, печальное положение наших войск и отсутствие вестей из дома — все это угнетало моего мужа. Насколько горшим было бы его несчастье, если бы никто не отвлекал его мысли в течение тех шести с лишним месяцев, что он не имел бы от нас вестей. Даже теперь, когда я вспоминаю эти времена, как я счастлива, что не послушала тех, кто хотел помешать мне исполнить мой долг и последовать зову моего сердца, и разделила все его страдания и его печаль.

В ноябре 1778 года мы получили приказ отправляться в Вирджинию. К счастью, мой муж нашел чудесный английский экипаж и купил его для меня, так что мы могли путешествовать с большим удобством, чем прежде. По дороге моя маленькая Августа попросила одного из адъютантов моего мужа, капитана Эдмонстоуна⁴¹¹, не оставлять нас. Растроганный доверием ребенка, он дал ей обещание и верно его выполнял. Я всегда путешествовала вместе с армией, часто по совершенно непроходимым дорогам. Всякий раз, когда мы приближались к опасному месту, капитан, который был очень силен и всегда держался недалеко от нас, спешил нас и проводил наш экипаж. Наш славный старик Рокель, который был со мной и очень радовался такой помощи, потому что он был уже совершенно утомлен, нередко просто оставался сидеть на своих козлах и только звал: «Капитан!». Капитан тут же слезал с коня. Я не хотела, чтобы Рокель позволял себе такую вольность, но доброго капитана это так забавляло, что он просил меня не обращать на это внимания.

Я всегда возила с собой провизию, но в другой повозке. Поскольку эта повозка не могла двигаться так же быстро, как наша, мы часто оставались без еды. Однажды, когда мы проезжали городок под названием [НЬЮ] Хартфорд, где мы собирались остановиться на день, что делалось каждый чет-

⁴¹¹ Капитан Эдмонстоун был молодым английским помощником, приданным генералу Ридзелю. Он учился в Каролинском колледже в Брауншвейге незадолго до Американской революции. Он оказал огромную помощь мадам Ридзель в этом тяжелом путешествии и стал любимцем детей. Она даже надеялась женить его на своей младшей сестре и была очень расстроена его смертью.

вертый день, мы встретили генерала Лафайета, и мой муж пригласил его на ужин, потому что тот не мог найти места, где поесть. Я была чрезвычайно смущена, так как знала, что генерал любил хорошо поужинать. Истратив всю провизию, которая у нас была, я сумела в итоге подать довольно неплохой обед. Он был так вежлив и приятен, что всем нам очень понравился. В его свите было много американцев, которые только что из кожи не выпрыгивали, потому что мы всегда говорили по-французски. Может быть, они боялись, что, будучи на такой дружеской ноге с генералом, мы бы могли перетянуть его на свою сторону, или что он мог бы рассказать нам вещи, которые они не хотели бы сообщать нам. Он много говорил об Англии и о том, что Король был так добр к нему, что показал ему все. Я не смогла удержаться и спросила его, как же он осмелился принять от Короля столько добра в тот самый момент, когда он собирался уезжать, чтобы воевать против него. Он выглядел изрядно смущенным моим замечанием и ответил: «Правда, что эта мысль однажды посетила и меня, когда Король предложил мне осмотреть его флот. Я сказал, что надеюсь увидеть его в какой-нибудь другой раз, и затем тихо удалился, чтобы избежать конфуза снова ответить отказом на его предложение». Другие, однако, обвиняли Генерала в том, что в Англии он находился как шпион, отплыв оттуда прямо в Америку⁴¹².

Как-то вечером мы прибыли в одно очень приятное местечко, но наш дополнительный фургон отстал, и мы едва не умерли от голода. Когда я заметила в доме, где мы остановились, изрядное количество мяса, я попросила хозяйку дома дать мне немного. «У меня есть все виды мяса, — сказала она, — говядина, телятина и баранина». У меня потекли слюнки. «Дайте мне немного, — сказала я, — и я хорошо заплачу вам за него». Она щелкнула пальцами почти у меня под носом и сказала: «Вы ничего из него не получите. Зачем вы покинули свою родную страну, чтобы приехать сюда и убивать нас и опустошать наше имущество и вещи?» — «Посмотрите на этих несчастных детей, — ответила я. — Они теряют со-

⁴¹² Незадолго до отправки в Америку Лафайет сзидил в Лондон, чтобы навестить своего дядю, маркиза де Ноалля, который был там послом, и провел эти три недели в высшем свете.

знание от голода». Ее это не поколебало. Однако, когда моя дочь Каролина, трех с половиной лет, подошла к ней, взяла ее за руку и сказала по-английски: «Добрая женщина, я очень голодна», — она не смогла устоять. Она привела малышку в свою комнату и дала ей яйцо. «Нет, — сказала добрая девочка, — у меня две сестры». Это растрогало женщину, и она дала ей три яйца со словами: «Я зла на себя, но я не могу отказать ребенку». Тогда она стала дружелюбнее и предложила мне хлеб и молока. Я заварила для нас чаю. Женщина с жадностью смотрела на нас, потому что американцы очень любят чай, но она решила, что больше не будет его пить, потому что налог на чай стал причиной войны. Я предложила ей чашку и подарила небольшой мешочек чая. Это окончательно расположило ее к нам, и она пригласила меня на кухню, где сидел ее муж и грыз поросячий хвост, и, к моей вящей радости, вынесла мне из погреба корзину картофеля. Когда она вернулась, муж предложил ей свое лакомство. Она немножко погрызла его и отдала ему обратно, и он продолжил наслаждаться им. Я с изумлением и отвращением смотрела на это необычное взаимное развлечение. Но мужчина, видимо, подумал, что от голода я завидую, и предложил мне этот хвост, теперь уже основательно погрызенный. Что мне было делать? Если я откажусь, подумала я, его это оскорбит, и я не получу ценную корзину картофеля. Поэтому я взяла его и сделала вид, что грызу. Затем я бросила его в огонь. Так мы окончательно примирились. Они дали мне картофель, и я приготовила пир из картофеля со сливочным маслом. Кроме того, они предоставили нам три чудесных комнаты с кроватями.

На следующее утро мы отправились дальше, и где бы мы ни проезжали, везде вызвали любопытство местных жителей. Когда мы добрались до реки Хадсон, мы остановились в доме лодочника, который любезно предложил нам половину недоделанную комнату без стекла в окне. На ночь мы завесили проем одеялом и спали на соломе, потому что наша повозка с вещами сломалась, и поэтому у нас не было постельных принадлежностей, кофе, чая и сахара, — иногда это было все, чем мы довольствовались во время этой поездки. Хозяйка дома была совершеннейшей фурией. На следующее утро она наконец разрешила нам, когда прибыли наши вещи, позавтракать в ее комнате, потому что стоял декабрь,

и мы не могли разжечь огонь в нашей. Однако мы не смогли ее убедить предоставить нам отдельный стол, и она не позволила нам сесть за ее стол, пока она, дети и слуги не закончили с завтраком, который состоял из остатков прошлого ужина, капусты, ветчины и тому подобного и кофе с грубым сахаром; она оставила всю свою грязную посуду на столе, так что нам пришлось вымыть ее, прежде чем мы смогли ей воспользоваться. Когда мы закончили, она настояла, чтобы мы снова все вымыли и вернули ей посуду чистой. При малейшем протесте с нашей стороны она показывала нам на дверь. Она делала все, чтобы помучить нас, потому что была антироялисткой.

К несчастью, случилась буря, и было так ветрено, что лодочник убедил нас, что переходить реку опасно. Его отвратительная жена настаивала на том, чтобы мы ушли, и только после долгих просьб позволила нам остаться еще на два дня. На третий день лодочник пришел к нам в большом смущении и сказал, что нам придется отправляться. Я умоляла его подумать о той опасности, в которой мы окажемся, и, по крайней мере, сопроводить нас, ибо это придаст нам смелости для перехода. Он пообещал перевезти нас сам, и мы сели в маленькую лодочку с одним парусом. Едва мы отошли от берега, лодочник выпрыгнул и оставил нам только одного из своих людей, который не знал даже, как правильно управляться с рулем, и в итоге из-за его неумения и противного ветра мы плавали вверх-вниз по реке в большом страхе более пяти часов, прежде чем наконец достигли другого берега. И даже тогда нам пришлось идти по колена в болоте до дома полковника Осборна⁴¹³, очень богатого человека, у которого мы должны были остановиться.

Мне дали две маленькие, но приятные комнатки для меня, моего супруга, детей и двух моих служанок, но в этих комнатах должны были завтракать, обедать и ужинать и мы, и адъютанты. Поскольку мои чулки промокли насквозь, я попросила наших офицеров выйти из комнаты, пока я их сменяю. Они хотели в это время погреться на кухне, но хозяин взял

⁴¹³ Полковник Осборн был ярким антироялистом, но при этом приветливым человеком. У генерала Ридзеля было письмо к нему от генерала Гейтса. (См.: *Riedesel F.A. Op. cit. Vol. II. P. 63.*).

их под руки и вышвырнул оттуда со словами: «Ах, вы гнусные роялисты! Вам недостаточно того, что я предоставил вам комнаты? Оставьте ли вы меня когда-нибудь в покое?» Он только что вернулся с поля и в костюме из грубой ткани, с длинной бородой и грязным бельем выглядел, как медведь, так что мы содрогнулись. Однако жена его была хорошей. На следующий день, который оказался воскресеньем, она пригласила меня выпить с ней кофе после обеда. Я только села, как вошел хозяин, который выглядел немного лучше после того, как побрился и надел воскресный костюм. Поскольку я не могла забыть вчерашнюю сцену, то немедленно встала и хотела выйти из комнаты. Но он закрыл дверь и спросил меня: «Вы меня боитесь?» Я ответила: «Я никого не боюсь, даже дьявола, на которого вы вчера были очень похожи». «Но сегодня я выгляжу лучше, не правда ли?» — спросил он. «Да, — ответила я. — Но я всегда стараюсь избегать невежливости». Мое поведение, по-видимому, скорее понравилось ему, чем рассердило; он взял меня за руку и настоял на том, чтобы я снова села. «Я не такой плохой, как вы думаете, — сказал он. — Вы мне нравитесь, и если бы я не был женат, я бы женился на вас». — «Но откуда вы знаете, что я вышла бы за вас?» — отвечала я. — «Это мы скоро увидим, — сказал он. — Я очень богат, и вся сельская местность вокруг принадлежит мне. Моя жена уже стара, и я думаю, что вам лучше всего было бы остаться здесь». С этого момента я могла иметь все, что только пожелаю в доме, потому что добрая женщина была рада поделиться со мной всем, что у нее было.

Нам пришлось провести там неделю, чтобы дать нашим войскам время перейти реку, что было медленным делом из-за недостатка лодок. Нашим третьим хозяином был немец, у которого мы удобно разместились и имели также хорошую еду. Оказалось, что старик был сыном кучера, который служил у графа Гертца в Германии⁴¹⁴. Когда ему было двенадцать лет, отец наказал его за какое-то озорство. Тогда он решил

⁴¹⁴ Граф Карл Фридрих Адам Гертц (1733–1797) служил в гессенской армии с 1750 по 1762 гг. и в конце концов стал прусским генералом, в это время был носителем титула. Несколько выдающихся представителей этой семьи служили в Пруссии. Граф был один из тех, кто учился в Каролинском колледже в Брауншвейге, и, несомненно, был знаком с Ридзелями.

убежать и как-то добрался до Лондона. Поскольку в американские колонии часто отправляли людей, он оказался в одной из этих групп. Его счастливая звезда привела его к хорошему хозяину, который очень к нему привязался, дал ему образование и через несколько лет службы, как это обычно делается, выделил ему немного земли, чтобы ее возделывать. Он очень усердно работал и вскоре смог арендовать у своего господина ферму, а тот, видя, какой он усердный работник и как хорошо обо всем заботится, выдал за него свою дочь. Теперь у старика было двое сыновей, которые тоже арендовали фермы, и единственное, что мешало ему быть совершенно счастливым, была мысль о том, что он оставил своего отца, которому он часто посылал деньги. Зная, что семья Ридзелей были друзьями и соседями семьи Гертцев, он был чрезвычайно добр к нам и опечалился, когда мы уезжали.

В другой раз мы ночевали у полковника Хоу, которому я хотела сказать любезность, спросив его, не родственник ли он английскому генералу. «Боже сохрани, — ответил он, сильно задетый. — Он меня не стоит». Полковник имел репутацию достойного человека. Когда он был дома, а не в армии, он сам пахал свою землю и со вниманием занимался домашними делами. У него была дочь четырнадцати лет, хорошенькая, но с дурным характером. Я сидела с ней у камина, когда она посмотрела на горящие угли и сказала: «Ха! Если бы Король Англии был здесь, как приятно было бы разрезать его тело, вырвать сердце, поджарить это сердце на этих углях и съесть!» Я в ужасе посмотрела на нее и сказала: «Я почти стыжусь принадлежать к полу, который способен выразить такое ужасное желание». Эта мерзкая девица осталась в моей памяти, и я была рада покинуть этот дом, несмотря на то, что с нами там очень хорошо обращались.

Прежде чем перейти Голубой хребет⁴¹⁵, нам пришлось задержаться еще на неделю, чтобы дать возможность нашим войскам снова собраться. В то время снега было так много, что четверым из наших людей приходилось ехать перед моим экипажем и протаптывать нам дорогу. Мы проезжали

⁴¹⁵ Голубой хребет — цепь горных хребтов и массивов (в том числе Черные горы, Дымные горы) на юго-восточной окраине системы Аппалачей в Северной Америке. Высота над уровнем моря — более 2 км.

живописную местность, но такую суровую и дикую, что она пугала. Часто наши жизни оказывались в опасности, когда мы двигались по головокружительным дорогам, и мы ужасно страдали от холода и, что было еще хуже, от недостатка еды. Когда мы прибыли в Вирджинию, а впереди был еще день пути до нашей цели, у нас не осталось ничего кроме чая и небольшого количества хлеба с маслом, и нам не удалось достать ничего другого. Один из местных жителей дал мне пригоршню сушеных фруктов. В полдень мы пришли в дом, где я попросила еды, но мне в ней резко отказали с замечанием, что им нечего дать роялистским собакам. Я видела немного турецкой муки⁴¹⁶ и попросила пару горстей ее, чтобы я могла смешать ее с водой и сделать немного хлеба. Женщина ответила: «Нет, это для наших негров, которые работают для нас; а вы хотели убить нас». Капитан Эдмонстоун предложил ей за муку гинею или две, потому что мои дети были очень голодны, но она ответила: «Я не дам вам ее и за сто гиней; и если вы умрете от голода, тем лучше». Капитан так рассердился, что хотел забрать часть муки силой, но чтобы избежать сцены, я настоятельно просила его оставаться спокойным, добавив, что, возможно, мы вскоре встретим людей добрее. Но, к несчастью, этого не произошло. Мы не нашли даже убогого жилища. Дороги были ужасны, лошади измождены, мои трое детей были бледны и истощены от голода, и сама я впервые совершенно без надежды. Капитан Эдмонстоун был так чрезвычайно тронут этой картиной, что ходил от одного человека к другому, пытаясь найти что-нибудь поесть, и от одного из кучеров багажной повозки он в конце концов получил кусок черствого хлеба весом примерно в четверть фунта, весь обгрызенный вокруг, потому что он был слишком черствым, чтобы откусить хоть кусок. Когда он принес его мне, глаза детей блеснули. Я хотела дать первый кусок Каролине как самой младшей. «Нет, — сказала добрая девочка, — мои сестры голоднее меня». Более того, ни Августа, ни Фредерика не хотели взять его, потому что хотели отдать его своей младшей сестричке.

⁴¹⁶ Индейская мука крупного помола.

Поэтому я разделила его и убедила всех трех съесть свой кусок. Слезы катились по моим щекам, и добрый капитан был так тронут, что не смог больше выносить этого зрелища. Если бы я когда-либо отказывала нищему в куске хлеба, я бы подумала, что это было наказание Господне. Добрый кучер, который так охотно отдал нам свой последний кусок хлеба, получил за него гинею от капитана Эдмонстоуна, а по прибытии на место нашего назначения — много хлеба на обратную дорогу.

Наша цель называлась Колэ, в Вирджинии, куда мой муж ушел вперед с войсками и теперь с нетерпением и соскучившись ожидал нас. Мы прибыли туда в середине февраля 1779 года, проехав из Бостона через провинции Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию и Мэриленд, всего 678 английских миль, примерно за 12 недель. Дом, где мы жили, и вся усадьба принадлежали итальянцу⁴¹⁷, который пустил нас пожить там, поскольку он собирался отсутствовать некоторое время. Мы с нетерпением ожидали отъезда его, жены и дочери, потому что дом был малень-

⁴¹⁷ Филиппо Маццей (Филип Мазай) (1730–1816) — национальный герой США, друг Т. Джефферсона. Сначала занимался медициной во Флоренции и странах Ближнего Востока. В 1755 г., занявшись торговлей, переехал в Лондон, и там познакомился с Б. Франклином и Т. Адомсом. В 1773 г. во главе группы итальянских прибыл в Виргинию для распространения там средиземноморских культур — винограда, оливок и др. Эксперименты проводились на земле к востоку от Шарлотсвилля, на земле соседней с Монтиселло, где жил Т. Джефферсон. Мазай и Джефферсон вскоре подружились и создали первый коммерческий виноградник в Вирджинии. У них немало общего в политических взглядах, их переписка продолжалась до смерти Маццей. В 1779 г. губернатор Вирджинии П. Генри отправил Маццей в Италию как секретного агента. Будучи по дороге арестованным британцами, он провел три месяца на Лонг-Айленде. Освободившись, он обнаружил, что его предварительные усилия в Европе заблокированы Б. Франклиным, который был против посылки агентов отдельными штатами. Тем не менее с 1779 г. по 1783 г. он закупал оружие для американцев в Италии. В 1783 г. Маццей не удалось получить консульский пост в Вирджинии, на который он претендовал, и в 1785 г. он уехал из США путешествовать по Европе, пропагандируя республиканские идеалы. Он написал 4-томную политическую историю американской революции («Recherches historiques et politiques les Etats-Unis de l'Amerique septentrionale»), которую опубликовал в Париже в 1788 г. После выхода книги Маццей стал неофициальным послом США в европейских странах. Переехав в Польшу, он служил тайным советником при короле Станиславе II Понятовском. После раздела Польши в 1795 г. Маццей, как и другие польские придворные, получал пенсию от российского императора. Некоторое время жил во Франции, участвовал в политике Директории, а после прихода к власти Наполеона I переехал в Пизу, где умер в 1816 г. (См.: *Mazzei F., Marraro H.R. Memoirs of the life and peregrinations of the Florentine, Philip Mazzei, 1730–1816.* N. Y.: Columbia University Press, 1942.).

кий и, кроме того, недостаток продовольствия сердил их. С учетом обстоятельств этот человек принял над нами некоторое попечительство. Например, в первый день, когда он заколол барана, он дал нам только голову, шею и потроха, хотя я указала ему, что этим надо будет накормить более двадцати человек. Он уверил меня в том, что из этого получится очень хороший суп, и дал мне два кочана капусты и частично испортившуюся ветчину, и этим нам пришлось удовольствоваться.

Вскоре ожидали прибытия войск, и поэтому было заколото много скота и свиней, и поскольку соли было мало, выкапывали дыры в земле и закапывали туда мясо, порезанное на четвертины и присыпанное пеплом — который считается таким же хорошим консервантом, как соль. Однако, поскольку солнце там часто пригревает даже в январе, верхние слои мяса портились. Мясо привозили нам на тачках. Иногда нам приходилось выбрасывать его полностью, но иногда удавалось отмыть его, посолить и затем закоптить. В первый день, когда мне самой почти нечего было есть, я встревожилась, увидев, как прямо перед обедом приближаются восемь из наших офицеров. Ничего не оставалось, кроме как разделить с ними то немногое, что у нас было. Войска находились в Шарлотсвилле⁴¹⁸, в двух часах отсюда. Чтобы попасть к ним, надо было пройти через красивый лес. Сначала им было там очень неудобно. У них были хижины из бревен, но они не были оштукатурены и у них не было дверей и окон, так что солдаты чрезвычайно страдали от холода. Они усердно работали, чтобы построить для себя дома получше, и вскоре это место стало хорошеньким городком. Позади каждой из казарм находился огород и огороженный дворик для птицы. Когда старые запасы продовольствия были съедены, они получили новую долю свежего мяса и муки, достаточную, чтобы испечь хлеб; кроме того, для оладий и клецок служила крупная маисовая мука. Единственное, чего у них не было — это денег. Англичане посылали очень мало денег,

⁴¹⁸ Бараки были расположены в 4 милях от города. На 16 августа 1780 г. там находилось 77 немецких офицеров, 142 офицера запаса, 25 барабанщиков, 809 солдат, 94 слуги — всего 1147 человек. К 1 декабря 1781 г. их число уменьшилось до 1053 человек. Эти цифры не включали британцев. (См.: *Dabney W.M.* Op. cit. P. 60.).

и было трудно получить что-либо в кредит, что особенно беспокоило рядовых солдат.

К середине февраля фруктовые деревья уже цвели, но цветы убили ночные заморозки. Как только позволила погода, мы засеяли огород и пахотную землю, и когда спустя три недели наш лендлорд уехал, мы забрали все: свиней, диких индюшек и прочее. Последние весили более пятидесяти фунтов каждая и были вполне ручные. Когда пришла весна, все они улетели, чтобы высидеть яйца, которые они отложили в лесу. Мы подумали, что они улетели навсегда, но все они вернулись и привели с собой стайку птенцов.

У нас был большой дом, с большой комнатой в центре и двумя маленькими комнатами с каждой стороны, который стоил моему мужу сотню гиней. Дом был очень красивый. Несколько негров приносили нам все, что у них было из птицы и овощей. Каждую неделю генерал Филипс и мы по очереди забивали быка и двух свиней. Словом, у нас было все необходимое. Но летом мы сильно страдали от жары и жили в постоянном страхе перед гремучими змеями, а фрукты полностью истребили три вида насекомых. Были сильные бури, иногда пять или шесть за день, и ветер был таким ужасающим, что вырвал с корнем сто или больше деревьев. Ни одно из деревьев не держалось в земле очень крепко, их корни были едва покрыты землей, потому что сильный ветер сдувал с них почву, в которой было много песка. Более того, негры и пастухи часто поджигали деревья, которые здесь не считаются большой ценностью. Благодаря всему этому ветру было легко повалить их. Зачастую целый лес сжигали, чтобы получить больше пахотной земли. Мы не могли спать ночью, не оставив окна широко распахнутыми, чтобы поступал свежий воздух. По ночам нас часто будили три или четыре ужасные летучие мыши, втрое крупнее тех, что были у нас дома, и мы тратили по полночи, чтобы избавиться от них. Однажды ночью моего мужа подняли с постели, потому что новую конюшню чуть не сдуло ветром. Все побежали на помощь, чтобы удержать конюшню, я осталась дома одна с детьми и служанками. Ветер становился все сильнее и сильнее. Большие куски дымохода падали в комнату. Весь дом сотрясаясь, я полночи была в страхе, что что-нибудь упадет и убьет меня. Таких ужасов было немало.

У нас совсем не было стульев, только пни, на которых можно было сидеть, и их же использовали как столы, положив поверх доски. Так мы жили, вполне довольные, три или четыре месяца. Только мой супруг был все время грустен и, что было хуже, совсем не переносил жару, которая достигала 103 градусов (F)⁴¹⁹ и была очень душной. Мы делали все, чтобы подбодрить его. Когда в нашем огороде начали всходить овощи, он получал массу удовольствия от работы там. Но поскольку он не хотел надевать шляпу для этой работы, то сильно страдал от головных болей, и жара докучала ему. Так с ним случился солнечный удар, о котором я еще расскажу, ставший началом моего самого большого горя.

Я приводила в порядок наш дом и убирала вещи мужа в его комнате, когда услышала на улице шум. Я подбежала к окну и увидела, как несколько человек несут моего мужа в дом. Лицо его было синим, руки белые, глаза неподвижные, и лоб покрыт каплями пота. Он получил солнечный удар! Я сама была ни жива, ни мертва, а дети пронзительно вопили. Мы сразу уложили его, раздели, и к счастью полковой врач, живший с нами, был в это время дома и смог сразу отворить ему кровь. Тот снова обрел дар речи и рассказал, что, прогуливаясь по огороду, почувствовал, как горячо светит солнце ему на голову. Он едва подошел к дому, когда подоспели его адъютанты, без помощи которых он бы не справился. Боже правый, что случилось бы со мной и моими малышами среди пленных так далеко от дома, во вражеской стране! Когда я думаю об этом, волосы мои до сих пор встают дыбом. После того как мой супруг очнулся, он взял мою руку в свою и поглядел на меня с любовью. Было ясно, что он чувствовал себя очень дурно. Если я оставляла его хотя бы на минутку, он сразу начинал беспокоиться и следил за мною взглядом. Прибыл доктор, за которым мы послали, и после того как было сделано все возможное, чтобы помочь ему, Господь наконец дал моему мужу поправиться. Но и много лет спустя он все еще сильно страдал от головных болей и слабости, из-за которых он еще сильнее переживал о нашем затруднительном положении.

⁴¹⁹ Около 39,5 градусов по Цельсию.

Доктор прописал лечение на источнике минеральных вод в Вирджинии, который назывался Фредерикс Спрингз, так что мы отправились туда. Однако, на мой взгляд, это лечение скорее ухудшило, чем улучшило его состояние, потому что он всегда мочил голову, прежде чем принять ванну, и потом, несмотря на все старания высушить его волосы, они всегда оставались сырыми. Его меланхолическое настроение продолжалось, и мысль о плене тревожила его больше обычного. Он не мог спать по ночам. Я старалась успокоить его, убаюкивающе читая вслух, и это наконец помогало ему заснуть. Его руки и ноги всегда были синие и холодные, как лед. Как только я думала, что могу отважиться лечь, тоска немедленно снова его будила. Все его раздражало. Однажды в комнату вошел житель Вирджинии и сказал, что ему любопытно посмотреть на немку, и оглядел меня с головы до пят. Я сильно изумилась этому, но когда я привела этого человека к мужу, тот так взволновался от мысли, что его положение делает его зависимым от капризов других людей, что на глаза его навернулись слезы. Я глубоко раскаялась в этом легкомыслии.

Находясь там, мы были представлены семье генерала Вашингтона⁴²⁰ и миссис Кэрролл⁴²¹, очень приятной женщине, и ее мужу. Она была очень пылкой, но разумной патриоткой, и мы стали хорошими друзьями. Почти каждое утро она проводила у нас. Капитан Гейсмар играл на скрипке, я пела итальянские арии, которые очень ей нравились⁴²². Однажды в наш дом пришел фермер, которого мы часто просили добрыми словами принести нам свежего масла. Поскольку большинство американцев любит музыку, он слушал внимательно, а когда я закончила, сказал, что мне придется спеть еще. Я в шутку спросила его, что он даст мне за пение, ведь я ничего не делаю бесплатно. Он немедленно ответил: «Два

⁴²⁰ Под семьей баронесса подразумевала самого генерала, его брата и старшего племянника — Самюэля (1734–1781) и Уорнера (1751–1829) Вашингтонов, которые жили в доме владельца купален, и членов их семей. Марты Вашингтон в это время там не было. (См.: *Bridenbaugh C. Baths and watering places of colonial America // The William and Mary Quarterly*. 1946. Vol. 3. № 2. P. 146.).

⁴²¹ Миссис Чарльз Кэрролл из Карлтона. (См.: *Tharp L.H. The baroness and the general*. Boston, Little, Brown, 1962. P. 328.).

⁴²² Талантом капитана Гейсмара восхищался и Томас Джефферсон. (См.: *Kimball M.G. Jefferson, war and peace, 1776 to 1784*. N. Y.: Coward-McCann, 1947. P. 18–20.).

фунта масла». Это очень удивило меня, и я спела еще одну песню. «Спойте еще, — сказал он, когда я закончила, — только что-нибудь веселое». В конце концов я спела так много, что на следующий день он принес мне четыре или пять фунтов масла. Он привел с собой жену и попросил меня спеть еще. Я заслужила их расположение, и после того я всегда имела все, что мне было нужно. Лучше всего в этом было то, что он действительно подумал, что я хочу платы за пение, и был сильно удивлен, когда я заплатила им за масло, прежде чем они ушли.

Жители Вирджинии в основном ленивы, что приписывается тамошнему жаркому климату, но при малейшем возбуждении они готовы немедленно пуститься в пляс; и если играют рил [*АНГЛИЙСКИЙ ИЛИ ШОТЛАНДСКИЙ НАРОДНЫЙ ТАНЕЦ*], мужчины немедленно хватают женщин, которые вскакивают, будто одержимые. Но как только их подводят обратно к их местам, они снова сидят там, словно болванчики. То, что мы слышали о нравственности жителей этой части страны, не составляет приятной картины. Например, нам рассказывали о том, как две девушки понесли от собственного отца, и хотя это породило много сплетен, но осталось безнаказанным. Другой человек, который счел свою сноху более привлекательной, чем собственную жену, предложил своему сыну обменяться женами, и сын согласился на это с условием, что он получит не только свою мать в жены, но еще и двух коров и двух лошадей, что и было исполнено, и больше об этом никто не упоминал.

Владельцы плантаций в Вирджинии имеют много рабов-негров и плохо обращаются с ними. Многие из них разрешают рабам ходить совершенно обнаженными, пока они не достигнут пятнадцати или шестнадцати лет, и одежда, которую им впоследствии дают, не стоит того, чтобы ее надевать. Рабы подчиняются надсмотрщику, которые выводит их на рассвете на поля, где им приходится или работать, как скоту, или терпеть побои; и когда они возвращаются домой совершенно изнуренные и обожженные солнцем, им дают немного грубой маисовой муки под названием мамалыга, которую они запекают. Но часто они бывают слишком измождены, чтобы есть, и предпочитают поспать несколько часов, потому что они должны вернуться к работе. Они относятся к рожде-

нию детей как к горю, потому что те, в свою очередь, тоже будут рабами и несчастными людьми. Поскольку у них нет времени возделывать те свои клочки земли, которые им дают, у них нет никаких денег, кроме тех, которые они могут выручить от продажи птицы, чтобы купить одежду. Но бывают, конечно, и хорошие хозяева. Их узнаешь сразу, потому что их рабы хорошо одеты и устроены. Эти негры очень хорошие слуги, очень верные своему хозяину и очень привязаны к нему. Неудивительно, что у жестоких хозяев слуги склонны к дурному.

Во время нашего пребывания у источника мой супруг получил хорошие известия о том, что ему, генералу Филипсу и адъютантам разрешили ехать в Нью-Йорк, чтобы обменять их. Соответственно, муж вернулся в Колэ, чтобы сделать распоряжения о содержании войск в его отсутствие — войска он передавал под командование полковника Шпешта⁴²³, а также о продаже всех вещей, которые больше нам не понадобятся, в частности, нашего нового дома, в который мы даже еще не переехали. Эта ситуация повторялась с нами потом еще несколько раз. Когда мы доезжали до нового места, нас часто очень неудобно расквартировывали, и только мы с трудом устраивались, как получали приказ уезжать, что зачастую сильно меня огорчало. Впрочем, в этот раз все мы ликовали.

Нью-Йорк

В августе 1779 года я покинула источники, чтобы присоединиться к моему супругу в Йорке (Пенсильвания)⁴²⁴. Миссис Кэррол, милая женщина, о которой я уже упоминала, пригласила меня посетить ее на ее плантации в Мэриленде, если я когда-нибудь окажусь в тех местах. Я решила отправиться

⁴²³ Полковник Иоганн Фридрих Шпешт командовал одних из трех пехотных полков под управлением Ридзеля. Свои впечатления он заносил в дневник, ставший одним из основных свидетельств об участии в американской кампании отрядов брауншвейгцев. (См.: *Specht, J.F., Doblin H., Lynn M.C., Londahl-Smidt D. M. The Specht journal: a military journal of the Burgoyne campaign. Westport: Greenwood, 1995.*)

⁴²⁴ Сам генерал, встревоженный попыткой держать плененные войска как можно дальше от офицеров, не покинул Вирджинию до сентября. Затем он присоединился к семье в Йорке. (См.: *Riedesel F.A. Op.cit. Vol. II. P. 71-72.*)

туда сейчас. Капитан Фримен, один из английских адъютантов моего мужа, оставался с нами⁴²⁵. Капитана Эдмонстоуна, благодаря вмешательству его отца, обменяли. Он был так привязан к моему мужу и так переживал из-за того, что придется его покинуть, что мой муж был вынужден убеждать его вернуться в Англию. Мы горевали, провожая его, в особенности когда он сказал: «Я чувствую с уверенностью, что никогда больше не увижу вас»⁴²⁶.

Во время нашего путешествия на плантацию миссис Кэррол капитан Фримен увидел, как черный полоз (который считается безвредной разновидностью) проглотил лягушку. Капитан сказал шутя: «Сим я провозглашаю себя освободителем лягушки!» Он вытащил меч, разрезал змею и, о чудо, к всеобщему изумлению, лягушка выпрыгнула оттуда совершенно живая. Прежде чем мы достигли нашей цели, экипаж наш перевернулся, но, к счастью, никто не пострадал. Я заранее уведомила миссис Кэррол о том, что мы едем, и она послала вперед всадника, чтобы он встретил меня. Проехав по живописной деревушке, которую населяли одни только негры, каждый из которых имел свой огород и знал какое-нибудь ремесло, через большой двор мы подъехали к очень красивому дому, где нас радостно встретило все семейство. Семья состояла из свекра восьмидесяти четырех лет, пожилого джентльмена прекрасного здоровья и совершенно очаровательного веселого нрава, очень чистого и опрятного, на почтенном лице которого лежала печать счастливого довольства, еще из четырех любимых внуков и их милой матери, нашей любезной хозяйки. Еду нам подали на серебряных блюдах, без элегантности конечно, но приготовленную со вкусом, и ни в чем не было недостатка. Они сказали, что надеются, что я пробуду у них долго, и поэтому будут обращаться со мной как с членом семьи.

Сад был великолепен, а на следующий день они повезли нас показать свой виноградник, который был изумителен

⁴²⁵ Капитан Фримен был бригадир-майором или адъютантом генерала Фрейзера. Вместе с капитаном Виллоу он был назначен лордом Джермейном адъютантом к генералу Ридзелю. Он составлял карты боев у Фримен-Фарм и Бемис-Хейтс. В период, о котором идет речь, он часто обедал с Ридзелями. (См.: *Riedesel F.A. Op.cit. Vol. II. P. 137.*)

⁴²⁶ Капитан вез письмо баронессы ее матери в Германию. По пути домой он умер, вся семья Ридзелей горько оплакивала его.

и превзошел наши ожидания. Сначала мы ехали через большой фруктовый сад. Потом взбирались по вьющейся дорожке к винограднику. Виноградная лоза перемежалась то штокрозой⁴²⁷, то амарантами⁴²⁸. Вид с обеих сторон холма и сверху был прекраснейшей картиной, которую я когда-либо видела на всей той части Америки, в которой побывала. Муж миссис Кэррол много путешествовал и привез идеи для такой планировки из Англии и Франции. В других отношениях он был менее приятным человеком, больше резким и скаредным, и вовсе не подходящей парой для своей жены, которая, хотя и никак не показывала этого, казалась не очень счастливой. Но свекор относился к ней нежно.

Недалеко от плантации находился город Балтимор, как мне рассказывали, очень милый, в котором жили разные приятные семьи. Однажды нас посетила близкая подруга нашей хозяйки, вежливая и веселая женщина. Две эти женщины напомнили мне Элоизу Руссо и ее подругу, а старик отец — мужа Элоизы. Миссис Кэррол была нежной и любящей, как Элоиза, и я уверена, что она была бы не прочь иметь такого мужа, как Сен-Пре⁴²⁹. Мы построили для нее храм, украшенный цветами, в соответствии с эскизами, набросанными капитаном Фриманом, посвященный дружбе и благодарности. Несколько лет спустя она писала мне, что ее семья всегда держит эти цветы свежими. Эта милая, добрая женщина уже умерла, и ее семья, особенно ее дети, очень по ней тоскует. Мы провели у нее неделю или десять дней, и наше расставание было очень печальным. Нам выдали лучшую провизию, которой хватило бы надолго, хотя сейчас мы в этом не нуждались, потому что роялисты, отчасти в знак дружбы и отчасти по привычке, были очень добры к нам и в избытке давали всего того, что было нам нужно. В этой стране не принять путника сочли бы преступлением.

Когда мы были недалеко от места, где должны были встретиться с моим супругом, в лесу нас застала сильная буря. Одно из деревьев повалило, и оно упало между сиде-

⁴²⁷ Штокроза — цветы семейства мальвовые.

⁴²⁸ Амарант, или щирица — однолетние травянистые растения с мелкими цветками, собранными в густые соцветия, напоминающие колос.

⁴²⁹ Главный герой в романе Ж.-Ж. Руссо «Элоиза».

нием кучера и лошадей. Мы накрепко застряли и не могли сдвинуться с места, и ни у кого из наших мужчин не хватало сил, чтобы поднять упавшее дерево. Тем временем прогремел сильный гром, вокруг несколько раз сверкнули молнии, и еще одно большое дерево грозило убить нас. Я молила вытащить нас из этой беды, но кучер, который совершенно потерял голову, настаивал, что невозможно сдвинуться с места. В конце концов моя маленькая Августа, которой было в то время восемь лет, сказала: «А почему вы не отцепите коня спереди и не прицепите его сзади коляски, чтобы он оттащил ее назад?» Это тут же помогло, и мы спрашивали себя, почему эта мысль не пришла нам на ум прежде. Наконец мы благополучно добрались до Йорка в Пенсильвании, где встретились с моим мужем, который очень беспокоился о нас из-за этой жестокой бури.

Мы ехали через великолепную страну и, помимо других мест, проезжали через очень хорошо обрабатываемую область, населенную моравскими братьями⁴³⁰. Один из городов носил название Гроб Господень (Холи Сепарчл), еще одна местность называлась Святая Земля (Холи Лэнд), а город в ней — Вифлеем (Бетлехем). Мы нашли очень хороший трактир, где подождали остальную часть нашего отряда, которая еще не прибыла⁴³¹. Из Вирджинии я привезла с собой двух восхитительных птиц. Самец был алого цвета с темно-красным хохолком из перьев на голове, размером примерно со снегиря, и он чудесно пел. Самка была серая с красной грудкой, и на голове у нее тоже был хохолок⁴³². Вскоре после того, как их поймают, они становятся очень ручными и едят из рук. Эти птицы живут долго, но если в одной комнате поста-

⁴³⁰ Моравские братья — протестантская община, образованная последователями чешского реформатора Яна Гуса (гуситского движения). Организационно оформилась в 1457 г. под названием «Братское единение» (Unitas fratrum). Единственным авторитетом в вопросах веры, религиозной практики и церковного устройства считалась Библия.

⁴³¹ Здесь остановились на два дня — 25 и 26 сентября 1779 г. До этого Ридзели были здесь по пути в Вирджинию 5 января 1779 г.

⁴³² Красный, или виргинский кардинал (лат. *Cardinalis cardinalis*) — певчая птица. Распространен этот вид на территории восточных штатов США и юго-восточном побережье Мексики и Канады, где поселяется в кустарниках и на деревьях, густо переплетенных вьющимися растениями. Пение самца громкое и мелодичное, слегка напоминает соловьиные трели. Самки тоже поют, но тише и не так красиво.

вить клетки с двумя самцами, они так ревнуют друг к другу, что один из них скоро умирает. В Вирджинии я видела черных птиц такого же размера, которые всегда кричат «уиллоу». Это нас очень забавляло, потому что одного из адъютантов моего мужа звали Уиллоу. Один из моих слуг обнаружил целое гнездо этих птиц, кормил их и ухаживал за ними. Зная, как сильно я их люблю, он, уезжая из Колэ, увез две полные клетки, но все птицы умерли, прежде чем он доехал до меня, к большому нашему огорчению. Еще у меня была коллекция очень красивых бабочек, и я тщательно упаковала их в ящик. Однако повозка, в которой их перевозили, перевернулась, и ящик разбился. Это случилось со мной дважды и отвратило меня от собирания других коллекций.

После того как весь наш отряд собрался, и все отдохнули, мы продолжили путь и остановились у семьи, члены которой были очень добры к нам и сказали, что они роялисты. Фамилия их была Ван Хорн. Они были очень гостеприимны и просили нас кланяться английскому генералу Корнуоллису, который, как и генерал Клинтон, был другом генерала Филиппа и устроил наше возвращение из Вирджинии.

Также мы останавливались в очень хорошеньком местечке под названием Элизабет Таун (Нью-Джерси) напротив Статен-Айленда, где встретили много роялистов, которые были рады нашим остановкам у них. Находясь так близко от Нью-Йорка и будучи уверены в том, что моего супруга скоро обменяют, мы думали, что достигли теперь нашей непосредственной цели, и пообедали там с радостной мыслью, что поскольку мы намеревались совершить переход в Нью-Йорк сразу после этого, то уже сегодня вечером мы окажемся на свободе. Но внезапно отворилась дверь, и вошел офицер, посланный генералом Вашингтоном, он передал генералу Филиппу письмо, в котором содержалось приказание вернуться, потому что Конгресс не одобрил обмен. Глаза генерал Филиппа, который был очень вспыльчивым человеком, вспыхнули от ярости. Он ударил кулаком по столу, вскричав: «Вот это мило! — И нам стоило ожидать такого от этих людей, все они — негодяи!» Я окаменела и не могла вымолвить слова. Он взял меня за руку и сказал: «Друг мой, не теряйте мужества. Берите пример с меня. Видите, я вполне невозмутим». — «У каждого, — ответила я, — свой способ выражать печаль.

Я сохраняю мою печаль в сердце, а вы выражаете свою силой. Но, на мой взгляд, лучше бы вам не показывать этим людям, как вы рассержены, потому что они только смеются над вами, и, кроме того, это может доставить вам еще больше неприятностей». Он признал мою правоту и убедил меня, что будет нести свое горе, как и я, со смирением, и после уже был спокоен.

Я была в положении и все время чувствовала себя плохо, так что путешествие чрезвычайно меня измучило. Я надеялась, что смогу тихо пожить среди людей, которые будут заботиться обо мне; но напрасно! После всего одного дня отдыха, который был нам позволен, мы вынуждены были тронуться в обратный путь и снова остановились у Ван Хорнов. В этот раз мы встретили там племянника генерала Вашингтона⁴³³ и несколько американских офицеров, которым за три дня своего пребывания там удалось настолько переубедить этих людей (принадлежавших к тем, кто легко переходит на другую сторону), что мы обнаружили там, что не только дочь этих так называемых роялистов была в самых дружеских отношениях с этими антироялистами и позволяла им всяческие вольности, но кроме того, они больше не считали нужным цадить наши чувства, и мы слышали, как они пели всю ночь: «Боже, храни великого Вашингтона! Боже, прокляни Короля!» Мне было трудно скрыть свое раздражение этим, когда на следующее утро мы уезжали.

Теперь мы вернулись в Бетлехем⁴³⁴, где американцы решили находиться моему мужу и генералу Филипсу, пока не произойдет отсроченный обмен пленными, и поскольку наш прошлый трактирщик прекрасно обслужил нас, все мы вновь остановились у него. А нас было шестнадцать человек и четверо слуг. Слуги получили деньги на свой стол. У нас было двадцать лошадей. Трактирщик не захотел заключать определенного договора, и поскольку у всех нас было мало

⁴³³ У Вашингтона было два племянника — Башрод (1762–1829) (сын его любимого брата Джона Августина) вступил добровольно в армию в возрасте 16 лет в 1778 г. Другой племянник Джордж Августин (1759–1793) был секретарем у дяди с осени 1779 г. и официально был зачислен в гвардию в 1780 г. У Ван Хорнов был Джордж Августин. (См.: *Levering J.M. A history of Bethlehem, Pennsylvania 1741–1892, with some account of its founders and their early activity in America.* N. Y.: AMS Press, 1971. P. 505.).

⁴³⁴ 10 октября 1779 г.

денег, мы были рады, что он согласен подождать, пока мы не получим еще. Мы были еще более склонны считать его честным человеком, потому что он принадлежал к сообществу моравских братьев, а трактир был так называемой Гостиницей Конгрегации⁴³⁵. Но в каком ужасе мы были, когда, после проведенных там шести недель, когда, наконец, разрешили ехать в Нью-Йорк, нам представили счет на 32 000 долларов, конечно, в американских бумажных деньгах, что составляло примерно четыреста гиней. Если бы не проезжавший мимо роялист, который хотел обменять монеты за любую цену, мы были бы в большом затруднении и не смогли бы выехать. Благодаря этому человеку нам посчастливилось выручить восемьдесят долларов бумажными деньгами за пиастр.

В течение всего этого периода муж мой по-прежнему страдал от головных болей, а ночью трудно дышал. Из-за этого он начал нюхать табак, чего раньше не переносил. Сначала я убедила его попробовать маленькую понюшку. Он подумал, что я шучу, но когда через несколько мгновений убедился, что это действительно помогает, то сменил трубку на табакерку. Наша крошка Каролина была сильно больна коклюшем, а срок родов все приближался, так что все мы стремились добраться до Нью-Йорка как можно быстрее, чтобы иметь там лучший уход, удобство и необходимую помощь поближе, когда она потребуется.

В Бетлехеме, как и во всех Конгрегациях братьев, были «дом братьев» и «дом сестер». В последнем изготавливалась чудеснейшая вышивка и другое красивое шитье, и мы купили там всего. Всему этому обучала сестер молодая немка по имени Герсдорф, которая позже уехала в Хернхут⁴³⁶. Дома конгрегации были ладно построены, и там были всевозможные мануфактурные предприятия. Помимо прочих, имелась и кожевня, на которой делалась кожа, не уступающая английской, и вполтину дешевле. Наши джентльмены купили

⁴³⁵ Гостиница была известна как «Солнечная», ее хозяином был норвежский моряк Джост Янсен. (См.: *Levering J.M. Op. cit.* P. 493–494.).

⁴³⁶ Хернхут — город в Германии, в саксонском округе Герлиц. Был основан в 1722 г. выходцами из Моравии, в основном представителями чешско-моравской братской церкви. Из Хернхута их община распространилась во все части света. Ремесленные изделия заслужили известность изяществом и прочностью, в особенности полотно и женское рукоделие.

много этой кожи. Там были прекрасные плотники, краснодеревщики, сталелитейщики и очень хорошие кузнецы. Нам очень хотелось посмотреть на Филадельфию, которая была лишь в двенадцати или пятнадцати милях оттуда, по постоянно хорошей дороге, но поскольку моему мужу и другим джентльменам не было разрешено ехать туда, а я предпочла разделять с моим супругом все, как приятное так и неприятное, то легко отказалась от этой поездки. В Вифлееме мы часто ходили в церковь и наслаждались чудесным пением⁴³⁷. Во время нашего пребывания в городе умерла жена проповедника⁴³⁸. Ее гроб стоял в особом месте, сооруженном специально для этой цели, с забором вокруг, потому что там не держат покойников в доме.

Наконец, в конце ноября 1779 года мы покинули Бет-лехем. Моего мужа, генерала Филипса и их адъютантов не обменяли, но позволили им приехать в Нью-Йорк (с обязательством не принимать участия в военных действиях под честное слово). Я не хотела снова заезжать к Ван Хорнам, потому что не люблю двуличных людей, но нам не повезло — наш экипаж сломался почти прямо перед их дверьми, так что нам пришлось пробыть у них, пока его не починили. Однако я не осталась у них на ночь, и когда они снова просили нас кланяться Королю и уверяли нас в своей верности ему (в его войсках глава семьи был полковником), я сухо ответила, что не думаю, что он нуждается в наших рекомендациях; ответ, который он мог трактовать, как ему угодно.

Мы снова проезжали Элизабет, где нас опять очень хорошо приняли, пересекли Гудзон и прибыли в Нью-Йорк поздним вечером, муж мой уехал вперед⁴³⁹. Солдат, высланный показать нам дорогу, привел нас в большой, красивый дом, где все было приготовлено к нашему приезду, даже хороший ужин. Я была слишком занята укладыванием детей и слишком устала сама, чтобы спросить, где мы находимся, и поду-

⁴³⁷ 13 октября 1779 г. генерал Филипс, генерал Ридзель, баронесса, их священники и другие английские офицеры присутствовали на службе, где пела псалмы негритянка. (См.: *Chastellux F.J. de. Travels in North America in the years 1780, 1781 and 1782. Ed. by H. C. Rice. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1963. Vol. II. P. 651–652.*)

⁴³⁸ Жена священника Пауля Мюнстера (См.: *Levering J.M. Op. cit. P. 493.*)

⁴³⁹ 29 ноября 1779 г.

мала, что это трактир. Мой муж, который ужинал с генералом Корнуоллисом, вернулся поздно. На следующее утро меня спросили, чего бы я хотела из еды. Я ответила, что, поскольку мой муж не будет есть дома, мне понадобится не более трех блюд на шесть человек; а именно, для меня, детей, моих служанок и пастора Мильеса⁴⁴⁰, капеллана полка моего супруга, который путешествовал с нами и учил моих детей. Он был очень набожным человеком с прекрасным характером, всегда пребывал в добром расположении духа, и дети, и все мы очень любили его. Мне сказали, что уже сделаны распоряжения каждый день подавать нам шесть больших и четыре малых блюда. Все еще думая, что мы в трактире, я стала возражать против такого излишества, потому что боялась размера счета. Тогда я и узнала, что мы находимся в доме губернатора, генерала Трайона⁴⁴¹, который запретил говорить мне, куда меня везут, потому что боялся, что я не приму его гостеприимства. Кроме того, этот благородный джентльмен уехал на Лонг-Айленд, где у него был временный штаб, чтобы избежать наших изъяснений в благодарности. Каждое мое желание предупреждалось, и я даже опасалась злоупотребить такой большой добротой. Генерал Паттерсон⁴⁴², комендант города, нанес мне визит и сказал, что для нас готовится дом, который должен стать нашим настоящим домом. Также меня посетили лорд Корнуоллис и генерал Клинтон. Лорд Корнуоллис вскоре после этого отправлялся в экспедицию⁴⁴³; генерал Клинтон предложил мне пожить в загородной усадьбе,

⁴⁴⁰ Пастор Иоганн Август Мильес — капеллан полка Ридзеля. Регулярно обедал с семьей Ридзелей в Вирджинии. Позднее стал пастором конгрегации в Зальдере (Германия). Умер в 1819 г.

⁴⁴¹ Уильям Трайон (1729–1788) — британский военный и колониальный администратор, губернатор провинции Северная Каролина в 1765–1771 гг., с 1771 г его назначили губернатором провинции Нью-Йорк. Его звали в город Нью-Йорк в 1775 г., но он возвратился только, когда город взял генерал Хоу. Он стал командиром нью-йоркского района и отвечал за экспедиции в Коннектикут. Трайон жил в Нью-Йорке в дом Уильяма Уолтона. (См.: *Tharp L.H.* Op. cit. P. 337–338, 435–436.).

⁴⁴² Генерал Джеймс Паттисон (или Паттерсон) — комендант г. Нью-Йорк с 5 июля 1779 г. по 12 августа 1780 г. Дом, занятый Паттисоном, был домом Джона Мэртсона. (См.: *Barck, Jr. O.T.* New York City during the War for Independence, with special reference to the period of British occupation. Port Washington, N.Y.: I.J. Friedman. 1931. P. 53.).

⁴⁴³ Генерал-майор Генри Клинтон, главнокомандующий британской армией, отплыл с генералом Корнуоллисом на юг 26 декабря 1779 г. и вернулись в Нью-Йорк 17 июня 1780 г. (См.: *Elking M. von.* Op. cit. P. 194.).

которая была в его распоряжении, где моих детей привили бы от оспы, что было бы слишком опасно делать в городе, так как там в это время была эпидемия этой болезни. Я с радостью приняла это предложение и сделала все необходимые приготовления к переезду. Я выдала нашему повару десять гиней, чтобы он купил всякую провизию. Когда он вскоре вернулся и попросил еще денег, я узнала к своему ужасу, что этого хватит только на два дня, так дорого здесь все стоило, даже самая простая еда. Например, фунт мяса стоил в наших деньгах двенадцать грошей; фунт масла — восемнадцать грошей; индюшка — четыре рейхсталера; цыпленок — двадцать грошей; одной яйцо — четыре гроша; четверть молока — шесть грошей; бушель картофеля — два рейхсталера; пол-бушеля репы — два гульдена; десяток устриц — восемь грошей; шесть луковиц — один рейхсталер. Но мне ничего не оставалось, кроме как с терпением переносить это!

Однажды было объявлено, что прибыл генерал. Я приняла его, и он спросил меня среди прочего, довольна ли я пребыванием в этом доме. Мое сердце было так переполнено благодарностью за все проявленную к нам доброту, что я не могла выразить похвалу всему в должной мере. Наконец, я высказала желание встретиться с моим благородным благодетелем, который проявил столько учтивости. Он улыбнулся, и в этот момент вошел мой муж со словами: «Это и есть тот человек, который сделал нам столько добра!» Я была так рада видеть его, что не могла найти слов, чтобы выразить мои чувства, что очень его растрогало. С течением времени он продолжал давать нам новые и новые доказательства своей большой дружбы к нам.

Дом генерала Клинтона, где мы должны были остановиться, находился в часе дороги от города⁴⁴⁴. Усадьба, как и дом, была очень красива, но дом был построен скорее как летняя резиденция, так что теперь, поскольку мы были там в декабре, я сильно страдала от холода. Однако прививание

⁴⁴⁴ Этот дом, занятый Клинтонем, был особняком Бикмена, «Маунт Плезент», где Натана Хэйла (1755–1776) (национальный герой Америки) допрашивали, пытали и вынесли приговор. Дом произвел большое впечатление на немцев, особенно то, что он был устлан коврами, что считалось чем-то экстраординарным в Германии. (См.: *Riedesel F.A. Op.cit. Vol. II. P. 79.*)

прошло благополучно. Когда оно закончилось, и нам не надо было больше опасаться заразы, мы приготовились вернуться в город, отправили вперед повара и остальных слуг, чтобы они приготовили все к нашему приезду на следующий день. Однако в ту ночь разразилась такая ужасная буря, что мы думали, что дом снесет. Действительно, вся балюстрада оторвалась и упала на землю с ужасным грохотом, и когда на следующее утро мы проснулись, то увидели, что за ночь выпало от четырех до пяти футов снега, и в некоторых местах были сугробы глубиной в восемь фунтов, так что мы не могли бы выбраться без саней. Тогда я постаралась собрать всю еду, что смогла, для обеда. Старая курица, о которой забыли, пригодилась для супа, и этот суп с несколькими клубнями картофеля, которые дал нам садовник, и небольшое количество солонины, последней в наших запасах, составила весь наш обед для четырнадцати человек. После обеда, когда я с грустью смотрела из окна, раздумывая, как мы будем справляться, я увидела, как верхом на лошади приближается наш повар. Обрадовавшись, я повернулась, чтобы рассказать об этом остальным. Но когда я снова выглянула, повара нигде не было видно. Напуганные его исчезновением, мужчины выбежали на улицу и нашли его вместе с лошадыю погребенными в снегу так глубоко, что он не смог бы сам выбраться и скорее всего умер бы там. Наши в городе забеспокоились, когда мы не приехали, и зная, что у нас нет продовольствия, отправили к нам повара с едой на ужин. Экипажу невозможно было проехать к городу. На следующее утро капитан Уиллоу привез нам двое больших саней. Мы забрались внутрь, и я очень тревожилась за детей, потому что их прививки еще не полностью зажили из-за ужасного холода. Но поездка ничуть им не навредила. Пока прививки заживали, у Каролины не было коклюша, но он сразу же потом вернулся и держался еще целый год.

Когда мы вернулись в Нью-Йорк, я с огромным удивлением обнаружила, что наш новый дом уже полностью обставлен мебелью красного дерева. Я боялась и думать, сколько это будет стоить. Но капитан Уиллоу сказал мне, что все было куплено за счет губернатора, и что комендант Паттерсон был счастлив оправдать таким образом мою веру в английскую нацию. Когда мы с ним обсуждали обустройство дома,

я сказала ему, что положусь в этом полностью на англичан, которые до сей поры неизменно были только добры и вежливы ко мне, и я была уверена, что поскольку они послали за нами, чтобы мы прибыли в Нью-Йорк, то они продолжают обращаться с нами хорошо.

Мы были потрясены выражением почета и дружелюбия, происходившими в основном от генерала Филипса, который был очень популярен и дружественность которого к нам была столь велика, что он объявил, что будет ценить любую доброту, проявленную по отношению к нам, больше, чем если бы она была проявлена к нему самому. Вследствие этого мне повезло заполучить многих друзей.

Поскольку приближался день рождения Королевы Англии⁴⁴⁵ (который на самом деле летом, но его отмечают зимой, чтобы дать торговцам больше работы, потому что день рождения Короля тоже приходится на лето, а по случаю этих двух событий принято появляться при дворе в парадном костюме), решено было отметить этот день, как обычно, большим празднеством. И, желая оказать мне честь — отчасти чтобы сделать приятное генералу Филипсу, который хотел этого, а отчасти чтобы помочь мне забыть все перенесенные тяготы, — они выбрали меня королевой бала⁴⁴⁶. Для этого пришлось убедить жену адъютанта генерала Корнуоллиса, которая вскоре должна была стать матерью, остаться дома, потому что она, как английская дворянка, имела более высокое положение⁴⁴⁷. Когда наступил день праздника, все дамы

⁴⁴⁵ Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая (19 мая 1744–1818) — жена Георга III (4 июня 1738–1820), бабушка королевы Виктории.

⁴⁴⁶ Местная газета написала об этом событии: «День рождения королевы был отмечен во вторник 18-го с необычайной пышностью и великолепием. В полдень был дан салют в честь королевы над фортом Джордж, а в час дня салют был повторен военными кораблями Его Величества. Общественный зал был по этому случаю заново выкрашен и убран в стиле, который отразил отменный вкус устроителей. Дорический фронтон был воздвигнут над входом, который заканчивался портретами Их Величеств в полный рост. В восемь часов вечера бал открыли баронесса Ридзель и генерал-майор Паттисон. Танцы начались в половине девятого, а в двенадцать вся компания сделала перерыв на ужин. Разошлись все около трех часов ночи, очень довольные вечерним событием». (См.: *The New-York Gazette and the Weekly Mercury*. 1780, January 24.).

⁴⁴⁷ Адъютант Корнуоллиса — Джордж, лорд Чьютон, не был женат в это время. Речь идет об Элизабет Эллиот, дочери лоялиста Эндрю Эллиота, которая вышла замуж за генерала Уильяма Шоу Кэткарта (1755–1843), графа, помощника генерала Клинтон, в апреле 1779 г. и ждала ребенка. (См.: *Ford W.C. Op. cit.* P. 45.).

отправились в дом генерал Тайрона, где меня приняли со всей торжественностью. Генерал представил мне всех дам, некоторые из которых прямо выказывали зависть, что меня удостоили такой чести. Я немедленно заявила, что приму эти почести только на один этот день, потому что они хотели оказать мне честь представлять Королеву, но что после я отдам это место дамам, которые старше меня. Поскольку многие из них были старше меня, и некоторые из них почувствовали себя польщенными этими словами, их лица просветлели, и вскоре я уже была с ними в теплых отношениях.

В шесть часов я села в коляску с генералом Трайоном и генералом Паттисоном и отправилась на бал, где меня встретили с барабанами и трубами. Поскольку я была уже на изрядном сроке беременности, то не хотела танцевать, но не могла отказаться открыть бал менуэтом с одним из генералов. Из-за моего состояния, а также из-за моей застенчивости я чувствовала, что танцевала не очень хорошо, но, чтобы подбодрить меня, окружающие говорили, что я танцевала отлично, так что мне пришлось станцевать еще один менуэт, а в конце концов, и несколько английских танцев.

За ужином я представляла Королеву, меня посадили под балдахин, и я должна была выпить первый тост. Я была очень тронута всей добротой, проявленной ко мне, но очень устала. Тем не менее, мне хотелось показать, что я ценю это, оставаясь так долго, насколько смогу, так что ушла я только в два часа ночи. Так что не только в этот день, но и во все время моего пребывания там я была окружена добротой, и остаток зимы прошел очень приятно, за исключением того, что мы очень страдали от холода. Начальник склада не заготовил достаточно дров, потому что, чтобы сберечь деньги, он хотел, чтобы их нарубили его рабы. Однако зима наступила раньше обычного, и поскольку реки наполовину замерзли, невозможно было перевезти лес ни на лодках, ни на санях, и в гарнизоне было очень мало топлива⁴⁴⁸. Конечно, мы полу-

⁴⁴⁸ «Суровость зимы на севере невероятная, снег такой глубокий, что передвигаться практически невозможно. И на востоке погода очень холодная с необычайно высокими приливами». — *The New-York Gazette and the Weekly Mercury*. January 31, 1780; Зима 1779 г. была самой суровой из всех известных в средних колониях. Гавани и реки Нью-Йорка покрылись толстым льдом. Зимы с 1776 г. по 1782 г. были чрезвычайно холодными. (См.: *Anburey T. Op. cit. Vol. I. P. 151.*)

чали купоны на дрова, но какой от них толк, если взять дрова было неоткуда? Часто нам приходилось одалживать дрова у генерала Трайона на субботу и воскресенье и отдавать их в понедельник, если мы получали какие-то свои. Холод был таким жестоким, что я часто оставляла детей в постелях, и зачастую дров было не купить ни за какие деньги, а когда они продавались, то стоили по десять фунтов за корд. Мне самой пришлось заплатить пиастр за одно бревно, что составляет один лаубталер⁴⁴⁹ в наших деньгах. Бедняки жгли свиное сало, чтобы согреть руки и на нем готовить.

Однажды я была в гостях у дамы, жены адъютанта генерала Корнуоллиса, которая произвела на свет дитя, и горько жаловалась ей на нашу нехватку дров; на что она пообещала послать мне угля, который я могу вернуть ей, когда мне будет удобно. Я была так рада этому, что майор Браун, служивший на складе, который присутствовал при этом и с сочувствием выслушал мою горестную историю, ушел очень растроганный.

На следующий день, когда я выглянула из окна, то увидела, что на нашей улице остановились четыре телеги, груженные большими стволами деревьев, в каждой телеге было примерно по два корда дров. Я пошла в комнату, где пастор Мильес с детьми сидел у камина, где горело наше последнее полено, и сказала ему: «Никогда раньше я не знала зависти, но мне теперь так печально смотреть, как дети страдают от холода, что я не могу удержаться от зависти: кому-то по соседству как раз привезли четыре телеги, полные дров. Как бы я была счастлива иметь хоть одну из них!» Только я сказала это, как один из слуг передал мне поклон от майора Брауна и сообщение, что он посылает эти дрова нам, и что если мы еще когда-нибудь будем испытывать недостаток в дровах, то пусть незамедлительно дадим ему знать. Нетрудно представить мою радость и мое желание поблагодарить нашего ангела-хранителя. Я почти не видела его лица, так темно было в спальне миледи. Однажды я была на балу, где также при-

⁴⁴⁹ Лаубталер (нем. Laubtaler — листв. талер) — распространенное в Германии название серебряной монеты достоинством в 6 ливров, которую чеканили в 1726–1790 гг. во Франции. На монете изображен щит с лилиями, окруженный лавровым венком, отсюда название.

существовал и он, как мне сказали. Его описали мне как человека с толстым приплюснутым носом, так что я искала вокруг человека с таким носом, но долго не могла найти, потому что он постоянно держался подальше от меня, чтобы избежать моей благодарности. В конце концов, я все-таки нашла его и поблагодарила от всего сердца. Он сказал, что не знал о нашем затруднении, пока не услышал о нем от меня, и что он не мог спать в ту ночь, опасаясь, что его приказание доставить нам дрова не будет выполнено быстро. Потому что он приказал срубить несколько деревьев на большой улице на окраине города⁴⁵⁰; и даже если кто-то попробовал бы остановить его, сказав, что жаль рубить эти деревья, он бы ответил, что лучше обойтись без нескольких деревьев, чем позволить семье генерала, который так ревностно служил, страдать от недостатка [ТЕПЛА]; и во всем, что зависит от склада, если нам что-нибудь понадобится, нам следует приходить к нему.

Это знакомство очень нам помогло. Мой муж получал много продовольствия, пшеничную муку, которую мы использовали, чтобы печь хлеб и прочее, и соленое мясо, бесполезное для нас, потому что у нас было его больше, чем мы могли съесть, и часто оно было плохим, так что нам приходилось отдавать его, чтобы от него избавиться, в особенности потому, что наши слуги тоже получали свою долю. И майор предложил, чтобы мы сделали так же, как и другие генералы: меняли мясо на пачки сальных и спермацетовых свечей, которые давали лучший свет, чем восковые свечи, и на сливочное масло. Это было с радостью сделано, потому что солдат нужно было обеспечивать мясом, а мы сэкономили много денег. Теперь мы не нуждались больше в дровах, потому что старые, бесполезные корабли разбирались, чтобы снабжать нас дровами, и после мы регулярно получали по два корда дров в неделю.

Незадолго до моих родов я ужасно испугалась. Один из слуг принес мне что-то, и я заметила, что у него возвращаются глаза и что он почти не может говорить. Я испугалась и хотела убежать, но он пробежав передо мной, упал наземь, за-

⁴⁵⁰ С Уолл-стрит (См.: *Riedesel F.A.* Op.cit. Vol. II. P 175.).

хлопнув дверь при падении, и затрясся в сильном припадке. Он лежал перед дверью, и я не могла выйти и закричала. Остальные попытались войти, но замок закрылся, когда захлопнулась дверь, и его пришлось сломать, и было необходимо сначала немного оттащить несчастного, чтобы можно было пройти. В конце концов я была вынуждена переступить прямо через него, чтобы выйти, пока он страшно скрежетал зубами и размахивал руками. Однако я давно уже настолько привыкла к всевозможным печальным и отвратительным зрелищам, что, к счастью, этот случай не повредил мне в моем положении.

В начале марта 1780 года в Нью-Йорк прибыл наш старый друг, гессенский генерал Люс⁴⁵¹, который знал меня, когда я была молоденькой девушкой. «О! — сказал он. — Что же стало с тоненькой талией, чудесным цветом лица и хорошенькими белыми ручками? Их больше нет, зато ты повидала много стран, и, когда ты вернешься домой, твои люди позволят тебе рассказать о себе то и се; а в следующее мгновение твой рассказ уже наверняка утомит, возможно, из зависти, тех дам, кто первыми попросили тебя рассказать. Они будут поигрывать веерами и скажут: «Эта женщина не может говорить ни о чем, кроме Америки». Зная его привычку говорить неприятную правду шутя, я ответила, что благодарна ему за предупреждение и что я постараюсь удержаться от постоянных рассказов об этом путешествии, дурной привычки, которую я могла бы в противном случае приобрести. В свою очередь я посоветовала ему не разговаривать с другими женщинами об их утраченном очаровании, как он сделал со мной, потому что он может повстречать многих, кто не будет выслушивать это так добродушно.

На следующий день, 7 марта, я родила дочь. Мой муж хотел сына, но малютка была такой хорошенькой, что мы смирились с тем, что это не мальчик. Мы намеревались назвать сына Америкус, но теперь имя пришлось изменить для девочки на Америку. Крещение прошло в такой спешке, потому что генерал Филипп (он, гессенский генерал Книфаузен

⁴⁵¹ Этот грубоватый старый солдатский командир возглавил Люсбергский полк с мая 1788 г. (См.: *Riedesel F.A. Op.cit. Vol. II. P. 220.*).

и полковник Вурмб⁴⁵² были единственными крестными) должен был уехать в небольшую экспедицию⁴⁵³. Имя Америка забыли записать, и пришлось вносить его в церковную книгу потом. В день крестин моя старшая дочь заболела очень опасной болезнью под названием детская астма, через несколько дней заболела и моя третья дочь, так что я лежала в постели между двумя своими детьми, которые почти умирали. Хотя моя душа почти так же сильно страдала от каждой горести, тело мое закалилось, и я перенесла все это хорошо, хотя это случилось в самые первые дни после родов.

Шесть недель спустя мой муж уговорил меня отправиться на обед к генералу Трайону. Они придумали этот план, чтобы во время моего отсутствия муж и английский доктор могли привить новорожденную, потому что в городе бушевала оспа. Поэтому он сделал это без моего ведома, чтобы убедить меня от беспокойства, и ему бы удалось скрыть от меня это, если бы его не выдала отцовская тревога. Он то и дело приходил посмотреть, как чувствует себя дитя, и скоро начал говорить: «Какая она бледная!» или «Она, должно быть, заболела», — так что вскоре я забеспокоилась, сказала ему, что у него должна быть причина тревожиться, и спросила, сделал ли он ей прививку. Я тут же закатала рукава и увидела два пятнышка на каждой руке. Должна признать, что в первый момент я очень рассердилась, но оценила доброе намерение моего мужа. Малышка заболела так сильно, что мы боялись лишиться ее. Мой бедный муж был безутешен, потому что винил во всем этом себя, и я делала все возможное, чтобы поддержать его дух. Но, слава Богу, все обошлось. Но

⁴⁵² Барон Вильгельм фон Книфаузен (1716–1800) — генерал из Гессена-Касселя. После 42 лет службы генерал-лейтенант отправился в Америку в 1776 г. заместителем главнокомандующего генерала Леопольда фон Гейстера с войсками немецких наемников. Принимал участие в битвах за форт Вашингтон, при Брендивайне и Монмуте. В 1777 г. по предложению Гейстера стал командовать гессенцами. Большая часть вверенных ему сил занимала верхнюю часть Манхэттена. Во время отсутствия Г. Клинтон в Нью-Йорке в 1780 г. был комендантом города. Покинул Америку в 1783 г.; Мог быть один из двух Вурмбов, которые в этот момент были в Нью-Йорке. Полковник Фридерик Вильгельм фон Вурмб — командир отряда гессенской гвардии, произведен в генерал-лейтенанты в 1780 г. Лейтенант — полковник Людвиг Адольф фон Вурмб — командир гессенских снайперов, стал полковником чуть позднее. (См.: *Elking M. von. Op. cit. P. 294, 332.; Riedesel F.A. Op.cit. Vol. II. P. 85.*)

⁴⁵³ Это была поездка в Перт Амбой (город в округе Мидлсекс, Нью-Джерси) по поводу обмена пленными.

с одним лордом, который тоже последовал нашему примеру, случилось иначе, и он, к несчастью, лишился своего ребенка.

Всю зиму генерал Филиппс, генерал Трайон и генерал Паттисон оставались нашими добрыми друзьями и гостями, и каждую неделю мы давали для них обед. Это было большее, что мы могли сделать, потому что все в городе чудовищно подорожало. В конце зимы генерал Трайон уехал в Англию и перед отъездом, не сказав мне об этом прежде, прислал нам роскошную мебель, ковры и шторы, и шелковый гобелен, который покрыл бы целую комнату. Я никогда не забуду тех многочисленных знаков дружбы, которые получала почти от всех представителей этой прекрасной нации, и я всегда буду рада помочь англичанам, потому что знаю по опыту, как чудесно, когда с тобой так хорошо обращаются в чужой стране.

В это время началась наша дружба с генералом Клинтон-ном, который был главнокомандующим английской армии в южных провинциях Северной Америки. Как и со всеми англичанами, мне было поначалу трудно завязать с ним дружбу. Его первый визит был исключительно формальный, сделанный им в качестве главнокомандующего в сопровождении всей свиты. Поскольку его поведение и разговор были приятными, я сказала его другу, генералу Филиппсу, что мне жаль, что он так церемонно обошелся с нами, и я бы гораздо больше хотела общаться с ним более дружески. Позже он предложил нам свой загородный дом на лето, и это предложение мы с радостью приняли. Дом был великолепен. Очень красивое место, с фруктовыми садами и лугами, и за домом протекал Гудзон⁴⁵⁴. Все было в нашем распоряжении, в том числе больше фруктов, чем мы могли съесть. Наши слуги поедали огромное количество персиков, а наши лошади, пасшиеся под фруктовыми деревьями, ели фрукты прямо с деревьев, а не те, что упали на землю. Каждый день мы собирали эти упавшие фрукты и скармливали их свиньям. Кажется невероятным, что мы откормили шесть свиней, чье мясо оказалось отменнейшим, лишь этими фруктами, и только жир их был немножко дряблым. Персиковые и абрикосовые деревья

⁴⁵⁴ Это была Ист-Ривер — пролив в Нью-Йорке между заливом Аппер-Нью-Йорк и проливом Лонг-Айленд-Саунд, связан с реками Гудзон и Гарлем.

растут здесь, как любые другие фрукты, и их никогда не выращивают на шпалерах, и стволы у них такие же толстые, как и у обычных деревьев.

Недалеко от нас находились Хелл-Гейтс [*ВРАТА АДА*] — опасные рифы для кораблей, идущих по реке. Мы часто видели корабли, находившиеся в опасности, но за время нашего пребывания только один из них потерпел кораблекрушение.

Генерал Клинтон часто приезжал туда навестить нас, одетый только в охотничий костюм и в компании одного адъютанта, и говорил: «Я знаю, что вы предпочитаете, чтобы я навещал вас как друг, и поскольку я чувствую то же самое, то всегда буду приезжать к вам так». В последний свой проезд он привез с собой несчастного майора Андра, который так прославился и который на следующий день отправился в роковую экспедицию, где его поймали американцы и позже повесили как шпиона⁴⁵⁵. Это было очень печально, потому что этот прекрасный молодой человек стал жертвой своего служебного рвения и доброго сердца, которые заставили его взять на себя задание, порученное другому офицеру, слишком старому и известному, чья очередь была на самом деле и кто, следовательно, был в большей опасности и которого он хотел спасти.

Мы проводили время так приятно, как только могли. Однако наш покой нарушала эпидемия лихорадки, свирепствовавшая в это время в Нью-Йорке⁴⁵⁶. Только в нашем доме заболели двадцать человек, и восемь из них были в большой опасности; среди этих восьми были мой супруг и дочь, малышка Августа. Нетрудно представить себе мою печаль и тревогу! День и ночь я непрерывно ухаживала то за мужем, то за дочерью. Муж мой был так болен, что мы часто думали, что он не доживет до вечера, а у маленькой Августы были такие приступы лихорадки, что когда у нее случался озноб, она просила меня лечь на нее сверху, и хотя ей было всего девять лет, она ощутимо трясла меня и всю кровать. Паци-

⁴⁵⁵ Майор Джон Андре (1751–1780) — адъютант главнокомандующего английскими войсками генерала Клинтона, которому было поручено вести переговоры с генералом Бенедиктом Арнольдом о сдаче Вест-Пойнта британцам. Д. Андре отправился на встречу с американцем из Нью-Йорка 20 сентября 1780 г., был пойман и повешен в начале декабря 1780 г.

⁴⁵⁶ В Нью-Йорке была оспа, а в этот момент еще и эпидемия холеры.

енты обычно умирали как раз во время таких ознобов, и мне каждый день говорили, что похоронено еще пятьдесят или шестьдесят человек, что, разумеется, меня не подбадривало. И температура во время этой лихорадки была настолько ужасной, что пульс был 135. Все наши слуги были больны, и мне приходилось делать все самой. В это время я кормила мою малышку Америку, и уход за больными не оставлял мне ни сил, ни желания ложиться в постель кроме того времени, когда я кормила младенца. На это время я ложилась в постель и засыпала. Ночью я обычно делала лимонад для моих больных, который готовила из полынных солей, лимонного сока, сахара и воды. За две недели я израсходовала два ящика лимонов, в каждом из которых было по пятьсот штук, потому что давала этот напиток всем моим пациентам.

Однажды мы с нетерпением ждали доктора из Нью-Йорка. У моего мужа была настолько тяжелая форма диареи и постоянной рвоты, и он был так болен, что мы потеряли всякое мужество. Он все время спал, а когда я хотела дать ему немного воды с тапиокой, которой мне посоветовали часто его поить, он умолял меня оставить его в покое и дать ему умереть, потому что он не может больше выносить этого. В этот момент прибыл доктор, и я настояла, чтобы он честно сказал мне, есть ли надежда. «Да», — заверил он меня. Тут трое моих старших детей, прочитав доброе известие на моем лице, выпрыгнули из-под стола, где они незаметно для нас спрятались и зажали уши, боясь, что вердикт доктора может быть плохим. Они бросились к ногам доктора и целовали его руки, что растрогало всех, кто видел это, и заставило доктора, который был очень чувствительным человеком, прослезиться. Он прибыл так быстро, как только смог, но после этого он еще больше старался помочь нам и договорился каждый день приезжать к нам обедать, чтобы сэкономить время, потому что ему нужно было навещать так много больных. Он особенно рекомендовал мне напиток из пудры тапиоки⁴⁵⁷. Сначала мой муж мог удержать его в желудке только три минуты; потом пять, потом четверть часа, а потом целые полчаса. Я всегда держала

⁴⁵⁷ Тапиока — крахмалистая крупа из клубней тропического растения маниока. Очень питательный и легко усваиваемый продукт.

в руке часы и была тогда вне себя от радости, и эту радость разделили со мной все. Пастор Мильес и наш добрый лакей Рокель, которые не заболели, по очереди всю ночь ухаживали за остальными вместе со мной. Из тридцати человек, живших в доме, не заболели только десять. Повар, кухарка и прочие, все они заболели и могли только по очереди выполнять свои обязанности в те дни, когда чувствовали себя лучше. И помимо всего прочего, стояла ужасно жаркая погода. Поразительно, сколько может вынести человек, и сколько всего пережила я, но я была здорова, и мне был дан счастливый, неунывающий нрав, что позволяло принимать каждую минуту отдыха с весельем и самой искренней радостью. Хотя в действительности, я думаю, такие периоды постепенно подрывают здоровье, но все же я счастлива думать, что была полезной, и что без моих усилий моих близких, которые теперь делают меня такой счастливой, могло бы не быть со мной.

В конце концов все наши заболевшие домочадцы выздоровели, и никто из них не умер, что было щедрым вознаграждением моих усилий. Мы провели целое лето 1780 года в этом чудесном загородном месте. Разделить наше одиночество и подбодрить нас приезжали две мисс Робинсон. Они провели у нас две недели, прежде чем вернулись в город, куда их позвало известия о прибытии кораблей, которые привезли новые фасоны из Англии. Когда мы вернулись в город, я едва узнала их в тех странных и поистине смешных нарядах, которые одна очень хорошенькая женщина, прибывшая из Англии, подсунула им и остальным жительницам Нью-Йорка.

Эта англичанка была беременна и желала скрыть это. Поэтому она рассказала им, что в Англии носят корсеты, разделенные посередине и с торчащими шнурками, вместе с юбками из китового уса, словно обручи бочки, и с очень короткими жакетами, перевязанными ленточками. Все это было принято на веру и пошито.

По возвращении в Нью-Йорк нас приняли очень дружелюбно, и люди соперничали между собой за возможность сделать так, чтобы зима проходила самым приятным для нас образом. Осенью 1780 года, в конце концов, моего мужа, генерала Филипса и их адъютантов, но не остальную армию, взятую в плен при Саратоге, обменяли. Генерал Клинтон, отчасти из дружбы с моим супругом, отчасти из преданности

нашему нынешнему Герцогу, хотел устроить моего мужа на действительную военную службу, что было бы ему на пользу. Поэтому он, в соответствии со своим правом английского генерала, командующего армией, назначил его генерал-лейтенантом в своей армии и дал ему соответствующее английское жалованье, что было чрезвычайно кстати, поскольку при растущих ценах мы едва справлялись⁴⁵⁸. Вместе с тем он дал ему командование над Лонг-Айлендом, который находится напротив Нью-Йорка и отделяется от него только узким проливом, называемым Ист-Ривер. Я не могла последовать туда за ним зимой, так как жить в доме, в котором располагался его штаб и в котором можно было топить только несколько комнат, нам было невозможно. Поэтому мой муж ездил туда-сюда, что зимой было довольно легко, потому что было тихо.

Осенью, прежде чем получить эту должность, он страдал от острого припадка своей болезни, искупавшись в океане после того, как перегрелся, и затем, по-видимому, простудившись. Он неожиданно одеревенел и потерял дар речи, и если бы не его друг полковник Вурмб, который, к счастью, находился в комнате, для него все могло быть кончено. Доктор немедленно отворил ему кровь и сделал энергичный массаж, и Господь снова вернул его мне. Однако его спазмы, угнетенность, головные боли и бессонница усиливались, и все доктора были согласны в том, что здешний климат ему крайне противопоказан и что он не может надеяться на выздоровление, пока пребывает в этих южных провинциях Северной Америки. Но делать было нечего, и муж мой не мог и подумать об отпуске, но должен был оставаться на своем посту.

Весной 1781 года я тоже обосновалась на Лонг-Айленде, где мы зажили бы хорошо, хотя и довольно одиноко, если бы нам только удалось остаться в покое. Но поскольку река уже тронулась, американцы всячески старались захватить пленных. Они схватили майора Мэйбаума в его постели, и мы

⁴⁵⁸ Хотя генерал Клинтон дал Ридзелю звание генерал-лейтенанта, сам Ридзель продолжал считать себя генерал-майором брауншвейгской армии, пока в 1787 г. не получил звания генерал-лейтенанта в своей армии. Дополнительные деньги им были нужны, но проблемы с деньгами чаще всего были из-за их экономии. У генерала Ридзеля был «экономический склад ума», он сумел скопить 15 тыс. талеров за годы, проведенные в Америке. Часть этих средств, возможно, была взята из фуражных денег. (См.: *Elking M. vol. Op. cit. P. 17–18.*)

знали, что они намереваются проделать то же самое и с моим мужем, потому что наш дом стоял на некотором отшибе недалеко от реки. Если бы они застали часового врасплох, то могли бы похитить его так, что никто не заметил. Поэтому малейший шум, который он слышал ночью, заставлял его быть начеку и тем самым лишаться сна. Я тоже так привыкла к бодрствованию, что часто дневной свет удивлял меня, и только тогда я засыпала на несколько часов, потому что муж спал только тогда, когда думал, что я бодрствую, так ужасна была для него мысль о том, чтобы снова стать пленником. Из нашего дома открывался великолепный вид. Каждый вечер я видела из своего окна Нью-Йорк, весь освещенный, и его отражение в реке, потому что город был построен на самом берегу. Мы также слышали бой барабанов, и если было достаточно тихо, то даже оклики часовых. У нас была собственная лодка, на которой мы могли доплыть до Нью-Йорка за четверть часа или около того.

Однажды я увидела из своего окна, как под полным парусом приближается флот из тридцати пяти судов, а из другого окна — как они встают на якорь между нами и городом. У моего мужа в подчинении было много англичан, и среди прочих легких драгун. Хотя английские войска горды, и, согласно распространенному мнению, их трудно держать в подчинении, все же они любили моего мужа и были довольны им. В первый раз, когда английские офицеры обедали у нас, мой муж сказал, что проводит их до их лагеря, на что они вежливо попросили и меня оказать им эту честь. Так что я села в экипаж и прибыла туда прежде них. Но я думаю, что они отправили весточку вперед, потому что, к моему большому замешательству, вышел офицер и предложил мне выйти и пройти с ним перед строем, причем мне были оказаны все воинские почести, а также играла музыка, что очень меня взволновало. Я сказала офицеру, что все это мне не полагается, что немецкие женщины не привыкли к такому, на что он очень любезно ответил, что весь их корпус не мог не оказать соответствующие почести жене генерала, который так хорошо командует ими, и что помимо этого никто из них не забудет, что я сделала для их товарищей при Саратоге. Несмотря на то, что все это было очень лестным и вдохнов-

ляющим, я все же воспользовалась первым удобным моментом, чтобы улизнуть отсюда.

Во время нашего пребывания там я часто видела людей, по шею закопанных в землю, которые таким образом излечивались от цинги. У нас там была больница, в которой было много раненых и больных моряков. Когда один из них начинал жаловаться на судьбу, эти добрые люди отвечали: «Мы сражались за нашего Короля и мы довольны, и как только мы вернемся в Челси, нас вознаградят в полной мере!» Это отличная военно-морская больница под Лондоном, с лучшей едой, одеждой и уходом.

Примерно в это время генерала Филипса отправили в экспедицию в Каролину. Расставание было трудным для обеих сторон. Мы никогда больше не увидели нашего прекрасного друга, потому что он умер там от лихорадки, приключившейся с ним от тяжелейшей простуды. Мы постоянно оплакивали эту потерю. Он был очень хорошим человеком и настоящим другом для своих друзей⁴⁵⁹.

Поскольку здоровье моего мужа ничуть не улучшилось и, кроме того, его присутствие было полезно и необходимо той части его корпуса, которая оставалась в Канаде, генерал Клинтон в конце концов был вынужден послать его туда, хотя он был не рад расстаться с другом, которого так любил, и даже после расставания эта дружба продолжалась до конца жизни генерала⁴⁶⁰.

Из-за неопределенности в том, когда мы уедем, я не хотела отлучать от груди мою маленькую дочку Америку, и я кормила ее полных четырнадцать месяцев. Под конец она так выросла, что я боялась, что не смогу больше этого выдержать, и поэтому в начале мая отняла ее от груди. Но сразу после этого со мной случилось нечто, что причинило мне гораздо больше неудобств: раздражение кожи, которым в этом теплом климате страдает почти каждый, даже в добром здравии. По всему телу появляются маленькие прыщики, которые так ужасно зудят, что человек не находит покоя. Они появляются с жарой и исчезают при холодной погоде. В остальном человек полностью здоров.

⁴⁵⁹ Генрал Уильям Филиппс умер 15 мая 1781 г. в Петербурге (Вирджиния).

⁴⁶⁰ Генерал Генри Клинтон умер 3 декабря 1795 г. в Гибралтаре, где был губернатором.

ОТЪЕЗД В КАНАДУ

Наш отъезд было запланирован на июль 1781 года. Все это время я получала купоны на дрова, и пока я оставалась в Лонг-Айленде, скопила 30 кордов, которые собиралась вернуть моему высокочтимому начальнику интендантского склада, не раз оказывавшему мне бескорыстную помощь. Он не принял дрова обратно и попросил или продать их или раздать нуждающимся. «Мне хорошо знаком ваш характер, — сказал этот добрый человек. — Вы испытаете большее удовлетворение, когда облегчите чьи-либо страдания». В самом деле, мы с супругом задумывались поступить именно так. Мы отдали 20 кордов самой почтенной роялистской семье, которая потеряла почти все и позднее эмигрировала; оставшиеся 10 кордов мы разделили между другими нуждающимися.

Перед отъездом мы хотели вернуть взятую нами в пользование мебель, но ее не приняли, сказав, что теперь это наша собственность и мы можем увезти ее в Канаду, так как там мы не найдем ничего подходящего. Решив не злоупотреблять такой щедростью, мы отправили практически все мебель на королевский склад, оставив лишь одну английскую кровать в качестве воспоминания. Тем не менее, должна признаться, позднее я все-таки жалела о том, что мы не взяли мебель, отчасти из-за того, что в Канаде мы так ничего и не нашли, а также из-за того, что тот роскошный королевский склад, как выяснилось впоследствии, был разграблен и сожжен американцами.

В конце концов мы отправились в путь, а вернее, поднялись на борт корабля, который в течение недели стоял на якоре в часе пути от Нью-Йорка. Генерал Клинтон отдал подробное распоряжение транспортному агенту, которого специально выбрал для нас, думая, что он способный и толковый парень, найти уютный, но в то же время быстроходный корабль, на котором мы бы не подверглись риску быть захваченными по пути в Канаду. Но здесь мы столкнулись с наглядным примером того, как вводят в заблуждение начальство. Наш агент оказался ленивым, неумелым и невежественным парнем, который то ли из-за своей лени не удосужился проверить корабль, то ли, как это часто бывает, был просто подкуплен капитаном судна. Достаточно сказать, что нам досталось самое маленькое и самое худшее суденыш-

ко во всем флоте. Так как мы еле плелись, капитан военного корабля, сопровождавшего нас, часто брал наше судно на буксир. Для этих целей был приготовлен огромный трос, соединявший наш корабль с буксиром. Таким образом, мы плыли рядом, что было не только неприятно, но и опасно, так как в случае шторма судна могли бы столкнуться друг с другом, а если бы мы имели несчастье встретиться с вражескими кораблями, то оказались бы в эпицентре схватки. Сверх того, наш экипаж был недостаточно укомплектован, что подвергало нас дополнительному риску быть опрокинутыми в случае внезапного шторма, не говоря уже о том, что из-за малочисленности экипажа мы не могли передвигаться достаточно быстро, особенно с того момента, когда в судно начала просачиваться вода и пришлось задействовать одного из членов экипажа для откачки ее. Ко всему прочему, наш корабль был недозагружен и кренился на один борт, поэтому нам пришлось наполнить пустые бочки морской водой, чтобы сохранить ровный киль. Вдобавок нам было крайне неприятно общество вышеупомянутого агента, которого пришлось взять с собой, предварительно покрыв его издержки. Он тяготил нас своим ворчанием, а его громкая зевота нарушала наш сон, хотя мы и находились в другой каюте.

В момент нашего отъезда мы столкнулись с другой неприятностью. наших славных негров — супружескую чету и их юную родственницу — потребовал вернуть обратно прежний хозяин, у которого они были конфискованы в качестве наказания за участие в восстании. Только мы получили сигнал к отъезду, он, как ни странно, прибыл к нам с приказом о возврате негров на том основании, что он вновь вернулся в ряды роялистов. Негры, узнав об этом, начали громко стенать и причитать, так как за это время они сильно привязались к нам, а тот человек слыл дурным хозяином и жестко с ними обращался. Юная девушка, по имени Филлис, упала в обморок, а когда пришла в чувство, бросилась к моим ногам, так в них вцепившись, что только силой удалось ее оттащить. Мой муж предложил их хозяину деньги, но как только речь зашла о компенсации, он потребовал 30 гиней за каждого. Мой муж не смог заплатить ему такие деньги. Так как до нашего отъезда еще оставалось время, я по-прежнему верила, что нам удастся сохранить негров. Я отдала им все их пожитки, даже матрацы,

которые приготовила им для путешествия. В этот момент они пришли в еще большее возбуждение, и Филлис вскрикнула: «Если я останусь жива, то я обязательно вернусь к вам, даже если вы будете на другом конце света!». Как выяснилось позже, славная девушка умоляла двух или трех человек взять ее с собой и отвезти ее ко мне, при этом всегда добавляя: «Миледи будет очень рада оплатить мой проезд». И она была совершенно права, но никто не поверил ее гарантиям. Мой муж хотел было заплатить только за нее, но ее жадный хозяин наотрез отказался продавать Филлис отдельно, пытаясь заставить купить их всех. Но это было слишком обременительно для нашего кошелька. Позже я жалела о нашем решении, потому что в Канаде было очень трудно найти хорошую прислугу.

В первый день нашего путешествия у меня прошли проблемы с кожей, чему я сильно обрадовалась, но, к сожалению, это негативно отразилось на моем здоровье на всю оставшуюся жизнь. Три дня спустя у меня так заболела голова и зубы, что я не могла ни есть, ни спать, и я с трудом выдержала этот день и ночь. Меня охватил резкий озноб, а ступни были настолько холодны, что я не могла отогреть их даже в горячей воде. Мне дали опиум для того чтобы я заснула, но он лишь погрузил меня в легкую дремоту, так как боль была слишком сильной. Так я страдала в течение всего путешествия.

За время нашего плавания случались самые разные происшествия. Как-то раз во время штиля буксир подошел слишком близко и столкнулся с нами. Нам пришлось срочно отталкивать его баграми. В другой раз буксир снес своей кормой нашу уборную, и только по счастливому стечению там никого не оказалось.

Однажды, когда нас окутал плотный туман, нам показалось, что мы увидели землю. К счастью, резкий порыв ветра раздвинул туманную завесу словно шторы на окне. Наш капитан ужаснулся, увидев, что мы находимся в месте под названием Даски Бэй, а рядом виднелись очертания опасной скалы, которую из-за своеобразной формы прозвали «Старухой». Действительно, эта скала была очень похожа на старую женщину, которая сидела посреди моря, сгорбив спину и склонив голову. Он немедленно предупредил капитана военного корабля, тащившего нас на буксире, о близкой опасности, поскольку тот впервые совершал плавание по этому

маршруту. Мы в полной мере воспользовались благоприятным направлением ветра и менее чем через полчаса покинули наполненный скалами залив, бывший местом многочисленных кораблекрушений. В ходе путешествия мы зашли в порт Галифакс, в Новой Шотландии, и даже спустились на берег. Губернатор и его супруга, довольно дружелюбные люди, пригласили нас на ланч, во время которого мы оказались в приятном обществе, состоявшем из 7–8 семейств, постоянно навещавших друг друга. На следующий день они показали нам не только город, но и близлежащие окрестности, которые я нашла довольно привлекательными. Здешние обитатели живут довольно скромно, довольствуясь свежехваченными дарами моря. Нам поведали довольно любопытный факт, что добыча лобстеров и больших морских крабов до Революции практически не велась, но сейчас они в большом количестве уходят от материка и появляются близ берегов Новой Шотландии. Данное обстоятельство породило популярную шутку о том, что лобстеры являются верными роялистами, и именно по этой причине носят красные мундиры, так же как и английские солдаты⁴⁶¹.

Так как все это время я страдала от жуткой зубной боли, я решила вырвать один из зубов. Чтобы оградить своего мужа и детей от забот и беспокойств, я поднялась в пять часов утра и послала за хирургом, который считался искусным мастером в операциях такого рода. Он нашел меня сидящей на полу в самой дальней комнате и приступил к операции. Своим отвратительным тупым инструментом он ухватился за зуб и дернул что есть силы. Я подумала, что дело сделано и попросила показать вырванный зуб. «Потерпите еще немного», — сказал хирург, и дернул снова. Ну все, подумала я, сейчас я избавилась от него. Но не тут то было. Как оказалось, хирург заодно ухватил и повредил здоровый зуб. Я ужасно рассердилась, и, хотя, он предложил удалить его вслед за плохим зубом, у меня не было ни сил, ни желания снова довериться ему. Впоследствии я долго сожалела о произошедшем, так как поврежденный зуб более двух лет мешал мне сжимать челюсть. Кроме того, этот

⁴⁶¹ Лобстеры ушли от Нью-Йорка в 1776 г. после массовой канонады. (См.: *Anburey T. Op. cit. Vol. II. P. 471.*)

опыт был столь ужасен, что я уже больше никогда не смогла подвергнуть себя подобной операции.

Во время заключительной части нашего путешествия мы несколько раз попадали в шторм, и уже достигнув реки Святого Лаврентия, имели несчастье потерять два якоря. Каждый вечер во время отлива мы бросали якорь в реку. К несчастью, однажды якорь зацепился за риф, и когда наш корабль пришел в движение из-за усиливающегося ветра, якорная веревка порвалась. Второй якорь постигла такая же судьба. В результате у нас остался лишь небольшой якорь. Потеряй мы и его, то оказались бы абсолютно беспомощны перед ветром. Мы провели очень беспокойную ночь. Кроме того, запасы провизии закончились, а посланная на берег лодка доставила лишь нескольких цыплят и яйца. После поездки на берег мой муж решил, что нам не стоит проводить следующую ночь на борту корабля, и вечером, как только был брошен якорь, он приказал спустить на воду большую лодку и мы — мой супруг, я и наши дети, двое адъютантов, мои служанки и двое слуг — отправились в ней на берег. Мы разместились в фермерском доме, где нас приняли довольно дружелюбно. Туда нас доставил капитан со своими лоцманами. Последних мы взяли на борт, когда корабль вошел в русло реки Святого Лаврентия. Эти люди получали солидную плату, часто доходившую до 20 гиней. С тех пор как корабли были застрахованы, каждый капитан отвечал за безопасность своего судна. Но, с другой стороны, обязанности капитана заканчивались, как только на борт вступал лоцман, который уже в качестве проводника отвечал за сохранность судна.

ПИСЬМА

Семья встретила в Шамбли на два дня перед тем, как генерал присоединился к британцам, идущим на юг, а миссис Ридзель вернула в Труа-Ривьер, чтобы ждать указаний от мужа. После двухнедельной кампании генерал нашел время написать супруге в первый день отдыха. Четыре недели спустя он написал из Кастлтона, обещая послать капитана Уиллоу за ней и детьми, как только он сможет сделать это «без риска для их здоровья и чести».

Между Краун Пойнтом и Тикондерогой

29 июня 1777 года

Сегодня первый день, когда у меня появилось время поразмышлять над своей счастливой судьбой, которая привела меня сюда, в Америку. Ты так близко, что строки, которые я тебе пишу, создают радость твоего присутствия. Дети отлично себя чувствуют и благодарят за заботу. Они здоровы и хорошо обучены, и я обязана выразить тебе свою искреннюю благодарность. Уверю тебя, что мое здоровье не подорвано лихорадкой, подхваченной некоторое время назад. Клянусь тебе, что моя кровь давно не кипела так, со времен нашей первой встречи. В конечном счете, я — счастливейшая из смертных в форте Шамбли, и все мои предыдущие несчастья кажутся сном. Я люблю и преклоняюсь перед тобой за все, что ты сделал. Не беспокойся и не тревожься за расходы. Даже если они возрастут вдвое, это меня не огорчит. Сейчас, когда мы вместе, мы можем привести наше хозяйство в порядок. Я буду рада, если мы сможем откладывать 50 ливров в месяц. В случае моей смерти эти деньги помогут нашим бедным дочерям. Если ты думаешь, что сможешь экономить 90 ливров в месяц, я верю, что мы исполним наш план, но ради небес, не ограничивай свои нужды.

Лагерь в Кастлтоне,

22 июля 1777 года

Моя более чем дорогая супруга,

Когда я написал тебе вчера, я был уверен, что смогу послать офицера забрать тебя, как только получу точную информацию от капитана Уиллоу, которого отправил в штаб узнать о планах передвижения войск. Письмо от бригадира Гамильтона⁴⁶², которое я тебе переправил, не обескуражило меня, потому что я знаю твое горячее желание присоединиться ко мне и сопровождать меня с минимальным ком-

⁴⁶² Бригадный генерал Джеймс Гамильтон (1742–1803) принимал участие в Семилетней войне. Был назначен бригадиром в 1776 г., в июле 1777 г. принял командование над 1-й английской бригадой. Участвовал в отражении вторжения американцев в Канаду, в битве под Саратогой командовал средней колонной. Попал в плен вместе со всей армией. После обмена генерала Филиппа возглавил плененные войска в Вирджинии. (См.: *Hadden J.M. Hadden's journal and orderly books: a journal kept in Canada and upon Burgoyne's campaign in 1776 and 1777. Albany: J. Munsell's Sons, 1884. P. 468.*)

фортом. Однако когда капитан Уиллоу вернулся, он привез мне приказ генерала Бергойна двигаться на Синсборо, где я должен оставаться до 25 июля, а затем идти в форт Энн. Из форта Энн я выдвинулся в форт Эдвард, находящийся под контролем мятежников. Но возможно, при нашем приближении они отступят, так у них нет ни артиллерии, ни войск, способных сдержать нашу армию. Когда мы достигнем форта Эдварда и возьмем под контроль Гудзон, мы сможем сделать остановку, в ожидании лодок и провианта, которые должны прибыть с озера Джордж. Там, надеюсь, мы снова увидимся, и я смогу обнять тебя и детей. Сразу после твоего прибытия, я отправляю капитана Уиллоу или какого-нибудь другого офицера встретить тебя. Будь терпелива, дорогая, не позволяй грузу времени стать непосильной ношей. Будь уверена, что я не сомневаюсь в том, что сделаю все, чтобы наша встреча прошла без риска для твоей жизни, жизни твоих детей и твоей чести.

Будучи командующим корпусом, у меня крайне мало времени. Я либо совершаю рекогносцировку верхом на лошади либо сижу за письменным столом, составляя приказы и улаживая текущие дела. Вот почему мое письмо такое краткое.

Наконец я получил присланный тобой ящик с бумагой и вином. Оно очень пригодились, так как мы испытываем жажду. И нет ничего более неприятного, как отсутствие вина, когда ты чувствуешь себя уставшим.

Твоя история про мяч в женском монастыре сильно позабавила меня, и я очень рад, что каждый житель Труа-Ривьер испытывает к тебе должное уважение. Принимая все, что вам преподносят, помните, что за эти вещи платит не генерал Карлтон, а король, который богаче, чем мы все. Крепко обними за меня детей и поблаговари маленькую Августу за чудесное письмо для меня. Я всегда восхищаюсь, когда это маленькое создание думает обо мне и выказывает мне свою учтивость. Скажи то же самой маленькой Фредерике.

Прощай, дорогая. Несколько дней терпения, и ты увидишь, что я человек слова. Обнимаю тебя, лучшая из женщин, дорогой ангел. Я полностью принадлежу тебе.

Твой верный муж, Ридзель.

Кембридж,
12 мая 1778 года

Моя дорогая матушка

Я надеюсь, вы в целости и сохранности получили мое письмо. Когда мы будем иметь счастье снова увидеться с вами? Сейчас мне кажется, что это произойдет не скоро. Американцы или очень любят нас или слишком опасаются. Что хорошего будет для нас, если в Европе разразится война? Это повлечет за собой лишь печальные последствия. Я уверяюсь в руки Господа и не желаю ничего большего, кроме как снова увидеть вас и свою семью. Эту надежду я храню в своем сердце.

Мы чувствуем себя довольно хорошо, живем в уютном доме с садом и можем получить все, что захотим, если пожелаем потратить деньги. Мы не можем обеспечить рост нашего капитала. Я еще раз прошу не устраивать свадьбу Лизетты до нашего возвращения. Капитан Эдмонстоун, который, я уверена, станет майором, — родом из Шотландии, после смерти своего отца ему достанется большое состояние. Капитан в течение двух лет служит адъютантом у моего мужа и всецело предан ему. Ему 23 года, он крепкого телосложения, учтивый джентльмен. Я уверена, что вам и Лизетт он понравится. После смерти своего отца он станет членом Парламента и будет носить титул баронета или графа. Передавайте поклон моим любезным тетушкам и наилучшие пожелания моим друзьям. Также вам кланяются мой супруг и дети. Сегодня маленькой Фредерике исполнилось 4 года. Скоро наступит два года, как я покинула Германию.

Я уверяю себя вашей добротой, и пока я жива, я всегда буду вашей покорнейшей дочерью,

Ридзель (урожденная Массоу).

Штат Вирджиния, неподалеку от Шарлотсвилла,
4 июля 1778 года

Капитан Эдмонстоун, адъютант моего мужа, должен отправиться на корабль. Он возвращается домой к своему отцу. Капитан обязался доставить это письмо по назначению. Если бы только мы тоже могли отправиться домой. Но это кажется все более и более невозможным, после того как американцы отвергли все предложения. Мы должны набраться терпения.

Поскорее бы закончилось лето. От ужасной жары страдают все. Мой муж не вполне здоров. Жаркая погода вызвала приток крови к голове, а сейчас у него распухли руки. Я надеюсь, что врачи смогут остановить болезнь. Через 10 дней мы собираемся на воды, в 130 милях отсюда, так как нам сказали, что там прохладнее. Температура воздуха превысила 103 градуса, и, как говорят, в августе бывает еще жарче. Дети здоровы. Маленькая Фредерика часто спрашивает о своей бабушке и желает поскорее отправиться к вам. Я очень сильно тоскую по дому и надеюсь, что получу ответное письмо. Вот уже два года я не знаю, где вы и чем занимаетесь. Неосведомленность терзает меня. Мне интересно, чем занимаются мои сестры. Я не могу поверить, что они не пишут, но письма почему-то не доходят.

Нью-Йорк,

24 марта 1780 года

Моя дорогая матушка

Я счастлива вам рассказать об удачном разрешении от бремени. Вы, конечно, будете ворчать: еще одна дочь. Однако это самое прелестное дитя, которое только можно представить — с темно-синими глазами и длинными темными волосами. Она такая же крупная, каким был наш дорогой Герман, и выглядит очень здоровой. Поначалу Ридзель был немного огорчен, но постепенно стал очень нежен к ней. Что касается меня, то я невероятно рада, что Господь подарил мне четырех дочерей. Дети чувствуют себя хорошо, кроме Каролин, которую лихорадило целую неделю, но сейчас ей намного лучше. Ридзелю тоже лучше, и, я надеюсь, что затянувшаяся остановка поспособствует его полнейшему выздоровлению. Кажется, мы не скоро отсюда уедем. По крайней мере, мы останемся здесь до тех пор, пока американцы не позволят нам уйти. Они снова отказались обменять наши войска, хотя это должно было случиться неделю назад. Кто знает, что хорошего выйдет из этого? Мы должны положиться на волю Господа. Я отправлю это письмо с одним из адъютантов и надеюсь, что вы сможете его получить. Адъютант задержится ненадолго, так что не упустите возможность передать ему ответное послание. Ваше последнее письмо написано 13 месяцев назад,

и я страстно желаю узнать последние новости. Сюда приплывает множество кораблей, но писем из Европы нет.

Нью-Йорк,

9 сентября 1780 года

Моя дорогая матушка

Какое большое счастье, что я сегодня получила ваше письмо, привезенное капитаном Кливом. Он высадился на берег неделю назад. О, как я хочу, чтобы каждую неделю мне доставляли вести с родины, и мы бы могли знать, что там происходит. Две недели назад я была очень обеспокоена тем, что у моего мужа началась ужасная лихорадка. Даже врач считал, что она крайне опасна. Августа также мучилась лихорадкой в течение двух недель. Оба очень медленно выздоравливали и сейчас очень слабы. Только Господь знает, сколько я вытерпела.

Поскольку эта лихорадка унесла множество человеческих жизней, я страшно перепугалась. И муж и дочь принимали хинин и нуждались в должном уходе. Самое отвратительное, что во время их болезни стояла дикая жара. В городе каждый день умирало от 50 до 60 человек. Как-то за один день похоронили 72 человек. Мы предполагаем, что останемся здесь до ноября, в весьма приятном месте в окрестностях города. У меня снова воспалился глаз, и мне нужно как следует заняться его лечением.

Наш славный капитан Эдмонстоун ушел из жизни. В поездке он подхватил простуду и умер от чахотки. Он оставался нашим верным другом до самого последнего момента. Я жалею об его уходе больше всех, так как верила, что он мог бы стать прекрасным зятем. Мне пришлось скрыть факт его смерти от Августы, которая сильно к нему привязалась. И когда позавчера она все же узнала об этом, то чуть не упала в обморок. Она постоянно смотрит на маленький портрет с его изображением и плачет. Августа очень чувствительное дитя, и я чрезвычайно тронута этим. Мы все оплакиваем эту потерю и никогда его не забудем. О смерти капитана Ридзелью сообщил его отец.

Америка — самый очаровательный ребенок. Она симпатичная и очень сообразительная. Мы не променяем ее даже на 20 мальчиков. Генералы Книфаузен и Филиппс, а также наш

старый друг Вурмб стали ее крестными отцами. Маленькой Америке уже сделали вариоляцию⁴⁶³, от которой остались следы в виде двух царапин. Вы совершенно правы. Всемогуший Господь, воздающий по заслугам, позаботится о своих чадах.

Нью-Йорк,

29 октября 1780 года

Моя любезная матушка

Прошло очень много времени с тех пор, как я имела счастье получить от вас письмо, хотя к нам постоянно приходят корабли. Я получаю множество писем из Брауншвейга. Одни говорят, что вы сейчас находитесь в Берлине, другие рассказывают, что вы в Р. или в Бреслау. Я надеюсь, что последнее — правда.

В конце концов моего мужа и его адъютантов обменяли. О, как бы нам хотелось, чтобы наступил мир! В начале следующего года нам предстоит поездка в Канаду, и мы будем находиться там до отъезда в Германию. Здоровье моего мужа заметно пошатнулось, что сильно расстраивает меня. Он не может пить ничего сладкого, в результате ему приходится ограничиваться сухим вином.

Дети растут как поросята. Они очень послушны и не доставляют мне особых хлопот. Они знают, что я считаю их славными. Малышка — крепкое, здоровое дитя, очень симпатичная и умная. Их хранит Господь, и я могу надеяться, что привезу их всех домой. Как скоро это может случиться пока не ясно, но когда придет время, мы сразу поймем, что настала пора воссоединиться. Мы все еще живем в окрестностях Нью-Йорка и, возможно, переедем в город не раньше следующего месяца. Погода очень приятная.

⁴⁶³ Прививка от оспы, активно применявшаяся до изобретения вакцины Эдвардом Дженнером в 1796 г. В 1717 г. вариоляция была введена в Англии леди Монтегю — английской писательницей и путешественницей, женой британского посла в Османской империи, оттуда проникла в другие западные страны.

Нью-Йорк,

23 января 1781 года

Дорогая матушка

Так как наш флот покидает Америку, я воспользовалась этой возможностью, чтобы отправить вам письмо. Как было бы хорошо, если бы я получала больше новостей! Мой муж по-прежнему болен, но я делаю все возможное, чтобы он поправился. Вот уже два года болезнь не отпускает его. Он, безусловно, отзывчивый человек, и с радостью откликается на помощь, но ему не стоит взваливать на себя так много обязанностей. Пять лет, проведенных в Америке, состарили его на 20 лет. Я желаю, чтобы он вернулся домой. Если устроить ему полноценный отдых, он бы выздоровел.

Я уверена, что пройдет еще много времени, прежде чем будет подписан мирный договор. Тем более что, как мне кажется, ситуация принимает довольно сложный оборот. Эта тяжелая война обходится Англии слишком дорого.

Зима в этом году выдалась мягкой. Сегодня в первый раз наступил по-настоящему зимний день, но мы все еще можем совершать ежедневный моцион. Мне очень интересно как проживают мои друзья в Берлине: министр Блументаль, Шверины, Гедеры и Ведельсы. Возможно, они совершенно забыли о нас, брошенных в Америке. Недавно я услышала, что король [ФРИДРИХ II] умер. Хотя позже слухи не подтвердились, но это заставило меня задуматься. В случае его смерти, принц [ФРИДРИХ-ВИЛЬГЕЛЬМ II] имеет все законные основания занять освободившийся трон Пруссии. Так как у нас появилась четвертая дочь, и мы вынуждены оставаться здесь довольно долгое время, было бы справедливо получить одну из пребенд⁴⁶⁴. Принц всегда любезно относился ко мне. Возможно, мне удастся устроить судьбу моих бедных девочек. Пожалуйста, поразмыслите об этом.

Я вверяю себя в ваши руки, надеясь, что вы любите меня так же, как я люблю вас.

⁴⁶⁴ Имеется в виду земля, на доход с которой можно было бы учить девочек в монастырской школе.

27 июля, 1781 года

Я пишу это письмо, находясь на корабле по дороге в Канаду. Мы путешествуем на маленьком, но довольно уютном судне. От морской болезни никто не страдает. Проблемы только с Америкой, так как у нее начали прорезаться зубки. За всю свою жизнь она столько не кричала, как за последние три недели. Я не хотела покидать Нью-Йорк, поскольку у меня там осталось много друзей. Правда, мы потеряли лучшего из них, уважаемого и почтенного генерала Филипса. Он умер во время военной экспедиции, подхватив простуду. Господь защитит и поможет нам вынести трудности этого путешествия.

Сорель,

21 июля, 1782 года

Я пишу вам в первый раз за последнюю неделю, потому что через пару дней отходит корабль, и я с радостью пользуюсь возможностью отправить вам письмо. Я планирую писать вам каждый раз, как в море будет отправляться очередное судно, так как в здешних широтах морское сообщение действует только три месяца в году, в остальное же время мы не сможем получать ответов. Вот почему я так не люблю эту страну. В течение 8 месяцев мы чувствуем себя словно заключенные, хотя это очень приятная пора для тех, кто предпочитает холод. В мирное время это, должно быть, удивительная страна. Здесь доступны все виды продуктов, особенно в большом количестве водится рыба и голуби. Некоторые охотники используют особый вид ружья и могут за раз подбить 50–60 голубей. В это время года здесь можно увидеть большие стаи уток и фазанов. Кроме того, в этом краю водится очень много оленей, и в ноябре каждый житель запасается мясом этих животных. Сначала мясо закапывают в землю или в снег, и уже перед тем, как его приготовить, оленину кладут в теплую воду. На вкус она похожа на свежее мясо. Благодаря непрерывным холодам, мясо сохраняется вплоть до апреля или мая.

Одежда и все напитки здесь очень дороги, так как их поставки нерегулярны. Губернатор — наш большой друг. Он стремится всячески нас развлечь, чтобы избавить нас от дурных мыслей и отчаяния. Кроме того, здесь у нас много

друзей среди немцев и англичан. Однако я страстно желаю вернуться в Европу, так как очень тяжело находиться вдали от дома.

Я надеюсь, что в скором времени получу письма.

Сорель,

14 октября 1782 года

Любезная матушка

Как же я рада, что, наконец, получила от вас два письма, правда они очень старые, датированы июнем и июлем прошлого года. Я была поражена, когда вы сообщили мне, что снова вышли замуж. Признаться, весть о том, что у меня появился другой отец, задела меня за живое. Где вы смогли найти столь же достойного супруга, как наш дорогой отец? Я подумала, что если бы он не оказался таким же достойным человеком, то вы наверняка об этом упомянули. Как же я обрадовалась, когда узнала имя! Я надеюсь, что новый папа позволит мне вторгнуться в ваш брачный союз, так как мне будет чрезвычайно лестно провести свои дни рядом с вами. Надежды на скорый мир вновь исчезли.

Хотя мой супруг не в полной мере здоров, тем не менее, опасность ему больше не грозит. Я каждый день окружаю его вниманием и заботой. Пусть это прозвучит довольно громко, но я уверяю вас, что чем больше люди узнают Ридзеля, тем большим уважением проникаются к нему. Хоть он и сам страдает, но не может допустить, чтобы страдали другие. Он стал более богобоязненным, и практически избавился от своей раздражительности. И хотя мы женаты уже почти 20 лет, мы любим друг друга сильнее, чем когда бы то ни было. Порой окружающие удивляются, когда видят, с каким вниманием он ко мне относится.

Вы рассказали, что пишете мне каждый месяц. Но за два последних года я получила лишь три письма. Я не понимаю, что происходит с почтовой корреспонденцией. Все немцы жалуются на подобную ситуацию. Я только что получила первую весточку от лейтенанта ... Наши пленные офицеры вернулись в Квебек, и мой супруг отправился к ним на несколько дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Американская революция изменила судьбу многих женщин, вовлекая их в водоворот военных событий. Многие женщины поддерживали одну из армий — патриотов или лоялистов. Они делали это доступными для них способами — вязали носки, шили одежду, собирали деньги и продукты для солдат, размещали у себя в домах офицеров. Около 20 тысяч женщин сопровождали армии, выполняя разную работу по обслуживанию военных соединений (стирали, мыли, готовили пищу, ухаживали за больными и ранеными, штопали одежду и др.). Ряд жен были на позициях вместе со своими мужьями, заменяя их в случае гибели или ранения. Среди американок были даже те, кто сражался в американской армии наравне с мужчинами, переодевшись в мужское платье. Одно такое имя достоверно известно и стоит на первом месте в Вашингтоне в Мемориале памяти женщин-военнослужащих. Это — Дебора Сэмпсон из штата Массачусетс.

Среди тех, кто попадал на территорию противника, были женщины, ставшие «бойцами невидимого фронта», т. е. выполнявшие разведывательные функции. О них мало известно. С одной стороны, разведка — это всегда достаточно закрытая область, а с другой — историки долго вообще не замечали женщин, участвовавших в Войне за независимость, а в такой непубличной сфере, как шпионаж, тем более. Но сведения, добываемые шпионками, играли важную, а иногда и решающую роль для действий армий.

Большинство же женщин осталось дома, взяв на себя обязанности отсутствующих мужчин — руководство фермами, поддержание семейного бизнеса, заключение сделок, торговлю. Потребность изложить кому-то пережитые чувства

и эмоции превратилась в дневники и письма, ставшие бесценным свидетельством о жизни женской половины Америки.

Дневники, предложенные вниманию читателей, публикуются на русском языке впервые. Мы постарались представить спектр точек зрения женщин, занимавших разные политические позиции в происходивших событиях. Квakerши, которые в силу принадлежности к своей религии, старались отстаивать и сохранять пацифистские, нейтральные взгляды. Лоялистки, которым активно не нравилось изменение образа жизни и социального порядка, при котором формировались их личности, в силу чего они активно сочувствовали и помогали британцам. Немка, которой одинаково чужды были интересы и американцев, и британцев, которая видела в войне только возможность для продвижения по службе и обогащения своего мужа. Но в одном они все единодушны: война есть бедствие, приносящее горе, слезы и тяжелые испытания. Растерянность, боль и страх перед кардинальными изменениями в жизни, сломом привычного уклада, противостоянием между добрыми соседями, а зачастую и близкими родственниками, видны в записях, оставленных нам американками в XVIII веке.

В ряде дневников женщины, быть может, впервые высказывали свои собственные суждения по правовым, экономическим и политическим вопросам, проявляли свои способности вести хозяйство, сохранять собственность, решать множество возникающих проблем в отсутствии мужчин. Некоторые, например, Грейс Галловэй, находили удовольствие в этой независимости и проявлении своей компетентности.

Эти исторические документы XVIII века (например, дневник Элизабет Дринкер) дают богатейший материал по самым разным сторонам жизни города, общества, семьи. Наиболее полно, конечно, представлены женские, домашние темы: опыт деторождения и ухода за младенцами, приемы воспитания, возможности и результат образования детей; болезни, способы и возможности их лечения, бытовые и санитарные условия жизни; многочисленные работы, которые выполнялись в доме, в саду и огороде, чтобы обеспечить нормальное функционирование хозяйства; домашняя прислуга, которая тогда «де факто, но не де юре» считалась частью семьи.

Со страниц дневников на нас смотрит «безжалостное лицо войны» — смерть, разрушения, насилие, пожары, обстрелы, голод и холод! Авторы без прикрас описали все, с чем им пришлось столкнуться, чтобы сохранить дома, детей, саму жизнь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

КОРОТКОВА СВЕЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА, к.и.н.,
доцент факультета прикладной политологии НИУ-ВШЭ
korotkova_s_a@mail.ru

Именной указатель

- Адамс Джон 95, 171, 274
Адамс Ричард 124
Адамс Самюэль 26, 30
Адамс Т. 328
Аллен, вдова 78, 209, 229
Аллен Бетси 246, 256
Аллен Сара (Салли) 198, 274
Аллен Уильям 256
Аллен Эндрю 198, 246, 251, 256-7
Аллен Этан 291
Андре Джон 48, 82, 352
Анстратер Джон 296
Арнольд Бенедикт 48, 82, 142, 177, 178, 190, 192, 219, 283, 291, 293, 392
Арнольд Пегги 283
- Байда Климент 135
Байда Оуэн 135
Байлс Полли 267-8, 270, 273, 280
Баррингтон Самуэль 253
Бартон, миссис 135, 198
Бартон Парсон 1135, 216
Баум Фридрих 291
Беверидж Молли 234
Бейкон Джон 10
Бейкон Дэвид 33, 41, 42, 96
Бейкон, миссис 33, 41
Бейкон Полли 42
Беллфур Несбит 256
Бенезет Энтони 11, 12
Бенезет Джойс 202, 238
Бергойн Джон 20, 23, 78, 93, 103, 109, 288, 291-5, 299, 301-6, 210-11, 313, 318, 364
Бердж Бюла 286
Бердж Салли 16, 215, 240
Бердж Самюэль 286
Бликер Энн Элиза 173
Блумфельд Томас 309
Бонд 209
Бонд, доктор 254
- Бонд, миссис 208, 225, 233, 246, 254, 278
Бонд Бекки 203-4, 225-6, 246
Бонд Питер 124
Бонд Томас 203, 246, 253
Бонд Уилли 188, 192, 198
Бонд Финеас 103, 188, 203
Брайан Джордж 135, 183-4, 186, 262
Браун Енох 36, 167, 347
Бредфорд Томас 74
Бредфорд Уильям 74, 97
Брейман Генрих, фон 291
Будинот, миссис 189
Будинот Элиас 187-8, 190-3, 196, 223, 265
Бэрроу 29, 31
- Вандерлин, мисс 215
Вартон, миссис 184
Вартон Боб 282
Вартон Джозеф 138
Вартон Джонс 219
Вартон Исаак 124
Вартон Нэнси 256
Вартон Полли 182-3, 227, 242, 256
Вартон Томас 96, 135, 175, 177, 180, 182-3, 197, 206-7, 214, 224, 230, 243
Вартон Ханна 183, 219, 245
Вашингтон Башрод 339
Вашингтон Джон Августин 339
Вашингтон Джордж 14, 18-9, 25-6, 43-4, 50, 55-7, 60, 64, 67, 69, 70, 72-4, 78, 84, 87-90, 94, 98-101, 104, 106-8, 112, 128, 131-3, 137, 139, 140-1, 146, 150, 177, 186-7, 190, 200, 247, 267, 284, 290, 338-9
Вашингтон Джордж Августин 350
Вашингтон Марта 132-3, 146, 332
Вашингтон Самюэль 332
Вашингтон Уильям 64
Вашингтон Уорнер 332
Венабл, миссис 253
Верри Джеймс 55, 56, 58, 65

- Виллет Августин 272
 Виллинг Нэнси 283
 Винсинг, мисс 206
 Вуд Горден 7
 Вулман Джон 11
 Вурмб Людвиг Адольф фон 350
 Вурмб Фридерик Вильгельм, фон 350, 355, 368
 Вэбб Томас 77
 Вулф Вирджиния 7
- Галловэй Грейс 8, 9, 16, 19, 20, 143, 173, 176, 179, 184, 186, 191, 195, 200, 207, 224-5, 231, 259-260, 275, 373
 Галловэй Джозеф 17, 18, 19, 101, 186, 208, 214, 216, 231, 256-7
 Галловэй Элизабет 20, 193
 Гамильтон Александр 177, 304
 Гамильтон Джеймс 364
 Гамминг Анна 172
 Гамминг Бетси 172
 Гарриг Самюэль 208, 221
 Гейдж Томас 26, 31, 35, 37-8, 315
 Гейсмар фон 302, 332
 Гейстер Леопольд, фон 350
 Гейтс Горацио 93, 96-7, 103, 293, 298, 301-2, 304, 310-2, 320, 324
 Георг I 11
 Георг III 22, 25, 126, 136, 289, 345
 Гертц Карл Фридрих 325-6
 Гиббс Ричард 264, 286
 Гиббсон Джеймс 133
 Горден, миссис 33-4, 36-9
 Горден. Мистер 34-7, 141, 200
 Гоулд Джеймс (старший) 150
 Гоулд Джеймс (младший) 150
 Гоулд Кэтрин 150
 Гоулд Мэри Ретбан 13, 150
 Грей Билли 192
 Грей Чарльз 40
 Грейвз, миссис 209
 Грейси Джон 108
 Грин Анна Кэтрин 10, 173
 Грин Кристофер 90,
 Грин Натаниэль 64, 133, 135
 Грин Чарльз 307
 Гриффин Самюэль 61, 267
 Гроувз, миссис 218
 Гроуден Джозеф 16
 Гроуден Лоуренс 16, 224, 235
 Гроуден Ханна 275
- д'Эстен Жан-Батист Шарль 13, 147-9, 151, 160, 179, 180, 253
 Данлэп Джон 91
 Деминг Сара Уинслоу 9, 10, 28
 Деминг Джон 28, 29-34, 37, 40, 41
 Джарвис Чарльз 11
 Джасанофф Майя 175
 Джеймс 229
 Джеймс А. 83, 84, 112, 115
 Джеймс Джон 110, 118, 128
 Джеймс Чокли 104, 109, 114
 Джеймс Эйбл 103-4, 106-7, 115, 121-2, 127, 178, 188, 208, 242, 262, 264, 267, 270, 273, 278
 Дженкс Томми 196, 209, 222, 264
 Джермейн Джордж 22, 87, 335
 Джефферсон Томас 23, 264, 328, 332
 Джилл Джон 207, 264, 272
 Джонс 218
 Джонс, доктор 216
 Джонс Бекки 242, 254
 Джонс Бетси 181, 201, 224, 230-1, 246, 265
 Джонс Бласвит 238
 Джонс Джеси 265
 Джонс Джонатан 278
 Джонс Молли 268
 Джонс Нэнси 242
 Джонс Оуэн, младший 121, 131-2, 180, 182-4, 187-8, 191, 197, 200-5, 204, 214, 216, 222-3, 226-8, 230-1, 234-6, 237, 239-41, 248, 253, 256, 277-8
 Джонс Пегги 179, 181, 191, 193, 201, 236, 246, 248, 265, 268
 Джонс Роберт 137
 Джонс Саки 268
 Джонс Сьюзи 180, 188, 227, 230, 234, 236
 Джонс Ханна 233
 Джонсон Генри 247, 251
 Джонстон Август 150
 Дикинсон Джон 17-8, 101, 113, 179, 181
 Дилвин Сара 11, 45, 55, 59, 83, 85
 Дилвин Джордж 45, 57, 59, 65, 81, 145
 Дилвин Уильям 48, 51, 58, 59, 78
 Доноп фон, Карл 46-9, 57, 60, 63, 68, 90, 109, 291
 Дрейпер Маргарет 173
 Дринкер Генри 12, 95-8, 178, 267
 Дринкер Генри-младший 101
 Дринкер Джон 95, 110-1, 121, 286
 Дринкер Дэниел 110
 Дринкер Ханна 110
 Дринкер Эдвард 110
 Дринкер Элизабет 8, 9, 11, 95, 373
 Дункан, капитан 218

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Зейнс 223, 229, 232, 238-9, 241, 243-4, 249-50, 252, 258, 262, 266, 276-7

Зейнс Исаак 226

Зейнс Салли 220, 223, 252, 265

Зейнс Сара 217, 261

Инглис Маргарет 173

Ингрэм Ханна 175

Ирвин, доктор 208

Кадваладер, миссис 220

Кадваладер Джон 44, 63-4, 70, 178, 194, 204, 211, 250

Кадваладер Ламберт 211

Кадваладер Томас 211-3, 221

Камфорт Эзра 210, 227, 234, 255

Каннингем, капитан 267

Каннингем Энн 267

Карлайл Абрахам 142, 144-5, 190, 201

Карлайл, лорд 136

Карлайл Уильям Эден 140, 144

Карлайл Энн 144

Карлетон Гай 48

Кемпбелл Колин 77

Кетерэл Исаак 127

Кид Джон 211, 263-4

Кин Рейнольд 184

Кинси Абрахам 273

Клаймер Дэн 277

Кларк Абрахам 74

Кларк Август 13

Кларк, капитан 188

Кларк Уолтер 150

Клинтон Генри 15, 84, 94, 137, 283, 290, 293, 315, 338, 342-3, 345, 350-2, 354-5, 357-8

Клинтон, жена Г.Клинтона 283

Клифтон Нэнси 178, 215-6, 227

Клифтон 216, 227

Клиффорд Анна 8, 9, 14, 281

Клиффорд Джон 15

Кнеллер Готфрид 11

Книфаузен Вильгельм, фон 349-50, 367

Коггешелл Джеймс 13

Кокс 219

Кокс Аллен Сара (она же Салли Кокс) 198

Кокс Даниэль 139, 141, 182

Кокс Джон 55, 57, 65, 67, 79

Кокс Салли 182, 192-3, 215, 226-7, 249, 279

Кокс Тенч 198

Кокс Эстер 47, 72

Колеман Сара 285

Коллинз 271

Коллинз, капитан 40, 41,

Комли Джошуа 203

Комминз Джонни 202, 204

Корнуоллис Чарльз 16, 43, 44, 46, 67, 76, 90, 102, 111, 114, 121, 140, 170, 284, 286-7, 290, 338, 342, 345, 347

Костюшко Тадеуш 292

Крейг 182-3, 189, 192, 196, 201-2, 204, 206, 209, 211, 214, 219, 220, 224-5, 230, 246-7

Крейг Молли 179, 181-2, 188-191, 193, 195, 198, 201-2, 204, 209, 211, 221, 224-5, 230, 236, 248, 267

Крэммонд 119-21, 123-4, 138

Крэммонд Дж. 146

Кэмпбелл Колин 77

Кэткарт Уильям Шоу 345

Лайтфут Сюзанна 217, 231

Лайтфут Томас 217

Лафайет Жильбер де 25, 319-20, 322

Леджер Барри Сен 93, 293

Ли Чарльз 61

Ливингстон Роберт 167, 264

Линкольн Бенджамин 23, 293, 299

Лингтон Бен 205

Липпинкотт Уильям 101

Логан Чарльз 133

Лоуренс Джон 48-51, 75, 77, 176, 182, 196, 197, 224, 229, 270-2

Лоуренс Б., миссис 184, 198, 209-10, 219-20, 224, 246, 251, 267, 274-5

Лоуренс-младший Джон 180, 228, 245

Лоуренс Молли 210, 233

Лоуренс, судья 49

Лоуренс Том 176

Льюис Салли 182

Льюис Уильям 33, 177, 180-3, 189, 191-3, 197, 260, 262-3

Людвиг XVI 147

Маккензи Александр 256

Маккин Томас 143, 181, 192, 197, 265, 268-9, 271-3, 276

Маклейн Аллан 201

Маццеи Филиппо 328

Мекленбург-Стрелицкая Шарлотта 345

Мелчар Исаак 179

Мерсер Хью 44, 69, 73, 89

Миллер Марк 96

Миллигонт 231

Мильес Иоганн Август 342, 347, 354

Мираллес Дон Хуан де 187

Миффлин 69

Миффлин Джонатан 113

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЖЕНСКИХ ДНЕВНИКАХ

- Миффлин Джордж 258
 Миффлин Дэниэл 186, 219, 220, 222-3, 226-7
 Миффлин Томас 55, 64
 Миффлин Уорнер 186, 219
 Миффлин Чарльз 223, 238
 Монтгомери 192, 197, 206, 231-2
 Монтегю Мэри Уортли 368
 Монтресор Джон 88
 Моор Томас 48-9, 51
 Моор Чарльз 73
 Морган, полковник 141
 Морган Джекоб 264
 Морис, мистер 215
 Моррис Бетти 177
 Моррис Дебора (Дебби) 179, 183, 187-8, 193, 196, 201, 247
 Моррис Джон 54
 Моррис Джон 80
 Моррис Израэль 131, 134-5, 137
 Моррис Исаак 177, 214, 229, 234, 238, 241, 246-7, 250, 266, 280
 Моррис Маргарет 8-10, 45, 47, 52, 71, 78-9
 Моррис Мэри 173
 Моррис Ричард Хилл 54
 Моррис Роберт 250, 282
 Моррис Томми 235, 244, 262
 Моррис Уильям 10
 Моррис Энтони 68, 72, 119
 Моулсворт Джон 96-7, 122-3
 Мур Джеймс 133
 Мур Милка Марта 11, 52
 Мур Салли 129
 Мур Самюэль Престон 10, 83
 Мур Ханна 83
 Мур Чарльз 57
 Мэйсон, священник 38
 Мэйсон Сара 34, 36, 37, 41
 Мэнинг 39
 Мэртсон Джон 342
 Мэтлек Тимоти 134-7, 204-5
 Мюнстер Пауль 341
- Наполеон 339
 Нейлор Джеймс 249
 Ноалль де, Луи 322
 Нокс Генри 26
 Норрис Дебора 12, 221
 Норрис Исаак (старший) 17
 Норрис Исаак (младший) 17, 223
 Норрис Молли 236
 Норт Фредерик 22, 136
- О'Коннелл Лаурентис 320
 Оделл Парсон 127
 Оделл Джонатан 48-51, 53-5, 61, 71, 74, 82-3
 Олми Бенджамин 13, 150, 281
 Олми Джон 150, 162, 164, 164, 169
 Олми Мэри Гоулд 12, 13, 150
 Осборн 324
 Освальд Пегги 216
 Освальд Салли 216
 Остон Том 203, 219
- Патнэм Израиль 57, 58, 60, 73-5
 Паттисон Джеймс 345-6, 351
 Пембертон Джеймс 177
 Пембертон Джон (Джонни) 126, 176-7, 187, 222
 Пембертон Израэль 142, 177, 180, 181, 187, 189, 197, 223, 227
 Пембертон Мэри 114, 121, 130
 Пембертон Рашель Рид 177
 Пембертон Ханна 230, 243, 249
 Пембертон Фиби 132, 146
 Пембертоны 234
 Пеннингтон Иссак 224, 238-9, 242
 Пеннингтон Салли 191, 201, 221, 224
 Пеннингтон Эдвард (страший) 135, 242, Пеннингтон Эдвард, Нед (младший) 260, 262, 271, 275, 286-7
 Пенн Джон 180, 216-7, 257
 Пенн Уильям 10, 12, 17
 Пенны 17
 Пенроуз 203
 Перси Хью 290
 Пигот Роберт 148, 167
 Пил Чарльз Уилсон 183-4, 187-190, 193-5
 Пирс Сара 9
 Питерсхэм 302-4
 Плизенс М. 146
 Плизенс Полин 120
 Плизенс Салли 107, 125, 130-3, 143-4, 146
 Плизенс Томас 122
 Полс Молли 247
 Поттс 72, 188, 193, 205, 232, 270
 Поттс Джо 271
 Поттс Дебби 217
 Поттс Молли 222, 255
 Поттс Сэм 204
 Поттс Стейси 72
 Поуп Александр 11
 Париш Джон 110, 118, 126-7

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Ратледж Джон 264
 Редмен Бекки 188, 196, 207, 211, 215
 Редмен Бетси 218
 Редмен Библи 271
 Редмен Джек 182, 201
 Редмен Джо (Джозеф) 180-1, 215, 228, 276-8
 Редмен, доктор 182, 196, 198, 213, 232, 234
 Редмен, миссис 182, 188-9, 192, 196, 213, 218, 221-2, 224, 227, 231-2, 235, 242, 250, 254, 267
 Редмен Нэнси 182, 215, 249, 256
 Редмен Салли 256
 Редмен Томас 96, 218
 Редмены 221, 249
 Рейнелл, миссис 296, 307
 Рейнелл Томас 296
 Рид Боус 64
 Рид Джозеф (Джо) 56, 63-4, 79, 135, 145, 183, 206, 215, 231, 233, 272, 282
 Рид, П. 73
 Рид Эстер 282
 Риддл 228
 Ридзель Фредерика 8, 9, 23, 126, 304, 317, 321, 345, 362, 365
 Ридзель Фридрих Адольф 21, 22, 23, 292, 295, 302, 314-5, 341, 355, 364, 366
 Ричи, мистер 226, 235, 254
 Ричи Лидди 244
 Робертс Джон 132, 145, 190, 201
 Робинсон, сестры 354
 Робинсон Сюзанна 173
 Робинсон Эбезенер 129
 Родс Самюэль 181, 185, 196, 262-5, 270
 Ролл Иоганн Готлиб 43, 64, 291
 Роул Анна 14, 15, 16
 Роул Уильям 14, 15, 16, 286
 Роул Ханна 287
 Роул-младший Ф. 15
 Роулс Пегги 16, 253
 Роулс Салли 16, 214
 Руссо Жан-Жак 336
 Руссо Элиоз 336

 Саймонс Генри 209
 Салливан Джон 13, 64, 148-150
 Свифт, капитан 127
 Свифт, мистер 238
 Свифт Джон 211
 Свифт Джонатан 11
 Сеймур Томас 47-9
 Сент-Клер Артур 78
 Сенфорд, капитан 201
 Сержент Джонатан Дикинсон 262

 Смит, Смиты 76, 132, 187, 189, 194-5, 201, 203, 4-8, 211, 213, 215, 216, 219-21, 223, 226, 227, 229, 232-3, 235-8, 245, 247, 249-50, 252-3, 255, 257-9, 261, 263-5, 269-71, 273-9, 280, 297
 Смит, доктор 238
 Смит, миссис 201
 Смит, полковник 132
 Смит Бекки 276
 Смит Уильям (Библи, Билл) 240, 243, 245, 262-4, 268, 270, 275-6
 Смит Древет 118
 Смит Дэниэл 63
 Смит Ричард 53-4, 56, 77, 85
 Смит Самуэль (Сэм) 106, 127
 Смит Уилли (он же Смит У.) 63, 180, 207, 215, 251
 Спенглер Джордж 143, 192
 Стайлс 112, 117
 Стайлсы 109
 Станислав II Понятовский 328
 Старк Джон 291
 Стекхаус Томас (Том) 209, 177, 210, 220, 222, 226
 Стенсбери Джозеф 48, 82, 83
 Степлер Библи 219
 Степлер Джон 204, 210, 224, 252
 Степлер Томас 186, 214, 216, 223, 275
 Стори Енох 101, 121, 140
 Стюард Уолтер 206
 Сэндвич Джон М. 136
 Сэнфорд 201

 Тернер, миссис 209, 215
 Тилгмен Нед 219
 Тилман Тенч 132
 Томлинсон Ханна 174
 Томпсон Джон 185, 188, 239, 242, 245, 267, 274
 Томпсон Ханна 282
 Томпсон Чарльз 176, 184
 Торнтон Джеймс 253
 Торнтон Джон 207
 Торнтоны 144
 Трайон Уильям 342, 346-7, 350-1

 Уайт Александр 128
 Уайт Джейн 181, 198-9, 245
 Уайт Роберт 198
 Уилл Кол 180, 189, 194-5
 Уилкоккс, миссис 210, 213
 Уиллоу Сеин 23, 313, 349, 355, 373-5
 Уилсон Б. 122

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЖЕНСКИХ ДНЕВНИКАХ

- Уилсон Джеймс 187, 192, 250, 264-6, 271-2, 276, 282
 Уилсон Чарльз 183
 Уильямс Гриффит 140, 298
 Уинслоу Анна Грин 10
 Уинслоу Джон 37
 Уинслоу Джошуа 10, 37
 Уистер Ричард 126, 131
 Уистер Салли 12
 Уитвелл 34, 38
 Уолкер Эманел 219
 Уоллес, мистер 248, 270
 Уоллес Джеймс 265
 Уоллис Самюэль (Сэм) 238, 254
 Уоллон Билли 227
 Уолн Николас 130, 242-3, 249, 253, 258, 269
 Уолн Нэнси 110
 Уолн Реббека 112
 Уолн Ричард 108, 113, 117, 118, 127, 140, 141
 Уолн Роберт 110
 Уолны 286-7
 Уолтон Уильям 342
 Уорнер Джозеф 122
 Уорнер Реббека 14
 Уорнер Сэт 291, 332
 Уорнер Элизабет 284
 Уотерс, мистер 32, 36, 37, 41
 Уотерс, миссис 34, 36-8, 42
 Уотсон Томас 75, 228
 Уэйн Энтони 102, 255
 Уэллс Рашель 83
 Уэллс Ричард 47, 53, 83
 Уэллс Уильям 122-3
 Уэст Джон 9
 Уэст К. 110
 Уэст Уильям 151
 Уэст Томас 182, 247
- Фейхтвангер Л. 179
 Фергюсон Рашель 173-4
 Филиппс Уильям 298-9, 303, 307, 309, 311, 318, 330, 334, 338, 341, 345, 349, 351, 354, 357, 363, 367, 370
 Фишер Бески 287
 Фишер Джеймс 287
 Фишер Джошуа 95, 101, 105, 118, 230
 Фишер Мэри 174
 Фишер Самюэль У. 220, 285
 Фишер Томас 95, 114, 227, 261
 Фишер Уильям 142, 296
 Фокс Георг 8
 Фокс Джон 8
- Фокс Джордж 14
 Фоксы 246, 255
 Фоулк Амос 233
 Фоулк Джульетта 287
 Фоулк Полли 287
 Франклин Бенджамин 11, 15, 17, 89, 101, 179, 181, 257, 328
 Франклин Уильям 11, 17, 46
 Фрейзер Саймон 292, 296, 299-301, 333
 Френкс, майор 202
 Фридрих II 321, 289, 369
 Фримен Джон 293, 335
 Фуллер 183
 Фэннинг 167
- Хавелл Джошуа 131
 Хайндс Джон 239
 Хамптон Ричард 70
 Хамфри Уайтхед 233, 250
 Хамфрис Нэнси 230
 Харнейдж Генри 296, 299, 301, 307
 Хартли Джеймс 285
 Хартсхорн Дики 214
 Хастон, миссис 214
 Хауэлл Джошуа 40, 206, 221, 284
 Хауэлл Сидни 40, 179, 180, 182, 184-5, 187, 190, 192-4, 196, 206, 212, 221, 234, 238-9, 247, 254, 268, 287
 Хауэрд Салли 209, 223, 239
 Хед Дж. 286
 Хилл Дебора 10
 Хилл Кристофер 267
 Хилл Ричард 10, 169
 Хилл Салли 40
 Ходжи Хью 285
 Ходжи Эндрю 285
 Холкер Джон 187
 Холландсворт Леви 224, 233-4
 Хоу Ричард 136, 147-8, 290
 Хоуз Дэвид Риттен 46
 Хоуэл Джошуа 113, 115, 117, 119
 Хоуэл Кэтти 117
 Хоуэл Самюэль 106
 Хьюлинг Том 48-9, 51, 77
 Хэйл Натан 343
 Хэмфри-мл. Джеймс 91, 106
 Хэнкок Джон 26, 30
- Черч Джемми 32, 34
 Черч Джон Баркер 32, 34, 317
 Човет Абрахам 204, 205, 212-3, 214, 216, 219, 222-4, 226, 229, 231-2, 236, 242, 246, 250, 280

Чу Бенджамин 176, 187, 266
Чу Пегги 203-4, 210, 214
Чу Салли 204, 210, 213-4, 216-7
Чьютон Джордж 345

Шиппен Уильям (старший) 248
Шиппен Уильям (младший) 49, 55, 69, 72-3, 133, 248
Шпешт Иоганн Фридрих 334
Штойбен фон, Фридрих 89
Шуйлер Анжелика 317
Шуйлер Филипп Джон 78, 93, 304, 312-3, 317
Шумейкер, мисс 203, 208, 214
Шумейкер, мисс 203, 208, 214, 221, 231-2, 283
Шумейкер Бекки 143, 187, 189, 196-7, 226, 243
Шумейкер Бенджамин 284, 286-7
Шумейкер Самюэль 15, 173, 189, 197, 242, 251, 272, 274, 277-8, 284-6
Шумейкер Сара 242, 284
Шумейкер Сэмми (см. Шумейкер Самюэль) 139, 141-2
Шумейкер Уолн 287
Шумейкер Уорнер Ребекка 192

Эвинг Джеймс 60, 64
Эдвардс Иезекииль 119, 122
Эдди Томми 214, 218
Эдвардс, майор 220
Эдмонстоун 321, 327-8, 335, 365, 367
Эйр Бенджамин 250
Экланд Генриета 300, 302-303
Экланд Джон Дайк 300
Эллери Конрад К. 150
Эллери Энстис 150
Эллиот Эндрю 345
Эллиот Элизабет 345
Элис Даниэль 77
Эмлен Нэнси 182
Эмлен Самюэль 106, 125, 145
Эрвин, миссис 187, 191, 192-3
Эрвин Роберт 97, 188

Янсен Джост 340

Американская революция в женских дневниках

Короткова С.А., к.и.н., доцент факультета
прикладной политологии НИУ ВШЭ,
переводчик и автор сопроводительных статей

Редактор Телицын В.А., докт. ист. наук

Выпускающий редактор Середенко Е.А.

Верстка и оформление Резникова С.В.

Подписано в печать 22.01.2014

Формат 60 × 90/16 Усл. печ. л. 24,5 Уч.-изд.л. 20,12

Тираж 500 экз. (1-й завод 350) Заказ № 573

Издательство «Принципиум»

141090 Москва, Королев, ул. Пушкинская-13, офис XII

Тел. +7(945)997-95-64

e-mail: principium@list.ru

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия» УД ПРФ

127254, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6

[http: // izv.ru/](http://izv.ru/)

Все содержимое сборника охраняется Законом об авторском праве.

Воспроизведение всей книги или частей запрещено без письменного разрешения издателя.

«Некоторые тори, которые уехали из города, когда здесь появились галеры, вернулись, услышав, что в Филадельфии почти всех отправили в тюрьму. Одного мужчину, который считал, что его невозможно переубедить, вынудили либо дать клятву, либо подписаться в верности Соединенным Штатам....»

(Из дневника М. Моррис. Филадельфия, 13 января 1777 года)

«...Затем появился Джордж Вашингтон и вступил с нами беседу, которая, правда, длилась не столь долго, как нам хотелось, а после того, как накрыли на стол, любезно пригласил нас на ужин.

За столом вокруг Джорджа Вашингтона и его супруги расположились 15 офицеров, генералы Грин и Ли...»

(Из дневника Э. Дринкер, 6 апреля 1776 года)

«...В дом влетели 11 пушечных ядер, и мы отчётливо слышали, как они крутились над нашими головами. Одному из солдат с уже ампутированной ногой другую ногу оторвало одним из этих ядер...

Я была скорее мертва, чем жива, но не столько из-за переживания за свою жизнь, сколько из-за понимания, какая опасность нависла над моим мужем...»

(Из дневников баронессы Ридзель, Саратога 1777 год)